

Господь – Пастырь мой архимандрит Виктор (Мамонтов)

Аннотация

Несколько слов от издателей

Аннотация

«Господь – Пастырь мой» – компиляция трудов архимандрита Виктора (Мамонтова) разного характера: книги, богословские статьи и доклады; статьи, специально подготовленные для различных газет Латвии; воспоминания об отдельных людях, с которыми встречался автор; автобиографические заметки; записи бесед о. Виктора на важнейшие темы церковной жизни. Архимандрит Виктор (Мамонтов) в разные периоды зачастую высказывал диаметрально противоположные суждения. Однако эта книга, по просьбе самого автора, сохранила динамику его взглядов. Сокровенную суть этой книги, возможно передает диалог «Когда Бог отвечает тебе»: Ты говоришь: «Это невозможно!» Бог говорит: «Со Мной возможно все» Ты говоришь: «Я слишком устал!» Бог говорит: «Я успокою тебя» Ты говоришь: «Никто не любит меня» Бог говорит: «Я люблю тебя» Ты говоришь: «Я не могу продвигаться вперед!» Бог говорит: «Довольно для тебя благодати Моей, сила Моя в немощи свершается» Ты говоришь: «Я не понимаю окружающий меня мир» Бог говорит: «Я буду направлять твои шаги» Ты говоришь: «Я не могу это сделать» Бог говорит: «Со Мною ты можешь все» Ты говоришь: «У меня не хватает способностей» Бог говорит: «Я способен обогатить тебя всем необходимым» Ты говоришь: «Это не пойдет мне на пользу» Бог говорит: «Это пойдет тебе на пользу» Ты говоришь: «Я не могу простить себя» Бог говорит: «Я прощаю тебя» Ты говоришь: «Я не могу справиться с этим» Бог говорит: «Я обеспечу тебя всем необходимым» Ты говоришь: «Я боюсь» Бог говорит: «Я не дал тебе духа боязни» Ты говоришь: «Я постоянно чем-то озабочен и разочарован» Бог говорит: «Возложи на Меня все свои заботы» Ты говоришь: «У меня недостаточно веры» Бог говорит: «Я даю каждому его меру»

веры» Ты говоришь: «Я недостаточно умен» Бог говорит: «Я даю тебе мудрость» Ты говоришь: «Я чувствую себя одиноким» Бог говорит: «Я никогда не покину тебя»

Творчество широко известного архимандрита Виктора (Мамонтова) достаточно обширно и разнообразно. Оно включает в себя книги, богословские статьи и доклады; статьи, специально подготовленные для различных газет Латвии; воспоминания об отдельных людях, с которыми встречался автор; записи бесед о. Виктора на важнейшие темы церковной жизни.

Большинство из собранных в этой книге материалов публиковались ранее, но в малотиражных изданиях, в настоящее время практически недоступных читателю. Несколько слов от издателей

Творчество широко известного в Латвии, России и во многих странах мира архимандрита Виктора (Мамонтова), вот уже много лет живущего и служащего в городе Карсава Латвийской Республики, достаточно обширно и разнообразно.

Оно включает в себя книги, богословские статьи и доклады; статьи, специально подготовленные для различных газет Латвии; воспоминания об отдельных людях, с которыми встречался автор; записи бесед о. Виктора на важнейшие темы церковной жизни.

Большинство из представленных в этой книге материалов публиковались ранее, но обычно – в малотиражных изданиях, в настоящее время практически недоступных читателю.

По некоторым вопросам церковной жизни в публикациях разных лет автор высказывал различные, подчас полярные суждения, и в этой книге издатели, следуя просьбе отца Виктора, сохраняют динамику его взглядов.

Духовную и материальную помощь в издании этой книги оказали несколько сот человек, чьи имена мы не приводим по просьбе большинства из них. Пусть Господь, знающий все наши тайные намерения, воздаст всем явно.

Прямая речь (Несколько слов о себе)

Я родился 10 сентября 1938 года в селе Новый Ямполь, Зейского района, Амурской области.

Мои родители – Авраам Никитич Мамонтов, 1899 года рождения, и Вера Дмитриевна Мамонтова, 1902 года рождения.

Отец работал директором школы в Приморье. Был репрессирован и умер в лагере в 1943 году.

Родители венчались в Благовещенске. Родилось девять детей. Сестры Зоя, Валентина, Раиса, брат Владимир живы, остальные умерли. Мама последние годы жизни жила в Южно-Сахалинске, умерла в 1993 году.

После школы с 1955 по 1960 год я учился в Южно-Сахалинском педагогическом институте. По окончании института работал учителем, а позже – директором в деревенской школе Сорокопадского района.

С 1962 по 1965 год учился в аспирантуре МГПИ им. В. И. Ленина. Моими учителями были профессора МГПИ Иван Григорьевич Клабуковский, Алексей Васильевич Терновский, Борис Иванович Пуришев.

В 1965 году защитил диссертацию «Драматургия А. Н. Арбузова» и получил степень кандидата филологических наук, затем ученое звание доцента. Несколько лет работал в должности доцента в этом же институте, преподавал студентам русскую литературу.

Мои студенты педагогического института были мне очень дороги. Недавно от одной из них я получил «Словарь православных терминов» с надписью «Виктору Авраамовичу Мамонтову от Марины Боровиковой. Никогда не забуду Ваши лекции-мысли о жизни, о светлом, духовном. 15.05.05».

Я стал христианином в 1971 году. Меня крестил в Москве у себя на дому священник о. Дмитрий Дудко. Незадолго до его смерти я побывал у него, и он подарил мне свою книгу «Подарок от Бога», сделав надпись: «архимандриту Виктору с любовью. Спасибо Вам за память. Священник Дмитрий Дудко. 27 сентября 2000 года».

В первые годы христианской жизни я встретился со многими людьми, которые оказали на меня большое духовное влияние. Это старцы архимандрит Косма, архимандрит Таврион, архимандрит Серафим, это протоиерей Николай Гурьянов, архимандрит Зинов, игуменья Варвара. У них было духовное сияние...

Для меня очень дороги также Ф. М. Достоевский, А. И. Цветаева, М. Волошин, Н. Бердяев, С. Аверинцев, В. Распутин, В. Соловьёв – мудрые и глубокие мыслители, умеющие открывать смысл человеческой жизни.

Будучи филологом, преподавателем, я решил посвятить себя пастырскому служению, ибо понял, что оно выше, чем служение литературе.

Призвание к монашеству я впервые почувствовал, побывав в 1975 году в Почаевской Лавре. Там я ощутил себя не на земле, а на небе. В конце 70-х годов начал свое иноческое служение в Свято-Успенской Почаевской лавре, где пробыл около двух лет. Я стал послушником, пел на клиросе. Но потом стукачи выгнали из Лавры – не понравилось, что у меня высшее образование и что я хорошо проводил экскурсии в монастыре. По решению местных властей я был лишен прописки в городе Почаеве и вынужден был покинуть Лавру.

Я приехал в село Ракитное к старцу архимандриту Серафиму (Тяпочкину), который направил меня к митрополиту Леониду, сказав: «Он будет вам как отец». По благословению архимандрита Серафима несколько месяцев провел в Свято-Преображенской Пустыньке Рижского Свято-Троице-Сергиевого монастыря.

Митрополит Леонид 13 февраля 1980 года в домовый церкви преподобного Серафима Саровского Рижского женского монастыря постриг меня в монашество, дав имя Виктор, потому что в этот день – память мученика Виктора (251 год). В начале сентября 1980 года митрополит Рижский и Латвийский Леонид (Поляков) рукоположил меня во диакона, а затем в пресвитера. Служил в Рижском Александро-Невском соборе, затем был переведен для служения в город Тукумс.

Владыка благословил меня быть духовником Рижского СвятоТроице-Сергиевого женского монастыря.

Заочно учился в Московской духовной семинарии.

В 1982 году владыка направил меня служить в Свято-Евфросиниевский храм г. Карсава и еще на три прихода: Голышевский, Пудинавский, Квитенский. Он возвел меня в сан иеромонаха, потом игумена и архимандрита.

В молодости я был корреспондентом сахалинской газеты «Молодая гвардия». Ныне – постоянный корреспондент латгальской газеты «Лудзас земе». Для меня сейчас очень любимое и самое важное дело – писание духовных книг: они вдохновляют на христианскую жизнь множество людей. В Москве изданы мои книги «Сердце пустыни», «Таинство детства», «Таинство жизни». Готовится к изданию книга «Господь – Пастырь мой».

Иногда меня спрашивают, счастливый ли я человек? У меня есть чувство и состояние полного, высшего удовольствия.

И монашеский путь для меня – это жизнь не по горизонтали, а по вертикали: полная устремлённость к Богу, никакого рассеяния. Монах ведёт строгий образ жизни, отказывается от жизненных развлечений.

Наибольшую радость в жизни мне приносит общение с хорошими людьми. Более всего ценю в человеке доброту и искренность. И больше всего я скорблю, видя, как человек сам себя разрушает пьянством и курением. А самое большое сожаление и горечь вызывают у меня в человеке злоба и лень.

Недавно А. Лукаш из Харькова в письме ко мне написал: «Вы – вестник любви». Любовь – это чувство глубокой привязанности, сердечной склонности к кому-либо, к чему? нибудь. Нужно любить Бога и ближнего.

Пастырь должен быть добрым. Так сказал о Себе Иисус Христос.

Христианство – это жизнь с Богом. Ведь Церковь – это не религиозное учреждение, а духовная семья, в которой люди живут с Богом и в любви друг с другом.

Люди сейчас очень часто задают вопрос: как жить христианину в современном мире, не порывая с ним, но так,

чтобы в то же время стремиться к Царству Небесному?

Рыба плавает в океане в солёной воде, но соли в ней нет. Так и христианин, живя в этом мире, где часто многим кажется, что разлитие зла переполняет его, не должен его впускать в себя. Тогда Царство Небесное будет в нем.

Когда Бог отвечает тебе

Ты говоришь: «Это невозможно!»
Бог говорит: «Со Мной возможно все»
Ты говоришь: «Я слишком устал!»
Бог говорит: «Я успокою тебя»
Ты говоришь: «Никто не любит меня»
Бог говорит: «Я люблю тебя»
Ты говоришь: «Я не могу продвигаться вперед!»
Бог говорит: «Довольно для тебя благодати Моей, сила Моя в немощи свершается»
Ты говоришь: «Я не понимаю окружающий меня мир»
Бог говорит: «Я буду направлять твои шаги»
Ты говоришь: «Я не могу это сделать»
Бог говорит: «Со Мною ты можешь все»
Ты говоришь: «У меня не хватает способностей»
Бог говорит: «Я способен обогатить тебя всем необходимым»
Ты говоришь: «Это не пойдет мне на пользу»
Бог говорит: «Это пойдет тебе на пользу»
Ты говоришь: «Я не могу простить себя»
Бог говорит: «Я прощаю тебя»
Ты говоришь: «Я не могу справиться с этим»
Бог говорит: «Я обеспечу тебя всем необходимым»
Ты говоришь: «Я боюсь»
Бог говорит: «Я не дал тебе духа боязни»
Ты говоришь: «Я постоянно чем-то озабочен и разочарован»
Бог говорит: «Возложи на Меня все свои заботы»
Ты говоришь: «У меня недостаточно веры»
Бог говорит: «Я даю каждому его меру веры»
Ты говоришь: «Я недостаточно умен»
Бог говорит: «Я даю тебе мудрость»
Ты говоришь: «Я чувствую себя одиноким»
Бог говорит: «Я никогда не покину тебя»

I. Сердце пустыни

Отец пустыни

Старец Таврион начал служить в Спасо-Преображенской пустыньке под Елгавой в Латвии 7 марта 1969 года.

Господь дал ему великую благодатную силу для служения людям. Господь как бы сказал: «Вот, Я испытал его верность Мне и не нашел в нем никакой неправды. Он верен Мне до крови. Вы увидите сами. Возле него многие спасутся».

Верности вере отец Таврион учился у своих духовных наставников по Глинской пустыни, в братство которой он вступил пятнадцатилетним юношей, и от епископов и священников катакомбной Церкви.

Двадцать семь лет провел старец в тюрьмах и ссылке за веру, был сильно притесняем властями, служа на приходах Пермской, Уфимской, Ярославской епархий. Но он не осквернил себя угодничеством властям, ибо всегда исполнял веление Духа.

Скромная Спасо-Преображенская пустынька стала одним из главных духовных центров Русской Православной Церкви. Если в Троице-Сергиевой лавре и в других знаменитых обителях паломников привлекали святыни, то Пустынька, не имея таковых (мироточивые иконы появились в ней совсем недавно), привлекала тем, что она была живой Церковью, где царил дух любви и служения друг другу. Отец Таврион явился истинным воссоздателем общинной жизни, практиком евхаристического возрождения. Он развивал то живое начало церковной традиции, которое в страданиях и муках сохранила катакомбная церковь. Он не надеялся на хорошие времена (таких у христиан не бывает), не прятался в страхе за свою жизнь, а смело и мужественно исповедовал Христа и приобщал к вере, вводил в Церковь всех жаждущих. Он любил говорить народу: «С Богом потерь нет». Его жажда творить нового человека во Христе встретила с жаждой веры и истины у тех, кто сопротивлялся духу лжи и распада.

Лицом к лицу он был поставлен с пустыней нашей жизни, рожденной безверием и отступничеством от истины. Если

тоталитарные власти стремились уничтожить личность, превратить Церковь в институт культа, то о. Таврион видел свою миссию в борьбе за образ человека, за личность, за возрождение христианства. Видя неспособность собратьев ответить на живые запросы современной души, он взял их немощи на себя и трудился за них. Но вместо благодарности за свои труды он получал от некоторых из них осуждение и ярлыки – «католик», «обновленец».

Нужно было всех приходящих из огромной пустыни жизни в его маленькую тихую Пустыньку преобразования душ возродить к истинной жизни.

Как это делал о. Таврион практически, знают многие, потому что в свое время они, приезжая к нему, с жадой учились истинной христианской жизни в этом скромном духовном оазисе Латвии.

Отец Таврион понимал Церковь как живой организм, вселенскую духовную семью, которая дробится на множество семей, пребывающих в разных местах, но имеющих единый Дух. Его пустынная монашеская семья сестер и семья духовных чад, которая приехала с ним из Ярославской епархии, никогда не жила замкнуто, но умножалась, принимая до 150–200 паломников в день. Принимались они о. Таврионом и его помощниками с любовью и радостью. Большинство из них были крещеными, но не воцерковленными, ибо жизнь на уровне прихода не могла ввести их в Церковь¹. И вот здесь, в Пустыньке, совершалось таинственное введение их в Церковь, в общинную жизнь, в ту живоносную традицию церковной жизни, которая, несмотря на внутренние и внешние гонения, еще сохранилась в сердцах лучших членов нашей Церкви.

В Пустыньке многое было не так, как там, дома, в пустыне жизни. Там придешь в храм, переполненный людьми, и тебя никто не спросит, откуда ты, какая у тебя нужда; здесь тебя встречают как родного, знакомого, со вниманием и любовью. Там – как потребитель, стоишь и слушаешь: за тебя читают, за тебя поют, за тебя причащаются; здесь все участвуют в богослужении, все – священники. Батюшка служит не вместо народа, приехавшего к нему, а вместе с народом, постоянно

вовлекает всех в службу и словом и делом. Много раз он выходит, вернее, вылетает, легкий, как пух, из алтаря и обращается с воодушевлением и сиянием к молящимся: «Поем всею Церковью». «Постараемся, все как один петь, – продолжает батюшка. – За тебя приносится Жертва. Тебе нужна помощь Божия. Не будь слушателем, а участником». И опять следует призыв батюшки: «Наступают минуты, когда мы будем петь "Тебе поем..."», старайтесь, братья и сестры, петь как один, как одно сердце, как одни уста, открытою верою, уверенною бодростью. Проявим Господу Богу нашему преданность». И все поют не только «Верую» и «Отче наш», а всю службу от начала до конца.

Удивляли приезжих молитвы, произносимые о. Таврионом во время богослужения, которых они в своих храмах ни разу не слышали из уст священников. «Благодарим Тебя и за это общее служение, которое Ты благоволил принять из рук наших...» В древней Церкви эти молитвы всегда читались вслух предстоятелем от лица народа, но постепенно они превратились в так называемые «тайные молитвы», которые многие священники читают про себя в алтаре. Отец Таврион позволял в богослужении и импровизации: вставлял свои молитвы, имея на это вдохновение и силу.

Видишь, как мешает батюшке массивная алтарная перегородка летнего Спасо-Преображенского храма: открыты и не закрываются во все время богослужения царские врата и диаконские двери. Тут?то и понимаешь суетность всех наград с отверстыми вратами «до» и «после»; как все это мимо того, что действительно нужно для воплощения смысла и духа богослужения. Богослужение – это наше активное молитвенное общение с Богом и ближними. «Так давайте же, – как бы говорит батюшка, – не прятаться ни от Бога, ни друг от друга. Предстанем пред Богом все вместе, открытыми во всем».

Открытости в те времена боялись очень, здесь же рушились видимые и невидимые перегородки жизни, и являлось чудо единения, которого желало сердце и которому оно верило.

Отец Таврион во время богослужения – в постоянном общении с народом, почти всегда стоит к нему лицом.

Евхаристические возгласы «Горе имеем сердца», «Благодарим Господа», вопреки современной практике, произносит, стоя лицом к народу.

Евангелие читает лицом к молящимся вначале на церковнославянском, а затем на русском языке, чтобы разрушить еще одну преграду. Батюшка читает Евангелие так живо и проникновенно, осмысленно, как будто написал его сам. Это потому, что он реально встретился со Христом и живет Им, и все, что он делает, имеет дух свидетельства.

По прочтении Евангелия начинается живое истолкование услышанного отрывка. Батюшка диалогизирует свое слово: задает себе много вопросов от лица народа и отвечает на них. Говорит он с закрытыми глазами, с улыбкой, словно слушая свой внутренний голос. В такой форме слова опять проявлялось его желание сохранять ритм живого общения с молящимися. Слово его не просто о Любви, оно – само свидетельство Любви. Он постоянно говорил о самом главном в жизни христианина: соединении со Христом в таинстве Евхаристии.

«Новый Завет с Чаши начался. Агнец Божий закалается за нас. Видимо, мы так дороги Богу, что нужен этот Агнец Божий, Сын Божий. Видимо, мы великие грешники, что ничем нас нельзя простить, а только жертвой Сына Божия, Который за нас закалается. Нет других средств нас освятить, как Таинственной Чашей – Телом и Кровью Сына Божия. О чем это говорит? Говорит о том, как мы должны ревновать об этом, как мы должны дорожить такими благодатными возможностями и как мы должны строить новую нашу благодатную жизнь. Начнем жить по-новому. Как хорошо! А какая светлая радостная надежда у нас будет! Слава Богу!»

Перед пением «Тебе поем», перед евхаристическим канонем батюшка опять призывает всех к тишине размышления, к особой сосредоточенности, к глубокому осмыслению творимой всеми молитвы «о всех и за вся» и предстоящего причащения Тела и Крови Христа, то есть соединения с Ним и со всеми ближними.

«Вот наступают величайшие минуты Литургии – «о всех и за вся». Нужно, чтобы эта молитва была за весь мир; чтобы этой

молитвой Господь сохранил мир, его бытие, потому что вы сами знаете, в каком положении теперь находится человечество, вообще всё.

Требуется такая сила, которая бы сохранила человечество от жуткого, отчаянного момента.

Кто же сохраняет мир в его равновесии? Чаша Христова.

Если вы действительно этому миру могущественной силы желаете, то только ваше усердное причащение сохраняет мир и его бытие. Господь не допустит уничтожения мира.

Что дает нам Чаша? Святость. Чаша дает нам здоровье, дает нам бессмертие. Чашей мы служим миру. Никто так не послужит миру, никакой изобретатель, никакие труженики, никакие средства так не послужат миру, как мы своим причащением. Почему?

Ты, человек, восстанавливаешься во всей полноте. И эту полноту не для своего удовольствия получаешь. Ты Господу приносишь молитвы: "Твоя от Твоих... о всех и за вся». Поэтому с верой будем приходить к Чаше, имея в виду то, что мы вот в храме Божьем имеем благодать, а сколько в этот самый час несчастных в тюрьмах, в трудных тяжких обстоятельствах, работах. А сколько в домах умалишенных, сколько трудностей у людей! Вы приходите с такими трудностями за себя и за своих близких, а сколько пишут еще.

И вот с этим сознанием нужды, сознанием облегчить все эти страдания, предохранить мир, чтобы он себя не взорвал, мы и стоим здесь в величайшей, глубочайшей уверенности в могущественную Силу Божию.

Вот как мы крепко стоим! Господь Сам приходит в наше сердце. Вот твоя награда, твое предназначение. Будем этой жизнью жить. И апостол Павел призывает нас к ней: Прославляйте Бога и в телах ваших и в душах ваших, которые суть Божии (1Кор 6:20).

Мы должны этой молитвой жить. За тебя умер Христос. Этим живи, этим возрождайся».

Во исполнение этого призыва батюшка служит Евхаристию каждый день. Насущный Хлеб, Которого просим у Господа в

«Отче наш», даруется в таинстве Евхаристии молящимся в храме ежедневно.

Ежедневное причащение в Пустыньке, введенное о. Таврионом, многих соблазняло – и пастырей, и пасомых, соблазняет и по сей день, как противоречащее сложившейся литургической практике. Сами они исходили в своем служении из сложившейся практики причащения – один раз в год на Пасху или, по предписанию филаретовского катехизиса, – четыре раза в год. Но, по словам Киприана Карфагенского, «обычай без истины есть только старое заблуждение».

Отец Таврион понимал природу, смысл и дух таинства Евхаристии, поэтому вернулся к древней практике участия всех христиан в Трапезе Господней за каждым собранием общины. Он так подготавливал молящихся своим таинствово-дественным словом, что они не могли не участвовать в Таинстве Евхаристии, никому не хотелось выпасть из единения со всеми, лишиться той радости, силы и полноты, которые сообщаются каждому в совместной молитве и участии в Трапезе Господней.

Все участники евхаристического собрания подходили к Чаше и, вкусив Тела и Крови Христовой, становились единым телом во Христе.

К этому евхаристическому опыту впервые приобщались тысячи паломников, сознавая свой прежний грех индивидуализма, и можно представить их скорбь, когда они, возвращаясь в свои храмы с порывом продолжить такой опыт евхаристической жизни, не могли его осуществить. Помню, как, будучи таким же вдохновленным в Пустыньке, по возвращении в Москву в своем Никольском храме на Рогожском кладбище получил замечание священника по поводу моего частого причащения. Он искренне считал, что, подобно огненному херувиму, стоит на страже истинного благочестия и, может быть, хотел сказать, что часто причащаться – есть страшный грех.

Такое церковное сознание было разрушительным для Церкви, и нужны были большие усилия и старания, чтобы его начать изменять и утверждаться в духоносной традиции древней Церкви.

Когда заканчивалась Трапеза Господня, все участники ее покидали храм и шли в трапезную для паломников напротив кельи о. Тавриона под соснами, где в простой аскетической обстановке совершалась агапа – трапеза любви. Она была удивительна своим духом служения друг другу в любви. Здесь тоже, как и в храме, служили все, потребителей не было: миски с кашей, чашки с чаем передавались из рук в руки, все убирали и мыли посуду.

После агапы служение продолжалось. Братья и сестры включались в повседневные дела пустынниц. Одни брали ведра и шли за водой, другие оставались в трапезной помогать готовить ужин, третьи шли на сенокос, на огороды, в сосновый лес собирать грибы и ягоды, на скотный двор, кто-то помогал о. Тавриону в его постоянных трудах по благоустройству жилищ для паломников.

День проходил в трудах и молитве, в общении с собратьями, узнавании друг друга. Вечером по звону колоколов все опять собирались служить в храме, слушать духовные беседы батюшки.

Эта прослоенность богослужения краткими и не краткими живыми беседами, порой – замечаниями, являлась воплощением призыва апостола Павла постоянно проповедовать во время и не во время (2Тим 4:2). Богослужения о. Тавриона становились таким образом и службой научения. Отец Таврион понимал, что Церковь вновь должна вступить на путь учительства, от нее ждет живого слова изверившийся народ.

Как нужно ему изучить и познать заповеди Божии! Ибо, по слову мудрецов, «невежда не умеет остерегаться греха; неуч не может быть благочестивым». Батюшка преподносил это слово своим слушателям щедро и радостно, в простой, доступной, легкой форме.

Прожив так день в Пустыньке, все испытывали чувство внутренней полноты, душевного мира и покоя. Ничего суетного, лишнего, ни в делах, ни в словах, все всерьез. Поистине, христианство есть такая жизнь, в которой все всерьез.

В дне батюшка обязательно выкраивал время для беседы с теми, кто особо нуждался в духовной поддержке и советах. Кому отдавались часы, кому – минуты. К сожалению, из-за многолюдства выслушать каждого на исповеди было невозможно, поэтому батюшка прибегал, как и о. Иоанн Кронштадтский, к общей исповеди. Он ее проводил так, чтобы здесь, вот сейчас пробудить душу человека, чтобы он прозрел: не просто увидел грехи свои и назвал, перечислил их, а понял свое духовное, нравственное состояние, понял, что нет у него того, что должно быть.

«Ты сосуд. Ты должен быть наполнен. Чем? Любовью. Вспомни святость, простоту, чистоту детства. Надо это вернуть».

Он ставил в пример блудницу, пришедшую ко Господу:

«Грешница пришла ко Христу, учителю нравственности, и молчанием молилась. И что же Он делает? Порицает ее? Зачем? Она пришла к нему с любовью. Она слезами и целованием ног Иисуса говорит: "Моя природа – любить Тебя. Это все счастье. Смысл жизни. Вот с этой природой я прихожу к Тебе. А все остальное было насилием надо мною, тиранией дьявола».

Если с таким чувством будем подходить к Чаше Господней, это и будет нашим благодатным возрождением. Это надо осознать.

Любишь ли ты Бога? Проверь. Любим ли Бога? Любим, любим и будем любить Тебя, а то, что было с нами – это не наше, это была тирания над нами, надо мной. Она приходила с такой душой.

Надо искать любовь ко Господу, проверять себя, находить прекрасное в нашей душе, то, что мы любили с самого раннего нашего детства. Итак, иди на исповедь и к Чаше только с любовью».

Каждый чувствовал на исповеди, что батюшка видит его насквозь, видит его грехи, но не спрашивает о них, видя и то, как сердце, которое уже любит Господа, плачет и просит прощения у Него.

Спасо-Преображенская пустынька находится в инославном крае, здесь живут католики, лютеране. Отец Таврион относился к ним как сын Вселенской Церкви, с полной открытостью и любовью, как к братьям во Христе. Узы любви связывали его со старейшим католическим епископом, великим исповедником, впоследствии кардиналом, Юлианом Вайводсом. Однажды епископ подарил батюшке икону апостолов Петра и Павла, на обороте которой сделал такую надпись: «Это память братской экуменической встречи папы Павла VI со вселенским православным патриархом Афинагором в Иерусалиме. 5. 01. 1964 года». Незадолго до своей кончины о. Таврион тепло поздравил епископа Юлиана в день его шестидесятилетия в священном сане.

Любовью батюшка разрешил, казалось бы, неразрешимый вопрос духовной жизни католика Антония В., сын которого, латыш, стал православным священником. Антоний ходил на службы в костел, но ему не разрешали причащаться, потому что был не венчан: жена – православная, не хотела венчаться в костеле. Когда он познакомился с отцом Таврионом через свою супругу, которая была духовной дочерью батюшки, то начал регулярно посещать Пустыньку. Отец Таврион принял его с любовью и допустил его на службы, на исповедь. Антоний сам пожелал причащаться в Пустыньке. Отец Таврион давал ему свободу выбора обряда веры, не уклоняясь в прозелитизм. Отец Таврион венчал Валентину и Антония в своей келье. После смерти о. Тавриона новый духовник Пустыньки уже не допускал к Чаше Антония. Это его смутило, и он перестал ездить в Пустыньку. Ныне старец, Валентина и Антоний покоятся в Пустыньке. В Царстве Любви они вместе.

Отец Таврион, как верный христианин, много и славно потрудился, чтобы вывести нашу Церковь из того тяжелого духовного состояния, в которое она вошла. Он учил приходивших к нему из пустыни жизни и простых, и ученых людей жить церковно, то есть в Духе и свободе, творчески. Не должно быть никаких «винтиков», все люди должны быть личностями, ибо всем дан великий дар – образ Божий. Искажать

его – значит отказываться от жизни с Богом, а без Бога – жизни нет.

В начавшемся духовном преображении России о. Таврион участвовал смело, с дерзновением, и многие удивлялись этой смелости, но сами не имели мужества поступать так.

В новых условиях жизни нашей Церкви труды о. Тавриона уже принесли и приносят свои плоды: в некоторых местах России ныне возродилась и возрождается общинная и евхаристическая жизнь, апостольский миссионерский дух.

В Москве несколько лет назад родилось Преображенское братство, светлый, творческий дух которого сродни духу Спасо-Преображенской пустыньки времени служения в ней о. Тавриона, великого исповедника Православной Церкви, духоносного старца, истинного сына Вселенской Церкви, святого нашего уходящего века.

Пустынный житель

Душа благословенна всякая простая Притч 11:25

Три паломницы шли в Рижскую пустыньку. Одна из них уже была в ней и полюбила обитель и ее духовника отца Кирилла. Спутницы вдруг возроптали на нее: «Куда ты нас привезла? Какой тут монастырь? Один лес. Никаких святынь нет – ни мощей, ни чудотворных икон. Благодати тут нет».

Подошли к святым вратам, вошли. Навстречу им в белом холщевом подряснике спешит сияющий отец Кирилл и говорит: «Куда же вы, миленькие мои, приехали? Здесь у нас нет никаких святынь – ни мощей, ни чудотворных икон».

Женщины упали в ноги старцу и просили прощения.

Перед ними стоял человек, живущий глубокой духовной созерцательной жизнью. Внутреннее делание невольно отобразилось на его внешнем облике. Старец излучал внутренний свет, не как какое-то озарение, а свет незримой, чистой, тихой Христовой любви.

Схиархимандрит Косма (Кузьма Иванович Смирнов (1885-1968)), истинный подвижник веры нашего века, был первым старцем Спасо-Преображенской пустыньки в Латвии. Его имя вписано в историю нашей Церкви как пример высокого исповедничества и праведности в длительную эпоху гонений на христиан. Своим ревностным служением Церкви, своей святой жизнью он укреплял дух веры в народе, оберегал его от духовного разрушения, призывал к святости. Люди любили о. Косму за его любовь ко всем и служение всем, потому он и стал старцем не только маленькой обители в Латвии, но и всей страны. Через него Господь нес Свой мир и Свою любовь всем, кто нуждался в них. «Любви и скорби брат», – так гласит надпись на его надгробии в Пустыньке.

Косма был воспитанником Валаамского монастыря, куда поступил двадцати пяти лет с надеждой, что это святое место будет последним его земным пристанищем, где он, ведя аскетическую жизнь, служа Богу и братии, обретет спасение души.

Но Господь вывел его из монастырской ограды в мир, который превратился в духовную пустыню, и который нужно было одухотворять. В наш «пустынный век» все стало миром, некуда удалиться. По слову монахини Марии (Скобцовой), «сейчас для монаха один монастырь – весь мир». Ныне уже невозможно исполнить совет великого подвижника XV века Нила Сорского: «а жили бы чернецы по пустыням, а кормились бы рукоделием».

Исход в мир не есть духовная потеря для монаха, а приобретение, ибо «чем больше мы выходим в мир, чем больше отдаем себя миру, тем менее мы от мира, потому что мирское себя миру не отдает» (мать Мария (Скобцова)).

Чем больше монах живет нуждами людей, тем ближе он становится к Богу, тем больше жаждет уединения с Ним. Оказывается, что очень совместимы глубокая созерцательная жизнь и жизнь среди людей. Ради людей уходили подвижники веры в монастыри, ради людей они выходили в мир, а монастырь, пустыню несли в своем сердце, ибо там они и зарождаются.

Сущность созерцания – не в физическом удалении в пустыню, а в том, чтобы всегда быть в Боге.

Отец Косма, как и многие монашествующие братья и сестры, находящиеся в рассеянии по всей стране, осуществляя свое служение в миру, открывал людям таинство присутствия в них живого Бога.

Господь желал научить Своего избранника, как апостола Петра, ходить по воде, то есть всегда верить Ему и надеяться только на Него.

Господь хотел, чтобы он всегда был с народом, вошел в его горе, чтобы он, подобно воссоздателю старчества преп. Паисию Величковскому, подобно преп. Серафиму Саровскому и оптинским старцам, широко открыл двери своей кельи миру. В годы стремительного расцерковления народа была крайняя необходимость в служении любви.

Призвание к святости о. Косма почувствовал еще в детстве. С годами он укрепился в мысли, что его путь в Церковь лежит через монашество. «У меня не было никакого чувства

привязанности к миру, – писал он, – не было плотских чувств, были видения, что должен стать иноком». Монашеское облачение очень нравилось ему, и он просил себе у Господа балахончик. Кто-то из домашних говорил ему: «Ты такой некрасивый, поэтому в монастырь хочешь». Он отвечал: «В этой жизни я некрасивый, а в той – красивый». Отроку Косме было видение, что он очень красивый, он удивился и спросил: «Неужели это я?»

Родился Косма 22 октября 1885 года в деревне Дуплино Мышкинского уезда Ярославской губернии. По своему воспитанию он был человек «некнижный и простой».

С малых лет он вместе с родителями, Иоанном и Синклитикией, братьями и сестрами крестьянствовал. Умел делать все: и грабли мастерить, и лапти плести. Когда умирали в их семье младенцы, Косма делал им гробики и крестики. Он не любил, чтобы ему прислуживали, но всегда сам хотел помогать всем. «Я услужу, – говорил он, – спрячусь и радуюсь, и молюсь». На нем исполнились слова Господа: Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить (Мф 20:28).

Четыре зимы ходил Косма в церковно-приходскую школу в селе Шипилове, находившуюся рядом с очень красивым пятипрестольным храмом Иоанна Предтечи, в котором пели и читали на службах школьные учителя и дети священников. В храме имелся престол святых бессребреников Космы и Дамиана. В зимнее время, в метель, церковный сторож звонил в колокол каждый час, подавая знак заблудившимся путникам.

В Шипилово на Преображение Господне приезжали монахи из Югского Богородицкого монастыря, что в Рыбинском уезде, с Югской чудотворной иконой Богоматери. Икону встречали потом во многих деревнях уезда. Из Углича в июле месяце ходили с иконами Покрова и преподобного Паисия.

Было принято в этих краях, когда люди управятся с яровой, идти куда-нибудь на богомолье: в Рыбинский Софийский монастырь, в Югский, и в другие святые места, которых на Ярославщине, как и повсюду в России, было много.

Мать, Синклитикия, тоже ездила с Космой в монастыри, и однажды старец одной обители пророчествовал о ее сыне: «Какая ты счастливая! Сын твой родился не только для вашего спасения, но для спасения очень многих людей».

В одном из видений в детстве о. Косма услышал голос: «Родился не от рода сего». «А я думаю, – вспоминал о. Косма, – как же так – не от рода сего? Значит, я плохой? И слышу голос: "Нет, ты Божий"».

Пророчествовала о будущем служении о. Космы и блаженная старица Ксения (Красавина Ксения Степановна), жившая неподалеку от деревни Дуплино. Ее открытые голубые глаза ничего не видели, но сердце было зрячим. Поэтому возле ее дома в селе Ларионовка всегда было много людей, желавших получить ее духовный совет. Ее все знали и любили за доброту и мудрость.

Родилась она в Мышкинском уезде. Около тридцати лет прожила в землянке, как затворница, питаясь сухариками, а когда их не было, теребила мох и ела его.

Жаждавшие ее помощи приезжали за ней из разных мест и увозили к себе пожить, чтобы многие люди имели возможность получить духовную поддержку блаженной старицы. Гонители веры ненавидели ее, преследовали, сажали в застенки, где она претерпела издевательства и поношения. Однажды тюремные начальники, глумясь над ее святостью, подали ей жареную ворону: «Вот, мы курочку тебе приготовили». Старица ответила им: «Ворона летала, летала и Ксении на тарелочку попала. Кушайте сами».

Умерла блаженная старица Ксения 14 августа 1940 года, не дожив двух лет до столетнего возраста.

Веря в молитву праведницы, многие люди приходили во время войны на ее могилку получить помощь свыше. И приходят по сей день...

Вместе с братом Николаем Косма уехал в Петербург, где устроился в булочную на Апраксином дворе. Торговля была без выходных дней, поэтому удавалось прибегать только на вечернюю службу в Казанский собор. Однажды в булочную пришел странник и попросил у Космы хлеба, а, получив его,

сказал юноше: «Когда приедешь на Валаам, я тебя чайком угощу». Таинственный странник исчез, дав Косме знак Божественного призыва к иной жизни.

Вскоре Косма был уже в знаменитой древней северной обители, разместившейся на сорока двух островах, где, несмотря на сильное обмирщение монашеской жизни, многие насельники сохраняли древний дух иночества.

«После смерти родителей по наклонности к духовной жизни я поступил в 1910 г. на служение Богу в Валаамскую обитель», – писал о себе старец Косма.

Как только он вступил на валаамскую землю, к нему подбежал знакомый странник, очень худой, босой и радостно воскликнул: «А, Кузьма приехал! Я давно тебя ждал. Ты будешь помощником архиерея, будешь носить митру». И скрылся.

С большим смирением совершал Косма свой подвижнический, послушнический путь: он учился токарному делу по дереву и металлу, трудился в позолотной мастерской, в гостинице, потом стал келейником игумена монастыря старца Маврикия (Баранова) (1839–1918).

Отец Маврикий, кроткий и смиренный старец, ходил в простой, уже поношенной рясе, так что встречавшиеся с ним паломники не всегда признавали в нем игумена. Его игуменские покои состояли из трех маленьких низких сводчатых комнаток, очень скромно обставленных. «Освободившись от приемов и канцелярской переписки, – писал об о. Маврикии митрополит Антоний – он принимался за общебратские послушания: чистку картофеля, укладку дров, сенокос и т. п., ездил он всегда в третьем классе, даже тогда, когда ему вручали билет второго класса. В бане он мылся вместе с простыми послушниками, и когда один новоначальный, не узнав в лицо обнаженного настоятеля, окрикнул его: "Чего ты, старик, забрал две шайки?" – он ласково сказал: "Ну, бери, Бог с тобой..." Он отменил все преимущества своего положения – довольствовался братской пищей, одеждой и пр.

Он жил своим внутренним миром, но не был чужд участия и любви к ближним, что выражалось не только в его радушном и ласковом обращении со всеми, но еще более в его чрезвычайно

продолжительных молитвах в церкви и келье, во время которых он перечитывал бесконечные поминания с именами братии обители и всех знаемых им. От молитвенного стояния ноги его ниже колен были совершенно темные, почти черные, они и свели его в могилу.

Надпись на надгробной плите игумена Маврикия гласит: "Он управлял обителью десять лет и всем являл собой пример смирения, простоты, неустанного молитвенного подвига, многих трудов и сердечной отзывчивости".

Косма был послан в самое суетное место монастыря – гостиницу. На праздники в обитель приезжало много народу – «что каша крутая» – около четырех тысяч. Принимающие паломников монахи-гостинники, несравненные терпеливцы, выслушивали тысячи разнообразных просьб, жалоб, расспросов и всем служили с любовью. Они были здесь пастырями всего этого алчущего и жаждущего стада.

Служение паломникам было особенно по душе Косме, ибо соответствовало его натуре. Любовь к этому служению он пронес через всю свою жизнь, оно было прообразом его выхода в мир и его старческого служения в нем.

На Валааме закладывалась основа духовной жизни Космы, здесь он, порученный старцу, самому игумену монастыря Маврикию, приобщился к живому опыту валаамских подвижников.

Господь вывел Косму из монастыря в мир, в пекло начавшейся первой мировой войны. Он был мобилизован 2 апреля 1915 года. В списке лиц, выбывших из монастыря при мобилизации 1914–1915 годов, хранящемся в Петрозаводском архиве в фонде Валаамского монастыря, под номером тридцать восьмым записан послушник-богомолец Кузьма Смирнов.

Послушник Косма, как и большинство призванных из монастыря, покинул любимый Валаам навсегда. Возвратившись из армии в 1918 году и приехав в Петроград, он не мог вернуться на Валаам из-за полного разобщения обители с Россией.

Косма поступил на Валаамское подворье, что на Калашниковской пристани у храма Бориса и Глеба, где

проживал до призвания его на келейное послушание к епископу Илариону (Бельскому).

15 марта 1924 года епископ Каргопольский Иларион лично постриг Косму в монашеский чин в подворьевской часовне с наречением имени Кирилл в честь преподобного Кирилла Челмогорского (память его 8/21 декабря) и взял его с собой в Олонецкую епархию.

Вскоре, 10 ноября 1924 года, монах Кирилл был удостоен принять сан иеродиакона от епископа Илариона в Никольском храме г. Каргополя.

Гонимого епископа Илариона переместили в Смоленск, где 9 мая 1925 года он посвятил иеродиакона Кирилла в сан иеромонаха с исполнением обязанностей келейника и эконома.

Иеромонах Кирилл проживал с епископом до ареста владыки и ссылки его в 1926 году.

Отец Кирилл со скорбью разлучился с любимым владыкой; он не мог разделить с ним тяготы ссылки, хотя очень желал этого. На Соловках «маленький Иларион» (так прозвали там епископа Илариона – в отличие от архиепископа Илариона (Троицкого)), также бывшего в этом лагере, был «запретником», то есть приговоренным на весь срок на тяжелые физические работы. В сентябре 1931 года его перевели на Беломорстрой, по окончании срока с 1935 года он жил в Чебоксарах, где в конце 1937 года был вновь арестован и расстрелян.

По разлучении с владыкой о. Кирилл в условиях жестокого гонения на Церковь и массового вероотступничества продолжает свое служение как пастырь.

Не имея постоянного места служения, он живет как странствующий благовестник, гонимый с одного места на другое. Он служит в разных местах Смоленской и Тверской епархий – то в монастырях, то на приходах: в женском монастыре с. Комары, в Ордынском Богородском монастыре, в г. Велиже, в с. Высочерт.

В эти годы меньшинство хранило мученическую верность канонической Церкви, не соблазняясь, подобно «живоцерковникам», чечевичной похлебкой лживых благ. Церковный народ не принял «живоцерковников».

За непризнание обновленческой деятельности епископа Александра Великолуцкого о. Кирилл был арестован и гоним по тюрьмам Велижа и Смоленска. Он твердо стоял в Истине, не поступаясь самым драгоценным, что дал Господь всем нам, – внутренней свободой.

После освобождения о. Кирилл был переведен в село Высочерт Тверской епархии, где служил до дня своего второго ареста – 2 февраля 1931 года. Без суда он был выслан ОГПУ по 58-й статье УК на девять лет в лагерь Беломорканала. С великодушием Иова он принял все утраты и не возроптал на Бога, был спокоен, всецело предав себя Его благой воле. Совершенно неизвестны подробности его пребывания в тюрьмах и лагерях, ибо он в годы гонения на Церковь не имел возможности говорить об этом открыто, а те, кто испил с ним чашу страданий, почти все уже умерли.

Вскоре после освобождения начались новые испытания не только для о. Кирилла, но и для всего народа – война с фашистами.

Когда он из ссылки возвращался домой, около Тосно немцы разбили поезд, и он пошел к брату в Саблино пешком, скрываясь в лесах, живя в бункерах.

Во время войны о. Кирилл тайно помогал партизанам, ходил к пленным по лагерям, бедным детям посылал хлеб. За это гестаповцы били его плетками и преследовали. Он скрывался в лесах, молился в подвалах. Немцы заставляли его пилить дрова и давали ему трехсотграммовую пайку хлеба с опилками. Однажды он увидел женщину с двумя детьми, очень истощенных и голодных, идущих мимо его окна. Он побежал за ними и отдал им свою пайку.

За связь с партизанами немцы приговорили о. Кирилла к расстрелу. Два конвоира увезли его в лес, поставили к березам.

«Я перекрестился, закрыл глаза, сложил руки на груди. Слышу три выстрела. Это моя смерть. Глаза не открываю. После выстрелов не падаю. Почему? Потом они подходят и ищут дырки от пуль на моей телогрейке. Нет ни одной. Тогда говорят по-русски:

– Ты нас не подведешь?

Я вздрогнул и открыл глаза.

– В чем?

– Мы тебя убивать не будем, если ты будешь скрываться от нашей комендатуры. Не показывайся, пока она не переедет. Если покажешься, нас расстреляют.

Я им дал слово, что не буду показываться. Они завели машину и уехали.

Добирался ночами до Саблино. Брату и многим людям было уже известно, что меня расстреляли. Я ночью пришел к брату и постучал. Брат открыл по голосу. Не верил, что перед ним я. Открыл, мы обнялись и заплакали».

Близкие о. Кирилла держали в тайне место его пребывания. Покуда немцы не ушли, он не показывался. И только после их отступления открылся. Вместе с диаконом Михаилом он совершал требы в Любани, в селах, ходя туда с посохом пешком пятнадцать километров.

Отец Кирилл не мог открыто ходить в рясе, надевал штатское, но из-под длинного пальто у него виднелась маленькая ряска. Наперсный крест носил всегда.

По приглашению верующих станции Саблино о. Кирилл служил в кладбищенском Никольском храме, но всего только восемь месяцев, ибо был отстранен от служения благочинным о. Иоанном Амосовым, самосвятом, начавшим травлю батюшки. Бывший милиционер, агент органов безопасности, он объявил себя священником, а сам носил рюкзак, сшитый из старинных парчовых риз. Он постоянно писал в Управление миссии в Псков и немецким властям, а также в другие учреждения клеветнические письма на о. Кирилла, называя его самозванцем, лжепастырем, продавшимся большевикам. Эти письма сохранились в личном деле о. Кирилла и стали венцом блаженства на его главу исповедника и бескровного мученика.

В Православной миссии, созданной во время войны в Пскове для управления церковной жизнью по благословению митрополита Сергия (Воскресенского), дело о. Кирилла было рассмотрено положительно, и в 1943 году он был назначен обслуживать несколько приходов – Любанский, Пельгоровский, Ильинский, Хоченский, Суствие-Поляны.

В том же году в ходе эвакуации всего населения немецкими властями о. Кирилл вместе со своей общиной, со всей церковной утварью был увезен в Латвию, в г. Бауск.

Здесь, в Латвии, до конца своей жизни о. Кирилл служит только в Церкви.

20 сентября 1943 года Рижским епископом Иоанном (Гарклавсом) он был назначен в Спасо-Преображенскую пустынь Валгундской волости Митавского уезда.

Но постоянного служения о. Кирилла в Пустыньке пока не получилось: из-за нехватки священников его часто отзывали служить в разные места Латвии. Он временно, до приезда о. Сергия Виноградова, служит в женском монастыре г. Илуксте, Двинского уезда, а осенью 1949 года помогает ослепшему настоятелю Троицкого храма в с. Голышево в Латгалии; затем совмещает служение в Дубултском Свято-Владимирском и в Кемерском Петропавловском храмах.

На Пасху 30 марта 1953 года по благословению архиепископа Филарета о. Кирилл был возведен в сан игумена и осенью этого же года – 23 октября – его назначили на постоянное служение в Спасо-Преображенскую пустынь. С этого времени началось ее возрождение, духовное и материальное, превращение ее в духовный центр для жителей не только Латвии, но и всей страны. Все это совершилось благодаря духоносному служению в ней старца Кирилла, великого молитвенника и доброго пастыря.

Пустынька была мало кому известна за пределами Латвии. В нее, бедную, разоренную войной, приезжали редкие паломники, в основном из Латвии. Но прошло немного времени, и народ потянулся в нее со всех концов страны – от Владивостока до Санкт-Петербурга.

Существует предание, что на месте Пустыньки жил когда-то старик-лесник, латыш. Трижды ему было видение православного креста. «Что-то здесь должно быть, – говорил он собратьям, – наверное, русская церковь».

Сестры Мансуровы, Екатерина Борисовна (1861–1926) и Наталья Борисовна (1868–1935), подвижницы, исполненные миссионерского духа, основали в Риге в 1892 году женскую

общину, переименованную в 1902 году в Свято-Троицкий женский монастырь – оплот Православия в Прибалтийской окраине. Они попросили землю для нужд монастыря, и в июле 1894 года монастырь получил высочайший дар от Государя: 173 десятины земли с лесными угодьями недалеко от Митавы², близ реки Аа.

В августе 1894 года сестры Мансуровы приехали из Риги осмотреть участок и выбрать место для храма и для воскобелильни. В дневнике 20 августа они сделали запись: «Выбрали место селения Славы Божией и прикрепили к дереву образок явления Божией Матери преподобному Сергию». Так появилось место молитвенного уединения для сестер Рижской обители, напоминавшее своей тишиной и соснами знаменитую Саровскую пустынь.

Первые пустынножительницы появились летом 1895 года. Они построили в лесу маленькую келью, водрузив у дерева с образком деревянный крест (крест сохранился и находится в часовне у храма преп. Иоанна Лествичника), и стали собираться сюда на молитву. Слух о бесстрашных подвижницах, живущих в лесу, быстро пронесся среди местных жителей-хуторян, и они стали приходить молиться вместе с инокинями.

Беление воска продолжалось с мая по сентябрь, а осенью сестры возвращались в Рижскую обитель.

Для непрерывного пустынножительства нужен был храм; в нем нуждались и православные рабочие, приезжавшие из России трудиться на кирпичных заводах, расположенных на большом протяжении по реке Аа вблизи Митавы. Летом их число достигало шести тысяч, а зимой рабочих оставалось от шестисот до восьмисот человек. И вот эти бедняки посоветовали сестрам обратиться к хозяевам заводов с просьбой пожертвовать кирпичи для постройки храма.

6 августа 1897 года состоялась закладка в Пустыньке первого храма во имя Преображения Господня, а 20 июня 1899 года он был уже освящен. День освящения Преображенского храма является датой основания Пустыньки.

С этого времени и начала созидаться в лесной тиши монашеская жизнь пустынниц. Постепенно число сестер

увеличивалось: в 1911 году их было более тридцати, к 1915 году – сорок четыре.

Слишком большой разницы в духе и строе жизни в Пустыньке и в Рижском монастыре не было, но все же пустынный устав был строже, а молитвенное уединение, близость к природе накладывали на пустынных сестер отпечаток необыкновенной простоты, духовного умиротворения и радушия ко всем.

Постепенно Пустынька благоустраивалась. В 1908 году был освящен второй храм – в честь преподобных Иоанна Лествичника и

Сергия Радонежского, рубленый из соснового дерева, без всякой облицовки снаружи и внутри. В нем все было просто: деревянные церковные сосуды, холщевые ризы, деревянные подсвечники. Здесь сохранялся первохристианский дух, когда верующие заботились не столько о благолепии и красоте храмов рукотворных, сколько о созидании живого храма души.

По соседству с храмом приютилась небольшая деревянная часовенка в честь преподобного Иоанна Лествичника, построенная в 1899 году на месте того дерева, на котором первыми пустынножительницами, начинавшими здесь свое святое дело, был водружен крест с иконой. Постепенно в Пустыньке были построены домики для сестер, странноприимный дом, устроена церковно-приходская школа, разбит небольшой плодовый сад с пчельником.

Дивная в своей духовной простоте и величии Спасо-Преображенская пустынь стала помощницей Рижской обители в ее духовно-просветительном служении в иноверном крае, соединяя в одну духовную семью рассеянных чад Православной Церкви, помогая иноверцам познать Православие. Такое значение Пустыньки проявилось постепенно.

Основательницы монастыря игуменья Сергия (в миру Екатерина) и монахиня Иоанна (в миру Наталия) были наставницами, старицами для сестер, беседовали с ними, исповедовали их, были доступны сестрам в любое время. Духовно опекали сестер старцы из разных обителей, но своего,

постоянно живущего в обители старца еще не было. Наместник Троице-Сергиевой Лавры архимандрит Павел (Глебов; f1904), настоятель Псково-Печерского монастыря архимандрит Мефодий (f1906) постоянно поддерживали духовную связь с пустынными сестрами. Инокини считали архимандрита Мефодия духовником своей обители. Один раз в год он приезжал на длительное время в Пустыньку; сестры-основательницы ездили к нему, окормлялись духовно через переписку. В письмах к сестрам он называл себя духовником обители. Сестры-основательницы отмечают в дневнике, что у обители появился духовный отец, многоопытный старец.

После смерти о. Мефодия личным духовным руководителем основательниц монастыря и Пустыньки стал схииеромонах Алексей, старец Зосимовой пустыни при Троице-Сергиевой лавре. Он был одним из духовников Марфо-Мариинской обители.

В декабре 1909 года игуменья Сергия и монахиня Иоанна ездили в Зосимову пустынь для получения благословения на передачу старчества другим монахиням, ибо сами они из-за физической перегрузки не могли окормлять сестер. Старец Алексей благословил, и вскоре к нему приехали выбранные сестры-старицы для благословения и назидания.

Постриги в обители совершали либо владыки, либо архимандрит Иннокентий и архимандрит Вячеслав из Рижского Алексеевского мужского монастыря. В Пустыньке и в Рижском монастыре был штатный священник при храме.

В первую мировую войну жизнь Пустыньки замерла, сестры эвакуировались в Ригу, а затем в Россию, в Новгородскую губернию, взяв с собой ценные сосуды и иконы, а престолы храмов при пении «Святый Боже» сожгли, пепел захоронили у Преображенского храма. Основательницы монастыря не возвратились в Латвию. В 1985 году прах монахини Сергии, принявшей схиму и скончавшейся в г. Пушкине под Москвой, перенесли по благословению митрополита Леонида в Пустыньку.

Примерно с 1922 года жизнь в Пустыньке стала постепенно возобновляться. Возвращаются из России сестры во главе с

игуменией Евгенией (Постовской), которая была до эвакуации игуменией Илукстского монастыря. До 1947 года она управляла Рижским монастырем и Пустынькой.

При сменившей ее в 1948 году игумении Тавифе (Дмитрук) в Пустыньке уже проживало более тридцати сестер; в основном это были старенькие монахини из закрытых монастырей: новгородских, московских, санкт-петербургских и других. Тогда всех монашествующих, находящихся в рассеянии, подбирали, чтобы они могли окончить свою жизнь в обители. Всех, кто попросился, кого была возможность принять, приютили.

Начав свое служение духовника в Пустыньке, отец Кирилл возрождает прежний ее дух, дух простоты и бедности, уединения и созерцания, который был присущ валаамским скитам, но в меньшей мере самому Валаамскому монастырю, где уже в пору пребывания в нем послушника Космы было много пышности и слишком много всяких удобств, которые вызывали справедливые сетования у некоторых монахов.

Формально задачей о. Кирилла как духовника было отправление монастырских служб, исповедование сестер и их духовное окормление. Но на самом деле новые условия существования Церкви требовали от него самых непредвиденных форм служения миру. Государственные власти хотели превратить Церковь в заповедник для старушек, где бы они жили своей богослужебной жизнью и не оказывали бы никакого влияния на жизнь мира. Но Церковь в лице ее истинных служителей всячески разрушала эти перегородки, неся в мир любовь и внутреннюю свободу.

В эти годы наиболее полно проявилось призвание о. Кирилла как старца. На него была возложена большая ответственность – помогать всякому человеку, жаждущему личного духовного возрождения, стать личностью пред живым и личным Богом. Святые врата Пустыньки и сердце старца Кирилла были открыты всем, кто искал путь к Богу.

Старец в Церкви не есть иерархическое лицо, он вне иерархии, у него с ней свободное общение. Сам Бог избирает и призывает на служение старца, Он же Сам ниспосылает ему дары Святого Духа. Народ Духом Святым узнает, открывает

этого Божьего избранника и, когда откроет его, радуется, потому что через него в мир приходит Божественная Любовь – как Жизнь, к которой можно реально приобщиться хотя бы на время, которую можно созерцать как духовную красоту. Та малая, человеческая любовь, которой живет мир, требует восполнения Божественной Любовью. Старец живет ею, она в его сердце, открытом каждому человеку. Он с большим дерзновением свидетельствует миру об этой Любви, свидетельствует своей жизнью. Любовь не любит слов, не учит, не морализирует, предпочитает свидетельство. Поэтому многие старцы были свидетелями, но не учителями.

Ради народа, а не в награду за аскетические подвиги, которые у каждого старца имеются, дается Господом харизма старчества. «Как птица не может летать без крыльев, – говорил мудрый Акива, – так и народ не может жить без своих мудрецов».

Самым главным в своем служении старца о. Кирилл считал борьбу за человека, за то, чтобы каждый человек стал личностью.

Личный Бог должен встретиться с лицом, а не с личиной, не с маской, не с пустым местом. «Как встретить Бога лицом к лицу, если лица нет или вместо него – личина? Как стоять перед Богом, если отсутствует "самостоянье"?» – говорил праведник С. С. Аверинцев. Тем самым о. Кирилл вступил в самое решительное противостояние, в самую смелую борьбу с господствующим в стране направлением уничтожения личности, превращения человека – в механизм, свободного – в раба. Его келья, Пустынька стали местом, где люди освобождались от рабства, от страха. В страну несвободы они возвращались свободными, окрыленными, преображенными. Он хотел, чтобы все приходящие к нему люди общались с Богом лично, не отдавая этот драгоценный дар – возможность личного общения – кому-то другому. Он стремился привести человека к Богу, чтобы Бог стал ему настолько близким, что он мог бы сказать Ему, как псалмопевец Давид: Боже! Ты Бог мой (Пс 62:1). Когда старец встречал попытки нарушить это святое правило жизни – личного общения человека с Богом и с ближними, с самим

собой, – он вразумлял человека. Он пресекал магическое отношение к себе, к таинствам, которые он совершал, порой делая это с доброй шуткой. Однажды крестьяне пригласили его отслужить молебен на поле, а потом хотели «покатать по ржи», чтобы она была высокой. Батюшка мудро уклонился: «Я маленький, у вас хлеб будет низкий. Вы ко мне лучше в Пустыньку покатайтесь, и ваша рожь будет хорошая».

Он хотел, чтобы человек не надеялся всегда только на чужую молитву, не оставался на всю жизнь духовным младенцем, не умеющим общаться с Богом, но сам обрел живое общение с Ним, имел пред Ним «самостоянье». Он не требовал от человека, приходящего к нему, подвигов, потому что тот их не может совершить, а желал только присутствия в нем благого произволения, доверия Богу.

Сам он всегда надеялся только на Бога и всегда хотел слышать Его, никогда не препятствовал действию Духа Святого в себе, в ближнем, в событиях жизни. Он покорялся Ему полностью: «Душе Святой, Сам во мне живи, Сам говори, Сам действуй». Он надеялся не на свой опыт, хотя он у него был богатый, не на начитанность (батюшка был некнижный человек), а на Того, Кто всегда дает истинный совет, истинное вразумление.

Когда спрашивали у валаамских старцев совета, то не тотчас же получали ответ. Старец долго молчал, потом скромно отвечал: «Остановимся на таком решении», и тут же прибавлял: «Приемлемо или неприемлемо такое решение?» Человек чувствовал, что ему предлагается не арифметическая формула, безразличная к лицам, не совет от себя, а нечто другое, касающееся глубин сердца и совести.

«Подавая совет, – писал свт. Василий Великий, – не произноси решительного приговора, потому что не знаешь таин Божьих». Поэтому совет, полученный от Бога через батюшку, очень ценили, помнили всю жизнь. Он не был прописной истиной на все случаи жизни, которые мы иногда слышим из уст некоторых пастырей. Не видя того, кто перед ним стоит, порой рассерженный поведением своего чада священник дает епитимью: «Сто поклонов!» А перед ним разбитый болезнью

пожилой человек, который разогнуться не может, и он, естественно, не понимает этого совета, не принимает его, ибо это не совет любви, а палка для битья. Самое главное для о. Кирилла было пробудить совесть человека, оживить сердце. Одна из его духовных дочерей вспоминает: «Он брал мои руки и говорил: "Евдокия, руки мой!" А я думаю: "Я их всегда мою». А это значило, что они у меня "длинные" были. Я работала в общепите поваром и брала чужое. Все брали и брали, а я что – хуже? Одна банку повидла украдет, другая – колбасу. И не думали, что воруем. Когда поняла это, поняла и то, что руки мои водой не отмоешь – нужно покаяние».

Красота образа Божия совсем не утрачивается человеком, но может быть повреждена. Видя это повреждение в тех, кто приходил к нему, старец с глубоким сочувствием и состраданием старался помочь восстановить красоту разрушенного образа.

Если в миру воспитатели и родители говорят своим подопечным: «Я сделаю из тебя человека», то старец видел свою задачу в том, чтобы помочь человеку вырасти в меру его личного призвания. Он руководил духовными чадами без указов, без поучительства, без командования. Ломать человека, делать его подобным себе – духовное преступление, попрание духовной свободы, дарованной каждому человеку. Старец приводил человека не к себе, а к Богу, не «делал» его, а возвращал, нежно и чутко, оберегая его душу от всяких соблазнов и внимательно следя за тем, как действует Дух Святой в человеке.

Будучи монахом очень строгой жизни, молитвенником и постником, живя в тишине Пустыни, отец Кирилл не был пустынножителем-анакоретом, который покинул мир, чтобы вести тихую, спокойную, созерцательную жизнь, спасая свою душу. У него не было желания скрыться в Боге и никому не показываться, потому что он был призван служить миру. Пустынька и батюшка были тесно связаны с миром, потому что мир, пораженный безверием, превратившийся в духовную пустыню, нуждался в их служении. Мир не только обступил Пустыньку, но и проник в нее в образе тех беженцев войны,

которых приютили сестры, в образе тех многочисленных паломников, которые жаждали научиться жить с Богом.

Пустынницы по просьбе властей ездили работать в колхоз, поднимали его. «У нас некому работать, – говорили приглашавшие, – молодежь учится, на поле одна – две старухи ковыряются». Сестры трудились в колхозе с восьми часов утра до пяти вечера. Отец Кирилл со старшей сестрой монахиней Евгенией провожал их, благословляя отъезжающую машину, и встречал их.

Работа монахинь всем нравилась. «Когда вы начинаете первыми сажать в парниках, – говорил председатель колхоза, – у нас все хорошо растет и чисто. Когда мы начинаем сажать первыми, у нас бывает много травы и всего нехорошего». Он очень любил и уважал сестер, всегда звал их потрудиться.

Колхозники заботились о монахинях: привозили на работу и увозили домой, приносили на поле еду, давали свою молотилку, чтобы обмолотить монастырское зерно, вспахивали монастырские поля, делали для монастыря все, что монахиням было не под силу. Сложилась удивительная взаимопомощь и общение. Колхозники стали приходить на монастырские службы. «Жили как одна семья, – вспоминают сестры, – мирно жили. Они нам помогали, а мы – им. Никаких упреков не было, что я, мол, колхозник, а ты – монахиня». Работа в колхозе была для сестер не благотворительной службой, а служением любви, поэтому она принесла плод открытости и взаимной любви.

Когда власти хотели закрыть Пустыньку, колхозники встали на защиту монастыря: «Монахини хорошо нам помогают. Не трогайте их». Гонители отступили.

Ради служения ближним, созидания Церкви о. Кирилл нередко покидал свою маленькую Пустыньку и бесстрашно удалялся в огромную пустыню жизни, где в городах и селах, в тайных монастырях и скитах его ждали монахи, находящиеся в рассеянии, и гонимые христиане. В обстановке преследования за веру он миссионерствовал тайно, прикровенно: для бдительных властей это были поездки по сборам на бедную Пустыньку, разоренную войной.

Отец Кирилл никому ничего не навязывал, люди сами просили его прийти к ним, приехать, и он с радостью отправлялся в ближние и дальние путешествия, а если сам не мог добраться до очень отдаленных мест, то посылал туда своих помощников. Так, некий юноша, Александр из Ташкента, был отправлен им с пакетом в УстьКут к трем старцам, живущим в доме с зеленой крышей... Эти старцы повезли его в какой-то тайный монастырь на севере.

Самым главным в этих поездках была христианизация людей, их воцерковление, рождение живых общин. Отец Кирилл миссионерствовал в разной среде: беседовал с отдельными людьми в семьях, которые очень хорошо знал в Елгаве, Риге, Белополье, Москве, Санкт-Петербурге, Пензе, в общинах. В период гонений существовало немало христианских общин, не имеющих ни пастыря, ни храма. Одних несвобода сломила, другие жили не как запуганные христиане-одиночки, а духовной семьей, постоянно собираясь по домам на богослужения мирянским чином. Такая община была в Тверской области, в селе Жарки; в нее входило человек тридцать. Много раз община обращалась к местным властям с просьбой зарегистрировать ее и дать ей пастыря, но безрезультатно. Жарковцы, имея жажду евхаристического общения и духовного руководства, начиная с 1958 года приезжали за помощью в Ригу к старцусвященнику Иоанну Журавскому (1867–1964), но когда тот физически ослаб, не мог служить и принимать людей, он передал своих чад о. Кириллу, будучи одного духа с ним. «Вас надо дальше вести, – сказал он им, – а меня скоро не будет». Жарковцы стали ездить в Пустыньку, иногда всей общиной, или поодиночке, начали помогать ей: посылали муку, воск – «Боженькин хлеб», как называл его о. Кирилл. Эта община испытанных христиан жива, имеет построенный своими руками храм и пастыря.

Благодаря такому служению старца приходы на местах оживали, увеличивались, в них появлялась закваска общинной жизни.

Налаживалась духовная связь с Пустынькой, с ее старцем. Ее поддерживали письма, которые батюшка писал всем, кто был близок ему сердцем. Многие из общавшихся со старцем

стали познавать Церковь и церковность и вместе с тем яснее увидели, что не есть Церковь и церковность.

Тех, кто боялся крестить детей в храме, старец жалел. У него был помощник, который разузнавал о таких. Отец Кирилл говорил ему: «Скажите им, что есть батюшка, который сам придет, окрестит без денег». И ездил после вечерней службы по домам, тщательно скрывая это от монахинь. Однажды летом, возвращаясь после крестин, о. Кирилл почувствовал себя так плохо, что не мог выйти из машины. Послушнику Ивану Андреевичу пришлось его незаметно лесом пронести на руках в келью.

Люди просили батюшку освящать дома, квартиры. Приглашали и партийные, которые потом привязывались к нему и тайно приходили в Пустыньку на исповедь или побеседовать. В одной семье начали все болеть. Призвали батюшку. Его молитвы помогли.

В общении с верующими или неверующими, сомневающимися в вере людьми о. Кирилл никогда не давил, не принуждал, но движим был только любовью, что в миссионерстве является самым главным. Общение его с людьми было в свободе, в Духе, очень живым.

Он никого не тянул ко Христу, но только свидетельствовал о Нем своей жизнью. О. Кирилл не был искусен в проповедях, редко произносил их: сиянию благодати в нем не нужны были слова. «Он очень многое умел объяснить человеку без слов, – пишет о. Георгий Блазма, – так, как мало кто умеет объяснить словами... Его отличало от других духовных лиц то, что он никогда не учил. Это было удивительно при его жизненном опыте, при его монашеской жизни».

Проповедовало в нем все: и душа, и тело, и дух. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного (Мф 5:16). В его глазах, маленьких, светло-серых, выцветших, все видели сияние вечной жизни, доброту. «Никогда я не видел этого взгляда равнодушным, безразличным, – вспоминает о. Георгий. – На каждого человека о. Кирилл смотрел очень внимательно, с

чувством глубокого уважения и интереса. Это был взгляд снизу вверх не только в буквальном, но и в переносном смысле».

Быстрота, легкость, подвижность о. Кирилла показывали его постоянную готовность служить ближнему. Больные же ноги, застуженные в лагерях и утружденные многолетним стоянием на молитве, напоминали о его подвигах страдания и молитвы. От о. Кирилла исходил покой. «Меня поразила его тихость. Это все, что я могу вспомнить», – написал о. Сергей Богустов, видевший батюшку в двенадцатилетнем возрасте. «Когда он благословил меня, – вспоминает М. А. Кузнецова, – я почувствовала, как от него исходит покой и тепло, и так всегда было, когда он благословлял».

«Я сослужил ему на праздник Крещения Господня, – пишет о. Серафим Шенрок, – ходили на колодец освящать воду великим освящением. Я почувствовал тогда: старец близок к Богу. Как тихо на душе, когда с ним молишься». «Когда о. Кирилл приходил в храм, слезы прошибали», – вспоминает пустынница монахиня Афанасия.

«Перед вечерним богослужением я вошел в алтарь Михайловского собора, земно поклонился и приложился к престолу, – вспоминает архимандрит Иоанн (Крестьянкин). – И не сразу я обратил внимание на гостя – смиренного старца, стоящего по правую сторону Горнего места у окна. Мы встретились взорами, и в тот миг я почувствовал то, что безмолвно говорило о внутреннем состоянии молящегося в алтаре гостя.

Живое чувство смирения и глубокой любви, внутреннего, согревающего душу света передалось мне на расстоянии. Я пошел к нему навстречу и по мере того, как расстояние между нами уменьшалось, сила этого чувства увеличивалась. Братски приветствовали мы друг друга, и я познакомился с настоятелем Рижской пустыньки о. Кириллом.

Краткая наша беседа только подтвердила то, что так ощутимо передалось мне на расстоянии в первый миг нашей встречи. Старец излучал внутренний свет, свет неизмеримой чистоты Христовой любви.

Тих, кроток, мирен и смирен, как послушник, он был истинным воспитанником Валаамского монастыря и носителем многих даров, полученных им в той святой обители.

Не имея долгих духовных отношений с о. Кириллом, в один миг и при первом взгляде я увидел в нем истинного, родного духом брата наших насельников-старцев Валаамского монастыря. Это было то же сияние, которому не нужны слова, – сияние благодати».

Все чувствовали, что ему можно довериться, открыться, что он может понять каждого человека, выслушать его с настоящим уважением и истинным состраданием, порой даже не давая советов, а открывая своим вниманием собеседнику великую тайну его ценности, его внутренней свободы. «О. Кирилл относился к моему сану с гораздо большим уважением, чем я сам», – говорил о. Георгий Блазма.

Такое бережное выслушивание собеседника всегда возвышало человека, он познавал свое достоинство, свою ответственность и видел путь исцеления от всех своих недугов, душевных и телесных. Став аввой, о. Кирилл сохранил в себе чувство послушника, оно всегда проявлялось у него как благоговейное и самозабвенное служение ближним. Он встречал человека и сразу же начинал ему служить.

«Одной из главных черт о. Кирилла, – вспоминает о. Георгий Блазма, – была его постоянная и исключительно активная нацеленность на добро. Он непрерывно искал и находил возможность чем?нибудь помочь людям, сделать им что?нибудь приятное. Отсюда и эта постоянная внимательность во взгляде: что человеку требуется? Что для него можно сделать?»

Однажды он был огорчен: в пустыньку нагрянули цыгане, проникли в келью к батюшке. Сестры с возмущением прогнали их, и когда сообщили об этом батюшке, он спокойно спросил их: «А вы их накормили, молочком напоили?»

Выходя из храма, он всем нищим, стоявшим на паперти, всегда подавал милостыню, каждого из них благословлял, внимательно смотря в лицо, и с каждым говорил.

Придя из храма, он сразу же насыпал зерно в птичьи кормушки и ставил еду кошке, потом все внимание уделял гостям. Он всегда ликовал, встречая человека. Он никогда не отпускал никого от себя, не накормив, да еще «подорожничков» – так он называл пирожки – попросит келейницу мать Амвросию настряпать. Всегда проверит, кто где ночует, и если увидит, что кому-то чего-то не хватило, найдет и принесет одеяло или подушку. Если кто заболит из сестер или паломников, непременно навестит и что-нибудь принесет. На пастбище он приносил сестрам-пастушкам какоенибудь «утешение» (угощение), на поле – грабли.

Поздно вечером батюшка надевал передник, клал в него хлеб, сахар, чай, фрукты и шел по кельям подкреплять сестер, много работавших, но имевших скудную монастырскую трапезу: пять мелких картофелин, огурец, хлеб. Постучит палочкой в окно или дверь и даст что-нибудь сестре из передничка: «Это тебе, подкрепишься».

Мать Феофания после операции лежала в Елгавской больнице и чувствовала себя очень плохо, не могла ничего есть. Приходит к ней о. Кирилл и приносит всякую еду: «Фамилии не знаю, а все же тебя нашел». Она сказала, что ничего не может есть. «Бери все и ешь», – сказал батюшка, благословил и ушел. Мать Феофания стала есть, постепенно все съела и поправилась. Выписывая ее из больницы, доктора просили ее проверяться у них, но она и забыла об этом.

У юноши-латыша Ивара, жившего вблизи пустыньки, умерла мать. Он ходил полуголодный, полураздетый. О. Кирилл благословил сестер ухаживать за ним, а его пригласил трудиться в пустыньке.

Старец взял на свое попечение семью Чуйковых – Елену и ее сыновей-близнецов Сергея и Михаила, которые впоследствии стали священниками.

За эту простоту и заботу о всех сестры очень любили о. Кирилла, поэтому одна монахиня сказала ему: «Давай мы тебя будем называть не отцом, а матерью».

Отца Кирилла всегда видели трудящимся. Дождь идет, а он все равно что-нибудь делает. Он помогал сестрам по хозяйству:

копал огороды, кому косу наточит, кому починит грабли, кому исправит крыльцо. Когда начиналась сушка сена, он всегда старался всем сделать грабли, починить сломанные, делал все хорошо и крепко, сам шел с сестрами на сенокос, сгребал и сушил сено. Не забывал птиц: делал им скворечники. У него была столярная мастерская, где он любил работать. Самым лучшим подарком для него был какой-нибудь столярный инструмент. В сарае стоял чисто выструганный сосновый гроб и сосновый крест, сделанные им для самого себя. Он завещал похоронить себя в этом гробу. Это завещание было исполнено.

В храме преподобного Иоанна Лествичника и в часовне стояли сделанные им подсвечники, простые, с квадратными верхушками.

В разоренной войной Пустыньке не на что было поставить свечку. Когда Пустынька разбогатела, эти подсвечники убрали, поставили дорогие. Монахини говорили: «В просто убранном храме Бога лучше видишь, не заставлен Он от тебя никаким "сокровищем"».

Отец Кирилл сам сделал стульчики и скамеечки для слабеньких матушек и паломников. Имея каллиграфический дар, батюшка краснописец полууставом писал много молитв и акафистов и рассылал их, писал монастырские помянники, которые только недавно из-за ветхости переписали сестры.

Детям, приезжавшим вместе с родителями в Пустыньку, он всегда старался привить навык трудолюбия, служения. По благословению батюшки их учили прислуживать в храме: ставить свечи и вовремя убирать огарки на подсвечниках, выносить свечу, читать шестопсалмие. Когда отрок Сергей Чуйков читал шестопсалмие, стоя на маленькой скамеечке, о. Кирилл находился рядом и поправлял его. Дети всегда участвовали в крестных ходах. Они ездили с монахиней на почту на лошадке, охраняли огороды от диких кабанов, ходили на поля убирать урожай, пасли коров и овец, собирали грибы и ягоды для обители. Иногда родители с детьми уезжали на Рижское взморье купаться, но дети часто торопились вернуться в обитель, говоря, что «на взморье много народу, шумно, а в Пустыньке – тишина, и там батюшка Кирилл».

Пустынька жила своим хозяйством: овощи выращивали сами, пекли свой хлеб, было свое молоко. Жили без пышности, скудно, тихо, молитвенно, мирно. Даже маленькую баночку меда, пожертвованную сестрам, которую, казалось, невозможно было поделить поровну, поделили, растворив ее по благословению батюшки в воде.

Батюшка ничем не нарушал этот дух скромной пустынной жизни, наоборот привносил в него своим подвигом нестяжания и постничества еще больший дух аскезы. Он жил в маленьком доме у соснового леса, в скромной маленькой келье (большую он отдал больному, пострадавшему в лагерях о. Сергию Виноградову, жившему в пустыньке на покое). В келье – святой угол с устроенным самим батюшкой маленьким иконостасом, перед которым теплились семь лампад, на стенах множество икон разных размеров, в основном бумажных. Около иконостаса стоял аналой, сделанный из фанерного почтового ящика.

У окна стояли небольшой самодельный стол, на котором лежали книги, записи батюшки, и стул. Слева – маленькая печка, почти незаметная, топчанчик из двух сбитых досок, суконное черное одеяло, а под ним – ничего. Над ложем висела большая фотография с видом Валаамского монастыря, рядом фотографии старцев: Силуана Афонского, валаамских старцев, живших на покое в Псково-Печерском монастыре, с которыми он поддерживал постоянное общение лично и через своих посланников, а также начертанные на бумаге добродетели: «смирение, терпение и послушание», которые старец считал для себя самыми главными в духовной жизни.

Келью о. Кирилла называли часовенкой всех святых, сам батюшка называл ее вторым алтарем. «У меня здесь второй алтарь, – говорил он приходящим. – Я хочу, чтобы на вас посмотрели мои святые».

Здесь свет всегда горел до двух часов ночи. Малый сон, как на Валааме. «А в четыре утра, – говорил батюшка, – мне всегда в рамочку стучат. Я проснусь и другой раз говорю: "Кто там?" – Никого нет».

Он читал Псалтирь стоя, держась за аналой и переминаясь больными ногами.

Послушник из мира Иван Андреевич Калиниченко однажды ночевал в келье у старца и решил не спать, покуда старец не окончит свое правило; он боролся со сном до трех часов и заснул, а рано утром старец будит его и ласково говорит: «Иван Андреевич, пойдем на службу».

Когда были какие-нибудь неприятности, вражьи нападения, о. Кирилл уходил в затвор: закрывался в келье, никого не принимал и не выходил, пока все не утихнет. Иногда монахини с большой тревогой смотрели в окно: жив ли он, потому что его долго не было.

В этой келье за полуночной молитвой ему было явление Божией Матери. Она вышла из Почаевской иконы Божией Матери, пред которой предстоял старец. Потом эта икона была у о. Тавриона (Батозского).

Отец Кирилл ничего при себе не имел: все его сокровище было в нем, он все, что получал, тут же раздавал, поэтому его невозможно было обокрасть. Воры, не раз влезавшие в его келью, всегда уходили недовольные.

Когда стирали его белье, видели заплату на заплате. Добрый пример нестяжательности и любви ко всем о. Кирилл нашел на Валааме в лице игумена Маврикия, настоятеля монастыря, у которого он был келейником.

Такими же были подвижники, столпы валаамские, во время пребывания о. Кирилла в обители – прозорливый иеросхимонах Исаия, слепец-схимонах Онуфрий из Всехсвятского скита, тоже прозорливый старец, воплощенная кротость, и другие, всегда жизнерадостные, умалившиеся по-евангельски, как дети, от одного слова которых и вида их невольно мог прослезиться самый черствый человек.

Отец Кирилл был постник, питался скудно. На столе – изобилие, но для других. Батюшка любил угощать, а сам делал вид, что ест. В среду и пятницу он до трех часов воздерживался от пищи. Белого хлеба не ел. Если упадет крошка на стол во время трапезы, то возьмет ее, поцелует и съест.

Отец Кирилл принял от валаамских старцев священный дух простоты, кротости и смирения. В письме своим духовным детям он называл себя «пустынным жителем», который живет

вместе со своими сестрами-пчелками в любимой пустыньке, где они «трудятся, молятся да с грехами борются».

Келейница митрополита Вениамина (Федченкова), управлявшего Рижской епархией с 1948 по 1951 год, рассказывала, как однажды о. Кирилл приехал к владыке в Ригу из Пустыньки и не застал его. Она предложила ему подождать, дала читать какую-то книгу, а сама пошла готовить обед, потом покормила вернувшегося владыку, сама пообедала, помыла посуду и пошла в свою комнату немного отдохнуть – и тут задела тихо сидевшего батюшку. «Батюшка, прости ради Бога, тебя позабыла». – «Ничего, ничего, мне тут хорошо с четочками, книжечку почитал». За все довольно долгое время ожидания он ни разу не вышел и не спросил, пришел ли владыка, только терпеливо ждал.

Ходили слухи, что кто-то из старших сестер-пустынниц поднимал руку на старца, но он никогда об этом никому не говорил, не жаловался. Мать Евгения, старшая сестра, уставщица, очень суровая, часто ставившая ему разные преграды, однажды дерзко сказала: «Ты как наемник здесь, а я старица». «Я священник», – смиренно ответил о. Кирилл и ради мира безропотно удалился к митрополиту Вениамину, где некоторое время служил с ним, как в скиту, в маленьком храме при архиерейской даче в Дубултах.

Его никто никогда не видел в состоянии гнева, раздражения. «Если смиришься, – говорил он одной монахине, – то обиды не будет».

Незадолго до смерти о. Кирилла игумена Тавифа хотела отправить его на покой в Печерский монастырь, а на его место взять одного рижского священника. «Он монах, пусть живет в монастыре», – сказала она. Отец Кирилл скорбел, но никому не пожаловался, а все поведал Божией Матери: «Матерь Божия, куда же мне такому старому и больному идти?» На Успение Господь взял к Себе священника, а о. Кирилла оставил в Пустыньке.

Епископ Иоанн сильно притеснял старца, но о. Кирилл все нападки терпел. Православные латыши, каким-то образом

узнав это, сказали владыке: «Если вы старца еще обидите, мы пойдем за него, как на войну».

Имеющий опыт мученика и исповедника, о. Кирилл был наставником в науке мужества.

В 20-е годы о. Кирилл обличил владыку-самосвята. Тот пригрозил, что посадит его. Так и получилось. В тюрьме о. Кирилла принуждали отречься от Бога и обещали за это свободу.

Будучи глубоко верующим, он понимал, что его жизнь не зависит ни от тирана, ни от патриарха, ни от кого из людей, а только от Бога. Бог – Любовь. Он никогда не хочет никому плохого, поэтому всем искушениям в жизни старец стремился доблестно противостоять, без смущения и озлобления. Своим гонителям и притеснителям он всегда мог сказать: «Я вас не боюсь, я вас люблю». Слова апостола: Благословляйте гонителей ваших; благословляйте, а не проклинаяте (Рим 12:14) – были его жизнью.

Иноконе Валерии он говорил: «За правду Божию борись до крови».

Умудренный опытом мужества и терпения во времена гонений на Церковь в 20–30-е годы, о. Кирилл пережил и новую волну гонений на христиан, начавшуюся в 1960 году. В Латвии, как и в России, стали закрывать храмы. Великолепный рижский Христорождественский собор, в подвале которого когда-то жил владыка-мученик Иоанн (Поммер), без сопротивления со стороны правящего архиерея был закрыт 21 января 1961 года и превращен в планетарий.

Власти за этот «подвиг» повысили епископа в сане и перевели в Нижний Новгород. Рижскую епархию начали обслуживать приезжие епископы, среди которых был и нынешний патриарх Алексей II. Только через три с половиной года на Рижскую кафедру был назначен постоянный архиерей. Епископ Никон (Фомичев), приехавший в Ригу в 1962 году, добился восстановления Рижской епархии.

Под угрозой закрытия оказался и Рижский монастырь. Молодых и трудоспособных монахинь предполагали устроить на работу, а стареньких – отправить в Пустыньку. Игуменья Тавифа

ради спасения Рижского монастыря решила закрыть Пустыньку. О. Кирилл решительно отверг этот человеческий план. В защиту правды Божией он проявлял всегда твердость, кроткую независимость. Он и сестры, его духовная семья, горячо молились. Пустынька и Рижский монастырь были сохранены.

Удивительно кроткий, смиренный, о. Кирилл, всегда живя по совести, не отступал от правды, не человекоугодничал. Так, однажды он не допустил кощунства над исповедью со стороны любимого им рижского священника.

«Я с семьей одно время жил в очень большой нужде, – рассказывает о. Серафим Шенрок. – И как-то в состоянии отчаяния решил: поеду к о. архимандриту на исповедь, но внутренне думал о другом: он даст мне "на дорожку", что меня в настоящий момент может серьезно поддержать. Приезжаю, меня все знали, пропустили к келье о. архимандрита. Стучу. – «Кто там?» Я говорю: "Отец Серафим к Вам, о. архимандрит". – «Я не принимаю». Я был удивлен. Он так был со мной мил, так любезен, как будто я один у него избранник. Он знает, откуда я приехал, не сосед же я его. Не принял. Я поехал обратно с чувством невероятного душевного волнения, даже подумал: "Вот тебе и старец". Только уж дома, придя в себя, порадовался происшедшему: старец прозорлив, он не допустил меня совершить грех кощунства над исповедью».

Однажды в Пустыньку приехали представители власти. О. Кирилл в запачканной одежде что-то мастерил. С раздражением они спросили его: «Где здесь у вас о. Кирилл? Нам надо с ним поговорить». Батюшка ответил: «Сейчас он придет» и пошел переодеться, а гостей позвал попить парного молока. После беседы с о. Кириллом гости успокоились и, удивленные его миролюбием, покинули обитель.

У о. Кирилла не было страха перед инославными, потому что он был глубоко православным, сыном Вселенской Церкви. Отсюда – его свободная открытость человеку другого опыта христианской жизни.

В Пустыньку постоянно приезжала медсестра из Риги Клавдия Штессингер, православная, муж которой, Иван

Юрьевич, был лютеранин. На этой почве у них был разлад. Познакомившись с о. Кириллом, Иван Юрьевич полюбил старца, православную службу. О. Кирилл не раз долго беседовал с ним, но без всякого давления. Ивану Юрьевичу открылась тайна неразделенной Церкви, и он пожелал принять Православие. В ночь после присоединения он видел сон: очень высокая стена – не перелезть. Кто-то говорит ему: «А все-таки ты ее перелезешь». И он перелез.

Схимонахиня Ксения из Москвы рассказывала, что когда о. Кирилл молился за убиенных в первую мировую войну воинов, похороненных в Пустыньке, то однажды усомнился: «Может быть, Тебе неудобно, Господи, что я за них молюсь?» «Я встал на колени, – вспоминал батюшка, – вдруг открылось небо, и на каждой могилке немецких и русских воинов я увидел венец."Они у Меня мученики, – сказал Господь, – не по своей воле погибли». И я удвоил и утроил молитву о них».

Отец Кирилл обладал не одним даром старчества, он имел и другие дары Духа: исцеления, прозорливости, совета. Все они помогали батюшке как можно лучше и больше послужить ближнему.

...Монахиня Людмила из Пюхтиц была очень больна, ее волоком притаскивали в храм. С двумя провожатыми она приехала в пустыньку к о. Кириллу. Он в момент их появления разговаривал с питерской женщиной, уезжавшей домой, благословил ее, и она пошла на поезд и уже была далеко. «Мать Людмила! Она сумочку забыла. Отнеси ей», – громко, со властью сказал о. Кирилл. Людмила схватила сумочку и понесла женщине. «Да разве ты ее так догонишь? Беги», – приказывает батюшка. Мать Людмила как побежит, и догнала женщину. Возвращается, а батюшка улыбается.

..."У меня после операции разболелась правая нога, – рассказывала монахиня Соломония, – я не могла ходить, разгребать снег в Пустыньке. Кое-как приду в храм, а то и нет. Вечером эконома о. Кирилла м. Амвросия приносит от него деньги и записочку: "Соломония, сходи в магазин и купи сахар и консервы». А я думаю: "Что же мне такое батюшка написал, мне же не пройти». Сказать матушке, что не пойду, не смела. До

святых ворот дошла потихоньку, хотя мне трудно было даже разогнуться. Когда я шагнула за святые ворота, у меня боли в ноге не стало, я не ощутила ее, и я сходила в магазин. Никто об этом не узнал, знала только моя душа, что это произошло по молитвам о. Кирилла».

...«Однажды после службы о. Кирилл дал мне несколько просфор, – вспоминает его сотаинник, долголетний послушник из мира И. А. Калиниченко. – В конце недели он присылает письмо: "Иван Андреевич, Вы небрежно храните просфоры». Я сразу кинулся на кухню, где лежали просфоры. Там было сыро, и просфоры стали плесневеть».

«Когда в семействе нашем случится скандал, батюшка всегда придет на несколько минут», – вспоминает тот же послушник.

...Однажды, находясь в Троице-Сергиевой Лавре, о. Кирилл навел схимонахинь Александру и Маргариту, часто приезжавших в Пустыньку, у которых остановилась мать иеромонаха Виссариона, хорошо знакомого батюшке. Мать, в постриге монахиня Валерия, скорбела, что живет возле Лавры без прописки, просила помолиться о. Кирилла. Батюшка сказал ей: «Тебя скоро пропишет преподобный Сергей». Через три месяца она, болевшая астмой, скончалась у кого-то в доме рядом с обителью.

...Отец Кирилл не благословлял пустынных мать и дочь Варвару и Веронику Васипенко, приехавших в Пустыньку из Иерусалима, из Горненской обители, возвращаться туда. «Вас там убьют», – открыто сказал им старец. Они не послушались и уехали в 1965 году. Батюшка скорбел. Через много лет его предсказания сбылись. Об этой трагедии, случившейся в Горненской обители, узнал весь мир³.

...Монахине Евгении о. Кирилл незадолго до ее кончины сказал: «Вместе домой пойдем». Она умерла 19, а он – 28 июня.

...«Когда мы подъехали к домику настоятеля, – вспоминает протоиерей Борис Старк, – нам сказали, что батюшка отдыхает и его нельзя тревожить, но в эту минуту дверь отворилась, и появился сам батюшка с открытыми объятиями: "Ну, наконец, о.

Борис приехал. А я давно Вас жду». Я был поражен этими словами, так как батюшка не был предупрежден о нашем приезде, и вообще я думал, что он не знал о нашем существовании. Потом была беседа, как со старым знакомым, поразившая меня своей простотой и, в то же время, прозорливостью. Казалось, что он знает все обстоятельства моей жизни. Уже потом, после его смерти, я сообразил, что он мне многое сказал о моем будущем. Я припомнил все его слова, сказанные как будто случайно».

...«Как?то я с матушкой игуменией Магдалиной (Крысько) приехала в пустыньку и в этот же день потеряла зарплату (сто сорок рублей). Я ничем не выдала себя, посмотрела больных. О. Кирилл был простужен, я ему поставила банки, назначила лечение, уложила в постель, попрощалась и ушла. Когда мы сели в машину, и я еще не успела включить мотор, вдруг увидела, что келейница о. Кирилла мать Амвросия бежит к машине и передает мне конверт с деньгами: "Батюшка передает Вам деньги, чтобы Вы не скорбели». Я была поражена и не знала, что делать, пыталась вернуть конверт, но матушка игумения меня убедила, что я должна взять его, так как о. Кирилл прозорлив, и рассказала, что у нее был подобный случай. Она потеряла деньги, завернутые в белый платочек, а батюшка, не зная о пропаже, передал ей деньги также в белом платочке, именно столько, сколько она потеряла» – рассказывала Н. А. Масько.

...«В Пустыньке я жила у монахини Феодоры: она сломала бедро, и я за ней ухаживала, возила на тележке в храм, – рассказывает С. Н. Шелгунова. – У нее рубашки не было, у меня – тоже. Думаю: пойду куплю ситчика и сошью. К вечеру о. Кирилл приносит матери Амвросии коленкор. А она меня и просит сшить рубашки. Мои мысли – уже у о. Кирилла».

...Посадил батюшка обедать с собой Афанасия, с которым служил вместе в Ордынском монастыре. Налили суп. Афанасий подумал: «Хорош суп с рыбкой, когда б сметанкой побелить, был бы еще вкусней». Батюшка уходит и приносит литровую банку сметаны и говорит: «Ну, мы и побелим». Афанасий не мог

сидеть за столом от стыда: «Батюшка, прости меня, что я так подумал».

...Женщина из Риги везла много вещей для пустынных сестер. Ехала последним автобусом, перепутала остановку, нужно было идти километра четыре. Она сильно боялась. Вдруг услышала скрип саней. Монахиня на санях поворачивает лошадь и спрашивает: «Вы едете к о. Кириллу?» – «Да». – «Садитесь. Он послал за Вами, уже Вас ждет».

Дар прозорливости о. Кирилл по своему глубокому смирению умел тщательно скрывать, чтобы обереечь души верных от древней болезни чудомании.

Был день, когда о. Кирилл сделал грабли и, отдавая их сестре, сказал: «Береги, последние грабельки сделал».

Пришло время оставить земную жизнь, которая была у батюшки страдальческой: болезни, скитания, поношения, что является для особо избранных Богом душ свидетельством дарования им вечного блаженства.

Он страдал до последнего своего вздоха.

Всегда больной, о. Кирилл незадолго до смерти заболел мучительно. По настоянию родственников его положили в Елгавскую больницу по поводу приступа стенокардии, а затем в домашних условиях у него произошло ущемление грыжи.

Владыка Леонид (Поляков) – хирург по профессии – вместе с помогавшим ему врачом из Риги сделал в Пустыньке, в игуменской, о. Кириллу операцию. Старец был очень терпелив, отказался от уколов и лекарств. Шов не зашили, а заклеили ввиду безнадёжного состояния больного. Он напоминал умирающему о голгофской ране Спасителя, о Его страданиях, которые старец всегда глубоко переживал и к которым приобщился страданиями всей своей жизни и этих последних минут.

Находившийся в Пустыньке народ сострадал батюшке и молился за него: кто – в храмах Преображенском и преп. Иоанна Лествичника, где были священниками открыты царские врата, кто – во дворе пустыньки.

Вскоре после операции владыка Леонид вместе с московским священником о. Николаем, служившим в эти дни в

Пустыньке, соборовал старца, разрешив его от уз и трудов земных.

26 июня архиепископ Леонид совершил постриг о. Кирилла в схиму, назвав его мирским именем Косма. Батюшку причащали каждый день.

Наступила любимая им пятница. В храме начали служить Евхаристию, на которой помянули болящего, на одре лежащего схиархимандрита Косму, что было необычно для всех привыкших к прежнему имени старца. Перед причащением весь алтарь осиял свет, его увидели священники, близко стоящие к алтарю, поющие монахини.

Отец Николай открыл царские врата и сказал всем: «Пойду причащать о. Косму». Но тут же возвратился в алтарь, поставил Чашу на престол и попросил алтарницу мать Нектарию сходить узнать, как там батюшка. Она приходит и говорит, что батюшка уже скончался.

Свет возвестил его кончину. Небо причастило его.

На погребении старца, совершенном в понедельник, тот же свет сиял от его гроба и креста, которые бережно несли к могиле любящие его чада. Сохранившаяся фотография дивно показывает это.

Отпевание воспринималось как великий праздник, солнце играло, как на Пасху.

«Когда гроб с прахом праведника был поднят, – вспоминает о. Александр Куликов, – то многие ощутили, что подняли нечто духовно великое... трудно выразить словами».

В своем слове перед погребением архиепископ Леонид призвал верующих подражать любви, кротости и послушанию старца, которые он стяжал с юношеских лет, полнее воспринимать его духовное наследие: «Его многие не понимали, так как больше стремились стяжать внешний почет, а он, отягощенный годами и болезнями, совершал Божественные Литургии, молился "о всех и за вся"».

Патриарх Алексий I в телеграмме писал: «Мир и покой душе в Бозе почившего схиархимандрита Космы в обителях Отца Небесного, о чем вместо скорби да будут наши усердные

молитвы вместе с насельницами Преображенской пустыни, где много лет служил и подвизался почивший старец».

А далекие от церковной жизни рабочие говорили собравшимся: «Этот батюшка у вас святой».

На отпевание батюшки приехало много таксистов. После погребения они с каким-то воодушевлением развозили собравшихся по домам. Когда люди хотели расплатиться за проезд, они наотрез отказывались, говоря: «Сегодня мы работаем бесплатно, батюшка давно уже все заплатил». От Елгавского таксопарка был венок на могилу старца.

Так «они засвидетельствовали перед Церковью о твоей любви», отче (3Ин 1:6).

...Праведник непременно будет жив (Иез 18:9).

Любовь о. Космы продолжает изливаться и будет изливаться на всех, ибо она жива. Он продолжает свое служение ближнему. Вскоре после кончины о. Космы его сотаинник, послушник И. А. Калиниченко из Елгавы, попал в автокатастрофу и лежал в реанимационном отделении. Ему становилось все хуже и хуже. «Вдруг ночью входит в палату о. Косма, – рассказывает Иван Андреевич, – в черной рясе, с крестом и четками.

– Батюшка, Вы же умерли? Как же так?

Он дает мне знак молчать. Идет ко мне. Касается рукой ноги, которая была на вытяжке. Какого места коснется, там боли прекращаются совсем. Приятно. Коснулся левой ноги и отошел от меня. Я хотел с большой радостью вступить в разговор, но он опять дал мне знак молчать и даже сказал: "Молчи!" Наклонил голову и пошел обратно к двери. Я в большой радости. Думаю, как же так, он умер, а пришел живым?

Мои боли совсем прекратились. На утреннем обходе врач был удивлен: "У Вас все обойдется без ножа, – сказал он мне. – А вначале я хотел делать Вам операцию".

Это один из множества имеющихся примеров продолжающегося служения старца всем нам.

Как-то я спросил митрополита Леонида, понимавшего и ценившего о. Косму, вошел ли, по его мнению, о. Косма в меру

святых отцов? Владыка тихо и твердо сказал: «Батюшка – святой, святой, святой!»

Сердце пустыни

Смотрите, какую любовь дал нам Отец 1Ин 3:1

Иди сюда, мое чадо, и я отведу тебя к Богу Преп. Симеон Новый Богослов. Гимн 18:137

В Никольском храме села Ракитного, переполненном молящимися, после чтения Евангелия в тишине, подобной безмолвию пустыни, старенький согбенный священник говорил проповедь. Вид его был неземной, он излучал любовь и свет, глубокий внутренний покой. Он говорил о любви Христа, ставшей его любовью, его жизнью.

«Божественный Учитель – Господь Иисус Христос – пришел на землю как воплощенная любовь.

Эта любовь сияла в Его очах, отражалась на Его божественном лице, она исходила при всяком Его дыхании.

И как бесконечно были счастливы те люди, которые были современниками земной жизни Христа, которые окружали Его и непосредственно из Его пречистых уст слышали слово Его, которое было согрето бесконечной любовью. Они несли к Нему свои скорби, болезни, печали. Они становились перед Ним на колени, обнимали Его пречистые ноги, целовали края одежды. Путь, по которому проходил Христос, дом, в котором Он останавливался, всегда наполнялись тысячами жаждущих слышать Его слово. Его окружали кающиеся грешники, у ног Его плакали грешницы, Его радушно принимали мытари, к Нему обращались за помощью даже язычники. К Нему шли все труждающиеся и обремененные (Мф 11:28).

Так было во все дни земной жизни Христа».

Так было во все дни земной жизни и верного ученика Его, архимандрита Серафима, сказавшего это простое и праведное слово. Он и Христос были друг на друга похожи.

Старец архимандрит Серафим (Димитрий Александрович Тяпочкин (1894–1982)) жил и служил в стране, верующий народ которой подвергался в течение семидесяти лет неслыханным гонениям. Он – из поколения мучеников и исповедников

российских XX века, тех, кто решительно противостоял гонителям, твердо зная, что с Богом всегда побеждают.

Живя в стране несвободы, он был самым свободным человеком, ибо познав и полюбив Истину, неизменно служил Ей. Ничто не могло его лишить Ее: со Христом человек везде и всегда свободен.

Он был источником живой воды в духовной пустыне мира, сердцем ее.

Народ видел в нем человека Любви, и он действительно был способен дать Ее людям. Люди радовались и благодарили Бога за то, что Он послал им Своего святого, тихо и кротко являвшего миру Его любовь. Это явление Любви Христовой было необычайно нужным и для Церкви, и для назидания душ, утративших ее.

Старец Серафим был не только приходским священником, а пастырем для всех. К нему шли архиереи, священники, монахи, люди самых разных возрастов и званий.

В небольшом и незаметном селе Ракитном Белгородской области, бывшем имении князей Юсуповых, духовно разоренном, загорелся огонь веры и любви, истинной церковной жизни, оно превратилось в духовный оазис всей страны.

«Мы посещали Ракитное, – вспоминает одна из духовных дочерей батюшки Раиса Рогозянова, – как самое дорогое и необходимое место на земле». «Моя жизнь началась только тут», – свидетельствуют многие из ныне живущих его духовных чад.

Как пчелу издалека привлекает запах цветка, так и истинно верующие люди почувствовали в отце Серафиме своего пастыря.

Им не доставало такого наставника в духовной жизни – любвеобильного, доступного, простого и опытного, и они с великой радостью и жаждой устремлялись в Ракитное.

«Как низко ни пал человек, – писал протоиерей Сергий Булгаков, – но в сердце своем он ничего не хочет, кроме святости, ничего не любит, кроме святости, ничего не чтит, кроме святости».

Творить святых, духовно преображать тех, кого мы любим, – а о. Серафим любил всех, – вот в чем заключалось его служение. Он понимал, что «нет ничего нужнее и важнее для человека, нежели святость» (о. Сергей Булгаков). Старец, по слову апостола, вразумлял всякого человека, научал всякой премудрости, чтобы представить всякого человека совершенным во Христе Иисусе (Кол 1:28).

Господь доверил ему это служение и дал благодать исполнить его.

В этот мир, где так мало любви, отец Серафим явился из мира любви, каковым была благочестивая семья, где он родился. В конце XIX века на одном из балов в Варшаве встретились и навсегда полюбили друг друга двадцатичетырехлетний Александр Иванович Тяпочкин, сын командира полка, расквартированного в Варшаве, и шестнадцатилетняя Элеонора Леонардовна Маковская, дочь премьер-министра польского правительства.

Элеонора (Александра), приняв православную веру, обвенчалась, за что была исторгнута из своей среды. Господь благословил благочестивых супругов двумя сыновьями и тремя дочерьми. Димитрий был третьим ребенком. Он родился 1 августа 1894 года. «Место моего рожденья, – писал о. Серафим в анкете 1962 года, – г. Новый Двор, бывшей Варшавской губернии. Отец мой происходил из бывшей Екатеринославской губернии (ныне Днепропетровской области). Он был почтово-телеграфный служащий (начальник конторы). Как служащий он был перемещаем в разные места. В год моего рождения – 1894-й – он служил в бывшей Варшавской губернии в городе Новый Двор». Во святом крещении младенца нарекли Димитрием в честь великомученика Димитрия Солунского.

С детства Димитрий полюбил храм и часто убегал с занятий на богослужения. «На деньги, данные для обеда в школе, – вспоминает его сестра Надежда Александровна, – он покупал свечи в храме».

В год прославления преподобного Серафима Саровского девятилетний Димитрий почувствовал призвание к священству, а преподобного Серафима, житие которого он прочел в

пятилетнем возрасте, полюбил навсегда и стал молиться ему, постоянно чувствуя благодатную связь с ним.

«Когда настало время моего учения, – вспоминал о. Серафим, – отец взял меня с собой на богослужение, в котором участвовали ученики духовного училища. Это богослужение глубоко запало в мою детскую душу: я просил отца определить меня на учение в духовное училище. Желание мое было исполнено.

По окончании духовного училища (1911 г.) я перешел в духовную семинарию (г. Холм). Здесь окончательно я укрепился в своем стремлении к пастырству. Моя духовная настроенность, очевидно, не укрывалась от взоров окружающих. Меня приблизил к себе преподаватель семинарии иеромонах Даниил (впоследствии епископ, родной брат инспектора Московской духовной академии, тогда архимандрита, Илариона (Троицкого) – будущего исповедника веры); меня принял под духовный отеческий кров незабвенный отец ректор семинарии архимандрит Серафим (Остроумов), впоследствии епископ Белы Холмской, затем Орловский и архиепископ Смоленский, погибший в 1937 году.

По окончании семинарии я направлен был в Московскую духовную академию.

Господь судил недолго быть мне в академии. В 1917 году я поступил, и в том же году академия была закрыта.

Недолгое время моего пребывания в академии в стенах СвятоТроицкой Сергиевой Лавры осталось для меня неизгладимым на всю жизнь».

Димитрий хорошо знал древнееврейский язык и, учась в академии, подрабатывал репетиторством, получая в те голодные годы за урок только ужин. С большой теплотой о. Серафим вспоминал преподавателей академии, среди которых был отец Павел Флоренский. Его фотография висела рядом с фотографией епископа Игнатия Брянчанинова в келье старца.

Не имея возможности продолжать учебу в Духовной академии, Димитрий в селе Михайловке Екатеринославской области преподавал географию в школе. В 1920 году он обвенчался с Антониной Викторовной, учительницей

математики. 18 октября этого же года, в день памяти св. апостола и евангелиста Луки, в Днепропетровском Свято-Тихоновском женском монастыре викарием Днепропетровской епархии епископом Евлампием (Краснокутским, f 1922) Димитрий был рукоположен во пресвитера. О. Димитрий вступил на свое пастырское служение, о котором мечтал с юности, зная, что всякий, твердо пошедший за Христом, встретит на своем пути многие скорби и испытания.

Пастырское служение о. Димитрий проходил в Днепропетровской епархии в смутное время, в обстановке гонений на церковь и расколов.

Оно осложняется и многими скорбями в его семейной жизни: в младенческом возрасте умирают один за другим от голода два его сына.

С 1921 по 1936 год о. Димитрий служил благочинным церковью Солонянского района Днепропетровской области. Гонители церкви сразу же обратили внимание на образованного, ревностного и любимого народом отца благочинного Димитрия и стремились избавиться от него.

В 1922 году, на Крещение Господне, когда о. Димитрий отслужил литургию в своем храме, его попросили совершить освящение воды в соседнем приходе из-за болезни тамошнего настоятеля. Он сел в бричку и поехал к храму. Не доезжая моста, лошади вдруг понесли. О. Димитрий лег на дно повозки, чтобы не выпасть из нее. Вдруг он услышал крики «Стой!» и выстрелы. Стреляли в его сторону. Но лошади мчались так быстро, что остановить их было невозможно. Только у храма они замедлили бег и остановились.

Впоследствии выяснилось, что священник этого храма был за сутки до праздника Богоявления арестован ГПУ. Подосланные хотели убить благочинного – отца Димитрия.

То были годы ожесточенной борьбы советской власти с церковью: осквернялись святыни, разрушались храмы и обители. То было время обновленческого раскола. «От обновленцев⁴, – говорит архимандрит Зинон, известный иконописец, – он потерпел много».

В одном из храмов, захваченном «живоцерковниками», которые подчинили себе местного священника, о. Димитрий выступил с проповедью, в которой защищал Православную церковь и патриарха Тихона.

Впоследствии, когда о. Серафиму нужно было в каких-нибудь анкетах, церковных и светских, отвечать на вопрос: «Состоял ли в обновленческом расколе?», – он всегда отвечал: «Никогда».

Когда закрыли храм в с. Михайловке, где служил о. Димитрий, он, верный своему пастырскому долгу, тайно совершал литургию дома, тайно крестил, исповедовал, венчал, причащал больных, отпевал.

Дочь Нина Дмитриевна вспоминала, как приходили к нему по ночам люди из разных мест, и он уходил с ними в дальние селения, пробираясь оврагами, чтобы исполнить требы. Иногда его не было три-четыре дня, и дети сидели в холоде, голодные, боясь выйти из дома.

В этих условиях нужно было учиться совершать Божие дело тайно, и оно совершалось подпольной церковью.

Отец Димитрий не отошел от церковного служения, как это сделали шесть пастырей его благочиния, уйдя на светскую работу. Он оставался духовным отцом многих своих чад. Хотя не раз ему говорили, что это опасно, он отвечал: «Мне это благочиние вручил Господь через епископа, всегда служить – мой пастырский долг, а трудно сейчас всем».

Отца Димитрия арестовывали много раз, но, допросив и предупредив, отпускали. Он был взят на учет органами ГПУ за то, что... пользовался большим авторитетом среди духовенства и верующих.

Чтобы прокормить семью и помогать ближним, он в 1939 году устроился через знакомых ночным сторожем на железнодорожном топливном складе в Днепродзержинске. Ночью в сторожке о. Димитрий вместе с верными прихожанами совершал тайные богослужения. Власти выследили и забрали его в ГПУ прямо с работы.

В 1941 году о. Димитрий был судим по статье 54 Украинского Уголовного Кодекса. Оставив трех дочерей –

двадцати, восемнадцати и пятнадцати лет – одних (в 1933 году о. Димитрий овдовел) в пустой чужой квартире, он уезжает в лагерь без права переписки. За ним по этапу в Сибирь последовали три его прихожанки из с. Михайловка; две из них там и умерли. Долго никто из родных не знал о нем ничего.

В эти дни лишений и лютой скорби о. Димитрий сказал себе: «Несчастный страдающий брат! Это зовет тебя Христос. Иди к Нему. Он утешит тебя, Он даст тебе покой души».

И он пошел к Нему, как Петр по воде, но не сомневаясь.

«Он взял в руки святое Евангелие и понес его в мир, не страшась сильных мира сего, мужественно преодолевая все преграды на пути сем, пренебрегая своим земным благополучием и самой жизнью.

Таким скорбным, узким, тернистым путем апостол Павел искал на земле Царства Божия. И еще будучи во плоти, поистине нашел его».

Так однажды, говоря в проповеди об апостоле Павле, о. Димитрий – сказал о себе. Господь отрывает Своего избранника от родины, близких, чтобы он почувствовал себя жителем Его мира. Чтобы он познал себя сыном Божиим, отдав всего себя Богу. Только в такой полной самоотдаче его объяла Любовь Христа.

Пастырское служение о. Димитрия продолжалось и в лагере, заботы его о всех оставленных чадах не прекратились, ибо он всех их носил в своем сердце.

Здесь он часто исповедовал, отпевал умерших заключенных, крестил и один раз даже венчал. Пел хор из сокамерников, которых подготовил сам батюшка. Епитрахилью служили два сшитых полотенца с вышитыми на них крестами. Служба совершалась втайне от лагерного начальства, в тайге, там же велись духовные беседы. За это полагался карцер.

Святого узника о. Димитрия заключенные любили, он находился под особой охраной уголовников, когда лагерное начальство начинало притеснять его.

Когда истек срок десятилетнего заключения, начальник лагеря спросил о. Димитрия:

– Что ты намерен делать на свободе?

- Я священник, служить намерен.
- Ну, если служить... тогда еще посиди.
- И дали новый срок.

Предлагалось тихо уйти от Христа. Скажи он тогда: «Где? нибуть устроюсь. Найду какую?нибуть работу"... Но о. Димитрий повел себя как мужественный исповедник, готовый умереть за Христа. Он не искал страдания, а согласился на него. Он горел желанием возвратиться в родные места, к детям, к любимой пастве, но он оставил все, чтобы следовать за Христом, Которого любил больше всего на свете.

Алеша Карамазов говорил: «Не могу я отдать вместо"всего"два рубля, а вместо"иди за Мной"ходить лишь к обедне».

В автобиографии 1962 года о. Серафим написал: «Стаж церковной службы – сорок второй год», смело подчеркнув тем самым, что и в лагерях он был не просто заключенным, а священником, то есть служил.

Внешняя свобода исчезла для о. Димитрия, зато возросла внутренняя, которая есть тяжелое бремя и причиняет боль. Многие легко отказываются от нее, чтобы не страдать.

Но по слову Симеона Нового Богослова «Любить – значит страдать». Любить любовью Христа – это пить Его чашу, ту чашу, которую Сам Он просил Отца «мимо пронести».

Отец Димитрий смертельно скорбел. Его мог утешить только Господь. Поэтому душа его вспоминает в эти тяжелые дни Гефсиманский подвиг Иисуса Христа. Только самым близким душам он мог поведать в письме из уз тайну своего страдания:

""Совершишася и паки Голгофа и паки Крест».

Дорогая дочь моя, незабвенная Мавро!

«Душа моя скорбит смертельно». Вспоминая Гефсиманский подвиг Христа Спасителя, нахожу утешение и своей скорбящей душе. Скорблю, скорблю тяжело; скорблю о себе, скорблю о детях, сродниках своих, скорблю о пастве своей, скорблю о чадах своих духовных, скорблю о любящих, помнящих обо мне и ожидающих моего возвращения ныне. Но совершилось то, о

чем я горячо и усердно молил Господа,"да мимоидет от меня чаша сия».

Вот мое скорбное повествование. В феврале месяце я выбыл из Канска в Балхаш, Казахстан. Писать оттуда тебе, дщерь моя верная, я не имел возможности. В Великий Четверток окончился мой страдальческий подвиг, и только лишь 20 V «2 VI я выехал оттуда...

«Обаче не якоже Аз хочу, но якоже Ты».

Я горел желанием возвращения на родные места, желанием видеть родных, дорогих и близких, но увы, получил назначение на жительство в Красноярский край. После долгого и утомительного железнодорожного и водного пути достиг я тихого пристанища у далеких берегов реки Енисея, где и пребываю ныне. Здесь рыбный промысел и небольшое хозяйство. Здесь я должен трудиться и от трудов своих себя питать и одевать. Старость моя не приспособлена к таковой жизни (я не от мира сего ведь), и это крайне смущает меня. Притом в настоящее время я без средств. Приближается зима, суровая и продолжительная."Да будет воля Твоя».

Верю, что Господь везде и всегда со мною – служителем Его, верю, что Он не оставит меня, уповаю, что в любви своей, которая"николиже отпадает», и вы не забудете меня – пастыря своего, полагающего за овцы душу свою. Однако боюсь быть в тягость вам, дети мои дорогие. Простите и не осудите. Чадо мое возлюбленное, Мавро! Как апостол Павел имел в скорби своей ученика – апостола Тимофея, так и я – тебя.

Посети моих благодетелей, деток моих духовных, направь стопы свои к возлюбленной о Господе Екатерине Никаноровне – Днепродзержинск, ул. Производственная, № 3. Прочитайте вместе послание сие, пролейте слезные молитвы обо мне и решите вопрос утolenия скорби моей.

Господь милосердный и Его Пречистая Матерь со святыми да хранят нас!

Усерднейше прошу у всех молитв и прощения!

Дорогих моих Стефана Васильевича и Анастасию Иоанновну с семейством, Ольгу, не забывающую обо мне, тебя,

Мавро – верная сподвижница кельи моей, Екатерину возлюбленную во Христе и всех благословляю.

Всегда ваш, всегдашний молитвенник ваш, ваш скорбящий пастырь

Отец Димитрий.

Мой адрес: Красноярский край, город Игарка, Игарский район, станок Денежк».

В 1955 году, благодаря ходатайству мужа дочери Антонины, после пересмотра дела о. Димитрий был освобожден, и по амнистии судимость была снята.

В Днепропетровск он возвратился очень больным человеком: поражены все внутренние органы, у него постоянный удушающий кашель и насморк. Однако после освобождения преследования и гонения продолжаются. О. Димитрию власти отказывают в самом дорогом для него – в пастырском служении.

Дочери просили: «Папочка, отдохни, подлечись. Мы так устали от репрессий, прошедшей войны, только тебя нашли, а ты опять от нас уходишь». О. Димитрий ответил им: «Я всегда был с вами и буду с вами, мои родные сиротки, всегда».

Только в 1960 году его назначают настоятелем Днепропетровского кафедрального собора. Но его служение здесь было недолгим. Власти видели в нем не сломленного тюрьмой и ссылкой пастыря, а ревностного проповедника Истины, горячо любимого паствой, потому опасного для них.

В соборе служило несколько священников. Встретив собрата, мученика, страдальца, они глядели на него, как на какое-то странное существо. Среди них о. Димитрий выглядел белой вороной: худой, бледный, больной, плохо, хотя и аккуратно одет, все на нем латаное-перелатаное. Никаких великолепных ряс: «Священницы Твои, Господи, да облекутся правдою».

Он жил в домике при соборе, занимая одну комнату. Кровать, стол и табуретка – вся мебель. На стенах несколько бумажных икон. Ведро с водой в прихожей – вот и все удобства. Люди раздобыли кое-что из одежды, принесли, батюшка примерил, поблагодарил со слезами, но потом они никогда

подаренного на нем не видели. Все лучшее, что у него было, он раздавал нуждающимся.

Среди собратьев-пастырей о. Димитрия были те, кто доносил властям на священников и на свою паству, считая, что делают это для блага Церкви.

Отец Димитрий понимал, что власти, стремясь уничтожить Церковь, начали руководить ею. Они старались расправиться и с о. Димитрием: уполномоченный забрал «регистрацию» и приказал в два дня покинуть город, запретив служить в Днепропетровской епархии.

Изгнанник некоторое время жил и молился у прихожан. Однако его выследили и выселили из города. Тогда он поехал к патриарху просить места. С большой скорбью он снова покинул родные места, где начинал свое пастырское служение. Целый месяц ждал приема патриарха, ночуя на вокзале.

Но Господь не оставил своего верного служителя. Скорбь его обратилась в радость: в канцелярии патриарха он встретил епископа Леонида (Полякова, 1913–1990), правящего Курской и Белгородской епархией. Разговорились. Документов у о. Димитрия на руках никаких не было, но владыка Леонид их и не требовал. Он сразу же взял о. Димитрия в свою епархию. Владыка принял в сердце гонимого праведника и был рад, что Господь послал ему такого пастыря.

Сам владыка Леонид много претерпел за правду.

В 1965 году он присоединился к семи епископам во главе с архиепископом Ермогеном (Голубевым), не согласившимся с решениями Архиерейского собора 1961 года и обратившимся к патриарху с просьбой о пересмотре их⁵. После этого его переводили из одной епархии в другую: сначала отправили в Ярославскую, где он познакомился с о. Таврионом, будущим духовником Рижской пустыньки, затем – в Пермскую, Курскую и, наконец, сослали в Рижскую епархию, где и закончилась его земная жизнь.

Владыка безбоязненно принимал к себе оклеветанных, отверженных из-за их происхождения и прошлой жизни священнослужителей и постоянно поддерживал их, всегда был доступен народу. В дни будничных служб владыка входил в

нижний храм Рижского кафедрального собора в скромном подряснике, вставал вместе с бабушками посреди храма и начинал петь с ними всю Евхаристию, иногда сам и свечу выносил. Он был немногословен, не требовал к себе внимания, не любил быть на виду, его жизнь сокрыта со Христом в Боге (Кол 3:3).

В церковном обществе с его духовной узостью, боязнью всего творческого, живого владыка был одинок. Как говорил о нем иеромонах Серафим, это было одиночество Христа, любящего полноценной непритворной любовью и не находящего себе ответной искренней любви среди христиан.

Иногда владыку выдавали слезы, когда он читал святое Евангелие или говорил проповеди, особенно во время рукоположения новых пастырей для церкви. Казалось, он хотел омыть все предыдущие и последующие грехи малоподготовленных ставленников, чтобы ожило их сердце, согретое сострадающей любовью Господа, греющего и питающего Свою Церковь. Чтобы еще один делатель вышел на обильную жатву, собирая потерянные души.

«Верующие бегают из храма в храм, – говорил владыка в одной из проповедей, – в поисках истинного пастыря, а священникам нечего им дать: они потеряли благоговение перед Престолом, перед жертвенником Любви Божией. Терния подавили пшеницу в их сердце, и они сами топчут робкие всходы веры в душах своих прихожан».

В трудные для церкви годы владыка Леонид сумел сохранить живое предание Церкви в тайнике своего сердца.

Владыка Леонид временно назначил о. Димитрия настоятелем Успенского храма в село Соколовка Шебекинского района Белгородской области. Гонимый принял гонимого.

Так началось в нашей Церкви духовное сотрудничество двух ее верных сынов: владыки-старца Леонида и старца Димитрия.

У них было все общее: и дух, и мысли, и дела. Их служение было сокровенным, требовало обдуманых общих усилий, соблюдения предельной осторожности. Из-за постоянной слежки многие их встречи были тайными.

Все долгие годы своего пастырского служения о. Димитрий вынашивал сокровенную мечту о монашестве. Он молился: «Исполни, Господи, сердце мое жизни вечной» (св. Исаак Сирий). Действительно, монахом его называли задолго до пострига, уже в духовной семинарии, видя его склонность к аскетизму, постоянное чтение Евангелия. Позже, в годы пастырского служения, люди тоже видели в нем монаха.

Накануне священной памяти святого апостола и евангелиста Луки – 18/31 октября, когда исполнялось сорокалетие священнического служения о. Димитрия, он обратился к владыке Леониду с просьбой о своем монашеском постриге.

«В 1933 году я овдовел, – писал он, – остался с тремя дочерьми. В постигшем меня вдовстве уразумел Промысл Божий. Иночество стало моей заветной мечтой, как в годы юности – пастырство. Новые жизненные испытания все более укрепляли меня в осуществлении желания иночества. И ныне не только желаю, но жажду хотя бы во единоедесятый час выйти на делание в иноческом винограднике Церкви Христовой и подражать подвигам тех, кто имеет милость Божию трудиться в винограднике от первого часа (Мф 20:1–16). Вместе со святым псалмопевцем Давидом взываю: Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое (Пс 56:8).

Припадая к святительским стопам Вашего Преосвященства, смиреннейше прошу удостоить меня пострижения в монашество с оставлением на занимаемом приходе.

Если не будет нарушением с моей стороны послушания, то дерзаю просить при постриге дать мне святое имя преподобного Серафима Саровского, которого с детства своего почитаю покровителем своим. В назначении меня Его Святейшеством, Святейшим Патриархом Алексием в Курскую епархию как родину земную преподобного Серафима Саровского тоже вижу Промысл Божий».

В 1960 году епископ Курский и Белгородский Леонид, впоследствии митрополит Рижский и Латвийский, совершил постриг протоиерея Димитрия в монашество с именем Серафим, столь хорошо выражавшим пламенную любовь

постриженника к Господу и стремление ревностно служить Ему и людям.

Вскоре владыка перевел о. Серафима на новый приход – Свято-Никольский – в селе Ракитное Белгородской области. Это место стало последним земным пристанищем батюшки. До конца своей жизни он служил настоятелем в этом храме.

– Я вам такого батюшку дам, какого у вас никогда не было, – сказал епископ Курский и Белгородский Леонид Екатерине Лучиной, хлопотавшей о священнике для своего прихода в Ракитном. «Сижу с членами церковного совета в приемной канцелярии владыки, – рассказывала она мне в 1979 году. – Среди ожидающих вижу старенького священника. Он смотрел на нас. Говорю себе: "Это наш батюшка". Через некоторое время вызывают: "Ракитное". Батюшка встает. Он показался мне как в поле: худенький, бедненький. Вошли вместе. Потом батюшку посадили в машину и увезли к уполномоченному на прием. Увиделись снова на вокзале. Он сидел возле стены, сложив руки.

В поезде раkitянский церковный совет не приступил к нему. От станции везли нас в машине с будкой, трясло, батюшка держался за край брезента.

Весь совет на меня восстал: "Ты сухого привезла, шкелета». Восстали и на него.

В домике, где поселили батюшку, было холодно, нетоплено. Он сидел на полу, наливал какую-то ржавую воду в консервную баночку и обмакивал в нее сухарик.

Староста Мария била меня в храме за батюшку. Вскоре она умерла. Шла со службы, случился приступ, она упала лицом в лужу и уже не поднялась».

Отец Серафим пришел на приход как странник, без всякого внешнего величия, желая вместе с прихожанами жить во Христе, вместе страдать, вместе радоваться, но был встречен ими с презрением. К счастью, дух противления доброму пастырю овладел не всеми людьми: те, кто верил и ждал, кто был чист сердцем, встретили о. Серафима с любовью и радостью. Среди них была Екатерина Лучина, ставшая впоследствии старостой храма, затем монахиней с именем

Серафима. Она увидела в батюшке святого и полюбила его. Навсегда. Но и это малое гонение от своих о. Серафим пережил, как и все другие, терпеливо и кротко, сердечно молясь за гонителей, любя и прощая их, благословляя, по слову апостола, но не проклиная.

Любовь делала его неуязвимым для гонителей.

Отец Серафим знал, что будет гонимым всегда, ибо мир, лежащий во зле, не может вместить той Любви, которой было переполнено его сердце, мир боится Ее.

Его учитель о. Павел Флоренский написал из Соловецкой тюрьмы: «Давать миру можно не иначе, как расплачиваясь за это страданиями и гонением. Чем бескорыстнее дар, тем жестче гонения и тем суровее страдания. Таков закон жизни, основная аксиома ее».

Отец Серафим приносил свои страдания в жертву за гонителей. С 14 октября 1961 года, дня Покрова Пресвятой Богородицы, и до последних дней своей жизни он был настоятелем Свято-Никольского храма в селе Ракитном Белгородской области.

Так определил Господь, и никто из людей не смог отменить Промысл Божий о Его святом.

С приездом отца Серафима началось возрождение Свято-Никольского прихода.

Он вступил на новое служение настоятеля тихо и смиренно. Все на приходе было разрушено: и храм, и души. О. Серафим начал восстановление прихода не со сбора средств, не с денег, как это у нас часто водится в церковной жизни, а с молитвы. Будучи бессребреником, о. Серафим никогда не искал даяния (Кол 4:17). Он брал только записки о поминовении, к деньгам же не прикасался.

В разоренном храме, где кричали совы, грачи, падали камни, стены которого были исписаны мерзкими словами, зазвучала молитва батюшки, начались ежедневные службы. На них приходили две-три старушки. О. Серафим служил вдвоем с Неонилой Деменской (1926–1989), которая прилепилась к батюшке уже в с. Соколовка и осталась верной помощницей и

постоянной спутницей до самой его кончины. Батюшка постриг свою келейницу в монашество с именем Иоасафа.

Когда мать Иоасафа совсем замерзала, о. Серафим отпускал ее попить чаю, а сам продолжал молиться в храме.

День и ночь в храме творилась молитва благодарения ко Господу, молитва о помощи и возрождении поруганных святынь, о спасении потерявших Бога человеческих душ.

Усердное богослужение, редкостное по тем временам, испугало власти. О. Серафим получил письмо, вернее, приписку к Рождественскому поздравлению, от секретаря епархиального управления: «Ваш Церковный совет написал уполномоченному жалобу, что Вы ежедневно служите в храме, что служба в будние дни не оправдывает расходов на нее. Уполномоченный предупреждает Вас, чтобы Вы в будние дни не совершали служб, в будние дни советует молиться дома, в своей комнате, а служить только в воскресные и праздничные дни. Владыка благословил выполнять это предложение уполномоченного во избежание больших неприятностей для Вас.

С искренним уважением и любовью к Вам – протоиерей Порфирий. 12.1.1962».

Затем власти будут бояться каждодневного паломничества в сельский храм людей со всех концов нашей необъятной страны.

Отец Серафим устроил печки в алтаре и в храме, добыл угля. Все равно было очень холодно. Перед службой батюшка убирал снег в алтаре. Когда он выходил с Чашей причащать, его рука дрожала от холода, губы прилипали к Чаше, когда ее целовали.

Пол качался. Однажды Екатерина провалилась и обнаружила большой подвал, как второй храм, который потом стал дровяным складом и одновременно странноприимным местом – «кельей на дровах».

Постепенно появились столь необходимые строители, архитекторы, столичные художники, иконописцы. От их взгляда не ускользнуло: батюшка относится к храму, как к живому существу: бережно, с любовью, благоговейно. И это чувство

передавалось всем духовным его чадам, которые с большим усердием помогали восстанавливать храм. Забота о благообразии храма не была здесь чрезмерной. О. Серафим стремился делать нужное и приличное, не увлекаясь бесполезным великолепием.

Ценную лепту в восстановление храма внес иеромонах Зинов. Впервые он появился у о. Серафима осенью 1975 года в Михайлов день. Батюшка удивился, что молодой человек после армейской службы сразу же пришел в церковь.

Когда отец Серафим узнал, что он иконописец, то попросил его написать литургистов, составителей чинов литургии – Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Двоеслова, апостола Иакова – для алтаря храма, который еще не был восстановлен. О. Зинов счел это большой честью и сразу же согласился исполнить заказ.

Он написал фигуры в полный рост и вскоре привез холсты. О. Зинов сам предложил батюшке расписать купол. Так появился огромный лик Христа-Пантократора в васнецовском стиле. Летом 1976 года, перед поступлением в монастырь, о. Зинов написал на парусах евангелистов. Будучи уже насельником Троице-Сергиевой Лавры, он по благословению наместника архимандрита Иеронима приезжал в Ракитное писать иконостас. Отец наместник всегда безотказно отпускал его несколько раз в году к о. Серафиму потрудиться.

Однажды, приехав к о. Серафиму, я встретился с о. Зиновом: на крыше храма в будке из прозрачной пленки, закрывавшей купол, он золотил купольный крест. Было очень ветрено, но опытному мастеру удавалось без повреждений наклеивать тонкие, как папиросная бумага, листки сусального золота на крест.

О. Серафим любил о. Зинона, одаренного духоносного иконописца, особою любовью за его скромность, талант и огромное трудолюбие. Он говорил: «В отца Зинона вселился дух древнего иконописания». Батюшка всегда находил ему место для ночлега в своем маленьком церковном домике, где жил сам.

Постепенно в храме все изменилось до неузнаваемости. В нем все было просто и доброту, чистота и какой-то особенный уют. Электричества не было, что вносило ощущение отрешенности от всего суетного и земного. Рано утром затепливалось многолампадное паникадило. Во мраке храма вдруг появлялся светлячок, потом второй, третий и вот их уже много, и они все плавно улетают и зависают в подкупольном пространстве, словно маленькие звездочки, возвратившиеся на небо.

Но самая главная забота о. Серафима была о внутреннем храме всех, кто приезжал к нему, о душах человеческих.

Приняв монашеский постриг, о. Серафим выразил желание остаться на своем приходе, то есть жить в миру. Казалось, батюшке с его подорванным здоровьем, любящему уставную службу, хорошее пение, с его склонностью к аскетизму, было бы лучше служить Господу в монастыре. Он же видел, что Промысл Божий о нем иной – быть монахом в миру, посвятить себя всему миру.

Ему удалось вместе с его сподвижниками создать маленькую духовную семью, которую можно назвать тайным монастырем, имеющим свой неписаный устав, свой духовный лик, свое служение.

В монастыре принято подчеркивать разницу между монашествующими и мирянами, но отец Серафим стремился устранить преграды между ними. Его маленькая духовная семья стала братством, открытым всем людям.

Отдельного стола за трапезой не было, трапеза поставлялась для всех. Батюшка общался с людьми всех сословий и убеждений.

Отец Серафим как-то поведал, что хотел бы принять схиму, самое лучшее, что мог бы желать для себя, ибо, возлюбив всем существом своим Господа, уже был человеком не от мира сего.

Но у батюшки не было решимости на этот подвиг по двум причинам. «Размышляя о сем высшем духовном подвиге, – писал он епископу Хризостому, – благоговя пред ним и соразмеряя свои и душевные, и телесные силы, пред собой поставил вопрос: смогу ли достойно понести свой подвиг?

Сознавая свое недостойнство, я пришел к решению: с благодарностью Вашему Преосвященству свято хранить в сердце преподанное Вами святительское благословение на принятие мной схимы до времени, когда почувствую потребность и решимость на сей подвиг. Как всегда, так и в сем полагаюсь на волю Божию».

Любовь и сострадание к ближнему не могли ему позволить оставить людей и уединиться в созерцательной молитве. Не затвор, а «отвор» благословил ему Господь до конца жизни, чтобы его сердце всегда было доступно любому страждущему, приходящему к нему. Он уподобился преподобному Захарии, монаху, который за особое попечение о нищих странниках был прозван «отверстым»: «всем у него дверь отверста бяше».

Он принял старчество как послушание и крест, зная, сколько страданий оно принесет ему.

Власти запрещали принимать посетителей, устраивали облавы, проверки паломников; как нарушителей паспортного режима их насильственно отправляли на работы в колхоз.

«Контроль был сильный со стороны властей, – вспоминает внук батюшки Димитрий. – Все встречи, беседы проводились по дороге в храм, на исповеди и по дороге из храма. В те годы была очень тонкая конспирация, которая забирала много нервов и сил, но зато это фильтровало, и приходили только истинно верующие люди, жаждущие духовного окормления. Дедушка долго не хотел перебираться в новый домик возле храма по той причине, что туда труднее проникнуть новому человеку – все на виду. И новый удобный домик пустовал не один год».

Чем труднее становились обстоятельства жизни, тем терпеливее был батюшка, зная, что против скорбей все святые имели одно средство – терпение и молитву. Он терпел с расположением на Волю Божию, поэтому эти скорби не лишали его душевного мира.

Батюшка встречал всех, как отец – своих чад, с безмерной любовью и лаской, давая понять, что никакие грехи человека не могут отменить любви Божией. Блудному сыну в известной евангельской притче, желавшему именоваться из-за грехов своих не сыном, а наемником, встретивший его с радостью отец

запрещает это желание. Бог всегда любит человека, Его любовь неизменна, и все истинные сыны Божии именно так стремятся любить человека.

Каждого проходящего к нему о. Серафим принимал таким, каков он есть, ничего ему не навязывал, не укорял, не обличал, а внимательно выслушивал его.

«Это был не обличитель, который знал все о человеке, – пишет архиепископ Евлогий (Смирнов), – но близкий и родной человек. Не было во мне и страха, удерживающего от исповеди, наше общение скорее походило на доверительную беседу сына с отцом.

После разрешительной молитвы батюшка обнял меня и крепко, довольно сильно прижал мою голову к своей, как бы смягчая ее буйность, а может, таким образом вложил силу своих охранительных молитв на мою дальнейшую пастырскую и архипастырскую жизнь».

Отец Серафим давал человеку самому сделать выбор. Он мог призвать только благословение Божие на принятое человеком решение, если, конечно, оно было согласно с волей Божией. «А как удивительно он умел отказать, не смущая человека, – вспоминает игумен Нектарий (Марченко) из Радонежа. – Он вначале улыбнется глазами, подбодрит (сам весь светится, греет душу) и с радушием скажет: "Это не будет вам полезно», и ты смиряешься, на душе становится спокойно, и нет ничего огорчительного, словом, остаешься утешенным».

Так же удивительно тонко он мог призвать к духовному подвигу, видя внутреннюю расслабленность кого-либо.

«Однажды он сказал мне, – пишет протоиерей Владимир Деменский, – «Отец Владимир, пора и вам начинать молиться" (я тогда уже около тридцати лет был священником). Я понял, что он меня призывает совершать постоянную молитву».

Дар прозорливости помогал ему предельно сокращать время выслушивания. Старец шел по живому коридору богомольцев в храме и на улице и, подходя к кому-либо, давал ответ на вопрос, который еще не был задан ему. Иногда он проводил в беседе с человеком часы – в том случае, если собеседнику некому было выговориться, если он был закрытым.

В общении с батюшкой человек постепенно начинал открываться, сам снимал свою маску, потому что с ним можно было только быть, а не казаться. Он всем своим существом призывал тебя жить, быть живым и давал искру этой жизни. От него люди уходили преображенными его миром и любовью.

«Не рассказать словами о той неизреченной любви, которую чувствуешь, когда находишься около старца, когда общаешься с ним, – вспоминает протоиерей Анатолий Шашков. – Ты как бы рождаешься заново, на сердце одна только любовь, и радость, и легкость необычайная, словно крылья вырастают. Ни от чего другого не получал я такого ощущения радости».

«...Вот приехал я к дедушке, да не застал, его не было на месте пару дней, пишет внук Димитрий о своей первой встрече с батюшкой. – Рано утром я проснулся от какого-то беспокойства. На стуле возле кровати сидит и плачет весь белый в черной одежде глубокий старец. Ни фотографий, ни рассказов, ни каких-то других представлений до той памятной встречи я о дедушке не имел. Я растерялся и тоже заплакал навзрыд и, помню, страшно испугался, несмотря на то, что слыл за смелого парня: редкая драка обходилась без меня. От волнения я упал на колени перед дедушкой. Он поднял меня, прижал мою голову к себе, и, впервые в жизни, я ощутил настоящую любовь.

Тут же оделся, и мы пошли в храм. С тех пор душой мы вместе, надеюсь, навсегда».

Староста Екатерина рассказывала мне, как однажды нагрянули к батюшке местные власти, чтобы отругать его за то, что в церковной ограде была построена маленькая просфорня. Перед своим приходом они вызывали ее к себе, ругали, грозили закрыть храм «за самовольство», и вот пришли сами к «нарушителю», чтобы застращать и наказывать его.

Важные, с папками, они входят в церковный дом. Отец Серафим приветливо встречает их у порога и говорит келейнице: «Матушка Иоасафа, какие к нам гости пришли!» Он сразу же взял их в свой покой, в свой мир, и, пригласив сесть за стол, спросил с любовью и лаской о их жизни. Потом появился на столе чай. Беседа продолжалась. Гости забыли, зачем

пришли. Когда уходили от него, батюшка тепло с ними попрощался. Пришли волками, а ушли овечками: они увидели, что любимы.

«Даже из нынешних волков, – писал Григорий Богослов, – многих надо будет мне причислить к овцам, а может быть, и к пастырям».

Все люди без исключения имели право на его любовь, у него не было первых и вторых, все были первые, все желанные; каждый человек – образ и подобие Божие, – значит, он достоин уважения и любви.

Гонители оказывались самыми близкими о. Серафиму людьми, ибо больше других нуждались в духовной помощи. Они не просили о ней, считали, что Бога нет, но в этом отвержении Творца о. Серафим сердцем услышал крик о помощи и откликнулся на него всем своим существом, всей своей жизнью. Он, по слову Н. Бердяева, «более чувствовал человеческое несчастье, чем человеческий грех». Батюшка был из того мира, в котором нельзя быть «за» или «против» кого-то, в котором нет лицеприятия.

В обстановке господствующей лжи и злобы, поисков врагов поведение о. Серафима особенно сильно свидетельствовало о вселенской Любви Христа.

Отец Серафим видел, что многие люди приезжали к нему или стремились приехать в поисках чуда, уподоблялись древним грекам, любившим ездить в Дельфы к пифии, прорицательнице, и это очень огорчало его.

Даже у владыки приезжие спрашивали: «Где здесь батюшка, который лечит?», хотя батюшка всегда говорил: «Я не лечу, а только молюсь. Господь – Целитель и Врач. И если Он по молитвам исцеляет вас, то благодарите Его за эту милость к вам».

Ему хотелось, чтобы и к дару прозорливости, который он имел, люди относились не магически, а трезво, духовно. Господь дал ему его для лучшего служения людям, чтобы сократить время общения, которого всегда не хватало.

...Больная Надежда из Белгорода, приехавшая к батюшке, не могла подойти к нему, чтобы поговорить, из-за множества

людей. Она стояла в толпе и плакала от отчаяния. Батюшка, выходя из храма в окружении народа, остановился и, глядя в ее сторону, сказал: «Надежда, не соглашайтесь на операцию». Она была удивлена тем, что о. Серафим, не зная ее, ответил на ее вопрос.

...Паломнице Валерии не нравилось ее имя и, подходя впервые к Чаше, она назвала себя Валентиной. «Причащается раба Божия Валерия», – поправил ее батюшка и причастил.

...По приезде в Ракитное, за неимением жилища, о. Серафим поселился в доме прихожанки Параскевы. Когда церковный домик был построен и батюшка переселился в него, Параскева решила построить новый дом и даже уже начала строительство. О. Серафим говорил ей: «Дом тебе не нужен будет». Параскева была добрая и чуткая женщина, люди у нее останавливались и жили по несколько дней. Но батюшкин совет она почему-то не услышала. Вскоре она умерла.

По своему глубокому смирению о. Серафим старался совершенно скрыть свои подвиги и благодатные дары, но не всегда это было возможно и нужно. «Еще в молодые годы, – вспоминает отец Зинов, – когда я ездил из Троице-Сергиевой Лавры к о. Серафиму, как-то во время исповеди я спросил у него, он ли брал икону из рук Зои⁶. Я слышал от многих об этом происшествии, но не знал, насколько оно достоверно, поэтому решил спросить. Он сказал, я буквально помню его ответ: "Не внемлите"».

Люди искали и ищут чуда, но не Истины, а о. Серафим хотел иметь с ними сердечную связь, духовное общение, ибо больше всех чудес – любящее сердце.

Он хотел их научить жить во Христе, чтобы они стали святыми. Ему важно было, чтобы они поняли, что Церковь – не просто лечебница, что вера – не магия. Бог никогда не может быть средством, Он всегда только Цель. Его нельзя использовать, – заметил один христианин, – как отмычку.

Молодой человек из Средней Азии, приехавший к о. Серафиму, жаловался мне на то, что живет в церковной ограде уже две недели, почти каждый день просится на прием к батюшке, но тот, всегда приветливый к нему, не принимает его.

Он недоумевал: некоторых батюшка принимает сразу, они даже не просят об этом, он сам их находит и приглашает к себе.

Так было с Марией Цауне, девушкой-фельдшером из Риги. Она слышала от православной больной, за которой ухаживала, о ее духовном отце, старце, и его духовной помощи ей. Благочестивая католичка, Мария не знала о существовании старцев. Сердце ее попросило встречи с таким человеком.

«У меня появилось огромное желание, – вспоминает Мария, – поехать к отцу Серафиму. Думала, что если даже к нему не попаду, то хотя бы увижу его.

В православный храм, а именно в Рижский собор, я заходила и всегда ставила свечи святителю Николаю Чудотворцу.

Однажды видела сон. Прихожу в католический храм, исповедуюсь. После исповеди священник дает мне бумажный сверток и говорит: "Сегодня ты это не трогай, а завтра натошак съешь». Выйдя из храма, я раскрываю сверток, а там – просфора.

Получилось так, что я приехала в Ракитное 22 мая 1979 года на престольный праздник, день святителя Николая.

Народу было очень много, все даже не помещались в храме. Подумала, – конечно, я не попаду к о. Серафиму. К тому же сказали, что на всенощной его не будет: болен и находится в Готне. Я утешалась тем, что теперь знаю, в каком храме служит батюшка, а когда получу отпуск, приеду к нему снова. С трепетом я ходила в церковной ограде, думая, что по этой дорожке и о. Серафим ходит, такой светильник.

На второй день пришла в храм и когда видела какого?нибудь старенького священника, спрашивала, не он ли о. Серафим.

Когда о. Серафим вошел в храм, вернее, когда его провели через алтарные двери, я не увидела, но сразу почувствовала его присутствие, и сразу у меня полились слезы, я не могла их остановить.

Я пробиралась среди людей поближе к алтарю, вернее к солее, чтобы увидеть о. Серафима. Отец Григорий, постоянный помощник батюшки, принимал исповедь. Он спросил у меня:

– Исповедоваться пришла?

– Нет, – отвечала я.

– Не желаете?

Я ему сказала, что я католичка.

Через некоторое время пробралась совсем близко к соле. Отец Серафим вышел исповедовать только пятерых семинаристов, приехавших из Сергиева Посада. По телесной немощи всех он уже не принимал.

У меня все еще лились слезы, я не могла их остановить. Закончив исповедь, о. Серафим почему-то не ушел в алтарь, а стоял у аналоя и молился. Я думала только о том, как бы мне попасть к нему на прием.

Передала свечу, чтобы ее затеплили перед иконой святителя Николая, находящейся в иконостасе. Стою и смотрю на икону и прошу Николая Чудотворца о помощи. Вдруг один из семинаристов говорит: "Проходите!" и открыл дверцу ограды солеи, которую закрывали, потому что некоторые одержимые пытались прорваться и вбежать в алтарь.

Конечно, я не подозревала, что это меня касается, и поэтому стояла на своем месте. Он снова говорит: "Проходите!" Тогда я с удивлением спросила: "Это мне проходить?" Он говорит: "Да, о. Серафим ждет». От волнения и удивления не могла сдвинуться с места. Повернула голову к святителю Николаю и попросила у него благословения подойти к о. Серафиму, так как мне открылось, что он совершил надо мной чудо. Я поняла, что о. Серафим ждал меня и молился обо мне, не отходя от аналоя. Подошла к нему. Он спросил:

– Ты исповедоваться пришла?

Уверенно сказала: "Да». Потом пояснила, что я католичка.

– А ты желаешь принимать православие?

Твердо ответила: "Да».

Потом, как бы сознавая свои слова, добавляю: "Вам лучше знать, как мне быть».

– А ты знакома с православием?

Сказала, что у меня есть знакомые православные, что хожу в православный храм и всегда ставлю свечи святителю Николаю.

– Переходи, – сказал о. Серафим.

Спрашиваю: "Мне надо будет креститься?..»

– Крещение одно. У тебя все сделано, что нужно.

– Когда мне принять православие?

О. Серафим отвечает: "Чем быстрее, тем лучше». И накрывает меня епитрахилью. Потом просит, чтобы после службы я шла за ним в келью.

Войдя в нее, почувствовала себя самым счастливым человеком на земле. Он попросил меня по приезде в Ригу подойти к владыке Леониду, все рассказать ему и попросить у него благословение.

Я тогда не знала, что наш митрополит тоже духовное чадо о. Серафима.

Батюшка просил меня еще раз приехать к нему на Троицу, чтобы завершить переход в православие. Я это сделала, о. Серафим стал моим духовным отцом. Он же сказал мне, что и владыка тоже будет моим духовником. После кончины батюшки так и получилось.

К отцу Серафиму, я, несмотря на большие расстояния, ездила часто. Для меня самыми радостными были те дни, когда я была в Ракитном и видела этого дивного старца. По его молитвам моя семидесятилетняя мать, Варвара, тоже приняла православие. Она со мной приезжала в Ракитное».

Уже упомянутый молодой человек из Средней Азии прожил у батюшки довольно долго, без приема, и за это время пребывания в ракитянской общине, он, живя в ее ритме, исповедуясь, регулярно участвуя в Евхаристии, трудясь, общаясь с людьми различного церковного опыта, слушая проповеди и наставления батюшки, получил ответы на все свои вопросы.

«Рядом с отцом Серафимом, – говорит архимандрит Зинон, – нужно было жить, с ним нужно было общаться, за ним нужно было наблюдать. Это был такой опыт, который очень трудно поддается описанию».

Некоторых батюшка допускал к себе только после долгого испытания, они жили в Ракитном месяцами. Люди чувствовали, что за этим ожиданием встречи стоит нечто духовно значимое

для них. О. Серафим не разрешал жизненные вопросы «на ходу». Внимательно выслушивал человека, потом говорил: «Помолимся!» Бывало, проходит не один день, и никакого ответа. Это была молитва-слушание, нужно было ожидать и понять, чего Бог от нас хочет.

Необходимо было выявить искренность их обращения, важно было, чтобы человек сам научился слышать то, что Дух Святой говорит в его сердце. Старец почти ежедневно видел этого юношу из Средней Азии на службе, в живом коридоре людей от алтаря до западных дверей храма, ждущих его благословения. От его внимательного взгляда не могло ускользнуть духовное состояние молодого человека, ибо старец, давая благословение, внимательно всматривался в твое лицо и видел, что Святой Дух совершал в тебе.

Помню, после моего изгнания светскими властями из Почаевской Лавры, где я был послушником, он спросил меня: «Поживёте у нас?» Не сказал: «Поживите у нас», для него это было бы принуждением, а произнес бережное «поживёте?», не нарушая моей внутренней свободы.

Тогда я не был готов к жизни в такой свободе. Мною овладели беспокойство и страх, я хотел, чтобы батюшка как можно быстрее принял меня и разрешил мой вопрос. Уходя в монастырь, я сжег, как говорят, за собой все мосты: работа, прописка, жилье. И теперь, не имея ничего, я мог стать жертвой любой провокации властей и оказаться даже за решеткой, например как тунеядец. Отец Серафим помог мне преодолеть волнение в тихой сокровенной беседе, и с миром отправил к владыке Леониду с рекомендательным письмом, сказав утешительные слова: «Он будет Вам как отец». Я словно уходил от одного отца к другому. Но после первой встречи с владыкой Леонидом я всем своим существом почувствовал, что не ушел от батюшки, ибо старец и владыка были людьми одного духа. Пребывание с о. Серафимом перед моим будущим рукоположением в Риге было для меня малой пустыней, позволившей приобщиться к такому духовному опыту, который нужен всем нам.

Неужели с высоты кто вспомнит обо мне? Во множестве народа меня не заметят; ибо что душа моя в неизмеримом создании? (Сир 16:16–17). Подобные мысли возникали у некоторых паломников в Ракитном при виде такого стечения народа.

Но о. Серафим видел каждого человека, незамеченных у него не было. Он никого не отталкивал, всех принимал, обо всех беспокоился. Когда помощники батюшки иногда кого-либо не допускали к нему, он говорил: «Люди устали от зла, если и я не приму их, то я здесь не нужен».

«Простите техническое сравнение, – писал мне внук о. Серафима Димитрий, – но многие люди устроены в наше время по принципу автомобиля. Фары изливают свет только по направлению движения. Есть и другие, устроенные по принципу карманного фонарика: светят туда-сюда, куда батареи не иссякнут. Дедушка был подобен неземному светилу: для всех и для каждого от него исходило столько света, сколько мог вместить приходящий к нему».

Он знал, что встречает в своих ближних Господа:...так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне (Мф 25:40). Отец Серафим стал всем людям братом, потому что не мог любить лишь некоторых, а любил каждого человека. Он, как когда-то Христос, выходил из храма и смешивался с многоликой толпой: верующих и неверующих, больных и здоровых, бесноватых и озлобленных, жаждущих правды и любви, пришедших к нему из нашей пустыни жизни. Всех их нужно было научить любви и святости.

Однажды после продолжительной службы о. Серафим вышел на паперть и стал внимательно всматриваться в лица окружающих его людей. Вдалеке он увидел на каталке безногого старичка, который из-за большого стечения народа не мог приблизиться к батюшке. О. Серафим направился к нему, нагнувшись, целовал его в голову, обнимал. «Я думал, – вспоминает внук батюшки Димитрий, – это его старый друг. Спросил дедушку: "Кто это? Родственник?" Дедушка ответил: "Мы все родственники, а этот раб Божий приехал издалека разделить с нами Пасхальную радость"».

Он не жил отдельно от людей, окружавших его, но, разделяя их жизнь, стал для всех своим. Служа своей пастве, не господствовал над ней, никогда не был над народом Божиим, но всегда с ним, вернее, в нем. Он мог бы сказать: «Я живу в народе Божьем. Это мой народ».

Лишь изредка на короткое время батюшка оставлял людей и уезжал в свое подворье, в домик на станции Готня, что в десяти километрах от Ракитного, чтобы побыть наедине с Господом. В остальное время всегда был с ними: в храме на общем богослужении или в тихой келейной беседе.

О. Серафим никогда не пользовался отпуском в нашем привычном понимании, не был «старцем на колесах» (как говорил об одном пастыре владыка Хризостом).

«От чего отдыхать монаху? – шутил он. – От молитвы или от Бога?» Однако каждый год о. Серафим старался выбраться в любимую Троице-Сергиеву лавру, бывал иногда в Рижской пустыньке, где служил о. Таврион, с которым его роднил дух горения любви к Богу и к людям. Оба они долгие годы провели в тюрьмах и лагерях. О. Серафим обычно заранее сообщал о своем приезде, и все ждали его с нетерпением, готовились к этой встрече, словно к празднику.

Предельная простота быта батюшки особенно подчеркивала его самоотверженность, жизнь только для других. В его белом домике в углу церковной ограды обстановка была очень скромной: «Блажен, кто вместо всех стяжаний приобрел Христа» (свт. Григорий Богослов).

Аскетическое убранство домика было призывом к молитве, к вечности. Все здесь говорило человеку: «Ты странник на земле, твой дом не здесь».

Отец Серафим в монашеской одежде – и в храме, и дома, и в дороге. Он не понимал священников, которые стеснялись Христа и не ходили в облачении. Для него же оно было свидетельством его посвященности Христу и Церкви. Однажды он сказал за столом: «Не хвалясь, скажу, что с тех пор, как я надел монашеские одежды, никто меня никогда не видел без подрясника».

Звания, должности, награды о. Серафима никогда не интересовали, хотя он был удостоен всех наград, положенных пресвитеру. Больше всего он дорожил своим призванием.

Однажды внук Димитрий забыл поздравить его с возведением в сан архимандрита и награждением вторым крестом. Напомнила ему об этом мать Иоасафа. По дороге из храма Димитрий начал исправляться. О. Серафим тихо ответил: «Митенька, Господь давно дал мне священный сан. Это и есть та высшая награда, которой я удостоился до конца своей жизни у Господа. Архимандритство, митра и прочие награды меня мало интересуют. Ведь я "поп-тихоновец", как было написано в моем уголовном деле, и это настолько для меня драгоценно, что заменяет все награды». И добавил: «Слава Богу, что я не благочинный». От звания благочинного о. Серафим отказался.

Как-то Димитрий спросил у батюшки: «После архимандритства бывает епископство?» Он медленно ответил: «Да, епископство. Но не для тихоновца⁷». Самой лучшей наградой о. Серафиму была любовь народа к нему и горячая молитва верующих.

Встреча о. Серафима с человеком всегда была личной, свободной и открытой. «Никогда и ни с кем я так свободно и доверительно не говорил», – вспоминает протоиерей Леонид Константинов.

Когда батюшка говорил с кем-либо, он всецело принадлежал этому человеку, служа ему своим участием, своей любовью. Тот открывал ему свои душевные раны, свои грехи. Они не вызывали у о. Серафима ужасания, раздражения, желания наказать. Он не подыскивал тут же для согрешившего епитимий и не пугал ими. Напротив – испытывал жалость и сострадание: любовь не сосредоточивает своего внимания на грехе. О. Серафим видел прежде всего не грех, а муку согрешившего. Она его глубоко трогала, и он стремился прежде всего помочь ему, поддержать его, страдать вместе с ним.

Батюшка видел в каждом человеке образ Божий, что далеко не всем нам удастся при общении с людьми. Если мы не увидим его, то и не знаем человека. Ведь грехи – это не он сам,

не его природа. Человек – это образ Божий. Важно суметь увидеть его в нашем ближнем.

«Любовь выше устава», – говорил протоиерей Алексей Мечев. О. Серафим своей жизнью показал это, понимая, что человеческая совесть не подчиняется званиям. В духовном мире титулы ничего не значат, «и царь, и воин, и убогий – все в равном достоинстве», Царство Божие есть царство свободы и безвластия, главное в нем – любовь. Не сан делает человека святым, не иерархическая степень, не место у престола, но добродетельная жизнь, личная святость.

Отец Серафим принимал человека таким, каков он есть, ничего не требуя, общаясь с ним «на расстоянии двух свобод». Он был к нему милостив с рассмотрением (Иуд 1:22).

Женщина по имени Мария, из Риги, привезла к батюшке больного и озлобленного сына Михаила. Когда батюшка утром вошел в комнату, чтобы увидеть его, молодой человек даже не поднялся с кровати. О. Серафим не смутился, снизойдя к его немощи, встал возле юноши и беседовал с ним.

Он обошелся с ним, как кормилица с младенцем. Лаской и кротостью, а не укором о. Серафим привел его душу в покой. Кроткий и молчаливый дух старца поразил юношу.

На всякое понижение нравственного уровня о. Серафим отвечал только его повышением. «Однажды, когда он ехал в автобусе в Готню, – вспоминает староста Екатерина Лучина, – один пассажир схватил батюшку за грудь:

– Надел на себя маску с бородой!

– Напрасно ты так думаешь, – очень спокойно ответил ему батюшка. Мужчина затих».

Отец Серафим никогда не допускал ни малейшего насилия над свободой человека. Власть он понимал как служение всем и всякому, как заботу о слабейших. Он страдал за человека вместе с ним, боролся за его душу. Но свободу решения вопроса оставлял за ним, чтобы тот не остался незрелым, зависящим только от своего духовного отца.

«В деле веры нет авторитета, – писал К. Аксаков, – его нет для свободы духа. Сам Христос для меня не авторитет, потому что Он для меня Истина. Заметьте, Христос говорит

ученикам: "Если Я не уйду от вас, Дух истины не придет к вам». Я понимаю это так. Вы будете верить в Меня, как в начальника, как в авторитет, а не как в Истину. Так же объясняется замечательное искушение Исаакия Печерского. К нему приходит Христос во славе с ангелами и говорит: "Исаакий, пляши». Как же не послушать Христа? Исаакий стал плясать, и поражен был немотой и ослеплением. Это было искушение. В чем же вина Исаакия? Он ведь послушался Христа. Но в том?то и вина, что он на Христа взглянул как на начальника, как на авторитет, а не как на Истину. Отнесся по-здешнему, земному, обычно, как командиру послушался, не рассуждая, отказался от свободы. А если бы он рассудил, если бы на Христа смотрел как на Истину, то он бы в ошибку не впал, и увидел бы сейчас, что это не Христос...»

Отец Серафим был склонен воспитывать не словом, а жизнью своей, опытно зная, как легко произносить слова о любви, но как трудно пребывать в ней.

Он вспоминал, как однажды подготовил по всем академическим правилам свою первую проповедь, получил резолюцию «произнести в храме». И произнес... Потом у него никогда таких проповедей не было. Он не мог говорить от книг, от ума, а только в Духе, сердцем. Его проповедь была живая, нужная, как дыхание, и потому она касалась сердец слушавших. Я не представляю о. Серафима за книгой. Мне казалось, что она ему, как и Марии Египетской, совершенно не нужна. Он вел жизнь настолько чистую, что его сердце, по слову Иоанна Златоуста, «было исписано Духом». Он знал Бога всем своим существом, отдал Ему всего себя, говорил с Ним и о Нем из глубины души.

«Его божественный голос проникал в человеческие души, – сказал однажды в проповеди о Христе батюшка, – потрясал умы и влек к Нему сердца людей.

Они отзывались на этот голос, шли ко Христу, несли к Нему свое горе, несчастье, скорби, страдания и болезни.

Любовь, которая сияла на пречистом лице Христа, горела в Его очах – любовь, которая исходила при всяком дыхании Его. Эта божественная любовь согревала всех приходящих к Нему,

проникала в сердце, вносила покой в душу. И забывая обо всем, эти люди обретали мир и покой».

Простыми словами он рассказывал о жизни Спасителя, и люди боялись пропустить хотя бы одно слово, потому что не только верили слышанному, но видели воплощение слов Иисуса Христа в жизни батюшки.

Это был живой голос свидетеля любви, голос сострадания ближнему, а не безлюбый голос проповедника, говорящего правильные слова, но не берущего на себя ответственности за них. «Вода и уксус имеют один цвет, – говорили святые отцы, – но гортань различает их».

В проповедях батюшки не было никакого привычного церковного красноречия, притворных «возлюбленные братья и сестры», что есть голос личины, голос небытия. Они были очень личными, наполненными любовью. Каждым словом он жил. Только тот, кто есть, может дерзнуть обратиться к Сущему.

По слову святителя Григория Богослова, «он нуждался лишь в немногих словах, потому что достаточно было самой жизни его для назидания». Проповедь о. Серафима была не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы (1Кор 2:4).

Эту тайну Любви Божией, которая учит без слов, познало сердце старца, и через него все приходящие люди приобщались к ней. Она открылась архимандриту Зинону, духовно чуткому к тому, что происходило в глубине души старца. Еще до монашеского пострига старец стал его духовным отцом.

«Я познакомился с отцом Серафимом в 1975 году накануне своего поступления в монастырь. Встреча с ним для меня была очень важным событием, потому что я увидел человека совершенно необычного. Я собирался поступать в монастырь, просил его благословения. Он сделал это с радостью. Так завязалось наше знакомство и продолжалось вплоть до его смерти. Потом, уже живя в монастыре, я к нему ездил в течение семи лет.

Мне всегда вспоминается эпизод из жизни Антония Великого. К авве приходили трое монахов, двое о чем-нибудь спрашивали, а третий все время молчал. Антоний, наконец, у

него решил узнать, почему он ни о чем не спрашивал. Тот ему ответил: "А мне достаточно на тебя смотреть»⁸. Так было и со мной. Почти никаких вопросов я о. Серафиму не задавал. Он всегда приглашал меня к службам, которые совершались у него в келье, и к обеденному столу; там были разные люди, задавали разные вопросы. Я слушал его ответы, наблюдал за ним, и для меня этого было достаточно. Я не слышал никаких сносшибательных ответов, не видел каких-нибудь чудес.

Я видел ту тихую святость, которая, кажется, и есть самая истинная. Я никогда не слышал, ни одного раза, чтобы он кого-нибудь осудил или о ком-нибудь пренебрежительно отозвался, хотя он видел всяких людей и много натерпелся от них. К нему приезжали разные люди, которые после выхода из его кельи друг на друга иногда не хотели смотреть. Но он относился ко всем с одинаковой любовью, всех умел объединять, они рядом с ним становились едиными. Это тоже одно из свойств святости.

Апостол Павел говорит, что для чистого все чисто, и если человек видит в других какие-то пороки, это обличает только его собственную нечистоту. И самое важное, что я открыл (это заметил еще старец Силуан Афонский): все святые похожи на Христа. Христа я представляю себе именно таким – кротким, тихим, жалостливым, участливым ко всем.

Христос в каждые эпохи открывается какими-то Своими новыми гранями. Человека конца XX века вдохновить, привлечь к себе может только Христос кроткий и любвеобильный, а не праведный и грозный Судья, хотя Он таковым и остается.

Вспоминая отца Серафима, убежден, что лучшая форма проповеди в наше время – это когда вы видите человека, который своей жизнью воплотил идеал Евангелия. Для меня это было откровением: он нес в себе образ Христа. Христа я себе другим представить не могу. Не по плоти, конечно.

Я знал очень многих священнослужителей, благочестивых, честных, но о. Серафим – святой. Это – тайна. Объяснить ее, как и всякую тайну, невозможно. Да и самая духовная жизнь есть тайна. Отношения человека с Богом настолько личные, что

желание передать их другому словами всегда обречено на неудачу».

Проповедь собственной жизнью исключала морализаторство, натаскивание, властвование, командование. Она давала каждому свободу выбора, вдохновение для внутреннего роста.

Нам порою кажется, что познать свои грехи можно только постоянной мыслью о них. Некоторых это доводит до уныния и отчаяния. Но святые умели познавать свою греховность видением святости Божией.

Авва Зосима, встретив Марию Египетскую в глубине пустыни, увидел себя лучше, чем за многие годы монастырской жизни. «Если бы возможно мне было, – говорил он святой, – непрестанно ходить за тобой, чтобы лицезреть твою святость».

Почему так притягивал к себе о. Серафим всех людей? Он открывал им то, что в них было сокрыто, – нетленную красоту.

«Святой влечет к себе и согревает, – писал протоиерей Сергей Булгаков, – и наполняет, и спасает, и зовет к подвигу, как журавли из выси небесной зовут нас к себе в высь, говорят и нам, что у нас в душе есть крылья.

Не знаем мы сами, что мы имеем от Бога, и вдруг святой – душой своей – являет нашу собственную силу и нашу собственную красоту чрез всю нашу немощь. И душа, рванувшись, поднимается в небесную высь и купается в свете и воздухе».

Духовную красоту, любовь, невозможно видеть безучастно. «Душа наша воспламеняется любовью и в ней сама уподобляется этой красоте, светит ее светом. Так, словно свеча от свечи, загорается любовь и светит святость в душах».

В большой любви не нужны слова, люди общаются сердцами, в молчании. Так умел говорить с ближними о. Серафим. «Однажды, еще в студенческие годы, – вспоминал его внук Димитрий, – я собирался уезжать на учебу и зашел к дедушке за наставлением и благословением на дорогу. Он отдыхал. Вслед за мной вошел архиепископ Соликамский Николай, старый друг дедушки. Они были почти ровесники. Дедушка начал подниматься навстречу владыке, но тот

попросил его не вставать, и мы сели на стулья. Так мы вдвоем и сидели минут двадцать. Потом дедушка сказал мне: "Ты пока собирайся, а мы с владыкой побеседуем. Потом зайдешь». Я подождал за дверью минут десять, но, не слыша никакого разговора, снова вошел. Владыка Николай сидел с закрытыми глазами. Дедушка, казалось, спал. Но только я вошел, владыка встал и говорит: "Вы, Ваше преподобие, пока проводите внука, а то он торопится (я действительно торопился), я потом зайду, мы еще побеседуем».

Я был очень удивлен этой неземной беседой. За тридцать минут они не сказали друг другу пяти слов».

Благодать научила их такому общению – непрерывному молчанию. Они радовались лицезрению друг друга и разговаривали сердцами.

Когда батюшка в 1980 году заболел, владыка Николай, его духовный сын, несмотря на преклонный возраст и болезни (ему было 87 лет), приехал в Ракитное и жил у о. Серафима две недели. «Теперь я за Вами буду смотреть», – сказал он.

Отец Серафим дарил людям свою любовь и вместе с ней – способность меняться, силу возрастать духовно. Она вела духовное чадо прямо ко Христу. О. Серафим никого не приводил к себе, а горел желанием уподобить всякого Христу. «Окрылить душу, вырвать ее из мира и отдать Богу, сохранить то, что по образу, если оно цело, поддержать – если под угрозой, восстановить – если повреждено, вселить Христа в сердце при помощи Духа и, короче говоря, сделать того, кто принадлежит к высшему чину, богом и достойным высшего блаженства», – вот цель служения пастыря Божьего, по слову Григория Богослова.

Люди видели в о. Серафиме такого пастыря, которому можно верить безусловно, ибо в нем жил Дух Святой. Они вслушивались в каждое его слово, даже в тон голоса, всматривались во все его движения. В нем все было чисто и свято.

«Хотелось слушать любое его слово, – вспоминает иеромонах Сергей (Рыбко), – ловить каждое его движение, готов

был исполнить все, что он скажет, пойти за ним, куда он позовет».

Люди, увидев его, встретив его любящий и внимательный взгляд, проникавший в самую душу, излучавший тихую радость и покой, падали на колени, плакали, а он радовался этим слезам как знаку начавшегося пробуждения их душ. Батюшка, разумеется, не относил этого поклонения к себе, зная, что Дух Святой действует через него. Он всегда оставался скромным и незаметным человеком. Физическая немощь о. Серафима только сильнее выявляла действие Святого Духа в нем.

Отец Серафим благоговел перед человеком, независимо от его греховности или святости. В каждом он видел образ Божий и хотел помочь другому увидеть его в себе. Если мы не увидим образа Божьего в человеке, то не можем считать себя истинными христианами. Благоговение было у о. Серафима и ко всему живому, к каждой былинке. «После дождя в храм шли всегда очень медленно, – вспоминает внук Димитрий. – Нужно было обойти всех червячков, жучков, паучков. Дедушка шел впереди и внимательно следил, чтобы никто не наступил на них».

Он с трепетом наблюдал, что совершал Дух Святой в людях, когда они начинали приближаться к Богу, и помогал им на этом пути. О. Серафим воспитывал своих чад в духовной свободе, в царственной свободе чад Божиих. Он показывал им своим примером, что их жизнь не зависит ни от земных правителей, ни от патриарха, ни от архиерея, ни от священника, ни от матери и отца, братьев и сестер, а только от Бога. Пред Богом мы все дети, творим одну молитву «Отче наш».

Возрастание в святости, к которой каждый из нас призван, о. Серафим считал самым главным. Как духовник многих чад, он стремился помочь им становиться совершенными, святыми, святыми Церкви Христовой, которую он называл «нашей чадолюбивой Матерью». «Славьте же Христа все, – говорил он в проповеди, – славьте Его в домах ваших, славьте Его в семействах ваших, славьте Его во всей жизни вашей».

Он хотел, чтобы они не теряли достоинства святых, не думали, что святой – абсолютно безгрешный человек, до

которого «нам, грешным, далеко». О. Серафим глубоко почитал святых, но не преувеличивал этого почитания, оставаясь верным Христу.

«Сейчас культ святых в Церкви, – говорил о. Зинон, – иногда принимает даже недолжные формы, потому что у нас почитают святых в первую очередь по той причине, что они за нас молятся, о нас ходатайствуют. Люди забывают, что главным и единственным Первосвященником и Ходатаем Нового Завета является Сам Христос.

Култ святых как бы заслоняет это служение Христа как Великого Ходатая, и большей частью от святых, которых канонизируют в последнее время, в первую очередь требуют, чтобы их житие было исполнено всевозможных чудес. Даже в жития тех новомучеников среди епископов, которые засвидетельствовали верность Христу и сложили свои жизни в лагерях, всячески пытаются втиснуть какие-нибудь чудеса.

К этому нужно относиться очень осторожно. В наше время процветает жажда всевозможных чудес, появилась масса всяких экстрасенсов, магов, знахарей, заговорщиков. Это – чисто языческий, нездоровый интерес ко всему мистическому. Его нужно всячески пресекать той здоровой мистикой, которая имеется в Церкви. Мистика в христианстве совершенно иного порядка и не той природы, что в язычестве».

Возрастание в святости совершается постепенно. В духовной жизни не должно быть рывков. Об этом о. Серафим напоминал тем, кто горячился, стремился к высшему раньше времени. «Приносили ко мне постников, – вспоминал он, – приходилось отпаивать их с чайной ложечки». Приезжала к батюшке одна семья из Запорожья, глава которой был грузчиком. Из аскетической ревности он в первую неделю Великого поста вообще ничего не ел и потом, естественно, заболел. «Как же так, – говорил о. Серафим, – работает грузчиком и ничего не ест». Он любил повторять, что высшая добродетель – не пост, не подвиг, а рассудительность. «Демоны возможное препятствуют нам делать, – говорили святые отцы, – а к невозможному принуждают». Он просил беречь свое здоровье, не брать на себя того, что непосильно, часто

повторял: «Здоровье нужно нам для молитвы». Наше дело молиться, трудиться, исполнять заповеди Божии, чтобы приготовить место в сердце Духу Святому, а все остальное зависит от Господа.

«Отец Серафим, – вспоминает о. Зинон, – бережно относился ко всему церковному наследию. Он говорил, что "все, что приняла и облобызала Церковь, для нас должно быть святым и обязательным».

Но при всем таком своем благоговейном отношении он всегда умел, как и оптинские старцы, творчески руководствоваться этими установками, поэтому, когда дело касалось отдельных людей, конкретных ситуаций, то он иногда мог поступить вопреки каноническим определениям Вселенских соборов. Не потому, что легко и пренебрежительно к ним относился, а потому, что помнил, что не человек для канонов, а каноны для человека.

Я помню, как он несколько раз возмущался, когда некоторые священнослужители налагали епитимью многодневного поста – целую неделю человеку не разрешали есть, отлучали от причастия на продолжительное время. Наши каноны это предусматривают. Там и сроки встречаются страшные (например, двадцать лет), но применять их нужно с рассуждением».

«Какое благо выше всего? – прилепиться ко Господу и пребывать непрестанно в соединении с Ним», – пишет преподобный Иоанн Лествичник.

Отец Серафим так и жил перед Тем, в Ком была вся его жизнь. Он имел навык и потребность в непрестанной молитве, весь был благодарение и хвала Богу. «Утром дедушка, – вспоминает внук Димитрий, – выходя из кельи, громко пел: "Слава в вышних Богу и на земли мир». Это он так меня будил». Казалось, что молитва покаяния была ему не нужна.

Оставшись в миру и живя в гуще народа, о. Серафим стяжал дух молитвы. «Это был святой отец, – говорил о нем архимандрит Трифон (Новиков), – о каких написано в древних Патериках».

Когда я впервые увидел о. Серафима, у меня было впечатление, что он только что вышел из египетской пустыни, где жил с великими духовными мужами, такими, как Антоний Великий, познавая тайны вечной жизни. Казалось, его место только там, в мире библейской тишины, там, где ничто не нарушало его глубокого созерцания Бога. У него был вид безмолвника, анахорета, посвятившего себя полностью молитве. От него исходил мир и покой.

Он брал тебя в этот покой, когда благословлял, произнося едва слышно и очень медленно, как дуновение тихого ветра: «Б-о-г благо-сло-ви-т». Ты выходил в этот момент из времени и погружался в вечность, в покой Господа. Для меня это была встреча с реальностями уже не материального мира, а с душой, ставшей светом.

С Богом у о. Серафима были личные отношения, поэтому, когда он молился, верилось, что Господь его слышит и старец чувствует Его, как живого, обращается к Нему с такой естественной интонацией, какая бывает в непосредственной беседе с близкими. Он так был поглощен беседой с Богом, что казался уже не молящимся человеком, а живой молитвой.

«Во время молитвы, – вспоминает насельница Пюхтицкого монастыря Ольга Удальцова, – он стоял, и тело его было совершенно неподвижно. Такое впечатление, что старец как бы покинул его. Лицо, обычно бледное, пламенело».

Достигнув вершины внутреннего сокровенного делания, созерцательной молитвы, о. Серафим не оставлял повседневного правила и всегда с большим желанием молился со всеми чадами и в келье, и в храме. Он не мог уйти от них, запереться в своей келье, как в пустыне, и пребывать там в изумлении перед Богом.

«Аскетизм, – писала мать Мария (Скобцова), – ставящий в центр всего свою собственную душу, спасающий ее, отгораживающий ее от мира, в пределе своем упирающийся в духовный эгоцентризм, в боязнь растратить себя, расточить хотя бы даже и в любви, – это не есть христианский аскетизм».

Отец Серафим умел сочетать созерцательную жизнь с деятельной, с жизнью людей, нуждающихся в его помощи. Он

имел молитву сострадания о всем мире. Все люди вошли в его жизнь, вместились в его сердце, память о них была у старца живая и ежедневная. «Спаси, Господи, за кого некому помолиться, спаси и тех, кто не хочет Тебе молиться».

Молитва о. Серафима, искренняя и сердечная, имела сильное действие, была чудотворна. «Однажды ехали в автобусе на железнодорожную станцию, – пишет внук Димитрий, – один крепко выпивший пассажир начал громко ругать священнослужителей, видимо, хотел вывести дедушку из молитвенного состояния. Но старался он напрасно. Дедушка молился, не замечая обидчика, и жестом остановил меня, когда я собирался прекратить безобразие. Вдруг тот человек замолчал, побледнел, начал задыхаться. Потом упал на пол и лежал тихо, пока не приехали на станцию». Когда о. Серафим с молитвой выходил из дома и направлялся в храм на службу, бесноватые, еще не видя его, начинали волноваться, кричать.

Нелегко было найти о. Серафиму равновесие между временем, отведенным на молитву, и долгими часами приема посетителей, часами выслушивания их. Но оно было найдено. Старец начинал свой день с келейного богослужения, на которое допускались и некоторые приезжие. Молитва о. Серафима, глубокая и сильная, преображала всех находящихся рядом с ним, они чувствовали себя духовно обновленными.

Однако маленькая келья не могла вместить всех желающих разделить молитвенное общение со старцем. В этом намоленном месте тебя обнимала тишина Богоприсутствия.

Вот обычный день старца, когда не было службы в храме.

4– подъем, келейная молитва до 7:00

7:00–9- общая молитва

9:00–10– завтрак

10:00–12– отдых

12:00–13:00, иногда до 15– прием болящих

13:00–16– келейная дневная молитва

16:00–17– обед

17:00–19– отдых

19:00–21– беседы с прихожанами

21:00–22– ужин

22:00–23– отдых

23:00–1- вечерние молитвы

1:00–4- ночной сон.

В богослужебный день после келейной молитвы о. Серафим вместе со всеми людьми с 6 до 15 молился в храме, затем до 17– были обед и отдых, до 20:00 снова молитва в храме, потом ужин и вечернее правило.

Когда батюшка сильно переутомлялся, то ложился ненадолго на кровать, не снимая сапог. Подремлет пятнадцать-двадцать минут – и на молитву. Часто так и спал, не снимая сапог. Батюшка не исполнял молитву как долг, она была для него внутренней потребностью.

«Он сидит в садике в кресле, – вспоминает внук Димитрий, – цветут яблони, акации, аромат в саду. Смотрю на дедушку, вроде бы спит. На лице никаких признаков жизни, весь белый, опускаю глаза и вижу, что четки в его руках движутся. Я, все еще в оцепенении, притронулся к его руке, а он открыл глаза и, как ни в чем не бывало, говорит: "Хорошо как в саду". И заплакал».

Будучи в лагере, в ссылке, о. Серафим всегда усердно молился, этого требовало его сердце. Отсутствие богослужебных книг не было помехой: память его полностью воспроизводила дневной круг богослужения. Когда он болел, читал целые главы из Евангелия наизусть.

Ракитное при отце Серафиме – это, можно сказать, был маленький монастырь, где службы совершались строго по уставу. Недопустимым, например, здесь было служение утрени вечером. Она всегда совершалась в положенное время – утром. Тем самым не искажался дух и смысл ее таинственных молитв: «Духом внутри меня я устремляюсь к Тебе, Боже, с раннего утра, ибо суды Твои совершаются на земле...», «Боже и Отче Господа нашего Иисуса Христа, поднявший нас с лож наших и собравший нас в час молитвы! Даруй нам благодать при отвержении уст наших...». Молитва становилась жизнью, а не обязанностью. Странно потом было для тех, кто вкусил сладость такой молитвы, видеть у себя на приходах совсем иную службу...

Отец Серафим понимал, что литургической молитвой надо жить, разуместь ее, только тогда возникнет полнота единения с Богом и с ближними, только тогда все будут участниками Евхаристии.

Евхаристию о. Серафим совершал с особенным духовным благоговением, и это неизменно ощущали все молящиеся в храме.

Дух соборной молитвы всегда присутствовал в богослужениях, совершавшихся о. Серафимом в Никольском храме. Здесь ничто не нарушало общую молитву, наоборот, было все, чтобы она состоялась. Пели как могли, иногда ошибались, но все исполнялось с вдохновением.

С внутренним трепетом и вниманием все участвовали в богослужении, что создавало, несмотря на переполненный молящимися храм, глубокую тишину, позволявшую о. Серафиму, очень слабому физически, никогда не повышать тихого голоса. Когда о. Серафим произносил молитвы, казалось, что слышишь не слова, а ощущаешь тихое веяние Святого Духа. Это была действительно молитва Духа.

«Со всей теплотой, каким-то неземным дыханием души, со многими слезами творил он о всех горячую молитву к Богу, – вспоминает архиепископ Владимирский и Суздальский Евлогий (Смирнов). – Я услышал такое чтение Евангелия, которое долго еще звучало в моей душе. Читал он всем сердцем, от глубины всего своего существа».

Во время богослужения о. Серафим никогда не спешил, все делал очень тщательно, потому что всегда был настроен на тихую беседу с Богом. Он рассказывал, как в молодости его потрясла и умилила служба в одном храме. Служили Евхаристию старенькие священник и дьячок; кроме них никого в храме не было. Дьячок своим дребезжащим голосом уже спел Херувимскую, но батюшка из алтаря почему-то не выходил. Дьячок ждал. Потом приоткрыл диаконскую дверь, чтобы увидеть, что происходит в алтаре. Батюшка стоял у Престола и плакал: «Пой еще, пой», – говорит дьячку. Тот снова запел Херувимскую...

«Он всегда внимательно относился к церковному уставу, – вспоминает архимандрит Зинов. – Старался не только не сокращать богослужение, а делать некоторые прибавления. Например, в изобразительных вводил сугубую ектенью о здравии и об упокоении». О. Серафим понимал, что устав существует для пользы, а не для рабства.

По окончании службы в храме, люди, светлые и радостные, не спешили уходить, поздравляли друг друга со Святым причащением, знакомились, беседовали. Царил пасхальный Дух. Пели, постепенно расходились. Кто-то попадал на трапезу к батюшке, остальные шли по домам, где их принимали на ночлег. Все это совершалось вопреки запретам властей, не разрешавшим о. Серафиму принимать людей. Согласно их распоряжениям, после окончания богослужения все должны были выходить за ограду храма, а службы можно было проводить только в субботу, воскресенье и в праздники.

Трапеза у батюшки устраивалась в его доме, в той же маленькой комнате, где он совершал свое молитвенное правило. Это была братчина, трапеза в складчину: паломники привозили и приносили еду. Такие трапезы были отзвуком «вечери любви» первых христиан.

Трапеза совершалась в несколько смен, потому что прибывали всё новые люди. За столом не только вкушали, но и беседовали о церковных делах, о духовной жизни. О. Серафим внимательно слушал, сам говорил мало, вступал в разговор, когда нужно было что-то уточнить, дополнить, но никогда не перебивал говорящего. О себе рассказывал мало, любил вспоминать свою учебу в Московской духовной академии. Батюшка иногда повторялся ради новых слушателей, что не всегда нравилось монахине Иоасафе: «Вы это уже говорили», – вдруг заметит ему она с раздражением. Батюшка кротко переносил эти упреки.

«Из его уст не исходило никакого пустого слова, – вспоминает архимандрит Кирилл (Павлов), – не произносилось шуток, и в нем не было лести. Все его слова были наполнены смыслом. Я не заметил и тени неудовольствия или раздражительности в его голосе, он никого не осудил, не

выразил какого-либо негодования, был кроток, скромн и смирен. Что меня больше всего поразило и запомнилось, – это его неподдельная любовь, исходящая из глубины его сердца, одинаковая ко всем. В присутствии батюшки всё умиротворялось. Да, этот человек был наполнен Божией любовью».

Во время трапезы о. Серафим потчевал всех – сам же едва притрагивался к еде. «Сядем за стол, – вспоминает староста Екатерина, – всего богато, а о. Серафим немного поест и уже не хочет». Насытившись духовной пищей, он мало заботился о телесной. Наслаждением для него была не еда, а духовное общение во время трапезы. «В его присутствии можно было пребывать часами без утомления и усталости от разговора» (архиепископ Евлогий).

Когда общение с кем-либо теряло духовный смысл, когда собеседник начинал кого-нибудь осуждать, о. Серафим выключался из разговора. К нему приезжал часто молодой священник, служивший где-то в верхах, и начинал рассказывать о «мелочах архиерейской жизни». Батюшка вставал из-за стола и уходил к себе в келью. Потом священник приходил к нему и, сидя на корточках у кровати, наклонившись к уху батюшки, продолжал свои рассказы... а тот засыпал.

Отец Серафим видел тех, о ком ему рассказывали, совершенно иначе. Кто на кого, кто с кем, кто против кого, – все это его совершенно не интересовало, потому что он любил всех людей, несмотря на их немощи и падения.

За семь лет до своей последней кончины о. Серафим умер во время богослужения в храме⁹.

Случилось это, как мне рассказывал сотаинник батюшки диакон Иоанн Бузов, ныне насельник Курско-Коренной обители иеросхимонах Иоанн, на Страстной седмице, кажется, во время вечернего богослужения. Батюшка предельно ослаб, и вдруг дыхание его прекратилось. Раздался вопль молящихся. Душа же о. Серафима в это время лицом к лицу предстояла перед Господом, и ей не хотелось расстаться с Ним. Но он услышал кроткий голос:

– Ты видишь этих людей, слышишь их вопли? Вернись к ним. Ты им нужен.

Отец Серафим еще семь лет после этого служил людям.

«Великим постом навестите меня», – сказал батюшка мне после исповеди у него в январе 1982 года. Вскоре пришло известие о его болезни. О. Серафим все более и более ослабевал.

Получив благословение и напутствие митрополита Леонида, я поспешил в Ракитное. Шла третья неделя Великого поста.

С трепетом я вошел в родную мне маленькую келью батюшки, внимая ее неслыханной тишине. Слева на аскетическом ложе лежал, как всегда, в подряснике, в сапогах, погруженный в одному ему ведомую глубину, отец Серафим. На его бледном лице я увидел печать физического угасания, но глаза его тихо светились, в них была неизменная любовь. Все говорило о переходе его в вечность.

Он попытался подняться и сесть на постели, но я его попросил не вставать ради его покоя. Беседа наша была тихой и светлой.

Батюшка не говорил ни слова о своей болезни, его интересовали мы, наша жизнь. Он радовался моему монашескому постригу, который только что совершил владыка Леонид. (Мне хотелось, чтобы батюшка, будучи моим духовным отцом, постриг меня, но этот вопрос он не мог решить без благословения владыки Леонида, тот же пожелал постригать сам. «Не смущайтесь, – говорил батюшка, когда я ему сказал о решении владыки еще в январской беседе, – Вас будет постригать та же рука». Владыка Леонид, как уже говорилось, постриг в монашество о. Серафима, и после пострига их духовное общение стало еще более глубоким. Батюшка радовался, что владыка-старец, как и его когда-то, принял меня под свой духовный покров. Имя Мелетия, архиепископа Харьковского, которого благоговейно почитал о. Серафим, несмотря на пожелание батюшки, мне не было дано. Владыка Леонид при постриге в миру в то трудное для Церкви время обычно оставлял иноку прежнее его имя, меняя только день Ангела).

Начинающийся уход батюшки от нас еще острее почувствовался, когда мы за трапезой увидели его место пустым. Вечером я попросил иподиакона Игоря, моего спутника из Риги, помолиться со мною о здравии батюшки. На другой день мы пришли на трапезу и, к нашей радости, увидели батюшку на своем месте.

Поразительным было то, что он выглядел таким же, как прежде – тихим и кротким, излучающим свет и покой, без малейших следов болезненности на лице. Сердце благодарило Господа за этот дар. Но на следующий день, день нашего отъезда, он вновь слег. Вопреки своей немощи, он принял нас. Игорь удостоился получасовой беседы. Хотелось услышать последнее напутствие, последнее его слово, но я не дерзал просить о нем. Батюшка сам сказал его: «Храните устав»¹⁰.

Последнее целование. Я не мог уходить из кельи, повернувшись спиной. Смотрел на батюшку и постепенно удалялся... До встречи в вечности.

26 марта архиепископ Курский и Белгородский Хризостом в сослужении духовенства соборовал о. Серафима. До последнего дня он причащался Святых Христовых Таин, пребывая в ясном рассудке и неустанно молясь. Казалось, в последние дни своей земной жизни он должен был думать прежде всего о своей душе, о таинстве ее рождения в вечную жизнь. Но матушка Иоасафа слышит, как батюшка, находясь в забытии с закрытыми глазами, к кому-то обращается с настойчивой просьбой: «Накормите их, накормите».

Он вступил в таинственное общение с теми, кому хочет поручить свою заботу о ближних. Матушка Иоасафа понимает, что не с окружающими беседует батюшка. Любящая душа о. Серафима не может оторваться от ближних, тех, кого он всегда любил и будет любить. Ничто не может разлучить его с ними.

Наступила Страстная седмица. Физические страдания батюшки усилились, но он терпел их кротко, помня сердцем своим страдания и муки Иисуса Христа. Зная, что после мучительного перехода душа увидит Свет.

Об этом Свете уже возвестило и ликующее пение «Христос Воскресе» участников начавшегося пасхального крестного хода.

Он приближался к домику батюшки, расположенному рядом с храмом. О. Серафим возможно уже не слышал этого пения, но оно присутствовало в его келье. Так дано было ему Господом последнее утешение – еще раз приобщиться к земной Пасхе.

На второй день Светлого Христова Воскресения, 19 апреля 1982 года, вечером, в 17 часов 15 минут под пение в храме «Христос Воскресе» душа о. Серафима разлучилась с телом. Его земная жизнь завершилась Воскресением, Пасхой. Великое таинство перехода в вечную жизнь свершилось. Он просил у Тебя жизни (Пс 20:5), и Ты дал ему ее, жизнь вечную. Начались непрерывные службы у гроба почившего.

Господь привел к смертному одру батюшки сотни людей (в церковной ограде, возле кухни в большую кучу были сложены их вещи).

Однако из-за препятствий, чинимых властями, многие не смогли проститься с батюшкой: были отменены рейсовые пассажирские автобусы на Ракитное, на поезда московского направления из Краснодара и с Кавказа не продавали билетов до Белгорода. В толпе у билетной кассы кто-то объяснял причину недоумевающим: «Говорят, в Белгороде умер какой-то святой».

Разбушевавшийся ветер подталкивал собравшихся к прощальному месту. Дно могилы прихожане выложили дубовыми досками, а стены обложили кирпичом. «Словно подземная келья», – заметил кто-то. Среди провожающих были «блюстители порядка» в штатском. Остерегаясь их, некий фотограф влез на крышу сарая и оттуда незаметно бросал заснятые пленки жене. Осторожность была не напрасной: у всех оставшихся внизу фотопленки были изъяты и засвечены. Перед погребением владыке Хризостому, отпевавшему о. Серафима, передали распоряжение властей: гроб с телом покойного не обносить вокруг храма. Владыка ответил: «Передайте им, что я сам знаю, как нужно совершать погребение».

По желанию о. Серафима его похоронили у алтаря с северной стороны, вблизи его кельи. В алтарной нише незадолго до его кончины был написан образ преподобного Серафима Саровского.

Безмерную утрату ощутили духовные чада батюшки. Вместе с тем они чувствовали его реальное присутствие, зная, что в Боге нет разлуки.

«Смерть дедушки я не воспринял, – пишет внук Димитрий, – и постоянно чувствую его присутствие. Он никуда не исчез. Другие поумирали, и вроде бы их и не было никогда, а дедушка всегда со мной».

То же выразил многолетний любимый алтарник о. Серафима Николай Ефимов из Москвы. На мое предложение написать воспоминания о батюшке, он ответил так: «У меня все время в мыслях Ваше предложение. Попытаюсь сформулировать, почему я этого не сделал до сих пор и не могу сделать сейчас. Основная причина такова: я постоянно живу с мыслью об о. Серафиме как о живом. Поэтому всякие записанные мною воспоминания вызывают диссонанс в моем этом к нему отношении. Воспоминания предполагают, что событие ушло в прошлое. Для меня же это все подчас реальнее и современнее, чем то, что окружает меня в настоящий момент. Я живу этими воспоминаниями, они пульсируют во мне постоянно, находятся в кипящем состоянии, поэтому записать их на бумагу не представляется возможным».

Он жив, любит нас, молится за нас и помогает нам, ибо, по слову преподобного Силуана, «любовь не может забыть».

Для о. Серафима смерти не было и нет: он никогда не разлучался с Богом.

По-прежнему приезжают в Ракитное в Никольский храм его духовные чада, чтобы в таинстве общения с ним на его могилке напитаться духом любви и вернуться в нашу пустыню жизни, сердцем которой он был, есть и будет.

II. Таинства жизни

Иисус Христос – Исполнитель Закона и пророков

Тема моего выступления – Христос – Исполнитель Закона и пророков. Иисус Христос сказал: «Не думайте, что Я пришел нарушить Закон. Не нарушить пришел Я, но исполнить». То, что Он приносит, – конечно, ново, однако не нарушает прежнего.

В чем же заключается исполнение Закона, которое Иисус приносит на землю? Закон свят и духовен, но сам по себе он не может спасти плотского человека, который предан греху, ибо закон дает лишь знание добра, но не силу уклониться от греха. Как детоводитель и опекун народа Божьего во время его младенчества, Закон вызывал в народе желание невозможной праведности – с тем, чтобы дать ему лучше понять абсолютную для него необходимость в единственном Спасителе.

Когда же Спаситель пришел, народ Божий перестал быть в подчинении детоводителю. Христос Своей жизнью исполнил Закон, который стал Законом Христовым. Закон уже не является внешним по отношению к человеку. Дух Божий запечатлевает его в наших сердцах, вызывая в них любовь. Христос – конец Закона. Закон не мог достигнуть поставленной ему цели, то есть освящения людей. Закон ничего не довел до совершенства. В нем была только тень будущих благ. Был только несовершенный образ жертвы Христа. Новое же домостроительство содержит реальность этих благ, ставшую нам доступной в образе, передающем их в осязуемом выражении.

Его вершина – царственный закон любви. Только Христу присуще единение с Богом и со всеми людьми. В Нем обитает вся полнота Божества телесно. Вся Библия свидетельствует об исполнении Христом Своих замыслов.

«Исполнить» означает больше, чем сделать. Слово это выражает идею полноты. Весь Ветхий Завет был обращен к откровению Иисуса. Исполнения, указанные там, были лишь долгой подготовкой к полному осуществлению замыслов Божьих в земной жизни Иисуса.

Смерть Иисуса на Кресте исполнила все об Иисусе до самого конца. Итак, все исполнения Священной истории

обращены к пришествию Христа, а в жизни Христа сосредоточиваются в Его жертве. Так во Иисусе Христе исполняются обетования Божьи – в Нем «Да» и в Нем «Аминь».

Человек не может быть совершенным, только исполняя Закон. Чтобы оправдание Закона исполнилось в нас, надо было, чтобы Бог послал нам Своего Сына. И чтобы через Его Сына мы приняли Духа Святого. Поэтому мы больше не под Законом, а под благодатью. Дело, исполненное на Кресте Христом, продолжается во времени, пока не наступит День Господень, кончина века, возвещенная Ветхим Заветом и Новым Заветом, которая будет всецелым исполнением замысла Божьего во Христе.

То, что пророки возвещали, было обращено к будущему. Они видели это будущее, которое уже приближается, верили, что наступит час милосердия. Христос – это Тот, чье слово исполняется сегодня, потому Он сегодня живет с людьми, живет с каждым христианином, который захочет его найти.

Католический святой Шарль Фуко говорил: «Боже мой! Каждое мгновение нашей жизни – мы у Тебя на глазах. Доверительное общение с Тобой, гораздо ближе к Тебе, гораздо теснее с Тобой связаны, чем могли бы быть связаны с каким бы то ни было человеком. И Ты не только близок нам, Ты вокруг нас и внутри нас. Ты обволакиваешь нас и нас наполняешь. Положимся на Него, исполним свое предназначение. Исполним волю Божью».

Совершенство заключается не в каком-либо деянии, но в совершенстве любви. Живой, а не мертвой любви. Любви творящей и претворяющей все во всю жизнь в любовь. Такая любовь не бывает бесплодна. Не надо нам искать удовлетворение в вещах мира сего, ни в материальных благах, ни в чем-нибудь, что воспринимают наши чувства, ни в духовных богатствах, ни в какой твари. И ни в чем, что не есть Бог.

Чем более мы свободны от всего, что не есть Бог, тем более мы можем наполниться и насытиться Богом. Тело погружается в Бога как губка в безграничный океан – океан

совершенства, красоты, блаженства, любви, божественной святости, которая пропитывает его, наполняет его, окружает его.

Блаженство Бога бесконечно. Христос изглаживает любой изъян и возвращает былую красоту во всей полноте. Христос пришел на Землю, чтобы создать лучший мир. Мир, в котором мы живем, не совершенен и незавершен.

Его нельзя назвать ни мудрым, ни счастливым, ни добрым, ни чистым, ни даже просто чистоплотным. Человечество – только сырье, почти все в нем еще не завершено, несовершенно.

Дело Творения продолжается. Этой Вселенной, в которой мы живем, еще предстоит явиться в совершенном свете и красоте.

Христос пришел, чтобы завершить его. Он хочет довести человечество до совершенства. Христос дает нам живую полноту Любви, неутомимо жаждущей давать все больше и больше.

И наше сердце должно открыться этой Любви, принять ее и бережно хранить и растить ее. Аминь.

Таинство свободы

Господь Иисус Христос сказал: «Не вы Меня избрали, а Я вас избрал». Не есть ли в этом избранничестве насилие над свободой человека? Не я выбираю, меня выбирают.

Но избранничество – это призыв. Господь нас призывает к Себе, к вечной жизни. Призыв не есть насилие. Господь ждет нашего отклика, и человек, имея внутреннюю свободу, выбирает Бога или нечто другое. К сожалению, люди в этом мире часто выбирают не Бога, а то, что ниже Бога, ищут Его даров, а не самого Бога, и таким образом лишаются самого драгоценного, высшего дара, который Господь нам дал: свободы, или, иначе сказать, любви, потому что свобода есть любовь, и без любви нет свободы, и без свободы нет любви.

Из всех религий только христианство признает: самая насущная наша потребность – свобода, свобода жить без греха, покинуть темницу страстей и стряхнуть оковы. Эта свобода от греха, прощение грехов приходит от Господа. Высшая ступень жизни человека наступает, когда исчезает рабская привязанность к чемулибо. Тогда вся жизнь человека проникнута Богом. Наша преходящая жизнь тоже получена нами от Бога как свободный дар любви. Человеку нужно научиться выбирать то, что освобождает нас от нашего эго и открывает дверь к новому бытию.

Когда наш разум занят всякими идеями и воля опутана страстями, то они не могут принять семян неведомой истины и высшего желания. Пока я люблю рабство, во мне не взойдут семена свободы. Пока я полон всяких суетных желаний, я не смогу желать Бога, и Бог не в состоянии взрастить во мне Своей свободы, потому что я узник, который не хочет на волю. Я люблю свой плен, сам себя заключил в темницу, желая того, что сам ненавижу. Воля Божия сеет во мне свои семена, и если бы они укоренились в моей свободе, если бы во мне возшла воля Божия, то я стал бы любовью, которая есть Бог, а жатвой моей была бы радость и Его слава.

Бог дает нам свободу стать, кем мы захотим. Наше призвание в этой жизни не просто быть, а творить вместе с Богом. Мы свободные существа, Его дети. Иначе говоря, мы должны не влачить существование, а уметь выбирать истину и уметь приобщаться к творческой свободе Бога, изменять не только свою жизнь, но и жизнь своих близких.

Вместе с Богом мы должны творить вечную жизнь. К сожалению, многие люди в этом мире находятся в рабстве у самих себя. Если я раб самого себя, то мой господин – я сам. Человек становится самодостаточным. Выход – сменить господина, найти Господина с большой буквы. Вспомним Первую заповедь Господа, Который нам говорит о том, чтобы у нас не было никаких других богов, кроме Него Самого.

У иудеев было ощущение, что они самые свободные существа. Когда же Христос говорил фарисеям о духовном рабстве и обличал их, то они этого не понимали. У них не было высокого самосознания свободы.

Если я господин сам себе, то я раб, я самодостаточный человек, я живу в замкнутом пространстве и раб самого себя. Апостол Иаков, говоря о вере человека, замечал, что эту веру нужно показывать на делах. Это означает, что без ближнего я не могу прийти к Богу и желанной свободе.

Когда я думаю о свободе, я понимаю ее как общение с Богом и с ближним на расстоянии двух свобод. То есть невозможно что-то навязывать Богу, невозможно что-то навязывать ближнему, нужно общаться и с Тем, и с другим без всяких препятствий. Если возникает навязанность, она становится таким препятствием.

Когда я начинаю что-то требовать от Бога или навязывать свою волю, я теряю свободу и унижаю Бога. Бог не терпит магических отношений, Он их отвергает. Ветхий Завет предлагал идти за Живым Богом, а не за идолами.

Есть две свободы, о которых я уже сказал: моя свобода и свобода ближнего. Моя свобода – в том, чтобы мне выйти из рабства самому себе. Свобода ближнего – в том, чтобы я не стал преградой на его пути к Богу.

Это минимум. А максимум – помочь ему во всем, в чем он нуждается, без всякого насилия.

Такое насилие по отношению к Богу мы видим в притче о брачном пире, когда на пир пришел человек, одетый не в брачную одежду. Брачная одежда – это редкое одеяние, все гости получали ее, хозяин щедро давал ее, а пришедший на пир не захотел взять эту одежду, тем самым он как бы сказал: я и так хорош. Хозяин пира говорит ему: «Друг, почему ты не в брачной одежде?» Хозяин говорит это ласково, а он молчит, ему стыдно. Стыд – это еще не покаяние. Молчание длится. Это состояние показывает, что человек сам себя заключил в темницу. Ему предлагали брачную одежду, звали быть избранным, а он говорит: «Я и так хорош». Он раб потому, что смотрит на дары Бога, а не на Него Самого. Он пришел на пир поесть, а не потому, что он любит Хозяина пира. Господь заметил это его состояние, не увидел в нем любви. Это отношение к Богу было насилием над Богом. Господь не принимает этого насилия. Пришедший на пир остается рабом и сам себя извергает из общения с Богом. Не Бог его выбрасывает, а он сам себя уводит от Бога, выпадает из этого общения, потому что возлюбил не то, что нужно. Ему нужно было возлюбить Господа, а он возлюбил то, что ниже Бога, Его дары.

Духовная свобода дарована нам Богом, ею нужно дорожить, учиться дорожить этим даром в самом себе и в других. Господь дал каждому человеку полную свободу, Он зовет. Но откликнуться или нет на Его зов, решает каждый человек сам. Дар духовной свободы – великий дар Божий, и ни Сам Господь, ни тем более человек на него посягать не могут.

Возблагодарим Господа за то, что мы имеем этот высший дар. Будем стараться этот дар не только хранить, но и воплощать в своей жизни, то есть учиться служить в любви и Богу, и ближним. Только любовь может этот мир преобразить и изменить к лучшему.

Патриарх Константинопольский Афиногор говорил, что человек, освобожденный от своих индивидуальных ограничений, находит в Боге бесконечность своей свободы. Он бросается в

Него, чтобы стать тем, кем он стремится стать, повинуюсь глубочайшему велению своего существа. Он бросается в Него, как птица в небо и рыба в океан. Нет больше смерти, есть лишь свобода. Аминь.

Личность как диалог

Человек не может быть самодостаточным, это означало бы, что его нет. Духовной жизни нет, когда человек один, ибо он не создан для одиночества – он создан для общения, для диалога.

Удивительная и таинственная способность человека быть собеседником Богу укоренена во внутренней жизни Святой Троицы. Из внутренней жизни единства Троицы рождается мысль о человеке как способном быть собеседником Богу.

Бытие, по слову С. Аверинцева, – это пребывание внутри разговора, внутри общения.

Есть нужда человека в Боге, и есть нужда Бога в человеке. Бог имеет в себе жизнь. Он есть общение, общение в Любви. И человек создан для общения с Богом.

На Кресте Иисус Христос говорит: «Жажду!» Чего Он жаждет? Он жаждет человеческой любви. Это Бог, Который жаждет человека. Как важно это понять, поверить в это реально, так, чтобы мы вошли в молитвенное общение с Ним, в поток этой жажды. Бог вложил в человека жажду Духа, жажду по Себе.

Вся жизнь человека – в том, чтобы постоянно общаться с Богом. «Моя жизнь – в том, чтобы слушать, Его – в том, чтобы говорить», – писал один святой.

Любовь – это общение, и Господь хочет всегда быть с человеком, общаться с ним. Диалог, который начался «в начале», должен длиться вечно, потому что Бог сотворил нас для вечной жизни. Поэтому в каждом из нас имеется неистребимое желание жить всегда.

Личность, если ее понимать как диалог, является чем-то изначально данным, метафизическим зерном. Но это только начаток личности, она должна пройти путь становления. Когда Господь говорит: сотворим человека по образу Нашему (и) по подобию Нашему (Быт 1:26), эти слова содержат в себе направление, указание на то, что становление личности, человеческого духа будет происходить постепенно посредством диалога с Богом.

Образ внутри человека – как бы возможность диалога, а подобие – уподобление.

«Я» не есть еще личность. «Я» должно стать личностью. Общение между «я» и «ты» и «мы» помогает «я» стать личностью.

Личность укрепляется в общении, в выходе из себя в другого.

По слову Николая Бердяева, человеку присуща внутренняя социальность. Человек есть социальное существо, и поэтому реализовать себя вполне он может лишь в общении.

Мартин Бубер верно говорит, что «я» не существует без отношения к другому как «ты». Без общения с другими, без диалогической беседы «я» нет.

Одиночество человека преодолевается потому, что есть Бог. В Боге человек обретает полноту и осмысленность своей жизни.

Когда может состояться диалог между человеком и Высшим, в том понимании, что Господь выше твари?

Человеку очень трудно беседовать с Богом. Партнеры диалога не равны. Господь говорит: Мои мысли – не ваши мысли, ни ваши пути – пути Мои (Ис 55:8), то есть никогда человеческое «я» не может с Господом говорить как с равным.

Диалог может состояться тогда, когда независимое Существо, то есть «Я» Бога обращается к человеку как к «ты». Человек не может начать разговор с Богом, если Бог не создаст благоприятные условия для этого диалога.

Сам факт воплощения Сына Божия – это уже есть некая уступка Бога или шаг Господа вперед, чтобы развить диалог с человеком. «Я» Бога как бы уменьшается, ограничивает Себя, то есть становится достигаемым полю зрения человека. Истинный диалог становится возможным только тогда, когда более сильный становится в равное положение с более слабым.

Так поступает Господь с человеком. У Бога нет трудностей заставить человека делать то, что Ему угодно.

Но почему же Господь этого не делает? Потому что Он сотворил человека свободным, для жизни вдвоем в этой свободе.

Принудить Бога к диалогу невозможно. Так же невозможно принудить человека к диалогу. Это будет уже допрос. Для того, чтобы диалог был полноценным, необходимы свобода, внимание и любовь.

Господь говорит с Адамом. Адам знает Бога, он живет этим диалогом. Ему дана для жизни и пища, но основная суть жизни Адама – это разговор с Творцом.

Когда человек преодолевает свою самость, он достигает такого предела, что становится другом Бога. Диалог сердца такого человека с Господом является уже тайной.

Такой диалог описан, например, в опыте святых отцов, представленном в Добротолюбии, или в писаниях преподобного Силуана Афонского. Но мы всегда должны помнить, что все эти произведения – лишь маленькие лучики от того огня, которым жили святые. Передать в языковой форме всю глубину этой жизни в общении с Богом просто не в человеческих силах, не в возможностях языка.

Человеческий диалог с Богом иногда очень драматичен, трагичен.

Со стороны Бога препятствий к диалогу нет. Причина препятствий – в человеке.

Когда мы говорим Богу «Ты», то понимаем, что Он Личность. Если для меня Бог не живой, не реальный, а какое-то представление о Нем, то я беседую со своей страстью, которая приняла облик Бога.

Страсти как бы говорят и приказывают личности. Происходит раскол личности, и психиатрия описывает этот раскол.

Во времена Шекспира в европейской культуре начинается такой диалог, как разговор человека с самим собой. Гамлет, решая вопрос жизни – «быть или не быть» – обращается не к Богу, а к самому себе.

Это попытка замены Бога. Диалог с самим собой оказывается разрушительным для человека. Не может человек молиться самому себе и разговаривать с самим собой: он не источник жизни.

В Иване Карамазове мы видим героя-интеллектуала, который возвышает себя над толпой, но вся его жизнь – это диалог с самим собой. Он не может услышать другого человека, потому что слышит только себя самого. Духовная логика неумолимо ведет к тому, что в конце концов он беседует с дьяволом.

Когда человек доходит до предельного самообожения, он попадает в прямую связь с бесовским миром.

Если человек принимает такую установку: я есть единственное начало, тогда, естественно, он не может принять Бога и Христа.

Не может устроить человека и тот диалог, который ведут с ним современные средства массовой информации. Это информация в никуда, то есть ни к кому лично не обращена.

Мой знакомый говорил: «Мне очень не нравится слушать радио, смотреть телевизор, читать газеты, потому что я чувствую, что там, за исключением некоторых передач и статей, со мной никто не разговаривает, все говорится не ко мне, то есть этой информации безразлично, что я думаю, как себя чувствую, чего я хочу. Мне дают информацию, которая заседает в памяти или даже глубже – в сфере подсознания, и тем самым хотят изменить русло моей жизни. Ко мне относятся не как к личности, то есть не спрашивают разрешения, согласия, хочу ли я это знать. Я могу выключить радио или телевизор, но сам поток информации, который идет, отнюдь не способствует диалогу между людьми».

Если в жизни нет присутствия Логоса, смысла, то жизнь превращается в бессмысленное столкновение немых масс. Все что-то кричат, и никто ничего не слышит, не слушает, все хотят перекричать друг друга, а смысла от этого – никакого.

Вся новая европейская культура являет драму этого псевдиалога, этого раскола личности, которая уже не умеет находиться в диалоге, выпадает из него и потому мучается.

Мы видим, как технизируется мир, как книга уступает место компьютеру, письмо – электронной почте. Письмо – это тоже некая форма диалога, где более присутствует личное качество,

почерк человека, его душевность. А в электронном виде многое теряется.

Нельзя сказать, что в технической коммуникации нет никаких проблесков диалога. Там есть жажда диалога. Но все обращено к некоему незнакомому объекту.

Преткновенный камень диалога – это двухсторонняя свобода, общение на расстоянии двух свобод.

Препятствия со стороны Бога начинаются тогда, когда человек говорит с Богом в приказной форме, начинает командовать, настаивать, то есть ведет себя как язычник: он идола о чем-то попросил, тот не выполнил – за это его срубают, сжигают, рассчитываются с ним.

Когда такое языческое отношение начинает действовать в молитве, то есть мы от Бога что-то требуем, сразу появляются препятствия со стороны Бога, потому что Бог не согласен быть рабом наших страстей. Бог не может изменить Своей природе. Он не даст Собой манипулировать. Человек может капризничать до упаду, и очень часто эти людские капризы заканчиваются трагически. Но Бог остается Богом.

Если человек обоготворяет себя, ставит самого себя на место Бога, то ему не с кем вступить в молитвенный диалог. Его человеческий логос торжествует, но он оказывается в пустоте. Естественно, двум богам не ужиться вместе.

Встреча двух логосов: Логоса Божественного и логоса человеческого – это кризис.

Человек или распинает Логос Божественный во имя торжества своего логоса, или принимает Его и отрицает свой логос во имя Логоса Божественного.

Можно ли выйти из диалога с самим собой? Или это тупик?

Начало восстановления личности – вступление в диалог со Священным Писанием как Словом Божьим. Когда мы читаем Священное Писание, то с нами говорит Сам Господь. Если мы принимаем Слово жизни, то оно созидает нас, формирует нашу личность.

В Ветхом Завете больше всего диалогов с Господом у Авраама.

Чтобы человек вступил в разговор с Богом, он должен забыть себя. На языке аскетики – стать простым.

В Библии об Аврааме сказано: «человек простой». Простой – не значит глупый, а – целостный. В диалоге он забывает о себе, думает только о Боге, тянется только к Нему.

Диалогу с Богом предшествует вера человека, акт веры, в котором человек выходит за границы собственных знаний.

Если диалог истинный, он всегда совершается в духе веры. Дух веры – это самая суть, кровь диалога, потому что диалог в высшем смысле не может проходить в духе знания. Знание всегда предполагает как бы объективистскую установку, объективное наблюдение и корректировку своего поведения.

Господь Иисус Христос приходит в этот мир в духе веры, то есть Господь так любит мир, что доверяет этому миру, приносит в дар

Сына Своего Единородного, чтобы стало возможным возобновить утерянный диалог.

Иисус Христос призывает нас к вере, просит не терять ее, потому что в духе веры есть жизнь, есть возможность обретать все новый и новый опыт, новое общение, новое измерение своей жизни.

То слышание, к которому мы призваны, совершается в сердце. Господь выбирает для этого наше сердце. В нем Он являет Свое присутствие и Свою Любовь.

Только в сердце Слово может стать плотью и преобразить человека.

Во время службы перед возвещением Слова Божьего звучит призыв: «Премудрость, вонмем!¹¹ Услышим Святое Евангелие...» Все наше существо должно обратиться в слух. Перед заключением завета со Своим народом Бог говорит ему: «Слушай!»

Когда Бог спросил во сне царя Соломона, чего он желает, тот, имея много сокровищ, понял, что самое важное – это иметь слушающее сердце: Даруй же рабу Твоему сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать, что добро и что зло (3Цар 3:9). И Моисей, переживший Божие прикосновение, просил, как и царь Соломон, сердце слушающее.

Нам всем дана возможность погрузиться в глубины нашего сердца, в глубину молчания и обрести Божественное безмолвие.

Как мы слушаем, и что мы слушаем?

Часто мы охотнее слушаем слова лукавого, нежели слова жизни. Поэтому нам нужно очищать свой слух, учиться различению духов, о приходящей мысли спрашивать себя – от Бога ли она, от плоти или от бесов.

Это духовная аскеза.

Мысль, идущая от ума, почти не затрагивает наше сердце, она уходит и приходит, уступая место другой.

Христианину необходимо каждый день поддерживать в себе состояние открытости к присутствию Господа. Уходить с поверхности жизни, где мы подвергаемся постоянно разным прельщениям, в глубину ее – вот то постоянное усилие, которое мы должны совершать. Нужно возвращаться в свое сердце, в то место, где пребывает Бог и где Он нас ждет.

Когда мы находимся в присутствии Отца, предстоим перед Ним, можно ничего не говорить, только погрузиться в молчание, и в нем может прозвучать Его Слово.

Господь избрал в храме нашего тела место, чтобы говорить к нам и являть Свое присутствие. Он говорит нашему сердцу.

Так говорил Господь с одним юношей, который в детстве был крещен, но потом несколько лет жил вдали от Церкви. Однажды он неожиданно ощутил желание пойти в храм. Вот его свидетельство.

«Это было желание, которое я не могу объяснить, но оно существовало и подталкивало меня. И вот я решил пойти в храм в воскресенье вместе с моей матерью.

Я забыл все, что связано с литургией и с молитвой, но как только я вошел в храм, я понял, что меня ждут, что я пришел на встречу с кем-то. Я еще не знал с кем, но уже одно то, что я находился в этом месте, приводило меня в состояние слушания чего-то или кого-то, кто вскоре должен был открыться.

Я был там, внутри храма, мне была назначена встреча, и я не хотел упустить этот случай. Я был рядом с матерью в глубине храма. Служба началась. Слова священника были для

меня пищей. В его словах, в его жестах, в его молитвах я искал лицо того, кто пригласил меня.

В конце проповеди я закрыл глаза и обнаружил внутри себя тишину, тишину Бога, Которой говорил во мне. С этого момента я был далеко от всего внешнего, и это лицо становилось все более ясным и очень, очень безмолвным.

Ничего, кроме этого присутствия, обитающего во мне; я еще не мог разгадать его, но оно жило во мне; мое сердце приготовилось увидеть Того, Кого я искал.

Священник вознес дары. Я стоял на коленях, смотрел на них, и я понял, что это Он. Мои глаза были закрыты; мои руки соединены, и мое сердце открыто.

Больше не было никого, кроме Него и меня, в тишине. Его присутствие охватило меня, я был наполнен Им, и мне было этого достаточно.

Моя мать начала проявлять обеспокоенность, видя меня столь поглощенного молитвой. Она начала толкать меня локтем и спрашивала: "Что с тобой?" Я отвечал: "Я молюсь».

Я встретил Того, Кого искал, я нашел Его. Я находился в храме и одновременно внутри моего сердца. Я находился внутри Храма Тела Христова, которое есть Церковь, и внутри Храма моего тела, я встретил моего Возлюбленного в моем сердце. Больше ничто не заставит меня потерять Его. Он призвал меня стать священником для Его Царства».

Это пример чуткого сердца, которое расслышало призыв Господа и откликнулось на него. Мы часто понимаем диалог как разговор человека с Богом, человека с человеком, Церкви и общества, – как разговор, делая акцент на говорении. На самом деле суть истинного диалога не в говорении, а в слышании. Дар слышащего сердца дан каждому из нас, и наше призвание – принять его и развить. Как в древние времена Господь говорил Израилю: «Шма, Израэль!» – «Слушай, Израиль!», так и сейчас Он призывает каждого из нас: «Слушай!..»

Молитва как диалог

Человек создан для общения с Богом, для жизни вдвоем.

Диалог, который начался «в начале», должен длиться вечно, ибо сам диалог вечен.

Слова: сотворим человека по образу Нашему (и) по подобию Нашему (Быт 1:26) подразумевают, что Бог есть общение, общение в любви.

«Творец приводил творение в бытие тем, – пишет С. С. Аверинцев, – что окликал вещи, обращался к ним, дерзнем сказать – разговаривал, заговаривал с ними, и они начинали быть, потому что бытие – это пребывание внутри разговора, внутри общения».

Вторая ипостась Святой Троицы называется Логосом, по-гречески – Слово, от того же корня происходит слово «диалогос» – то есть «слово двоих».

Человек несет в себе возможность диалога, он тяготеет к диалогу, он изначально погружен в первожизнь.

Духовная жизнь не может развиваться в одиночку, ибо человек создан для общения. Конечная цель человека – соединение с Богом, обожение, одухотворение. Это единение есть тайна, совершающаяся в каждом из нас.

Нам, христианам, для достижения этой цели даны все условия в Церкви. Как же совершается наше единение с Богом? Вовсе не в результате какого-то бессознательного процесса, а Духом Святым и нашей свободой, ибо человек принадлежит к Царству Духа.

Все мы когда-то становились на первую ступень этого диалога. Это наше общение с самыми близкими людьми – с отцом и матерью. Когда человек появляется на свет, мать и отец являются для него зримыми образами невидимого Бога. Через них он получает дар жизни, с ними он вступает в первое, еще дословесное общение – через прикосновения, ласку, внимание, заботу.

Но сотворенный для общения в любви человек вдруг добровольно разрывает общение с Богом, отказывается

слушать и быть услышанным. Творение Божие оставляет Творца.

Сатана, имитируя Бога, начинает говорить с Евой. В этом разговоре мы видим такую черту, как манипуляция. В истинном диалоге нет своекорыстия, нет намека на манипуляцию. В словах змея Еве мы видим не диалог, а как бы антидиалог. Это попытка проникнуть, как-то втиснуться в человека, в душу его, подавить человека, попрасть его свободу. Сатана, соблазняя Еву, всевает в нее семя самодостаточности.

Вы, – говорит он, – вкусив запрещенный плод, станете как боги, будете самодостаточны, самоопределены. Когда же идея самодостаточности входит в человека и он принимает ее, захвачен ею, это калечит его врожденную способность к общению с Богом.

Вследствие выпадения из диалога человек стал смертным.

После грехопадения Господь не оставляет человека, не молчит, как это представляли себе деисты (и о чем говорят некоторые современные мыслители).

Бог хочет продолжить диалог с человеком: Богу еще есть что нам сказать и есть что услышать от человека. Разговор продолжается. Это потому, что Бог жаждет человека. Любовь Божия не может забыть человека.

Но человек становится не способным на диалог.

Точка встречи Адама с Богом при вторжении сатаны исчезает. Прежняя возможность войти в более глубокую, обширную реальность, чем «ты», потеряна. Адам уже не находится в этой точке встречи. Там Господь его ищет: «Где ты?», но не находит.

До грехопадения Адам пребывал в свободных отношениях со всем творением. Он был поставлен во главу угла творения как предстоятель диалога всей твари. Когда Адам нарекает имена, он вводит тварь в общение с Богом. Он сам имеет дар разговора с Богом, дар понимания. И он этот дар сообщает и другой твари. Через Адама вся тварь входит в эту симфонию прославления Бога, сущность которой есть радость.

Можно сказать, что синоним диалога – это радость. Митрополит Антоний пишет, что Сретение (встреча) по-сербски

значит «радость». Недаром преподобный Серафим Саровский встречал людей словами: «Христос Воскресе, радость моя!»

То есть каждая личность в этом мире, которая несет в себе свет общения, свет диалога, является источником радости для другого человека, как Адам был радостью для Бога.

Изначально диалог есть только радость.

После падения Адам, нагой и бессильный, стал скорбью для Бога. Так и любая личность в нашей жизни является радостью, и потеря общения, разговора с нею – скорбь для нас. Общение при утрате общности есть скорбь, поэтому диалог после грехопадения – иной.

Во-первых, это скорбь Бога: «Где ты, Адам?» В этом призыве есть внутренняя боль, даже вопль о человеке.

Для Адама диалог с Богом тоже является уже не радостью, а мучением. Он чувствует, как его наполняет страх, он прячется, он уже не свободен. В диалоге он уже не может предстоять.

Он все время как бы падает, и это – онтологическое падение. Он потерял возможность самостоять. Он должен опереть свое существо, свое существование на какие-то объекты.

Человек уже не является свободным, и смысл своего бытия находит в подчинении других личностей себе, потому что он уже не живет Богом, не имеет радости внутри себя.

Но Господь неизменно любит мир, человека, доверяет им и возводит их к утерянному диалогу через своих глашатаев – Ноя, Авраама и Моисея, судей и пророков.

В конце концов, по исполнении времен Господь говорит через Сына Своего Единородного – Иисуса Христа, Которого принес в дар, чтобы стало возможно возобновить утерянный диалог.

Как человек может начать восстанавливать общение с Богом?

Не с того, что мы рассмотрим все наши падения, все изъязны и будем в следующий раз осторожнее и осмотрительнее. Это приведет к тому, что мы закончим в духе Экклезиаста – высокой печали, что все суета сует. Печальная

нота этого мудрого произведения – в том, что автор утерял детское доверие, детское отношение к миру.

Обновиться диалог может опять только через дух веры, потому что в духе веры есть жизнь, есть возможность обрести новый опыт, новое общение, новое измерение своей жизни.

Когда Иисус Христос говорит: «Станьте как дети!», это означает, что ребенок – райский Адам – есть сама жажда диалога. Он, как Адам, прикасается к чему-то, хочет говорить с вещами, с солнцем, с людьми, с животными.

Когда мой знакомый спросил своего маленького сына: «Что ты делаешь ночью?» тот ответил: «Ухожу к Богу».

Жизнь ребенка дышит духом доверия. Важно не потерять этот дух, ибо только он рождает истинное общение, истинную молитву.

Если человек любит Господа, то всегда Его помнит, а «память Божия, – по слову преподобного Силуана Афонского, – рождает молитву».

Любящая душа не может не молиться, ибо она влечется к Богу благодатью, которую познала в молитве.

Если человек делает в своей жизни иной акцент – на «взрослой самодостаточности»: я буду жить сам по себе, отгорожусь от мира, научусь им манипулировать, – то ему кажется, что он станет свободным и независимым.

Тем самым он одевается в броню и надевает маску. Он обращен не к Богу, а к своей воле. Она становится для него богом, и человек слушает только себя. Такой человек может даже сказать: «Господи, не мешай мне, я молюсь!» Здесь – настоящая беда: человек мешает Богу любить себя, не вступает с Ним в общение, то есть лишает себя жизни.

Диалог – это жизнь. Жизнь с Богом диалогична. Смерть монологична. Жизнь отдает, смерть забирает. Вступивший в диалог с Богом живет, умножает в себе жизнь. Не вступивший – заходит в тупик. Отказавшийся от диалога может впасть в безумие.

Иисус призывает нас к другому – к пути жертвенной любви, а это значит – к диалогу с этим миром. После падения Адама

это общение прервалось, а через Иисуса Христа оно опять возобновляется, становится возможным.

Церковь является Словом Бога в этом мире, ее составляют личности, которые услышали Богом обращенное к себе слово, то есть вступили в личный диалог со Христом, вступили на ту стезю, где диалог стал сущностью человеческой жизни, и поняли, почему Иисус Христос называет Своих учеников друзьями. Иисус Христос все сообщил, все открыл им. Рабы не понимают, чего хочет Господин, а друзья уже живут в духе веры, в духе доверия, в духе взаимопонимания и любви. Смысл церковной молитвы – в единении душ людских. Это единение – не внешнее: можно быть физически вместе, а сердцем отстоять друг от друга, как «востоцы от запад». Церковь – это единая жизнь, жизнь в Духе Святом, и молитва – проявление этой жизни.

Человек и человечество входят в божественную тайну троичности, божественного общения. В этом общении он обретает свое глубинное измерение и становится способным беседовать, понимать Творца и находить личности в этом падшем мире.

Но основа этого – собеседование с Богом, молитва. Одним из ее условий является внимание. Внимать – это значит войти, вобрать что-то или кого-то в себя. Внимание – одно из наиболее важных условий того, чтобы наше молитвенное общение с Богом состоялось. Внимание – это как бы кровеносная система молитвы. Если есть внимание, молитва всегда будет жизненной, реальной. Не будет его – молитва станет сухой и рассеянной.

Внимание рождается в нашем сердце, где обитает дух. Дух собирает нас, сосредоточивает и приводит в чувство внимание.

Внимательная молитва обязательно что-то меняет в человеке.

Внимание – вовсе не напряженность души. Когда мы слишком напрягаемся, то наше внимание сужается. В молитве с большим напряжением возникают страстные моменты, которые приводят в движение наш психофизический состав, мешают движению духа и разрушают духовную трезвость. Человек уже

обращает внимание не на Бога, а на самого себя. В естественном же, свободном состоянии внимание открыто Богу, готово чутко откликнуться на его призыв.

Святитель Феофан Затворник определял внимание как стояние ума. Это точное определение, потому что в обычной ситуации наш ум колеблется как тростник или маятник.

Стояние ума – это не прием, а углубленное состояние души.

Когда ум обретает некий корень, происходит, по словам святых отцов, соединение ума с сердцем. Это означает, что человек вошел в некую внутреннюю цельность.

Есть такой предел в общении, когда человек уже становится другом Бога, когда он преодолевает некую приземленную самость, предает себя воле Божией. Тогда в его уме уже ничего нет, кроме Бога, и душа чистым умом предстоит пред Богом. Диалог сердца такого человека с Богом является уже тайной.

Его можно изложить, описать в каких-то духовных опытах, например, опыт аскетов, который дан в Добротолубии, в духовных записях преподобного Силуана Афонского, но мы всегда должны помнить, что все эти произведения – лишь маленькие лучики от того огня, которым жили эти люди. Передать всю глубину этой жизни в общении с Богом – это не в человеческих силах, не в силах языка.

Молитва есть, с одной стороны, как бы шаг навстречу Богу и человеку, но, с другой стороны, она являет факт разъединенности, то есть молитва вербальная необходима там, где нет единения.

В своих высших проявлениях молитва бессловесна: слово всегда связано с неким образом. Изрекая слово, мы создаем образ. Полностью бесстрастная молитва является молитвой бессловесной.

Жизнь внутри Троичности не устраивается посредством словесной молитвы. Это единение – полное безмолвие.

Но почему же в Евангелии мы видим выход из этого безмолвия? В нем имеются словесные диалоги Иисуса с Отцом. Это потому, что мир, в который пришел Сын, был падшим.

Иисус молился словесно и нас научил этой молитве, но не нужно думать, что это вершина молитвенного общения.

Когда мы смотрим на этот мир эсхатологически, а эсхатологической перспективы никогда не надо терять, то мы видим, что все устремлено к преодолению розни между тварью и Творцом, к тому состоянию, где слова уже не нужны.

«Однажды, еще в студенческие годы, – вспоминал внук архимандрита Серафима (Тяпочкина), Димитрий, – я собирался уезжать на учебу и зашел к дедушке за наставлением и благословением на дорогу. Он отдыхал. Вслед за мной вошел архиепископ Соликамский Николай, старый друг дедушки. Они были почти ровесники. Дедушка начал подниматься навстречу владыке, но тот попросил его не вставать, и мы сели на стулья. Так мы вдвоем и сидели минут двадцать. Потом дедушка сказал мне: "Ты пока собирайся, а мы с владыкой побеседуем. Потом зайдешь». Я подождал за дверью минут десять, но не слыша никакого разговора, снова вошел. Владыка Николай сидел с закрытыми глазами. Дедушка, казалось, спал. Но только я вошел, владыка встал и говорит: "Вы, Ваше преподобие, пока проводите внука, а то он торопится (я действительно торопился), а потом зайду, мы еще побеседуем».

Я был очень удивлен этой неземной беседой. За тридцать минут они не сказали друг другу пяти слов».

Благодать научила их такому общению – непрерывному молчанию. Они радовались лицезрению друг друга и разговаривали сердцами.

У нас нет ни образов, ни мыслей, ни слов, как будет проходить это общение уже за эсхатологическими пределами: не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его (1Кор 2:9).

Что самое главное в нашем общении с Богом? Некоторые люди полагают, что – ответ Бога на наши вопрошания. Но, как заметил один святой человек, ответ Бога – лишь следствие, и притом не самое важное.

Самое важное – разделить жизнь с Богом. «В молитве человек призван искать Бога, – говорит брат Иоанн Калниньш из Риги, – быть в напряжении и в борении, разделяя скорбь

другого, разлученного с нами, разделяя скорбь Бога, потерявшего меня. Этим и восстанавливается общение. В молитве мы призваны искать Бога так, как Он ищет нас, потому в молитве мы и постигаем любовь Божию, Его милосердие изнутри в своем сердце. Такая молитва ведет к обожению».

Молитва только тогда войдет в меру и силу, когда будет это разделение жизни, жизнь вдвоем.

Недаром самое важное христианское таинство – Евхаристия, таинство благодарения – как материальный образ имеет совместное разделение Хлеба и Чаши. Господь, воплотившись, разделил с человеком весь трагизм человеческого бытия, начиная со страдания и кончая смертью, Богооставленностью.

Господь призывает нас разделить с Ним Его Чашу, то есть Его жизнь.

Если мы живем в доверии к Богу, то не будем беспокоиться, чего-то страшиться, постоянно искать Его ответов, коллекционировать их. Для веры ничто не страшно. Она знает, что происходит лишь то, что хочет Бог. И волосы на голове все сочтены (Мф 10:30). А то, чего хочет Бог, направлено только ко благу. Вера заранее радуется и ничего не боится. Она точно знает, что Бог всегда с нами и всегда будет вести нас, чувствуем ли мы это или нет.

Чувство заботится о завтрашнем дне. Человек начинает мелочиться, ищет ответов, постоянно спрашивает: «Что произойдет?», «Господи, есть мне сегодня завтрак или не есть?», «Господи, покупать мне эту вещь или не покупать?»

Такой подход к Богу – унижение Бога, то есть непонимание того, что вся наша жизнь есть присутствие Бога; все, что с нами происходит, есть наше общение в любви с Богом. Вера свободна от всякого беспокойства. «Не заботьтесь!» – говорит Иисус.

Существует неправильный подход к молитве – любой ценой искать утешения. Утешение подается Господом, но оно – следствие, притом еще не самое важное.

Требование части всегда бывает за счет целого. Когда человек просит, требует части, то Господь, может быть, и даст

ему ее, но он тем самым отказывается от целого, главного, то есть жизни в доверии и любви.

Скудость нашей молитвы – в том, что она является только частью жизни, а не всей жизнью. Выход виден в известной молитве во время богослужения: «И всю жизнь нашу Христу Богу предадим».

«Надо переменить жизнь, – говорит митрополит Антоний Сурожский, – надо переменить содержание своего сердца, надо стать достойными тех молитвенных слов, которые мы произносим. И тогда мы сможем говорить правдиво, и тогда молитва будет радостью живой Встречи».

Когда вся наша жизнь становится молитвой, становится благодарностью, Евхаристией, жертвой Богу, даром Богу, тогда у нас уже нет внутреннего конфликта, разлада, тогда мы целостны. Конечно, есть препятствия на этом пути молитвы, но к совершенству ведет только этот путь – путь любви. Любовь дарует истинное самоотречение, истинную нищету духовную, потому что она изгоняет из души все ненужное и оставляет место только Богу.

Нужно, чтобы из фрагмента нашей жизни, где говорятся просто некие слова, молитва превратилась в нашу жизнь, в наше дыхание.

Истинная молитва – это дыхание Духа в нас.

Освященный дух человека молится, в этом освящении он становится богоподобным. Во мне живет Христос. Если я имею Дух Христов, то могу обратиться только к Тому, Кого знаю. Через Иисуса Христа я могу обращаться к Его Отцу, и Он становится моим Отцом.

По мере того, как мы освобождаемся от всех препон, греховных узлов нашей души, мы обретаем чувство пространства, легкости, внутренней свободы.

Писание сохранило несколько молитв Авраама, отца веры. В молитве о Содоме и Гоморре, где Авраам требует ясного ответа от Бога, он ходатайствует за жизнь этих городов; потом он просит о сыне, затем о жене для сына.

Все остальное время своей жизни он доверяет себя провидению Божьему. Он живет в сознании того, что Господь

всегда с ним, любит его, и что эту любовь ничто не может поколебать. Господь сказал ему: ходи предо Мною и будь непорочен (Быт 17:1).

Мы видим, что Господь в основном всегда первый обращается к Аврааму: пойдя из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего [и иди] в землю, которую Я укажу тебе (Быт 12:1).

Авраам слышит голос Бога, призыв Его, и этот опыт даже короткого диалога с Творцом является для него столь потрясающим, что полностью изменяет его жизнь. Он приобретает детское доверие, то есть полное упование на Вышнего, Который начал диалог.

Господь всегда первый выявляет желание беседовать с человеком.

Предоставление возможности Богу первым начать диалог – это очень трезвое познание своей ограниченности, то есть Господь единственный видит нашу жизнь во всем ее объеме, а мы сами видим ее только отчасти.

Самое главное в этих отношениях – это довериться Богу предельно, то есть довериться Ему во всем и вся. Доверившись Богу знает, что его немощь становится источником силы. Как раз в тот момент, когда этот человек переносит самое тяжелое страдание, он больше всего освящает себя и других. Бог пользуется этой немощью, чтобы нас привести к Себе. Бог может, если мы этого захотим, пробудить в нас того беспомощного младенца, который спрятан глубоко внутри и скучает о Боге.

Доверие – это самое высокое состояние, в котором может пребывать человек.

Человек живет в нищете и каждый день хвалит Бога за то, что Он его богатыми дарами облагодетельствовал, и когда кто-нибудь спрашивает его: «Бог тебе ничего не дал, что же ты Его лицемерно благодаришь?», то из предельного доверия человек отвечает: «Бог видит меня, все мои искушения и возможности. Он мне дает то, что делает меня духовно совершенным».

Вера, хотя и имеет некоторый уровень познания, не есть рассудочное знание, она – свет во тьме. Наше прошлое, наше

будущее укореняются в таких далях, которые мы усмотреть не можем.

Если мы доверяем Богу, то поступаем куда более мудро, чем пытаюсь своим умом понять, где Бог действует и где Он уже не действует.

В истинной молитве есть трезвое, смиренное сознание, что ее исполнение зависит вовсе не от нас, не от нашего духовного состояния, не от нашего достоинства.

В православном предании имеется случай, когда блудница, увидев плачущую мать, которая хоронила сына своего, возопила к Богу, чтобы Господь воскресил его, и молитва ее исполнилась. Возопил абсолютно неправедный человек, но ее молитва была предельно искренней, потому и исполнилась. Господь явил славу Свою в немощи человеческой, в человеке, утопающем в грехе.

Очень часто человек чувствует себя оставленным Богом. Что делать в этих случаях?

В акте веры мы можем преодолеть это состояние через осознание, что Господь нас не оставил и никогда не оставляет. Его любовь неизменна и всегда с нами.

Когда мы чувствуем себя оставленными, то должны понять, что это только чувство, и в молитве можем сказать: «Господи, я не чувствую Тебя!» Это будет верное и искреннее определение своего положения. Но нельзя сказать: «Господи, Ты меня оставил, Ты меня бросил!»

Через акт веры, просветленной и продуманной, мы понимаем, что такого просто быть не может, нет полной оставленности.

Когда реально проявляется то, что человек не может помолиться, то уже само определение: «Господи, я не могу Тебе помолиться!» – это тоже искренняя молитва.

«Господи, я не могу в Тебя поверить, потому что мне кажется, что Ты несправедлив ко мне, что я страдаю безвинно!» Господь такую молитву принимает как драгоценный дар. Не просто кричать Богу: «Ты несправедлив!», потому что знать этого мы не можем, но искренно сказать: «Я не могу поверить Тебе, потому что по своей жизни, по своим страданиям,

испытаниям я считаю, что Ты несправедливо ко мне относишься».

Такая молитва уже будет диалогом. Она раскрывает наши предрассудки. Если мы скажем: «Господи, я не хочу молиться», то это уже – установка: молитва мне не нужна, Бог мне не нужен.

Нам всем надо учиться думать о Боге как о своем Отце, а себя ощущать Его сыном или дочерью.

Душа наша хочет «знать Его более, чем отца родного, потому что родной отец видится вне нас, а Дух Святой проникает всю душу, и ум, и тело», – говорил преподобный Силуан.

Тогда появляется в нашем общении с Богом готовность к прозрачности, к такой открытости, когда другая Личность в тебя смотрит, и ты не боишься, а раскрываешь всю свою сущность, потому что ты чувствуешь, что эта Личность тебя любит и не хочет тебя поглотить.

Нам, живущим в мире сем, доступен опыт молитвы падшего человека и только в какой-то мере – человека райского. Чистые сердцем прозревают райскую молитву. Преподобный Силуан Афонский вмещал в свое сердце весь мир, все творение Божие, скорбел даже о падших ангелах: «Господи, жалко мне людей, которые мучаются во аде, и каждую ночь я плачу за них, и томится душа моя так, что жалко бывает даже бесов¹². Он стяжал молитву любви. Это молитва того, кто лично встретился с Богом и постоянно общается с Ним. Он знает Его и любит Его. Его сердце открыто к Богу и постоянно тянется к Нему, как цветок к свету, как ребенок к любящей его матери, как жених к любимой невесте. Влюбленный всегда хочет видеть свою возлюбленную, быть с ней, общаться с ней. Так и душа преподобного Силуана всегда жаждала общаться с Богом, жаждала насытиться Им.

Когда в нашем храме заканчивается вечерняя соборная молитва – молитва покаяния, просительная, благодарения, хвалы, славословия, у всех молящихся возникает потребность в молитве без слов, в чистой молитве. Хочется безмолвно посидеть в Божьем присутствии, уйдя от слов к слушанию

Самого Бога. Как это было у одного французского крестьянина, который часами молча сидел в пустом храме перед Распятием, не нарушая тишину близости с Богом словами. Господь приходил в его душу тихо и давал ей мир.

Это – проникновение Духом в тайну бытия. Частные просьбы, полные забот и боязни, исчезают, кажутся уже ненужными, душа постепенно сосредоточивается, мы всецело предаем себя воле Божьей, Его всеобъемлющему промыслу.

Это – «молчание ума», которое выше молитвы, – пишет преподобный Исаак Сирин, состояние будущего века, где «... святые, когда ум их поглощен Духом, не молитвою молятся, но с изумлением водворяются в веселящей их славе.

Так бывает и с нами. Как скоро ум сподобится ощутить будущее блаженство, забудет он и самого себя, и не будет уже иметь в себе движения к чему?нибудь».

Может быть, в этом мы прикасаемся к тайне молитвы воскресшего человека, к тайне его общения с Богом и с ближними, к тайне полноты бытия в Царствии Божием, где Бог будет всё во всем, где праведники воссияют, как солнце (Мф 13:43).

В чем эта полнота нашей жизни в Царстве Божьем? В том, что мы преодолеем нашу ограниченность жизни в этом падшем мире, которая есть следствие первородного греха. Даже самые великие святые, живя в этом мире и молясь о всех людях, предельно расширяя свое сердце, все же не могут иметь личное общение с каждым человеком, живущим на земле.

«Чем больше мы соединяемся с Богом, – пишет Владимир Лосский, – тем более мы познаем Его непознаваемость, чем становимся совершеннее, тем больше сознаем свое несовершенство».

Мы спотыкаемся об эту ограниченность. В чем она? Николай Бердяев задавался вопросом: «Может ли быть идеальным внечеловеческое бытие?» Оно, по слову Бердяева, бессмысленно. Этим утверждением развеивается имеющийся миф, что в глубинах Божьих мы увидим только Божий свет. А где же ближний?

Преподобный Силуан Афонский, молясь, видел этот свет. А в глубинах его – и своего ближнего. Это же произошло с Серафимом Саровским и его сотоварищем Николаем Мотовиловым, когда они, преобразившись Духом Святым, увидели друг друга в сиянии Фаворского Света. Так будет и в Царстве Божьем. Воскресший Иисус Христос вместил в Себя каждого из нас лично, то же произойдет и с нами. По нашем воскресении мы получим от Бога дар расширить свое сердце так, чтобы вместить всех и каждого.

«Все будут в любви, – говорит Силуан Афонский, – и от смирения Христова все будут рады видеть других выше себя». Это и будет наше соучастие в Божественной жизни – диалог каждого с каждым, то есть вершина общения, вечного диалога во Христе. В итоге молитва исчезнет за ненужностью, ибо будет Бог всё во всем (1Кор 15:28), всем для всех, и все будут для Бога.

Об истинном и ложном в предании Церкви

Вышедший в 1937 году сборник «Живое предание» свидетельствовал о том, что живая богословская мысль не иссякла в нашей Церкви, плодотворно развивается. Вместе с тем, на фоне глубоких рассуждений о Церкви, явивших высоту богословской мысли авторов, было очевидно, насколько современная церковная жизнь во многом исказила живое предание Церкви.

Стало ясно, что для воссоздания истинных форм церковной жизни нужно возвратиться к живому источнику.

«Мы принимаем и почитаем преданное в Церкви не потому только, что оно предано – ибо бывают и худые предания, – писал Вл. Соловьев, – а потому, что признаем в преданном не произведение известного только времени, места или каких-либо лиц, а произведение Духа Божия, который нераздельно всегда и везде присутствует и все наполняет, который и в нас самих свидетельствует о том, что некогда Им же создано в древней Церкви».

Возвращение к Преданию – не попытка уйти в прошлое, но бытийный акт, совершаемый в настоящем, ибо Предание бытийно, оно есть духовная жизнь, путь и истина и жизнь (Ин 14:6).

Утрата бытийности на языке апостольском есть угашение Духа Святого. Когда же угасает Дух Святой в сердцах, предание становится законническим и мертвым.

Что нужно делать, чтобы оживить предание? Для этого Церкви нужно стать Церковью, возродиться. Она должна предстать народу не во внешнем блеске, не во внешнем великолепии и пышности, а явить свой истинный лик Церкви Святого Духа. Она должна уклониться от всего, что может исказить ее природу, ее сущность, например – от кесарева покровительства, ибо, по слову Иоанна Златоуста, «мир хотел бы задушить нас своей любовью». Она должна хранить Христову истину и не подменять ее внешней обрядностью.

Самое главное в возрождении Церкви – это обретение реальности всех ее таинств, прежде всего – таинств вступления в Церковь (крещения и миропомазания) и таинства таинств – Евхаристии.

Природа таинств Церкви осталась неизменной, изменилось наше отношение к ним. Нарушено экклезиологическое восприятие таинства Крещения, таинства Евхаристии, поэтому, по слову протопресвитера Александра Шмемана, они в реальном смысле отсутствуют в нашей жизни.

Таинства перестали носить церковный характер, потому что нарушено было правило Церкви о том, чтобы всякое таинство Церкви совершалось Церковью.

Возрождение истинной церковной жизни должно начинаться с того, что является началом церковной жизни для каждого христианина, – с таинства вступления в Церковь. Таинство Крещения в древней Церкви совершалось всей Церковью, то есть всем церковным собранием местной Церкви.

Прием в Церковь не являлся индивидуальным актом одного лица, обладающего полномочием совершения таинства. Это было общим правилом, соблюдавшимся каждой местной Церковью.

Начавшийся позднее процесс индивидуализации значительно изменил практику приема в Церковь. В наше время прием в Церковь чаще всего совершается вне церковного собрания. Нынешняя практика крещения, то есть приема в Церковь, находится в явном противоречии с природой самого таинства и с многовековой традицией Церкви.

Как правило, крещение совершается без подготовки, без исполнения заповеди Христового научения в вере: Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа (Мф 28:19).

Нужно действительно, а не формально вводить людей в Церковь. Для этого необходима тщательная духовная подготовка крещаемого.

Церковь, как любящая мать, должна заботиться о том, чтобы помочь растить веру в крещаемом. Ему нужно помочь

подготовиться ко встрече с Богом, хотя сама эта встреча таинственна, мистична, и сроки ее знает только Господь.

В начале пусть он услышит о Христе, познакомится с Ним, читая Священное Писание, полюбит Христа и пожелает соединиться с Ним.

Крещение должно быть актом веры. «Я крещусь, потому что не могу не креститься, не могу жить без Христа, ибо в Нем нашел все, без Него не могу решить ни одного вопроса своей жизни».

Вспоминаю, как просто и точно в своей проповеди в Рижской пустыньке сказал старец Таврион: «Ни один человеческий вопрос не решается без веры, без Христа».

Пусть крещаемый скажет устами псалмопевца Господу: Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое (Пс 107:2), и идет к крещальной купели.

Давно уже возникла нужда в огласительных училищах, их следовало бы открыть повсеместно, ибо без последовательного и целостного научения основам христианской веры и жизни невозможно стать верным христианином.

Обращение к опыту целостной катехизации древней Церкви, который ныне почти полностью забыт, и к современному опыту катехизации поможет нам познать веру и жизнь христианскую.

«Возможная система оглашения в Русской Православной Церкви в современных условиях», являющаяся программой, составленной о. Георгием Кочетковым, не только актуализирует опыт прошлого, но и дает ценный опыт автора, накопленный им в течение почти тридцатилетнего служения в Церкви.

Этот ценный опыт оживил нашу Церковь и принес плоды, пробудил в людях глубокий интерес к живому преданию, которого многие ныне не знают или боятся.

Этим опытом катехизации наша Церковь вновь обретает утраченный смысл таинств. Мы являемся свидетелями актуализации заповеди Христа о научении в вере через активное служение тех пастырей и их помощников, кому Господь вверил детоводительство ко Христу малых сих.

Детоводительство ко Христу интеллигенции, особенно творческой, – это чрезвычайно трудное служение, которое достойно исполнили и исполняют в нашей Церкви такие пастыри, как о. А. Мень, о. В. Шпиллер, о. А. Борисов, о. Г. Чистяков, о. Г. Кочетков и другие.

Вот что важно отметить в их служении: они не пытались отсечь творчество интеллигенции, но стремились направить его в христианское русло. Тем самым была отвергнута ложная дилемма – спасение или творчество.

Нужно говорить о затемнении природы таинства Евхаристии в нашей церковной практике.

«Будучи таинством Церкви, – пишет протопресвитер Николай Афанасьев, – оно в богословском сознании становится одним из таинств в Церкви... Евхаристия тогда есть таинство Церкви, когда имеется собрание верных, когда же его нет, она превращается в сакральный акт, совершаемый посвященными...»

Закон жизни Церкви гласил: «Всегда все и всегда вместе». Он оставался неизменным в древней Церкви, так как в нем и через него выражалась сущность Евхаристии. Участники Евхаристического собрания вкушали трапезу Господню «всегда все и всегда вместе».

Ныне этот закон жизни Церкви не соблюдается: на Евхаристию христиане собираются не все и не вместе. Наше церковное сознание стало крайне индивидуалистичным, поэтому не воплощается в церковной жизни древнее правило Церкви.

Евхаристия воспринимается не как таинство единения, явления Церкви, а как таинство индивидуального спасения.

«Христиане, – писал Н. Бердяев, – хотят не столько реального изменения и преображения своей природы, сколько отпущения грехов».

Чин Евхаристии остался неизменным, не предполагающим разделения на причащающихся и не причащающихся, однако в евхаристической практике это разделение давно уже существует.

Древнее сознание знало, почему важно быть всегда вместе собранными на одно и то же. Этот основной принцип церковной жизни вытекает из самой природы Церкви – она есть Тело Христово. Каждый крещен в «одно Тело» и не может существовать без этого Тела. Отдельное «я» не может существовать вне Церкви, так как оно всегда предполагает «мы». Только через Церковь каждый получает истинную жизнь, жизнь вечную.

Евхаристия есть выражение нашей церковной жизни, мы должны сознать ее как жизнь и делание. Тайна Церкви есть тайна Тела Христова. Чудо церковного собрания в том, что оно – не «сумма» грешных и недостойных людей, составляющих его, а Тело Христово.

Церковь – это мы, а не я. Суть христианства – не в том, что оно каждому дает возможность «личного совершенствования», а в том, что христианам дано и заповедано быть Церковью, родом избранным, царственным священством, народом святым (1Пет 2:9). Выражение «отдельный христианин», «христианин-одиночка» лишено смысла, так как Христу принадлежат все вместе. Идя на поводу индивидуализма, современная евхаристическая практика предпочла служение некоторых, но не служение всех, что сильно нарушило евхаристический характер церковных собраний.

Христианин ныне слишком редко пребывает в своем достоинстве священника. За него служат, за него причащаются, а он сам пассивен, удовлетворяется только присутствием на Евхаристии и редким причащением.

Помню, как в одном из православных монастырей я вошел в храм, в котором служилась Евхаристия, все молящиеся ожидали выноса Святой Чаши. На полу, как кучки земли, лежали, распростершись ниц, схимницы. «Со страхом Божиим и верою приступите!» – призвал всех предстоятель-иеромонах. Никто из присутствующих даже не пошевелился. Золотая Чаша сверкнула в царских вратах и тут же была поставлена на престол. Никто не причастился. Хор запел: «Видехом свет Истины, прияхом Духа Небесного...», благодаря за трапезу Господню, которую никто не вкушал. Пустой храм без

участников в трапезе Господней мистически является для нас, по слову протоиерея Николая Афанасьева, грозным обвинением в расцерковлении нашей церковной жизни. И дело не только в том, что при этом мы остаемся одни, без Христа, но в том, что мы и Его оставляем Одного. Он хотел войти в живой храм нашего сердца, а мы Его не пустили.

Первоначальная и древняя Церковь не знали абстрактной принадлежности к Церкви, – только конкретную.

Пребывание или не пребывание в Церкви ее члена зависит от его участия или неучастия в Евхаристии – таинстве исполнения Церкви и исполнения членства Церкви.

Нельзя состоять в Церкви без участия в одном определенном евхаристическом собрании.

Если мы устраним евхаристическое собрание, то, что останется от жизни в Церкви?

Может ли молитва заменить евхаристическое общение? Молитва Церкви есть молитва во Христе, но нельзя быть во Христе без евхаристического общения с Ним.

Школьное богословие не видит ущерба таинства, если Евхаристия совершается в пустом храме или полном, но без причастников, ибо символизировало Евхаристию.

В действительности, эта точка зрения свидетельствует о глубоких переменах, происшедших в церковном сознании, и означает утрату правильного понимания Евхаристии, Церкви.

Пастырь без общины, без духовной семьи не может совершать Евхаристию.

«Вот это характер апостольской Церкви, – говорил старец Таврион, – когда в храме все люди как один молятся и причащаются», ибо каждый верный в Церкви является священником Богу и Отцу Своему (Откр 1:6).

Священнодействие совершается на Евхаристии не личной молитвой, а когда все сознательно и реально участвуют в нем, предстоятель служит не вместо народа, а вместе с народом.

Пастырь и паства как единое Тело обретают неповторимую исполненность, являя Церковь.

Путь более частого причащения отдельных членов Церкви – не есть путь возрождения евхаристической жизни: «Отдельный

человек, оставаясь и утверждаясь в своей отдельности, – писал В. Соловьев, – не находится в Истине и ума Христова не имеет».

Дело не в том, чтобы отдельные члены Церкви чаще причащались, а в том, чтобы верные сознавали сущность Евхаристии как трапезы единения и любви.

Сознательное участие в таинстве Евхаристии само отменяет неверный вопрос о режиме причащения.

Христианин, живущий общинной жизнью, имеет верное церковное сознание, он знает, что если его община собирается на евхаристическое собрание, он не может не участвовать в нем.

«Спасаться нельзя в одиночку, – говорил Н. Бердяев, – невозможно изолированное спасение. Спасаться можно только с ближними, с другими людьми и миром».

Христианин-одиночка есть порождение расцерковленного сознания, человек, выпавший из живого предания. Он действует от себя, а не от всей Церкви. Он пребывает в ложной церковной традиции, питающей его грех индивидуализма, традиции не плодоносящей, а разрушительной. Он занят только личным спасением, а о спасении, преображении других людей и всего мира не думает.

Но тот, кого коснулось живое предание Церкви, не может пребывать в худом предании, в котором заветы Христа не реализуются, а всего лишь символизируются, в котором все окостенело.

Символического, абстрактного христианства не должно быть. Истинное предание бытийно, а не символично, потому что оно есть «путь и истина и жизнь».

Церковное возрождение должно начаться тихо и медленно, в очень маленьких группах людей, опытно познавших тайну Евхаристии и тайну братского единения во Христе.

Не в пышности и многолудстве, а в небольшой иерусалимской горнице, в теплой семейной обстановке принял Иисус Христос своих учеников и разделил с ними трапезу Любви.

Ныне нужно восстановить опыт Церкви как общины, что успешно делалось на приходе храма Успения в Печатниках в Москве, нужно возродить в сознании верующих исчезнувшее понятие общины, ибо уже давно в нашей церковной жизни община как бы растворилась, стала приходом, внешним собранием.

Чем больше родится евхаристических общин, живых духовных семей, находящихся между собой в братском общении, в котором каждая личность открывается для своего брата как дверь к Отцу Небесному, тем ближе мы будем к тому, что христианин, как в апостольское время, почувствует себя во Вселенской Церкви, живущей чудом единства, а Евхаристия всегда пребудет увенчанием этого единства.

Приход в Церкви

Я хочу, прежде всего, поблагодарить организаторов столь нужной всем нам конференции за приглашение участвовать в ней.

Мне хотелось бы говорить о том, как наш небольшой приход участвует в начавшемся евхаристическом возрождении и возрождении общинной жизни в Церкви.

По слову протопресвитера Александра Шмемана, Евхаристия в практическом смысле ныне почти отсутствует в нашей церковной жизни. Это не преувеличение, а констатация болезни, трагедии церковной жизни.

Христос заповедовал Своим ученикам быть едиными. Эту заповедь единения апостолы реально пережили в день Пятидесятницы, когда на них сошел Святой Дух, и они в иерусалимской горнице совершили первую Евхаристию.

Каждому из нас дана возможность пережить это таинство единения со Христом и друг с другом, выше которого нет ничего.

Путь к этому единению очень трудный и сложный. Мы должны понять природу таинства Евхаристии, и если поймем, то будем всеми силами осуществлять то, что открылось сердцу и уму, несмотря ни на какие препятствия в нашей внутренней и внешней жизни. Опыт катакомбной Церкви показал, что нет фатальной зависимости от обстоятельств для тех, кто жаждет осуществления этого таинства. В условиях лагеря Евхаристию совершали в лесу, не на престоле, а на пне.

Мне до моего рукоположения приходилось наблюдать евхаристический опыт тех людей, которые прошли лагерь, которые имели опыт жизни катакомбной церкви. Я посещал общину архимандрита Серафима в селе Ракитном, в Белгородской области. Многие из вас его, наверное, знали. Я видел, как ему удалось в «годы лжи, падений и разрух», по словам известного поэта, создать и хранить это единение, жить во Христе так, как жили первые ученики Иисуса Христа. Я видел там ядро общины, маленькую общину, которая имела свойство сужаться и расширяться. Когда приезжали из Москвы и других

городов страны верные ученики о. Серафима, то эта община могла увеличиться до ста, ста пятидесяти человек, а иногда и до большего числа. Когда гости уезжали, община пребывала в своем малом составе: о. Серафим, келейница, алтарница и еще несколько братьев и сестер.

Они совершали Евхаристию независимо от количества участников, им важно было нести и хранить дух единения во Христе.

Думаю, что сейчас, когда началось духовное, евхаристическое возрождение, мы должны стремиться, прежде всего, к тому, чтобы рождались евхаристические общины.

Если такая община возникает, то она являет собой высшее единение, она несет в себе возможность самых различных служений. Община не должна придумывать себе каких-то дел или миссий, они должны родиться в ней. Сам Господь откроет эти дела, нужно только чутко прислушиваться к тому внутреннему божественному голосу, который говорит в наших сердцах.

Природа таинства Евхаристии не изменилась с веками, изменилось наше отношение к ней. Оно заключается в том, что в сознании многих христиан Евхаристия индивидуализировалась, то есть она воспринимается как частное дело, а не общественное. Протопресвитер Николай Афанасьев говорил о том, что христианин не может быть отдельным человеком. Если он живет сам по себе, то он просто человек и не может называть себя учеником Христа, то есть христианином. Христианин реально переживает опыт единения с братьями и сестрами во Христе, этот опыт его духовно обогащает. Он не живет для себя и не имеет попечения о себе, ибо все заботятся о нем. Если обо мне все заботятся, зачем я буду заботиться о себе? Я ничего не имею и в то же время имею все.

Но прежде чем пережить это единение, мы должны пройти путь познания тайны его, прежде всего, познать Иисуса Христа – Источник этого единения. Мы должны реально встретиться со Христом, узнать Его, полюбить и пожелать навсегда соединиться с Ним.

Если мы соединимся со Христом, то, следовательно, соединимся друг с другом.

Когда я приехал на приход, где сейчас служу (первый мой приход был в предместье Риги), то я не нашел на новом месте евхаристической общины. Многие люди причащались один раз в год, на Пасху. И когда я начал служить в будние дни, одна женщина, выйдя после службы из храма, сказала: «Ишь, что выдумал, – по будням служить!» Она думала, что существует служба только в воскресный день, а о трапезах любви она и другие не имели, разумеется, никакого понятия. Потом, когда трапезы любви начали совершаться, то было нелегко объяснить им, зачем нужно общение братьев и сестер вне храма. Будучи невоцерковленными, они говорили: «Зачем нам это? Мы всё это имеем: и хлеб, и картошку, и чай. Поедим дома сами».

Невзирая на все эти препятствия, я служил со своими помощниками, приезжими людьми, которые помогли составить ядро общины. Оно до сих пор существует. Наша община немногочисленна, но увеличивается или уменьшается в зависимости от притока местных и приезжих участников Евхаристии.

Конечно, непринадлежность к какой-либо общине, невозможность жить в ней постоянно – это болезнь нашей церковной жизни, и люди ищут выход, едут туда, где есть общинная жизнь, истинное евхаристическое общение, или сами создают общину. Такие общины рождались вне прихода, и в храме они представляли пред Господом как живые духовные семьи, являясь духовной закваской прихода.

И мы, наверное, еще долгое время будем иметь такую форму церковной жизни, несмотря на то, что мы имеем внешнюю свободу. Сразу все преобразить в нашей церковной жизни практически невозможно, ибо живое движение снизу не находит поддержки в верхах. Нужно время и время. Поэтому наберемся терпения и мужества, чтобы трудиться на этом поприще с радостью о тех ростках истинной евхаристической, церковной жизни, которые мы сейчас имеем в Москве и в других местах нашей страны и за рубежом.

Нам нужно преодолевать неверное понимание природы таинства Евхаристии, стремление индивидуализировать Евхаристию.

Многие христиане ставят в один ряд Евхаристию с утреней и вечерней. Я всегда недоумевал, почему в храмах, даже в нашем

Рижском монастыре и в других, в расписании служб пишут слово «литургия», а не «Евхаристия», ведь и вечерня, и утреня – тоже литургия. Когда протопресвитер Александр Шмеман выносит слово «Евхаристия» в заглавие своей книги, он тем самым особо подчеркивает сущность этой службы. И если бы мы писали в наших расписаниях богослужений вместо названия «литургия» – Евхаристия, то это уже было бы побуждением для размышления об этом таинстве.

Но поскольку этого размышления о своеобразии Евхаристии нет, то на Евхаристию люди приходят как на вечерню и утреню – помолиться, посмотреть, как другие причащаются. Когда Евхаристия завершается, не причастившиеся с ложным воодушевлением поют: «Видехом свет Истины, прияхом Духа Небесного». Особенно фальшиво это звучит, когда поет наемный хор, в Церковь привносится неправда, привносится туда, где все должно быть истинно, исполнено жизни.

Думаю, что расцерковление можно преодолеть только тогда, когда мы будем заниматься изучением этого таинства, то есть когда будут проводиться нужные занятия с изъяснением Евхаристии, когда мы начнем воцерковляться путем живой катехизации. Только тогда будет стремление совершать Евхаристию не ради самопричащения священника, а для того, чтобы соединиться друг с другом во Христе, являя тем самым живую Церковь Христа.

Было бы неверным искать возрождения евхаристической жизни, как это делают некоторые христиане, на пути учащения причащения отдельных членов Церкви. Индивидуальное причащение остается индивидуальным актом, но не является священнодействием Церкви.

Когда нас, пастырей, спрашивают о том, как часто нужно причащаться, то лично мной этот вопрос воспринимается как

голос человека, живущего вне общины, ибо человек, живущий в семье, не спрашивает, как часто ему нужно обедать. Трапезы поставляются ежедневно. Поэтому, когда мы собираемся общиной на евхаристическое собрание, подразумевается, что все мы будем участниками трапезы Господней. И если кто-то по каким-то причинам не может участвовать в ней, это переживается очень остро. Пусть человек старается как-то восполнить это чувство усиленной молитвой, все равно оно остается невосполнимым. Оно только тогда утоляется, когда я реально участвую в Евхаристии вместе с моими братьями и сестрами.

В те годы, когда почти никто не говорил о евхаристическом возрождении, но, может быть, только таил в себе мысли о нем, отец Таврион, старец Спасо-Преображенской пустыни, жаждал его, практически осуществлял это возрождение. Он создавал «летучую» общину в Пустыньке. Она рождалась мгновенно, потому что приезжали к старцу люди жаждущие, с ними легко было войти в духовное общение, они все понимали с полуслова. Они жили в дни своего пребывания в Пустыньке в единении с ним, в единении друг с другом.

Помню, когда я приехал к старцу и прожил несколько дней в пустыньке, у меня было такое чувство, что я будто бы ничем не согрешил, потому что жили все вместе светло, радостно, на высоком духовном подъеме, в единении.

Когда я возвратился в Москву и потянулся к такому же общению, приходя на службы в храм на Рогожском кладбище, то тут же получил удар. Заметили, что я стал часто причащаться, и встревожились.

Отец же Таврион, наоборот, пробуждал в людях верное чувство жажды Евхаристии, природа таинства объяснялась самой евхаристической жизнью, активными участниками которой были все находящиеся в храме.

Он отменил клирос: выходил из алтаря и говорил народу: «Поем всей церковью». Тогда по окончании службы никого не спрашивал о том, как сегодня пели. Пели все и были единомысленны и единокорны.

Этот опыт был очень ценный и нужный. Думаю, что он живет сейчас в нас и в вас, потому что многие из вас тоже имели общение с о. Таврионом и сумели передать этот опыт другим людям.

К сожалению, в нашей епархии этот опыт иссякает. И когда возникают живые попытки возродить его, они не встречают сочувствия и поддержки со стороны многих собратьев. Нужна терпеливая и кропотливая работа, чтобы достичь взаимопонимания и каких-то перемен. Но, думаю, что сейчас мы имеем все возможности для того, чтобы евхаристический опыт, который накопился, возрождать повсеместно.

Этот опыт должен быть понят и оценен только положительно, как опыт животворящий, опыт, который нам крайне необходим, потому что Евхаристия, как мы знаем, есть центр нашей жизни, реальное осуществление Церкви.

У нас в Латвии, в Риге, несколько лет назад возродилось, благодаря усилиям нескольких христиан, Петропавловское братство. Оно очень подняло дух евхаристического возрождения. В братстве родились три общины. Но затем братство распалось, не найдя поддержки у епархиального руководства, и ныне имеются только осколки этого братства.

Не располагая возможностью иметь пастыря в своей евхаристической общине, люди идут в храм, где служит священник, который более близок им по духу, и там, в приходе, они предстают как маленькая духовная семья, желающая видеть рядом с собой братьев и сестер из других духовных семей. После службы, если имеется возможность, они продолжают общение на агапе. Таким образом они сохраняют и поддерживают свой евхаристический опыт. Он живет, несмотря на все трудности и болезни в нашей церковной жизни.

Думается, что евхаристическое возрождение будет совершаться именно в таких маленьких группах людей, которые являются закваской. Не нужен вагон закваски, чтобы вскисло тесто. Ее нужно немного, но качественной. И если такие евхаристические группы будут возникать повсеместно, это будет реальным, внутренним, а не внешним возрождением Церковной

жизни. Церковь будет являть себя в этом евхаристическом опыте во всей своей силе.

Я полностью разделяю мысли о том, что нельзя превышать определенное число членов в общинах ради сохранения личностного общения. Когда к нам на приход приехала монахиня-иконописец из Благовещенского монастыря в Назарете и в беседе на агапе ее спросили о том, будет ли увеличиваться число насельниц в ее монастыре, то она ответила, что ныне у них проживает только двенадцать сестер, максимумом будет пятнадцать сестер. «Почему не больше?» – «Тогда это будет армия», – ответила мать Параскева.

Конечно, такое устройство церковной жизни родилось из насущной потребности реального единения и реального общения в духе и истине. К сожалению, в наших монастырях – я начинал свою иноческую жизнь в Почаевской лавре – я не нашел удовлетворительной евхаристической жизни. Казалось бы, монахи и монахини пришли в монастырь ради того, чтобы создать тот образ духовной жизни, который бы очень помогал их настоящему единению во Христе друг с другом за каждой Евхаристией, совершаемой ежедневно в обители, но, к сожалению, там только ставится вопрос о том, сколько раз им причащаться в году, – вопрос совершенно неверный, свидетельствующий о расцерковлении сознания иноков.

Такая практика евхаристической жизни продолжается и по сей день.

В Шеветоне я наблюдал совершенно иную практику евхаристической жизни. Там монахи причащаются за каждой Евхаристией.

Часто приходится слышать из уст готовящихся к Евхаристии, что они приступают к этому таинству только тогда, когда хорошо подготовятся и будут достойны. Думаю, в тот момент, когда придет эта мысль о достоинстве, как раз нужно остановиться перед Чашей, ибо мы причащаемся, как известно, не по достоинству нашему, а по милости Божией. Это приглашение не к какой-то расхлябанности, а к глубокому пониманию природы таинства Евхаристии и любви Господней, восполняющей любые наши немощи.

В настоящее время нам придется пока жить маленькими духовными семьями-общинами в безобщинных приходах, преодолевая все трудности такой жизни с надеждой рождения новых общин, в монастырях же уже имеющиеся духовные семьи должны стремиться возродить дух евхаристической жизни, ибо без Евхаристии мы всегда будем иметь только внешнее единение.

Евхаристия всегда была и будет увенчанием нашего единства во Христе.

Таинство общения

Человек таит в себе жажду общения. Это именно жажда, а не просто желание, потому что жаждем мы того, без чего невозможно жить. Чтобы утолить эту жажду, человек на протяжении истории искал разные формы единения. И, казалось бы, наша эпоха достигла почти совершенства в этих поисках. Ныне мир, как никогда, стремится к единению. Он поистине стал теснее: в любом крупном аэропорту мира можно встретить людей со всего земного шара. Есть потребность жить без государственных границ, иметь одну валюту, например евро. Предельно сократились расстояния, очень усовершенствовалась связь: не выходя из своей квартиры можно побывать всюду и вступить в контакт с любым человеком. Сидя на пенке в лесу, можно с помощью компьютера общаться с любым человеком на земном шаре, осуществлять любые деловые операции, участвовать в конференциях и т. д.

Можно романтизировать картину общения в современном мире и представить ее как невиданный прогресс – пространство преодолено, люди приблизились друг к другу, наступило всеобщее единение. Достоевский пророчествовал: «Не верьте этому единению». И, действительно, в наступивший век информации к человеку относятся как к некоему объекту, которым можно манипулировать. Человек стремился к общению, а попал в мировую паутину, в сеть сообщений.

По словам Бердяева, «сообщения устанавливаются без общения, без интуиции и любви. Общение онтологически реально, сообщение – символично».

Грех жаловаться: мир сделал все от него зависящее, чтобы дать людям соединение и возможность общаться друг с другом. Но жажду общения он не утолил. Человек одинок.

Значит, эта жажда – особой природы. «Общение выходит за пределы органической природы, оно есть духовный феномен. Выход из одиночества есть выход в Дух» (Н. Бердяев). У мира

нет Воды Живой, которая способна ее утолить, чтобы не жаждать вовек. Поэтому нужно прийти к Источнику Живой Воды.

Что значит для человека общаться с Богом? Это, во-первых, – пойти на риск взыскания Его близости, на риск предстояния; во-вторых, должна произойти встреча с Богом и, наконец, должен совершиться брак души со Христом – Сыном Божиим, чтобы началась жизнь вдвоем, жизнь вечная.

Когда человек осознает, что Бог является источником жизни, что без Него жизнь – не жизнь, а умирание, тогда он может принять всерьез это решение жить с Богом. Об этом говорят евангельские притчи.

Еще подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое, найдя, человек утаил, и от радости о нем идет и продает все, что имеет, и покупает поле то (Мф 13:44).

Когда душа увидит Бога, возрадуется Его милосердию и уже ничего другого не может и не хочет любить так, как полюбила Господа. Она прилепляется к Богу, как ребенок к любящей его матери, и нет такой силы на свете, которая могла бы ее оторвать от Господа.

Человек отдает Богу все, чтобы всегда видеть Его, слышать Его. Он входит в такое состояние свободы, которое позволяет действовать Творцу. «Господи, Сам во мне живи, Сам говори, Сам действуй». Так умел жить и общаться с Богом преподобный Силуан Афонский, великий подвижник веры XX столетия. В благоговении предстоя пред Господом, он умел сходить в глубину неземной тишины, безмолвия, чтобы слышать голос Бога.

«Скучает душа моя по Тебе и не может найти Тебя. Ты видишь, Господи, как влечется она и плачет, ища благодати Твоей. Ты восхотел и дал мне ее, и снова Ты восхотел и взял ее от меня. Когда я не знал ее, то и просить не мог. И как могу я просить того, чего не знаю? Но теперь молю Тебя, потому что душа моя познала Тебя, и усладились Духом Твоим Святым, и возлюбила Тебя, Создателя своего».

В общении преподобного Силуана с Богом не было воображения, которое препятствует Духу Святому войти и вселиться в нас.

Он общается с реальным, а не воображаемым Богом, ибо в месте воображаемом, по слову С. Аверинцева, встреча с Богом невозможна, там «можно встретить только поддельный призрак, но не живого Бога».

Всякий грех препятствует общению с Богом, но вовсе не исключает общения. Духовный самообман, или, на языке аскетики, «прелесть», особенно опасен тем, что подменяет собой реальное Богообщение и тем устраняет его.

Что мешает человеку реально общаться с Богом?

Наша «самость». Две ее главные формы – эгоизм и эгоцентризм.

«Для любого общения, и для общения с Богом как самого глубокого из общений, – пишет С. С. Аверинцев, – эгоизм и эгоцентризм равно губительны, но, возможно, эгоцентризм даже злокачественнее грубого эгоизма. Эгоизм – явное, очевидное, постыдное торжество самого низменного в человеке; а эгоцентризм, переориентируя на иллюзию весь внутренний состав человека, способен обратить в ложь и возвышенное в нем. Находящийся в "прелести" эгоцентрик может весь замирать от восторга перед собственной готовностью на жертву ради Бога и ближнего. Но его необходимое условие при этом – чтобы и ближний, и Бог были его фантазиями, проекциями вовне его собственной психики. Ни реального ближнего, ни реального Бога эгоцентризм не принимает».

Общение человека с Богом может быть только на расстоянии двух свобод, когда уважается свобода личного бытия того, с кем мы общаемся. «Самость», посягая на свободу Бога, пытается обладать Богом. Прося ежедневно воли Божией, мы в действительности не желаем ее, она нас пугает; нам кажется, что Бог у нас хочет что-то отнять, нам сладка наша человеческая воля. Находясь в ее власти, мы начинаем решать все за Бога: учить Его, подсказывать Ему, то есть пытаемся управлять Им.

Как, оказывается, трудно человеку принять свободу Бога. Она уязвляет даже праведников, о чем свидетельствуют многие примеры из Священного Писания. Вспомним, как пророк Иона,

уязвляясь свободой Бога, пытался воспрепятствовать Ему любить врагов его народа – ниневитян.

Лишая Бога свободы, мы творим себе кумира, то есть божество, которым можно манипулировать.

Но вот, преодолевая все эти искушения «самости», святой соединяется с Богом в истинном общении. Чего еще желать? Но почему? то и сам человек, и Бог хочет для человека чего-то еще – общения с другим человеком. Адам был не один, с Богом, а Бог, тем не менее, сказал: Не хорошо быть человеку одному (Быт 2:18). В этом – тайна. Дар общения – главный, центральный, важнейший дар, который подается каждому человеку Богом. В своей полноте он раскрывается только в Церкви Святого Духа.

Вот свидетельство одного брата из нашей общины: «Оживая, возрождаясь в покаянии, я обретаю дар общения с Богом и людьми, которые становятся для меня моими ближними. Я начинаю молиться. Я начинаю интересоваться людьми, живущими вокруг: думать о них, всматриваться в их лица, пробую вести разговор. Начинаю входить в их жизнь. Это (новое) общение вдохновляет. Все силы новой жизни текут из такого (рожденного в Духе) общения. Это же общение и ранит: приносит страдания, боль, бередит совесть...»

Что может ранить меня в общении с ближними? Если вдуматься, это моя собственная духовная слепота, моя нетрезвенность, мой максимализм по отношению к другим. Я не только ожидаю, но уже почти требую от других святости, совершенства, любви. Ко мне приступила сестра с обидой на ближних, которых она посетила в группе. Некоторые из них сильно задели ее своей нелюбовью. «У них нет любви, – пожаловалась она, – как же я могу с ними общаться?» Я ей сказал, что, конечно же, каждый человек хочет любви, имеет потребность чувствовать и знать, что его любят. Пока мы не будем любимы, мы не сможем выйти из-под власти зла и совершенствоваться в любви. Только тот, кто был любим, способен возрасть как личность. «Твое желание любви так понятно, но парадокс в том, что если я ищу любви к себе, я никогда ее не найду. Для того чтобы быть любимым, я должен

стать любящим, то есть начать с себя, с попытки начать кого?нибудь любить. До тех пор, пока я обращен на себя, моя способность к любви замирает или вымирает. Но если я прекращу интересоваться исключительно собой и перенесу фокус внимания с себя на моего ближнего, я становлюсь любящим и буду сам любим. Каждому из нас дан дар любви, способность любить. В той мере, в какой мы пожелаем делать усилия к перемещению нашего сознания с самих себя на ближнего, мы будем укреплены и наполнены любовью других. Нужно пытаться препятствовать мыслям и желаниям получить что-то взамен, ибо этим мы умерщвляем любовь.

И еще твоя беда в том, – сказал я ей, – что ты настроилась увидеть святых с нимбами, настроилась на приятное, на обоняние фимиама, а они тебе преподнесли зловоние. Но разве они сказали тебе, что они пылают, как серафимы, любовью? Нет. Ты увидела в них только зло. Но зло – не Христос. Христос в них никогда умереть не может. Он присутствует в них всегда. И может в них воскреснуть и, рано или поздно, воплотиться в их делах. Но, конечно, сразу увидеть это присутствие Христа очень трудно».

«Однако, – как сказал наш брат из Риги, – нельзя овладеть этим Присутствием, причем"сразу». Первый трудный урок общения состоит в том, что я могу сейчас только терпеливо стоять перед лицом сокрытой Тайны, но я не властен сокрытое сделать открытым; я не могу овладеть ни тайной Бога, ни тайной человека (кто бы ни был этот человек: супруг в браке, брат во Христе, ребенок или взрослый, немощный или сильный, любящий или не любящий). И вот это стояние перед сокрытой Тайной – с невозможностью отойти и невозможностью пройти дальше по одному своему желанию – и составляет содержание аскетики общения».

Как бы ни было трудно, нужно терпеливо предстоять перед ближним, нельзя уйти от него. В обход ближнего невозможно прийти ко Христу. Как сказал другой брат нашего прихода: «Всякий человек – путь ко Христу». Всякий, а не только святой.

Мы все святые по призванию, но не по исполнению.

«Христианство, признающее одних чистых и совершенных, – говорил Бердяев, – было бы христианством фарисейским. Максимальное требование к другим есть лицемерие и фарисейство». Церковь Христова и существует, прежде всего, для грешников, для несовершенных, для погибающих. Она не требует извержения из себя грешников и несовершенных, как этого хотели в древней христианской Церкви сектанты монтанисты.

Если бы Церковь была собранием святых, любящих друг друга, это было бы прекрасно, но не удивительно. Удивительно и убедительно то, что собрались вместе грешники, казалось бы, несовместимые для общей жизни люди, но таинственным образом они живут вместе и, обогащенные нищетой, являют миру любовь.

Наше общение в Церкви друг с другом опирается на состояние нищеты, потому что ты отдаешь мне себя, и я отдаю тебе себя, и каждый получает от этого с избытком. Это наращивание таинственной глубины общения, но не наращивание знаний или слов. Предел нашего общения в Церкви – совместное благодарение за жизнь с Богом, за жизнь в Духе Святом, совершаемое в таинстве Евхаристии, таинстве Благодарения. Община призвана к такому высокому общению, она собирается ради него. Евхаристия лежит в основании общины.

Праведный Иоанн Кронштадтский¹³ называл Евхаристию общением. «Какое преискреннее теснейшее общение! – говорил он о Евхаристии. – «Ядущий Мою плоть и пьющий Мою кровь пребывает во Мне, и Я в нем», "Ядущий Мою плоть и пьющий Мою кровь имеет жизнь вечную». Но "если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни"(Ин 6:56, 54, 53). Таково?то общение любви с начала и поныне!»

В Евхаристии мы «всегда все и всегда вместе» участвуем в Телотворении Христа, в этом являет себя дух созидания и творчества. Каждый умалется – Христос перед нами, мы перед Ним и друг перед другом и принимаем жертву другого. Без умаления невозможно ни принести, ни принять жертву жизни.

Если нет принятия, то нет и общения, нет жизни во Христе. Евхаристия является истинным утолением жажды общения. Но в чем наивысший, предельный смысл самого общения и общины? Мы ведь вышли не из общины, а из Живого Бога, и, следовательно, должны возвратиться к Нему, пройдя очень трудный путь и в конце времен соединиться с Ним. Наше сердце жаждет вечности, поэтому не может удовлетвориться конечным, всегда несущем в себе смерть.

В глубине бытия каждого из нас зияет рана одиночества. Ее нужно понять и мужественно принять. Но в одиночку принять рану одиночества невозможно. Для этого нужен другой, «ты», нужна община, семья. Не будем думать, что община или брак могут в совершенстве утолить жажду общения и до конца излечить эту рану. Община и брак – не самоцель, не последнее прибежище. Это место, где мне даются благодатные силы ощутить язву моего одиночества и увидеть рану ближнего, не убегая от них.

Принимая себя и другого в этой ранимости, а не в здравии, в этой немощи, а не в силе, мы стоим друг перед другом, понимая, что сами не можем спасти друг друга. И тогда, как на крик ребенка откликается мать, так на нашу взаимную немощность отзывается Утешитель – Господь Иисус Христос, ибо сказано: где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них (Мф 18:20).

«Наше человеческое призвание, – писал митрополит Антоний, – не только знать Бога, не только поклоняться Ему, не только служить Ему, не только трепетать перед Ним, не только любить Его, но, в конечном итоге, стать причастниками Божественной природы (2Пет 1:4), то есть именно приобщиться Богу так, что Божественная природа нам прививается, и мы становимся подобными Христу в этом отношении. В конце времен, когда вся тварь дойдет до полноты своего существования, когда человек дойдет до своей полноты, все человечество в единении с Единородным Сыном Божиим силой Святого Духа станет единородным Сыном Божиим».

Таково наше призвание в конечном итоге – полнота Божества, полнота человеческого естества. Уже не я живу, но

живет во мне Христос (Гал 2:20). Я – весь в Нем, в Отце Его, в Духе Святом.

Язык аскезы

Духовная жизнь всегда аскетична. Существует мнение, что аскеза необходима прежде всего монахам, а миряне могут идти к Богу другим путем. Но в действительности узкий путь аскезы – один для всех: и для мирян, и для монашествующих. «Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь». Но всякий ли узкий путь есть путь, ведущий к Богу? Сама по себе узость аскетического пути – не гарантия нашего спасения. Возникает вопрос, волнующий всякого христианина: как отличить истинную аскетику от ложной?

Вот перед нами человек, ведущий строгую подвижническую жизнь: посты, долгие молитвы, милостыня, воздержание, бдение и все то, о чем он прочел в Добротолюбии. Казалось бы, он вполне исправный христианин. У него есть ясная, высокая цель – спасение. У него есть необходимые для этого средства – аскетические упражнения. Они выбраны правильно, согласно Писанию: Сей род изгоняется только молитвою и постом (Мф 17:21). Все хорошо, он становится с каждым днем сильнее, духовно богаче, ему кажется, что он все ближе и ближе к своей цели – спасению. Все добытое им аскетическими усилиями кажется ему тем сокровищем, на которое можно надеяться и опираться. Но можно ли? Это не мой вопрос, это вопрос Господа. Боюсь, этот вопрос опечалит его. Столько сил потрачено, и сокровище доброе, и цель близка. «Как же я могу расстаться со всем этим духовным богатством? Чем же мне жить? На что надеяться? Как же мне все это отдать? Если отдам свою душу, что же мне тогда спасти?» Страх этот ложный. Христос как бы говорит ему: «Я не хочу ничего у тебя отнять, Я всегда только даю, и сейчас Я стою пред тобою с даром, но Я не могу его вручить тебе, потому что твои руки заняты твоим богатством».

Это была аскеза? – Да. Но какая? Аскеза силы, аскеза духовного богатства, аскеза трезвого расчета, аскеза достижения, аскеза взросления.

Но есть иная аскеза: аскеза немощи, аскеза нищеты, аскеза доверия, аскеза отдачи и дара, аскеза тех, кто хочет стать, как дети. Но детьми во Христе не рождаются, ими становятся.

Корень первой аскезы – «Я». В ней человек, по слову Николая Бердяева, остается замкнутой монадой, ищущей спасения. Корень второй аскезы – «Ты», Христос и ближний. Имя первой аскезы – духовный эгоцентризм, это аскеза страха, холодная аскеза. Имя второй – любовь, это аскеза любви, горячая аскеза.

Из опыта святых отцов мы знаем, что такое аскеза любви в своем пределе. У преподобного Силуана Афонского, память которого мы ныне совершаем, и у многих святых мы встречаем трогательное обращение к Богу: «Господи, если возможно, спаси их вместо меня». Святой ради ближнего готов пожертвовать всем своим аскетическим восхождением к Богу, готов даже к нисхождению во ад, что есть богооставленность, то есть готов на самое страшное.

Если в духовном эгоцентризме мы видим бегство от страха, то в аскезе любви мы видим готовность ради ближнего согласиться на страшное. В этом добровольном отказе от главной цели аскезы и от самой аскезы – вершина аскезы, любовь.

Мы увидели предел аскезы. Это духовное состояние совершенных, обожившихся людей, святых. Но это предел без предела.

«Поистине невозможно человеку, – говорит преподобный Исаак Сирийский – в шествии своем достигнуть предела, ибо и святые не дошли в этом до совершенства. Пути Премудрости нет конца: она восходит выше и выше, пока не соединит последователя своего с Богом. То и составляет ее признак, что постижение ее беспредельно, потому что Премудрость есть Сам Бог».

Нет предела, нет конца, но всегда есть начало аскетического пути. Оно не похоже на трудные будни подвижника, оно празднично, радостно. Сам Господь встречает нас Своей любовью, принимает нас как младенца, бережно, ласково и тихо. И в душе человека – мир, тишина и блаженство.

И он смотрит на мир, как влюбленный. Отец Павел Флоренский писал: «Блаженство дается уже в начале искупительного пути, не достойно, а для бодрости, на долгий путь, на многие муки». Если в начале пути человек весь в себе и Господь пеленает его Своей любовью, как младенца, а в конце аскетического пути он умирает ради ближнего и Бог дает ему новые пелены, погребальные пелены Своего Воскресения, – он снова в полноте любви, потому что родился в новую жизнь, – то в середине своего духовного пути он начинает мучительно отрываться от себя и ощущает это состояние как тесноту, тяжесть, сухость, страдание. Он познает всем существом реальность слов Христа: В мире будете иметь скорбь, но ему только еще предстоит расслышать укрепляющий голос: Мужайтесь, Я победил мир (Ин 16:33).

Почему в середине пути так трудно и больно? Что причиняет мне боль? – Мир и я сам. Я еще занят собой, но уже иду к ближнему и должен оторвать себя от себя. В начале человек был влюблен в мир и людей. Но в действительности он пока не научен любви: он любим Богом, но сам еще не умеет любить.

Когда начинается научение общинной жизни, все, радуясь друг другу, говорят: «Какие мы хорошие, как приятно быть вместе!» Но наступает момент, когда человек говорит: «Какие все противные!» – Я прикасаюсь к своей нищете, обнаруживаю зло и боль в себе, во мне возникает страх: все увидят меня, какой я есть, и отойдут от меня.

Здесь нужно сказать о целительности общинной жизни, о ее возможностях, которых не имеет каждый из нас сам по себе. Монахи ради спасения шли в монастыри, в пустыни. Христианин, живущий в миру, идет в общину, живет в ней. Она дарит ему ближнего, ближних, возможность увидеть себя таким, каков он есть. Ближние становятся моим зеркалом. Когда я стал отрываться от себя, чтобы идти к ближнему, это вызвало во мне боль и сопротивление. Но вдруг открывается мне тайна того, что ближний становится целителем моей души. Если я не принял ближнего как помощника мне, испугался его, не доверил ему свою боль, то есть не открыл свое сердце, то я начинаю

искать спасения от боли на пути забвения, прибегая или к алкоголю, или к зрелищам и т. д. Наркотиком может стать все, что угодно, и особенно страшно то, что даже и религию можно превратить в средство моего забвения. Увы, здесь приходят на память печально знаменитые слова о религии как опиуме.

Я шел от себя к ближнему и Богу, но, так и не дойдя, вернулся к себе. Стал христианином-одиночкой, а это нонсенс. Христианинодиночка может попытаться встать на путь аскетики, но это будет аскетика страха, а не любви. Например, он может добросовестно, с увлечением прочесть Добротолюбие, вдохновиться на самый аскетический подвиг, со страстью отдаться аскетическим упражнениям, изнурить свое тело строгим постом – и ничего, кроме вреда, не принести себе. Мой духовный отец Серафим (Тяпочкин) из села Ракитного рассказывал мне с юмором: «Ко мне приносили постников, их приходилось отпаивать с чайной ложечки».

Христианин-одиночка способен даже любовь к ближнему и милосердие превратить в аскетическое упражнение, средство его спасения, о чем так хорошо писала мать Мария (Скобцова). Христианин-одиночка, даже придя в храм, где должно совершаться таинство собрания братьев во Христе, радуется, когда в нем никого нет. В книге «Беседы иконописца» архимандрит Зинон рассказывает, с каким удовольствием одна женщина поведала ему, как ей хорошо было молиться в пустом храме: никто ей не мешал.

Аскеза христианина-одиночки вредна, потому что бесплодна. Мать Мария, познавшая тайну Христовой Любви, писала: «Уничтожьте любовь к человеку, – и вы уничтожите человека, потому что, не любя его, вы его отрицаете, сводите к не-сущему». Николай Бердяев писал: «Нужна аскеза, которая приучала бы человека к общению и братству, это требует новых методов аскезы». Мы должны поставить вопрос в нашей Церкви – к этому давно уже подвела наша жизнь – о новой аскетике, аскетике общины. Язык этой аскетики – любовь.

Аминь.

Ересь жизни

Господь каждому из нас всегда предлагает выбор: жизнь или смерть.

Во свидетели пред вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие (Втор 30:19). Человек в ужасе замирает перед этим выбором, ибо в этот момент в нем должна открыться таинственная глубина его последней свободы. Глубина эта бездонна и трагична, ибо сам по себе человек может пропасть в ней. И тогда он слышит спасительный голос: Избери жизнь (Втор 30:19).

Спросим каждый себя: «Жив ли я? Выбрал ли я жизнь? И что мне нужно для того, чтобы вновь и вновь правильно выбирать ее?»

Если я выбираю не жизнь, то становлюсь изменником жизни, предаю ее. По слову Николая Бердяева, это есть ересь жизни – единственная настоящая ересь.

Чтобы не сделать ложного выбора, нужно всегда помнить заповедь Божию: Избери жизнь. Но что значит помнить? Держать в голове, знать умом? Мало. Помнить – это жить Богом.

Вдумаемся в то, что есть память. Память – это реакция на отсутствие. Нужно различить природную память и священную, или духовную память.

Природная память по отношению к хорошему прошлому рождает сожаление о том, что его уже нет. А по отношению к плохому она радуется избавлению от него. Но в обоих случаях она уничтожает прошлое, хоронит его, порой в очень красивой форме. Она говорит: «Прошлого нет», то есть отказывает ему в жизни. «La vita foga», жизнь убегает – сетовал Петрарка. Человеку трудно примириться с мыслью, что его прошлое исчезает. Но природная память бессильна перед временем.

Священная память побеждает время, актуализирует далекое историческое событие, превращая его в церковное «днесь». «Дева днесь Пресущественного раждает...», – поет Церковь каждый год на Рождество. Эта память – духовная, творческая, онтологическая, животворящая. В глубинном слое личности она творит полноту жизни. В человеке оживает все человечество. Поэтическая интуиция Максимилиана Волошина

говорит об этом так: «Весь трепет жизни всех веков и рас живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас».

Священная память призвана соединить нас с Богом. Память эта есть жажда, желание человека соприкоснуться с Богом, припасть к Нему. И эта наша жажда утоляется в таинстве Евхаристии, которую мы всегда, по заповеди Христа, творим в Его воспоминание. Он просил нас: «Вспоминайте Меня». Не в том смысле, чтобы собирались и говорили о Нем, но чтобы мы реально соединялись с Ним. Память – это соединение со Христом всего нашего существа, всего нашего состава. Только священная память способна победить отсутствие и дать чаемое Присутствие, сотворить со-бытие.

А как она осуществляется в наших отношениях с ближними?

Священная память животворящая. Се, творю всё новое (Откр 21:5). Она творит из ничего. Способны ли мы к такой творческой, обновляющей памяти по отношению к ближним? Мы всегда просим Бога сотворить вечную память о наших ушедших. А Господь просит нас не забывать тех, кто ныне рядом с нами. Он доверяет их нам, нашей священной памяти о них, памяти-любви.

Что значит память как творчество в нашей повседневной христианской жизни? Наш ближний утопает в грехах. Нетворческая реакция – реакция осуждения. Творческая память предполагает веру в него. Иисус Христос сказал об умершей девочке: Она не умерла, но спит. И все смеялись над Ним. Он сказал ей: Девица, встань (Мк 5:41). И она ожила.

Сможем ли и мы так подумать о погрязшем в грехах человеке, что он не умер, но только спит, найти в себе такую веру в него, чтобы призвать его встать, пробудить его к жизни? Вера в человека и будет осуществлением нашей памяти как творчества.

Вторая форма нашей памяти о ближнем – это забота о нем. Заботиться – значит постоянно держать в своем сердце нужды брата, большие и малые. Заботясь о нем, мы не сможем сами прибавить ему роста хоть на локоть, но эта священная забота может устранить все внешние преграды и через разобранную

кровлю опустить расслабленного к ногам Иисуса. И тогда плодом нашей заботы станет исцеление и жизнь.

Третья форма памяти – долготерпение – самая трудная. Трудная потому, что в этом случае мы сами бываем внутренне задеты, ранены недостатками ближнего. Нам мучительно трудно с ним, он нас раздражает, у нас не хватает сил терпеть его. Тогда мы не просто не хотим его помнить, мы стараемся забыть его, хотим идти на разрыв с ним, отступить от него, словом, забыть, не помнить его.

Если мы не осуществляем по отношению к ближнему памяти-любви, памяти-веры, памяти-заботы и памяти-долготерпения, мы согрешаем против жизни, оказываемся еретиками жизни.

Мне хотелось бы рассказать об одном опыте церковной жизни, в котором братьям удалось избежать этой ереси, хотя опасность была велика. Речь пойдет о духовной заботе паствы о своем пастыре.

Пример этот может показаться необычным, потому что мы привыкли к тому, что священник заботится о христианах, а они, как овечки, принимают как должное эту заботу. Но в церковной творческой жизни возникают ситуации, когда овцы должны позаботиться о своем пастыре.

В одном из столичных приходов Латвии прихожане, пожелавшие жить общинной жизнью, воцерковиться, не встретили понимания со стороны настоятеля храма. Нужно было думать, как выйти из создавшегося положения. Прихожане – их было около десяти человек – начали с себя. Они решили пройти катехизацию самостоятельно, без поддержки настоятеля, ибо он не имел опыта катехизации и, следовательно, желания заниматься ею. Разговоры об общинной жизни вызывали у него ассоциации с сектантством, но вовсе не с истоками христианства.

Прихожане нашли духовную поддержку в тех местах, где была общинная жизнь, где совершалось правильное введение в Церковь, последовательное научение христианской вере и жизни.

Ценно, что в сознании братьев и сестер не возникло мысли о борьбе за идею против настоятеля или желания уйти от него, забыть его.

Но любовь Божия никого не забывает. «Христос любит каждого больше всех», – говорил патриарх Афинагор. Любовь подвигла прихожан бороться за своего пастыря, глубоко войти в его положение. Она не может отвергнуть брата, нуждающегося в помощи. Справедливость Бога – не справедливость человеческая, она – любовь. Бог дает нам только Свою любовь и хочет, чтобы и мы, христиане, поступали только по любви: молились с надеждой, что Бог всегда стоит у двери каждого сердца, даже когда она замкнута, и если нужно, Он будет ждать целую вечность, пока она не откроется.

«Господь, – рассудили они, – дал нам эти обстоятельства жизни, этого пастыря, этих братьев, этот храм, этот город, эту страну, и мы должны сделать все возможное, чтобы изменить все к лучшему, преобразить то, что еще не преобразено любовью и терпением Христа».

Прихожане не стали противопоставлять себя пастырю, понимая, что ему тоже очень трудно, труднее, чем им самим, уже прикоснувшись к тайне общинной жизни. «Нельзя избрать линию на разрыв, на конфликт, на игнорирование человека, – сказал один из братьев этого прихода. – Даже если в одной семье с нами больной человек, то грех на мне, когда мы провоцируем чужую болезнь. Что же сделает община для исцеления тела Церкви, если она не желает терпеть немощи этого тела? Церковь – наша семья, такая, какая она есть. Почему же мы должны быть в ней чужими друг другу?»

Мудрость святых подтверждает правильность такого пути: «Туда где нет любви, неси любовь, и ты найдешь любовь».

В наших отношениях с ближним есть путь силы, внешнего воздействия и есть путь закваски, путь внутреннего влияния. Недавно брат из этой общины написал мне: «Мне кажется, что в сердцевине всего лежит отказ от силы. Не поиск силы для совершения дела, а отречение от силы. Отказ от человеческой силы ведет к молитве. Наш Господь уже отказался от силы на

Кресте ради нас. Он ждет, когда же мы также отречемся от силы ради себя и ради Него».

Братьям и сестрам открылось главное: путь силы и любовь несовместимы. Церковь наша ныне больна нелюбовью. Но силой эту болезнь не исцелить.

«Историческое христианство, – говорит Оливье Клеман, – обременено волей к власти, желанием убеждать силой. Церкви надо отказаться от власти, не отказываясь быть закваской, причем закваской во всех областях жизни. Вне всякой власти она может жить светом, иногда незаметным, иногда более явным, в зависимости от времен, стран, возможностей истории.

Надо также отбросить мысль, что мы можем извне влиять на общество: нам остается только внутреннее влияние, через умы и сердца в лучах этого света, через различные наши начинания.

Роль христианина – не бороться с секуляризацией, которая фактически уже наступила, но – делать ее позитивной, то есть давать Церкви быть закваской, а не властью, и также ставить последние вопросы бытия, на которые секуляризация не дает никакого ответа.

Может быть, Бог ждет от христиан творческой духовности, которая стала бы воздухом эпохи, незаметно меняющим общество.

Это все очень важно, потому что сегодня мы устали от христианства как идеологии группы, нации, государства. Мы устали от инквизиции, от необходимости думать о влиянии или значении: ведь мы можем быть бедными и свободными!

Сегодня, может быть, впервые в истории христиане становятся бедными и свободными. Появляется открытость малому, простоте, широта взглядов, возвращение к основам. Эта радость открывать главное, жить им в Церкви – в свободе личного выбора – великое преимущество нашего времени».

Путь закваски, внутреннего влияния оказался плодотворным для братьев и сестер рижского прихода. Своим живым отношением ко всему, что происходило на приходе, своим стоянием в любви они изменили духовную атмосферу

жизни на приходе, помогли пастырю ощутить радость быть Телом Христовым, единой духовной семьей.

Наступил день, когда после Евхаристии, в которой участвовали все, настоятель сказал: «Как хорошо. Сегодня все причастились. Мы – как одна семья».

Это был первый опыт полной евхаристической радости, когда община и настоятель стали Единым Телом Христовым. Хотя путь их совместной жизни во Христе только начался, несомненно, это была настоящая духовная победа бессильных, бедных и свободных христиан на пути творения ими общинной жизни.

Когда любовь теряет из виду конечную цель – Бога и ближнего – она становится извращенной, становится силой не единения, а разделения. «От любви до ненависти – один шаг», – гласит поговорка.

Что же становится подменой Бога? Все, что не Он, все, что ниже Его. Что становится подменой человека? Все, что не он, что ниже его.

Когда христианин борется за идею, за букву, за канон, он, сам того не сознавая, впадает в «священную ненависть» и начинает бороться против человека. Самое опасное – то, что «священная ненависть» не распознается как грех, как искажение евангельского духа. Поэтому ею легко заразиться. Болея этой духовной болезнью, человек причиняет страдание ближнему, считая это полезным, крайне необходимым и оправданным. Крайняя степень этой болезни – фанатизм.

На Афоне, в болгарском монастыре Зограф, есть скорбное место – здесь во времена крестовых походов были сожжены монахи. Кем? Теми, кто боролся за идею, кто был одержим «священной ненавистью» и, вероятно, говорил в себе: «Я – истинный христианин, я так люблю Христа, что за Него я готов убивать».

Правда, которая пытается утверждать себя силой, становится ложью. Народная мудрость свидетельствует: «Правда не в силе, а сила в правде».

«Православие, – писал Николай Бердяев, – есть прежде всего ортодоксия жизни, а не ортодоксия учения. Еретики не

столько те, кто исповедует ложную доктрину, сколько те, кто имеет ложную духовную жизнь и идет ложным духовным путем.

Православие есть прежде всего не доктрина, не внешняя организация, не внешняя норма поведения, а духовная жизнь, душевный опыт и духовный путь».

Человек всегда выше идеи, выше догмата, выше закона. Поэтому в стремлении изменить церковную жизнь, преобразить ее, нам следует всегда начинать с человека, с его исцеления, надо всегда помнить его, помнить памятью Бога, то есть памятью любви и сострадания.

Невозможно ради идеи благополучной духовной семьи вытолкнуть из нее больного брата и забыть о нем. Должно быть со-бытие с ним. Со-бытие – это значит, всегда помнить друг о друге. Христианству чужд индивидуализм. И если нет тебя, то нет и меня. Мы – многие – одно Тело. Но собирание разных личностей в одно тело – процесс очень трудный и драматичный. Об этом хорошо пишет брат Иоанн Калниньш из Риги:

«Когда мы, при взаимной нелюбви, которую мы не можем искоренить сами из наших отношений, при всех трудностях, обидах, при настоящей вражде, все-таки собираемся, чтобы быть вместе, делая это из любви ко Христу, то само это желание быть вместе в любви Христовой становится залогом того, что Бог творит наше собрание Телом Христовым. Порознь мы – одинокие грешники, страдающие от своих грехов, собранные вместе – страдающее Тело Христово, святая Церковь. Наша решимость собираться при всей боли, в которой мы живем, – начало принесения бескровной жертвы на Евхаристии.

Можно сказать парадоксально, что когда собираются любящие – это еще не Церковь, но когда собираются не любящие, ради Христовой любви – и Бог делает то, чего не может никто, – вот истинная Церковь».

И обретение смысла жизни в Церкви иное, иного качества, чем обретение его в одиночку. Интерес, приключения, успех переживаются в одиночку, любовь (эрос) переживается только вдвоем. Есть ценности со-бытия, которые переживаются только совместно, другим образом – нет. Таковы именно высшие

ценности. Поэтому важно каждому из нас утвердиться в памяти о ближнем, в памяти со-бытия с ним, ибо Царство Божие переживается только вместе.

И если мы не стремимся к этому, не трудимся, то даже помимо своей воли становимся еретиками. Еретиками жизни, ибо ересь есть отступничество от жизни, измена жизни, противление жизни. Ближний дан мне как дар Божий, он помогает мне войти в Царство Небесное. И если я принимаю его, я избрал жизнь, я на пути Жизни. Если отверг его, то есть сделал неправильный выбор (а в переводе с греческого ересь – *aíresis* – и есть выбор, избранный образ жизни или мысли), то я на пути смерти.

Но даже сделав правильный выбор, пытаюсь принять брата, в реальном опыте церковной жизни мы порой торопимся силой исправить его, подравнять его под нашу идею, под наше понимание правил и канонов. Когда мы так принимаем брата, то не даем ему жизнь, расцерковляем его и расцерковляемся сами. Двойной урон. Даже тройной, ибо такими действиями мы саму Церковь уподобляем религиозному учреждению, механизму.

Песчинка, попадая в какой-нибудь механизм, либо перетирается им и исчезает, либо ломает сам этот механизм. Кто кого! Но вот эта же песчинка попадает в раковину. Живое тело раковины начинает обволакивать инородную частицу и постепенно она превращается в прекрасную жемчужину.

Со стороны рождение жемчужины выглядит красиво и легко, как в сказке. Но ведь песчинка, попадая в нежную ткань раковины, причиняет ей боль, ранит ее, так же как малейшая соринка в нашем глазу.

Подобно тому духовная семья, община, принимая в себя новых членов, должна обволакивать их своей любовью. Жемчужина созревает постепенно, так и члены общины становятся братьями не сразу. И это не бывает без боли. Нужно сердечно согласиться принять эту боль, согласиться на необходимое терпение и страдание.

«В Небесном граде, – говорил один пастырь, нет ни грамма золота, который бы не прошел через горнило, там нет ни одного

драгоценного камня, который не побывал бы в пламени, там нет ни одной жемчужины, которая не родилась бы в результате страданий».

Миссия православного прихода-общины

Казалось бы, в конце второго тысячелетия существования христианства мы, христиане, должны пожинать обильную жатву веры, быть единой духовной семьей. К сожалению, этого нет. Церковь Христова расколота, и проблема заповеди единства является неизменно основной прежде всего для самой Церкви, для ее внутренней миссии. Врач! исцели Самого Себя (Лк 4:23).

Начавшееся в нашей Церкви движение общинной жизни, евхаристического возрождения свидетельствует о стремлении живых ее сил исполнить Христову заповедь единения. Общинная жизнь, развивавшаяся в катакомбной Церкви во время гонений, стала проявлять себя все более открыто в некоторых приходах Москвы и других городов в 1970-е годы.

Важной вехой в развитии общинной жизни Церкви явилось рождение общинного прихода, основанного Преображенским братством в конце 1980-х годов сначала в г. Электроугли, а затем в некоторых московских храмах. Ныне общинный приход московского храма Успения в Печатниках является ведущим в исполнении миссии церковного возрождения. Те, кто в состоянии был оценить духовную значимость опыта общинной жизни этого прихода, приняли его как возможность восполнить свои личные поиски на трудном пути возрождения церковной жизни.

Немало в нашей Церкви тех, кто нынешнее возрождение общинной жизни воспринимает как нечто вредное и чуждое духу Православной Церкви, самое слово «община» ассоциируется у них с сектантством, поэтому вызывает неприязнь. Это не отречение от слова, это уничтожение корня Церкви.

Церковь начала свою жизнь в форме общины – маленькой духовной семьи, которая несла в себе всю полноту жизни во Христе. Заменить общину приходом невозможно, потому что приход – понятие вторичное для Церкви, он не включает в себе сущность природы Церкви, будучи более организацией, нежели организмом.

Общину созидает Евхаристия, приход создают географическое место, совокупность общин и должностные лица. Кризис евхаристической жизни связан с кризисом общинной жизни, что привело к появлению безобщинных приходов. Древний принцип Евхаристии – всегда все и всегда вместе – сменился другим: не всегда вместе и не все.

В наши дни многие христиане совершенно не понимают смысла Евхаристии, того, что, единодушно участвуя в ней, мы, соединяясь со Христом и друг с другом, становимся единым живым Телом и тем самым являем Церковь бытийно, а не на словах.

Тот, кто сегодня живет Евхаристией, а завтра отказывается от нее; тот, кто сегодня любит всех братьев и сестер, а завтра – нет, свидетельствует о разрыве в своем церковном сознании, следовательно, и о своей невозможности быть свидетелем Христа в мире.

Приступив к служению на приходе преп. Евфросинии Полоцкой в маленьком латвийском городке Карсаве в 1982 году, я реально пережил кризис общинной, евхаристической жизни. Со временем сложилась группа из местных и приезжих людей, которым постепенно открывалась тайна евхаристической жизни.

Пребывая в постоянном живом общении с пастырем и друг с другом, занимаясь духовным самообразованием и впитывая все лучшее из церковного опыта наших предшественников и современников: архимандрита Тавриона (Батозского), архимандрита Серафима (Тяпочкина), протоиерея Александра Меня, протоиерея Всеволода Шпиллера, митрополита Леонида (Полякова), о. Георгия Кочеткова, – группа стала общиной.

Когда нам открылся миссионерский опыт воцерковления, катехизации о. Георгия, мы не только оценили его, но и пожелали принять его, сообразуясь с нашими обстоятельствами жизни. Община прошла катехизацию, чтобы восполнить нашу жизнь, по-новому, глубже пережить таинство единения со Христом и друг с другом.

Моей духовной задачей было желание устроить церковную жизнь так, чтобы приход вновь обрел смысл всех таинств, в первую очередь – таинства Крещения и таинства Евхаристии,

ибо он был утрачен. Нужно было отказаться от сложившейся практики вступления в Церковь – крещения без подготовки (с улицы – в купель). Не имея возможности создавать группы оглашаемых, я занимался индивидуальной катехизацией, сроки завершения которой зависели от степени внутренней готовности катехумена принять крещение.

Наша небольшая община, единственная пока на приходе, всегда была и ныне открыта для всех, кто желал общаться с нами, она редко пребывает только в своем составе, но всегда увеличивается за счет гостей. Живя с нами, братья и сестры сами берут из нашего скромного опыта церковной жизни все, что им кажется полезным. Дух общинной жизни передается в живом общении с приезжими братьями и сестрами, оценивается ими положительно и побуждает их к созданию новых духовных семей в тех приходах, откуда они приехали.

Вначале с какого-нибудь прихода приезжают один брат или двое-трое; поживут в нашей общине. Напитавшись духом единения они, возвращаясь к себе, начинают свидетельствовать узкому кругу единомысленных и единокружных о новом для них опыте церковной жизни. Слушатели, принимая их свидетельство, приезжают в нашу общину уже маленькой группой. Всем им становится очевидно, что нужно прекращать жизнь христианина-одиночки и начинать учиться жить вместе, как заповедал нам Господь.

Вопреки возможному несочувствию их пастыря к созиданию общинной жизни на приходе, евхаристическому возрождению, они берут ответственность за свое воцерковление на себя, находя в лице нашей общины и в лице братьев и сестер общинного прихода храма Успения в Печатниках помощников и сотрудников. Наша община помогает им провести самый трудный третий этап оглашения – таинствоводственный, во время которого совершается семь Евхаристий, проводятся беседы о таинствах Церкви.

Таким образом в Латвии родилось уже несколько общин в необщинных приходах. Это чудо: в необщинном приходе рождается община. Один известный всем нам иконописец

наших дней сказал: «Если перед Вами плохо написанная икона, нужно молиться вопреки иконе».

Пребывая в своем необщинном приходе, родившаяся община предстает в храме пред Богом как духовная семья, являясь для прихода закваской общинной жизни. Их миссия становится незаметной, они проповедуют своей жизнью, никому ничего не навязывая, но те, кто жаждет постоянного общения друг с другом во Христе, сами замечают их и вступают с ними в общение.

Разумеется, нормально, когда общинный приход рождает все новые и новые общины, создавая общинную грибницу, и мы радуемся такому, пока редкому в России, опыту братьев и сестер храма Успения в Печатниках в Москве. Мы к этому должны прийти повсеместно в нашей церковной жизни.

Возрождение общинной жизни, соборности в нашей Церкви началось снизу, а не сверху, и это – добрый признак того, что оно выстрадано и жизненно.

Теперь мне хотелось бы привести свидетельство Иоанна (Яниса) Калниньша, брата из рижской общины, которая проходила свой третий этап оглашения в нашей общине:

«Могу ли я что-то говорить об общинной жизни? С формальной стороны наша группа уже закончила оглашение, а община еще не родилась – сейчас время пустыни.

И все-таки, думаю, определенное знание об общинной жизни, личный опыт переживания ее у меня и у других есть – община уже родилась в сердцах, и теперь рождается – и когда мы будем, каждый, выбирать для себя жизнь в общине, мы будем это делать зряче, зная, что мы выбираем.

Единство братьев и сестер, прежде чем стать актуальной данностью, долго вынашивается в сердцах. Думаю, каждый много над этим потрудился в себе, внутри.

Во время нашего оглашения, еще во время первого этапа, мы в нашей группе часто забежали вперед: нам хотелось быть общиной уже сейчас, теперь. Многие из нас пришли в группу, уже будучи крещеными и причащающимися, другие (те, кто во время оглашения был крещен или перешел в православие из другой конфессии – Елизавета, Иосиф, Петр) довольно быстро

почувствовали потребность присоединиться к телу Церкви... Иногда мы удивляли наших катехизаторов. Например, когда единодушно потребовали перевода всей группы на второй этап и взяли ответственность за двух сестер – Елизавету и Валентину, – которые к нам присоединились совсем недавно, но которых уже нельзя было оставить.

Была решимость покрывать чужие немощи. Катехизатору (это был Вадим) ничего не оставалось, как пойти у нас "на поводу».

Меня всегда восхищало, что мы не выбирали друг друга (по общности интересов, личной склонности, близости характеров, возрасту и т. п.), нас собрал Господь такими, какие мы есть, очень разными. Я пришел в группу, не имея дружеских связей, никого не зная...

Изначально наше общение уже было узким путем, тернистым и радостным. Меня восхищала эта способность, которую дает Христос, – любить не по выбору, эта тайна христианской любви, изливающейся на всех.

И в то же время сразу отношения с каждым из членов группы становились личными, особыми, "своими», приобретали интимную глубину (хотя бы потенциально).

Каждого знаешь в лицо и по имени, интимно. И было большое желание углублять эту интимность, достигать дружеских отношений, избранности. Это как бы желание взыскать в брате друга, желание достичь еще большей избранности – чтобы как каждый из нас был избран Христом (и в этом качестве мы и встретились в группе), каждый стал избранным и для другого; чтобы я избрал брата для себя так же, как избрал его Христос, и чтобы эта тайна Христова повторилась между нами, братьями.

Пожалуй, для оглашаемого такие задачи были трудноваты. Было желание сердца, человеческое ожидание, но были и собственные грехи, немощи, которые разрушали многие надежды. Часто мне в группе было очень тяжело... Преображение отношений (это было и личным и общим событием) наступило во время третьего этапа и примерно двух предшествующих недель, которые как бы срослись с ним, были

его ожиданием, постом. Мы все, 14 человек, включая двухмесячную Марию, приехали в Карсаву, и третий этап начали на Преображение.

То, что мы не могли своими силами, то совершил Бог в эту неделю. То, что отягощало совместную жизнь и общение, усталость от взаимных недостатков – оказалось маловажным, стало таять, исчезать. Как бы что-то ожило, открылся животворный источник, повеяло Духом Животворящим. Конечно, здесь самое важное – семь литургий вместе. И этот дар нам был дан. Кровь Христова очистила, преобразила, оживотворила нашу общность. Можно сказать, что каждый причащался вместе с каждым, каждый причащался столько раз, сколько причащались все его братья и сестры. Значит, все – уже одно Тело.

Жизнь в общине – это жизнь преизбыточествующая, жизнь не одною жизнью (своей), а многими. Спрашивают, не ограничивает ли община личной свободы. Но для меня самое тягостное рабство – рабство у самого себя, то есть жизнь нетворческая. В общине ты избавлен от этого рабства, в общине – жизнь творческая, дана возможность постоянного обновления (если только ты сам не станешь спать), возможность неограниченно учиться друг у друга; видеть в других лучшее, чем то, что есть у тебя, стремиться к этому лучшему; возможность восполнять чужие немощи и самому находить восполнение в братьях и сестрах, вместе решать новые задачи.

Жизнь в общине раскрывает ту же тайну, которой жива Церковь, семья, брак – тайну Святой Троицы, тайну единства (единосущие при различии лиц).

Тайна Божия становится тайной человеческой, моей и моих братьев и сестер, нашей с ними внутренней. Именно в общине можно научиться, узнать, что такое Церковь и что такое человеческая дружба. Это догматика, сведенная в повседневную жизнь, будни; созерцание, перешедшее в деятельность; Евангелие, написанное в сердцах, благодатная жизнь, Богочеловечество.

В общении с братьями и сестрами постигается тайна самоотречения, "потери, погубления души своей...», "полагания

души за други», вольной смерти.

Хочу засвидетельствовать еще об одном чуде, которое я наблюдал в нашей группе-общине. В братском общении, благодаря ему и параллельно с ним, получает расцвет личная мистика, интимное приобщение тайнам Божиим.

Тайны Божии постигаются в повседневности, здесь, рядом. Вдруг, происходило, что брат или сестра "отверзали уста" и в немногих словах произносили что-то такое, что слышавших приводило в тихое изумление. Произнесенные слова были продолжением каких-то общих разговоров, которые ранее велись. Эти слова – плод общения не умов только, но общения сердец. Общая жизнь, общая приобщенность тайнам переливалась в каждого и продолжала жить в нем, даже когда пространственно мы были разделены».

О евхаристическом возрождении

Заповедь Иисуса Христа о единении – да будут все едино; как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино (Ин 17:21) – исполнилась в день Пятидесятницы, когда Его ученики совершили в Иерусалиме первую Евхаристию.

Апостолы в этом таинстве познали Христа как Жизнь – по слову о. Александра Меня, «полнота единения с Господом и между собою стала для них реальностью». Через Христа, через Евхаристию произошло становление собравшихся в одно тело (1Кор 12:13).

Это единство, которое не может быть установлено человеком (единство снизу), исходит от Бога, это единство свыше. Именно в Теле Христовом Бог собирает и являет народ Божий, именно в Теле Христовом мы обретаем истинную жизнь. «Глубокое и таинственное общение существует между нами: причащаясь Святым Дарам в Церкви Божией, мы вступаем в общение с Отцом через Сына в Духе Святом. Поистине усыновленные в Сыне, мы таинственно и реально стали братьями друг для друга», – говорил патриарх Афинагор.

Природа Евхаристии на протяжении всей истории христианства осталась неизменной, но изменилось наше отношение к «таинству таинств». Ныне у многих нарушено еkkлeзиологическое восприятие Евхаристии. Евхаристии регулярно совершаются в наших храмах, в монастырях и некоторых городских храмах даже ежедневно.

Однако несмотря на все это, по слову протопресвитера Александра Шмемана, «Евхаристия в реальном смысле отсутствует в нашей жизни. И в этом "отсутствии" коренится трагедия Церкви в наше время». Однажды после Евхаристии я спросил женщину: «Вы сегодня были в Церкви или в храме?» Она поняла вопрос и ответила: «К сожалению, я была сегодня только в храме».

В храме, где совершалась Евхаристия, молилось человек тридцать. К Чаше приступило человек десять, остальные только

посмотрели на то, как причащаются другие. Женщина, о которой идет речь, была в числе непрчастившихся.

В конце Евхаристии непрчастившиеся пели со странным воодушевлением: «Видехом свет истинный, прияхом Духа небесного...», то есть благодарили за вкушение Тела и Крови Христовых, которые они вовсе не вкушали. Это звучало фальшиво, как благодарность хозяину дома за чай, который мы не пили у него. Мы воспринимаем ныне Евхаристию не как таинство единения, а как таинство индивидуального спасения. «Христиане хотят, – писал Н. Бердяев, – не столько реального изменения и преображения своей природы, сколько отпущения грехов».

Наше нынешнее церковное сознание крайне индивидуалистично. Ныне мы почти не видим воплощенного в евхаристической жизни древнего правила: «всегда все и всегда вместе», оно заменено другим «не всегда все и не всегда вместе». Мы сейчас почти никогда не бываем вместе, но каждый за себя и для себя. Нигде в чине Евхаристии не сказано о причащающихся и непрчащающихся, но в нашей евхаристической практике это разделение давно уже существует. Древнее церковное сознание знало, почему надо быть всегда вместе собранными на одно и то же. Это основной принцип церковной жизни, он вытекает из самой природы Церкви. По слову прот. Николая Афанасьева, «каждый крещен в "одно Тело», и он не может существовать без этого Тела. Отдельное "я" не может существовать вне Церкви, так как оно всегда предполагает "мы", без которого "я" не может быть, так как "мы" первичнее "я". Евхаристия есть "мы", в котором состоит каждое "я" и через которое оно существовало в древней Церкви».

Евхаристия есть выражение нашей жизни в Церкви, поэтому мы должны сознавать ее как жизнь и делание.

""Я иду в Церковь», – писал прот. Александр Шмеман, – это значит, я иду в собрание верующих, чтобы вместе с ними составить Церковь, чтобы быть тем, кем я стал в день крещения, то есть членом – в полном и абсолютном смысле этого слова, членом Тела Христа...Я иду явить и

засвидетельствовать перед Богом и миром тайну Царства Божия, уже "пришедшего в силу". Оно пришло и приходит в силу – в Церкви. Вот тайна Церкви, тайна Тела Христова: Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них (Мф 18:20). И чудо церковного собрания в том, что оно не "сумма" грешных и недостойных людей, составляющих его, а Тело Христово. Как часто мы говорим, что мы идем в Церковь, чтобы получить от нее помощь, благодатную силу, утешение. Но мы забываем, что мы и есть Церковь, что мы ее составляем, что Христос пребывает в Своих членах и что Церковь не вне нас, не над нами, а мы во Христе и Христос в нас. И не в том христианство, что оно каждому дает возможность "личного совершенствования", а в том, прежде всего, что христианам дано и заповедано быть Церковью – народом святым, царским священством, родом избранным (1Петр 2:9), являть и исповедовать присутствие Христа и Его Царства в мире».

В Церкви нет и не может быть отдельных действий – вот неизменный закон ее жизни, вытекающий из ее существа. «Отдельный христианин не принадлежит Христу, – говорит прот. Николай Афанасьев, – так как Ему принадлежат все вместе, когда они члены Его Тела, которые не могут жить и действовать без других. В этом был один из соблазнов для эллинского сознания, которое его не преодолело для себя, но внесло индивидуализм в христианство».

Идя на поводу индивидуализма, современная евхаристическая практика предпочла сослужение некоторых, но не служение всех, что сильно нарушило евхаристический характер церковных собраний. Христианин ныне не пребывает в своем достоинстве священника, потому и вопрошает: «Кто сегодня служит?» Он все возложил по существу только на священника, который служит для народа или за народ, а сам пребывает в состоянии пассивной принадлежности к Церкви, удовлетворяясь присутствием на Евхаристии и редким причащением.

Первоначальная и древняя Церковь не знала абсолютной принадлежности к Церкви, а знала только конкретную принадлежность к ней. Пребывание или непребывание ее члена

в Церкви зависит от его участия или неучастия в Евхаристии – таинстве исполнения Церкви и исполнения членства Церкви. Нельзя состоять в Церкви без участия в одном определенном евхаристическом собрании. С точки зрения школьного богословия совершение Евхаристии в пустом храме или полном, но без причастников, не ущемляет таинство, не лишает его действенности. В действительности эта точка зрения свидетельствует о глубоких переменах, происшедших в церковном сознании, и означает утерю правильного понимания Евхаристии, Церкви.

Члены Тела Христова не хотят быть организмом, духовной семьей, то есть не хотят жить в Истине. Они не отдают себе отчета о ценности и значении Божественного дара – Евхаристии – и пользуются им неправильно. Грех в том, что человек этот дар хочет «украсть» для удовлетворения индивидуальных переживаний в ущерб осуществлению истинной цели. Семя, не ставшее деревом, – дар без плодоношения. Мое причащение имеет смысл только в контексте общения с другими, в контексте общины.

Когда у пастыря нет общины, нет духовной семьи, а есть приход, то невозможно совершить Евхаристию. Дело не в количестве молящихся: община может быть очень маленькой – три человека, десять, тридцать. Но важно, чтобы члены ее знали друг друга и пребывали в любви.

Совершая Евхаристию без причастников, порою сам не допуская желающих участвовать в ней, как это нередко бывает у нас, например, на Пасху, предстоятель занимается самопричащением, которое разрушает смысл таинства. Тайная Вечеря без апостолов немыслима. Евхаристия есть божественная общенародная служба. Слово «литургия», или «лейтургия», происходит от греческого слова «лаос», что означает «народ», и от «эргон» – «дело», «служба». Каждый верный в Церкви является священником Богу и Отцу своему (Откр 1:6).

Духовник Спасо-Преображенской пустыни под Ригой архимандрит Таврион всегда побуждал и словом, и действием к единению всех молящихся с ним. «Вот это характер

апостольской Церкви, когда в храме все люди как один поют, молятся и причащаются», – так всегда он говорил в своих живых проповедях.

Священнодействие совершается на Евхаристии не личной молитвой, а когда все вместе собираются в Церковь, все молятся, все сознательно и реально участвуют в священнодействии. Предстоятель должен молиться не вместо народа, а вместе с народом. Вот почему опущение совместных молитв в таинстве Евхаристии и превращение их в тайные является недопустимым. Они вовсе не тайные, а явные, в них постоянно повторяется слово «мы», что означает совместную молитву предстоятеля со всем собранием верных. Разве предстоятель в молитве: «Нас же всех, от единого Хлеба и Чаши причащающихся, соедини друг ко другу во единого Духа причастие...» молится за себя? Это молитва всего собрания, самой Церкви о собирании Церкви – Тела Христова.

В древней Церкви все молитвы литургии произносились вслух в согласии с их прямым смыслом и содержанием, практика же чтения некоторых молитв про себя, тайно, утвердилась в Церкви поздно. Только к VIII веку она становится всеобщей.

«Великая, таинственная сила "тайных" молитв священника, – писал мне член моей общины, – несказанно способствует концентрации молитвенного внимания и просвещению сознания возвышенным чувством дыхания Промысла Божьего, реальному ощущению присутствия в храме светлых небесных сил, истинному объединению молящихся душ через священника в алтаре как через общий духовный центр. Пастырь и паства – как единое тело – обретают неповторимую исполненность, возрастает глубина и насыщенность тишины в храме во время их чтения, просветляется и както благоизменяется физическое время. Естественный ритм движения антифонов и ектений не нарушается искусственными замедлениями на пении "Господи, помилуй" или "Тебе, Господи»; определенное содержание и отличие каждого из них становится более очевидным, так же как и смысл заключающих их возгласов иерея. Диалог в едином духовном устремлении священника и паствы предстает во всей

полноте от самого начала литургии, имея, конечно же, особое возвышенное проявление, подлинную мощь словесной службы во время анафоры.

Трудно молиться без чтения вслух этих молитв. Возникает убедительное ощущение нехватки самых вершинных смысловых моментов службы, вне сознания проходит глубинная связь и последовательность некоторых ее частей, например, после "Достойно есть».

Но главное – в них несравненная высота и Абсолютная Мудрость, явленная в словах, слышание которых сердцем молящегося делает строй его души несказанно благодатствованным и глубоко готовым к Евхаристии».

Нельзя искать возрождения евхаристической жизни, как это делают некоторые христиане, на пути учащения причащения отдельных членов Церкви. Индивидуальное причащение остается индивидуальным актом, не священнодействием Церкви. По слову Вл. Соловьева, «отдельный человек, оставаясь и утверждаясь в своей отдельности, не находится в Истине и ума Христова не имеет».

Дело не в том, чтобы отдельные члены Церкви чаще причащались, а в том, чтобы вернулось осознание сущности Евхаристии как Трапезы единения и любви.

Вопрос к пастырям о том, как часто нужно причащаться – это вопрос одиночки, человека, живущего вне духовной общины. Тот, кто живет в семье, не спрашивает, когда ему нужно есть: хозяйка дома поставляет трапезу ежедневно. Так и человек, живущий в духовной семье – общине – участвует в Трапезе Господней всегда, когда его собраты собираются в храм на Евхаристию. Христианин, живущий вне общины, не имеет такого евхаристического опыта, не сознает себя в Церкви, он занят «спасением» своей души и в христианстве видит прежде всего религию «личного спасения».

Это человек, сузивший свою веру и духовную жизнь до себя, забывший или не знающий сущности Церкви.

Если мы хотим действительного возрождения евхаристической жизни, мы должны обрести понимание Церкви как Евхаристии, как организма любви. Сознательное участие в

таинстве Евхаристии само отменит неверный вопрос о режиме причащения. В Церкви всегда есть те, которые понимают и с особой силой переживают космическое, всеобъемлющее призвание Церкви, и с ними связаны надежды евхаристического возрождения.

Церковное возрождение должно начаться тихо и медленно, в очень маленьких группах людей, опытно познавших тайну Евхаристии и тайну братского единения во Христе.

Не в пышности и многолюдстве, а в небольшой иерусалимской горнице, в теплой семейной обстановке принял Иисус Христос своих учеников и разделил с ними Трапезу любви.

Ныне нужно восстановить опыт Церкви как общины, возродить в сознании верующих исчезнувшее понятие общины, ибо уже давно в нашей церковной жизни община как бы растворилась, стала приходом, внешним собранием.

Когда появятся евхаристические общины, живые духовные семьи, находящиеся между собой в братском общении, в котором каждая личность открывается для своего брата как дверь к Отцу Небесному, то вновь, как в апостольское время в древней Церкви, каждый христианин почувствует себя во Вселенской Церкви, живущей чудом единства. Евхаристия всегда пребудет увенчанием этого единства.

Подвиг ученичества

Слова «подвиг», «ученичество» вызывают у нас привычный образ лестницы: необратимое движение вперед и вверх, последовательное восхождение по ступеням. В идее лестницы мы находим план, расчет, программу, гарантию, и все выглядит благополучно, удобно, хотя и трудно, поскольку совершаются усилия восхождения, но они обязательно должны вознаграждаться. Дойти бы только до последней ступени... А где она? Какая она по счету? Было бы очень успокоительно знать, что тебе осталось пройти 613 ступеней, а завтра – уже 612, и когда?нибудь их останется 10, 9, 8...

Но дают ли нам эти гладкие образы понять и уяснить великую идею христианского ученичества? Очевидно, нет. Весь опыт нашей церковной жизни показывает, что христианское ученичество – это не мерное восхождение по ступеням, а скорее – падения и взлеты, умирания и воскресания, хождения по водам.

Познать тайну христианского ученичества жизненно необходимо каждому из нас.

Как становится человек учеником Христа и чему и как он учится в школе Христа, мы видим из Евангелия.

Учиться в этой школе приглашает нас Сам Христос. Приидите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; Возьмите иго Мое на себя, и научитесь от Меня... (Мф 11:28–29).

Иисус Христос приглашает к Себе, но не приневоливает, ибо Он всегда общается с человеком на расстоянии двух свобод. Христос приглашает к Себе человека затем, чтобы тот познакомился с Ним и понял, что Он есть Жизнь и без Него нет Жизни.

Призваны быть учениками все, но Его любовь может и привлечь человека, и отпугнуть. Когда человек начнет учиться у Христа – это тайна его сердца. Именно отклик человеческого сердца на призыв Христа и становится единственным «вступительным экзаменом» для поступающих в школу Христа.

В сердце нужно встретиться со Христом, то есть потянуться к Нему всем своим существом, полюбить Его и пожелать соединения с Ним навсегда.

Но как человек узнает, что он принят в школу? Если он остро ощутит, что глубоко любим, так любим, как его не любил и не полюбит никто в этом мире: ни мать, ни отец, ни жена, ни дети, ни братья и сестры, так любим, что невозможно устоять перед этой любовью, – это и будет означать, что он принят в школу Христа, что на отклик его сердца Христос сказал: «Следуй за Мной».

Какова главная цель обучения? Всякая учеба – не самоцель, а подготовка к чему?то, к какой?то другой жизни, в основном профессиональной.

Здесь главным тоже является подготовка к жизни, но жизни иной, вечной. Поэтому внешние предметы в этой школе – а их, как во всякой школе, много – составляют лишь фон.

В школе Христа нет ставки на умственную выучку, ученик Христа осознает себя не искателем теоретической истины, а человеком, желающим научиться жить со Христом, быть с Ним всегда. В этом – разительный контраст: в земной школе учатся, чтобы уйти от учителя и зажить своей самостоятельной жизнью, а в школе Христа – для того, чтобы навсегда остаться с Учителем. Ученики Иисуса Христа не могут оставить своего Учителя, потому что связаны не с Его учением, а с Его личностью.

Он – Жизнь, без Него нет Жизни. Одна уверовавшая во Христа женщина выразила это недавно очень просто в своей молитве: «Господи, давай жить вдвоем».

Каков же Учитель в этой школе, что ученики ее стремятся познать не столько предмет ее, сколько Его Самого? Земных учителей мы оставляем, небесного нашего Учителя мы оставить не можем, потому что Он – совершеннейший Учитель, Которого превзойти никому не дано, и потому мы учимся у Него всю свою жизнь. Его учение не ветшает, но пребывает вовеки. Среди земных учителей – рабби, философов – Он выделяется как явление исключительное не столько потому, что не имел выучки

у другого учителя, а потому, что учит как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи (Мф 7:29).

Главный предмет школы – Любовь. Ученики Христа постепенно познают тайну Его любви. Что поразило учеников во Христе? То, что Он любит всех.

Законнического деления людей на чистых и нечистых, достойных и недостойных, у Христа нет. Никто не отвергнут Им: ни самарянка, ни блудница, ни мытарь. Все люди были Ему братьями и сестрами, были возлюбленными Божьими детьми, которые потеряли свой путь и которых Он пришел взыскать.

Блудницу, эту несчастную женщину, ее соплеменники отвергли и хотели по закону предать смерти за тяжкий грех. Но Христос не осудил ее, а помиловал. Спрашивается: а за что Христос ее полюбил? Не за грех, не за блуд. Своим поведением Он говорит: То, что ты делаешь, Я ненавижу. Это мерзость, это зло, это уродство, поругание красоты. Но это не ты. Грех – это не твоя природа. Твоя природа – это образ Божий. Я его люблю и хочу, чтобы он был всегда чистым и ясным. Иди и не греши.

Обвинители блудницы поступали по закону, но Христос – выше закона, и человека Он ставит выше закона. На наших глазах человек возвышается, и закон отступает. Жизнь, человек предпочитают закону, идее справедливости и добра, отвлеченной и бессильной. Это было настоящей революцией в истории человечества, и люди до сих пор не в силах принять ее вполне. Суббота для человека, а не человек для субботы, – говорил Христос. Но и Евангелие, и наша жизнь показывают, как часто люди из любви к правилу, букве впадают в «священную ненависть», забывают о человеке и готовы убить его – как им кажется, во имя Христа. Христос претворял преступление в любовь, а мы способны превратить любовь в преступление. Не потому ли Гоголь писал о «грусти оттого, что не видишь в добре добра».

Архимандрит Серафим (Тяпочкин), известный белгородский старец, верный ученик Христа, умел смотреть глазами Христа, глазами Любви на согрешившего человека. Он видел прежде всего не грех, не тяжкий проступок человека, а его страдание и

его муку. Сердце его исполнялось жалостью к согрешившему, и он начинал усиленно за него молиться.

«Когда Бог смотрит на человека, – говорит митрополит Антоний Сурожский, – Он не останавливает Своего взора на зле и на недостающем в нем, потому что для того Сын Божий стал человеком, чтобы искупить человека, исцелить человека, вернуть его к той полноте бытия, к которой он призван. Он не смотрит также на добродетели наши, потому что добродетелей у нас так мало, да и добродетель не наша, потому что все добро, что в нас, – это дары Божии; но Он смотрит в глубины нашего естества, в те глубины, где отпечатлен Его образ, в те глубины, где этот образ живет и трепещет тем дыханием Божиим, которое Он вдохнул в нас. Эта связь между Богом и человеком не прерывается никогда».

Имея издревле заповедь любви, до Христа люди не знали в полной мере, что значит Любовь. Христос Своей жизнью явил ее, Любовь абсолютную, Любовь безусловную, Любовь неизменную, которая не ищет своего. Только такая Любовь в силах прервать бесконечную цепь зла, способна перевести людей в другой план жизни.

Когда мир слышит об убийствах, террористических актах, то христиане должны понимать их как крик о помощи заблудших детей Божьих, крик, неосознанный ими самими, вырывающийся из их душевного подполья.

Только ученики Христа, только в школе Христа, а не на страницах газет или по радио или телевидению нам правильно объяснят происшедшее и покажут истинный путь из нравственного тупика.

«Меня не любили, меня мало любили, меня обижали, меня не научили любить. А я хочу любви, хочу жизни», – вот что мы должны услышать в этих выстрелах и взрывах. Юридический закон глух к этому крику. Он не может дать просимую в такой парадоксальной форме любовь. Вместо нее он дает оковы, тюремную решетку, иногда – казнь.

Христос дает нам Свою любовь, не имеющую ни границ, ни предела, освобождающую от рабства правилам, и делает возможным то, что невозможно для закона.

В школе Христа сердце ученика начинает расширяться, и у него появляется жажда ближнего.

О ней хорошо сказал патриарх Афинагор в своих беседах с Оливье Клеманом: «Мне нужен другой, чтобы осознать собственное мое существование и существование Божие. Мое самосознание проходит через другого, самосознание, которое я воспринимаю от Бога как и познание моего ближнего. Мы стремимся соединить то и другое и совместно находим "центр, где сходятся все лучи"».

Ученик Христа понимает, что без ближнего, без служения ему нет пути в Царство Небесное, – только мой ближний, которому я должен служить всей моей жизнью, открывает мне дверь в Царство Небесное и вводит в него.

Жизнь для себя – самоубийство, только в отдаче себя Богу и ближнему мы обретаем Жизнь. «Всякий живет не для себя одного, но и для ближних; мало самому быть убежденным, если не убеждаешь и других», – писал святитель Григорий Богослов. Когда ближний мешает нам и в храме, и дома, и на улице, нужно серьезно подумать о том, что случилось в нашем сердце, почему оно слепнет.

Как часто ученики духовных школ жалуются на то, что, учась богословским наукам, все время говоря о Боге, ощущают, что сами становятся все суше и суше. Возникает конфликт ума и сердца. Один ученый монах рассказывал мне о себе:

«Я учился богословским наукам в лучших европейских духовных заведениях, слушал лекции многих знаменитых богословов. И голова моя стала очень большой, а сердце – очень маленьким, с грецкий орех. Это был конфликт, и я оказался в духовном тупике. В это время кто-то посоветовал мне поучиться в другой школе. Я оказался в общине Жана Ванье.

Однажды больной подросток лет 13–14, даун, впал в агрессию, бросал стулья, кидался на всех, и я не мог с ним справиться. Я почувствовал, что ненавижу его настолько, что готов убить его, изрезать на куски. Я понял, что во мне сидят и Гитлер, и Сталин. Я не знал, что делать с собой... Вдруг сзади кто-то подошел ко мне, обнял меня за плечи и поцеловал. Это

был разбушевавшийся мальчик. Он как бы сказал мне: "Ты такой же больной, как и я. Со мной можно говорить только на языке любви». Так в этой школе любви я исцелился».

Христос дает Своим ученикам заповедь совершенства: Будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный (Мф 5:48). Он Сам воплощает ее Своей жизнью.

«Слишком часто христиане, – со скорбью говорит митрополит Антоний Сурожский, – остаются недорослями, благочестивыми, чистыми жизнью, но недорослями в том смысле, что в них две-три струнки звучат, а не весь орган... Но нам нужны люди расцветшие, люди, живые до глубин, которые могут в других родить жизнь».

В чем наше совершенство? Пытаясь воплотить в своей жизни евангельскую абсолютность, мы часто обманываемся, сводя подвиг совершенства во Христе к норме и правилам нашей жизни. Мы как ученики прилагаем усилия, чтобы добиться результата в нашей личной и общественной молитве, в посте духовном, душевном и физическом, в служении ближним.

Но совершенство Отца невозможно мыслить как норму, правило для грешного мира, потому что оно абсолютно. «Совершенство Отца Небесного, – писал Н. Бердяев, – ни к чему не относится и неприменимо, как правило».

По слову апостола, нас закон не может сделать совершенными (Евр 10:1). Закон всегда относится к греху, совершенство всегда относится к Богу, к Его любви.

Совершенство не исполнимо, как правило, потому что оно абсолютно. Ученик должен прилагать много усилий, много учиться внешнему и внутреннему деланию, но у него не должно возникнуть самонадеянности, чувства самодостаточности, которые разрушают до основания духовную жизнь и смысл ученичества. Случаи падения святых мужей порой даже в конце их духовного пути ясно показывают, что в христианстве нет никаких гарантий. Что же, все наши усилия тщетны? Нет, ни одно доброе дело, ни одна святая молитва, ни одна слеза ученика Христа не пропадают, они запечатлеваются в Книге Жизни. Но страницы ее остаются тайной до тех пор, пока не

будут сняты с нее все печати. Потому каждый новый день ученик должен начинать так, как будто в этой Книге о нем еще ничего не написано. Читая утреннюю молитву оптинских старцев, он может произнести в своем сердце: «Господи, хочу святого дня!»

«Христианин, – по слову митрополита Антония Сурожского, – должен постоянно следить за собой и постоянно себе напоминать, что он ничто, если им не руководит Божия благодать, и что Божия благодать ему дается не как постоянный дар, а в меру того, как он сам смиряется перед Богом, как он сам отрекается от себя и как он сам отдает свою жизнь другим, на служение... Я помню, – продолжает владыка, – отец Софроний мне как-то сказал, что Церковь построена словно пирамида, причем пирамида, стоящая вверх дном, стоящая на самом острие своей вершины. И чем человек делается ближе к Богу, чем он хочет больше себя отдавать на служение другим, тем он должен сходить ниже и ниже, глубже и глубже в этой пирамиде, и в конечном итоге вершина этой опрокинутой пирамиды – Сам Христос, на Котором все покоится, вся тяжесть мироздания, вся тяжесть человеческой грешности, все».

В земном ученичестве действует принцип «меня все больше, учителя все меньше». Учитель умалется, уходит в тень, ученик возрастает и обретает самодостаточность, уровень, потом он сам становится учителем для других.

В евангельском ученичестве иной принцип совершенствования: «меня все меньше, Учителя все больше и больше». Участь христианина – «ученик не выше Учителя своего». Светский ученик ориентирован на наполнение и обогащение знаниями, фактами, теориями, ученик Христа, напротив, – на умаление и обнищание, и тогда он наполняется Самим Христом. «Господи, Сам во мне живи, Сам говори, Сам действуй». В светской школе – ставка на результат, в школе Христа – ориентация на стояние в любви. «Не мои умения нужны Христу», – сказал один из нынешних учеников Христа, я его свидетельство приведу в конце моего слова.

Быть всегда в любви – вот в чем подвиг ученика Христа. Христос всегда и неизменно нас любит, и наши грехи не могут

отменить Его любви. Он не сводит счетов с нами. Он принимает нас такими, какие мы есть. Так и мы должны подражать Его любви, Его жизни, быть похожими на Него. Ведь святой человек – это тот, кто похож на Христа.

Христианин не может быть сегодня любящим, а завтра – не любящим, сегодня – добрым, а завтра – злым, сегодня – щедрым, а завтра – скупым. Свойство добродетели – постоянство, ее всегда можно узнать в лицо, она его не меняет.

Бритва всегда должна быть острой, христианин должен быть всегда горячим, не теплохладным, постоянно поддерживать очаг своего сердца, ибо его тепло – жизнь для ближнего. Я не имею права лишать его жизни. Я не могу сказать: пусть мой ближний сам заботится о своем очаге. Мое сердце без его сердца – словно куча хвороста без искры, которую мне должен дать он, мой брат во Христе.

Жизнь в духовной семье помогает этому горению. Рядом со мной всегда есть те, о ком нужно заботиться и всегда есть те, кто позаботится обо мне. Когда я отдаю, я богатею, и когда принимаю любовь и заботу – тоже богатею. Так в общине рождается полнота жизни, полнота любви.

Мы без любви будем только параллельны друг другу, будем людьми, занимающимися самоспасением. Но христианство не есть религия самоспасения. Из одного камня не высечешь искру.

Параллельных линий в христианстве нет, здесь есть только радиусы, которые всегда должны идти к центру, где мы соединяемся с Богом и с ближними, – тогда мы действительно пребываем в любви.

Теперь мне бы хотелось привести свидетельство ученика Христова Иоанна Калниньша из Риги о том, как он познал тайну своего ученичества.

«Для всякого верующего остро стоит вопрос о его личном отношении ко Христу. Кем я могу быть перед Богом, перед лицом Его безграничной, отдающей себя до конца любви, при моей радикальной неспособности достойно ответить на эту любовь? Как мне остаться с Ним, когда я ясно понимаю, что больше мне "некуда идти", и столь же ясно понимаю, что единственно честными могут быть для меня слова

Петра: "Выйди от меня, Господи, потому что я человек грешный"? Я думаю, что в этом духовном пространстве и происходит ученичество у Христа.

То хорошее, что я, как кажется, имею, при проверке жизнью неумолимо оказывается подделкой. Я хочу восходить по лестнице совершенств, а вместо того все более жестоко проваливаюсь. Я дерзаю ступать по водам, но едва не погибаю; на грани гибели удерживает меня рука Христова, когда я в последний миг успеваю к Нему возопить.

Учитель может научить ученика делать то, чего тот никогда не умел и не делал. Тот, кто учится делать чертежи или плотничать, никогда не делал этого раньше. Не мои умения нужны Христу. Ученичество происходит на основе принятия друг друга. Иисус меня принял. Он меня зовет. А я? С моей стороны принятие Учителя означает молитву: внутренний взор, обращенный на Него.

Глаза подмастерья, обращенные на руки мастера, научатся ремеслу; сердце человека, обращенное на Христа, учится любить. После того, как Петр, утопая, возопил: "Спаси, Господи, погибаю", он научился молиться так, как никогда не умел молиться раньше.

Но иллюзия самодостаточности, гордость изживается с превеликим трудом. В конечном итоге она приводит к разрыву, нравственной катастрофе, крушению. Мы видим в Евангелии, какие нравственные трагедии переживали ученики Иисуса, переживали их на путях своего ученичества. На этих путях, когда случилось самое страшное, апостола Петра сохранила только молитва Учителя: Симон, Симон, се сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу, но Я молился о тебе, чтобы не оскудевала вера твоя (Лк 22:31-32). Так и нас, когда наступает "власть тьмы", на путях ученичества сохраняет молитва братьев и сестер, живых и усопших, с которыми мы составляем одно Тело.

Действительно, обо всем можно сказать совсем просто: Христос учит любить. В последнем смысле – это все, что нужно. Только в любви мы можем быть вместе. Иначе быть вместе – ад.

Самое страшное, когда мы пытаемся любить без Христа. Тогда любовь становится убивающей, губящей.

Почему так неотразимы для человеческого сердца слова Писания: Бог есть Любовь? Мы способны осознать, что любовь – самое значительное из того, что мы встречаем в жизни».

Как в любой школе, в школе Христа нас тоже ждет выпускной экзамен. На нем каждому зададут только три вопроса...

Первый. Любишь ли ты Меня?

Второй. Любишь ли ты Меня?

И третий... Любишь ли ты Меня?

Таинство миротворения

Опыт зла, который человеком проживается как страдание.

Евангелист Иоанн Богослов говорит, что мир во зле лежит. Это христианское откровение отличается от восточного видения, суть которого в том, что материальный мир есть зло.

Если восточный человек просто принимает как данность то, что этот мир есть зло и единственное, что человек может делать, – это убегать от этого мира, то есть идти в некую недостижимую для понимания сферу бытия, где эти страдания и зло уже его не затрагивают, то христианин, наоборот, призван на определенное служение в этом мире. Он понимает, что хотя мир и во зле лежит, но в своей основе он есть мир Божий. Христианин призван вырабатывать свое отношение к происходящему в мире, он не может не видеть зла. Зло есть в мире, и ему надо как-то противостоять.

Попытку противостоять злу для того, чтобы оно не становилось беспредельным, а имело какие-то свои границы, делает и государство. Оно старается эти границы положить. Но в государстве имеется такой изъян: принцип подавления и принцип репрессий, которые лежат в основе государства, и принцип страха человека перед наказанием, перед смертью, не изменяют жизнь к лучшему. Эти принципы могут ограничивать зло, но не могут искоренить его. Мы знаем из истории, что государство с его механизмами борьбы со злом не раз само становилось воплощением зла.

Иисус Христос, когда приходит в этот мир, принимает его. Он берет на Себя давление всего зла этого мира. Он соприкасается со злом во всех проявлениях, какие только возможны: непонимание, ненависть, предательство учеников, несправедливый приговор, мучения перед смертью и, в конце концов, позорная и как бы уничтожающая личность смерть на кресте.

Нас удивляет отношение Иисуса ко злу: Вы слышали, что сказано: «люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего». А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте

проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного; ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных.

Ибо, если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?

Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный (Мф 5:43–48).

Прозрение, которое дает Христос на природу зла, таково: за всеми человеческими проявлениями зла стоит некая духовная сила, которую в Библии называют сатаной и дьяволом, то есть противником Бога, той силой, которая расчленяет, которая хочет разрушить, разделить, превратить в ничто дело Божие и сам Божий мир.

Действие этой силы проявляется так, что она старается ранить человека и спровоцировать его на то, чтобы энергия зла возросла в этом мире. Зло имеет волевое и энергетическое начала. Волевое начало состоит в том, что человек может выбрать зло, но может и покаяться, и тем самым отвергнуть зло. Однако совершенное им зло уже выпущено в мир, энергия этого зла продолжает действовать в нем, и вопрос всякий раз в том, кто и как сможет остановить это зло.

Если человек следует принципу беспредельной мести, которую видим, например, в образе Ламеха в Ветхом Завете, или если даже он дозирует мщение – «око за око, зуб за зуб», то все равно тяжесть этой духовной энергии, которая изливается в мир, умножается.

Эта сила способна вдохновлять людей на новое зло, она стремится к воплощению, так что могут возникать целые институты, социальные движения и идеологические системы, которые будут являть собой зло.

И вот Христос показывает, что есть только один способ не умножать зло и противостоять разгулу зла в мире: человек должен принять удар на себя или как бы вобрать это зло в себя

и совершить что-то внутри своего сердца. Это и есть тот престол, на котором совершается великое таинство – таинство миротворения.

Таинство миротворения не бывает без жертвы, без страдания, без крови: человек должен вольно принять страдания, боль и пропустить их через себя, чтобы родился мир души. Но совершение всякого таинства невозможно чисто человеческими силами, потому что по-человечески на боль хочется ответить либо бегством, либо злом. И даже если во мне имеется добрая воля любить, то без Христа она может превратиться в ненависть. Таинство миротворения возможно совершить только вместе со Христом.

Мир, лежащий во зле, есть творение Божие. Это значит, что зло само по себе не имеет бытия. Все бытие, которое заражено злом, в духовном плане может быть исцелено и приведено обратно в добро, в состояние доброты.

Есть народная притча.

Является перед подвижником бес, огромный, и говорит:

– Я тебя сейчас могу проглотить.

– Это не великое дело, – говорит ему подвижник.

Тщеславный бес спрашивает:

– А что великое дело?

– Можешь ты в скорлупу ореха залезть? – говорит подвижник.

– Конечно, могу!

Бес влезает в скорлупу ореха, и подвижник закрывает скорлупу. Через некоторое время бес говорит:

– Ну, теперь выпускай!

– Я тебя выпущу только тогда, – говорит подвижник, – когда ты вспомнишь ту песнь, которую у престола Божия пел.

Бес визжит, скрежещет зубами, но все же потом начинает петь ангельскую песнь. Когда подвижник открывает скорлупу, то уже ангел отправляется на небо.

Каков смысл принятия зла на себя? Зло нужно внутренне, духовно преобразить.

С другой стороны, Христос всегда зло обличал. Христиане должны принять на себя эту смелость обличать зло, обличать

все яснее и яснее, глубже и глубже осознавать корни зла, а не просто клеймить и проклинать зло.

Но и одного обличения недостаточно.

Надо трезво сознавать, как побеждали зло первые христиане: стойкостью, молитвой и словом, которое рождалось от Духа Святого. Таким же образом проходили свой подвиг противления злу многие мученики после революции в России.

Самое важное здесь то, что в молитве открывается любовь, плод любви – прощение, а плод прощения – мир.

Этот духовный труд, который человек проделывает, – молитвой и любовью, вне противления злу, – в христианской традиции и называется миротворчеством.

Христос о миротворчестве говорит глубокие слова: блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими (Мф 5:9).

Христианство признает некое насилие над злом, но в плане внутреннем, в прогнании зла от своего сердца, чтобы самому не стать носителем зла. В этом христианство бескомпромиссно и жестко: со злом внутри не может быть никакого компромисса, оно должно быть вытравлено, выгнано из человека.

Псалом говорит о младенцах Вавилона, которые должны быть разбиты о камень (Пс 136:9). Духовно это означает, что все злые помыслы, все страсти должны быть жесточайшим образом уничтожены в самом их начале. Без этого человек не сможет обрести мир в себе и принести его другим.

Только в той мере, в какой ему удастся стяжать благодать Святого Духа, Духа мирного, он становится способным быть и творить мир.

В православной аскетике есть изречение: «Стяжи Духа Святого, и возле тебя спасутся тысячи». Это происходит не так, что человек должен что-то говорить или как-то убеждать, но самое присутствие Святого Духа действует на людей, и зло удаляется от них. В присутствии святости и Духа Святого человек может покаяться и увидеть свою неправоту.

На святого Стефана Пермского, который научился местному наречию для того, чтобы веру Христову принести этому народу, восстали жрецы, хотели остановить его проповедь, и трое из

них пришли, чтобы убить его. Но они вернулись, не тронув его. Когда их спросили, почему они не уничтожили этого человека, они сказали: «Мы не могли этого сделать. Он нас встретил с такой любовью, что мы пали на колени и попросили его благословения».

Мой знакомый рассказывал, как он поссорился со своим отцом, который был деспотичным человеком. Они долго спорили. «Замолчи!» – крикнул ему отец. – «Ты мне всю жизнь рот затыкал. Молчать не буду», – ответил сын. Тогда отец взял пустую бутылку и ударил его по лицу так, что она вдребезги разбилась.

«В этот момент, – вспоминал мой собеседник, – со мной случилось что-то необъяснимое. Я схватил его, ударил, он упал на пол, а я его колотил. В один момент я взял его за плечи и сказал:

– Мне тебя убить?

Он ответил:

– А как хочешь, сынок.

И мои руки опустились. Если бы я не почувствовал то, что это действительно беспомощный человек и не услышал его голоса, я бы убил его. Потом никогда не простил бы себе, но в тот момент вспышки гнева я был как безрассудный, ярость поглотила все мое существо».

Что остановило руку сына? Вот это – «Как хочешь, сынок». Отец не сказал ему «сын», а ласковое «сынок», и это слово было услышано не только ухом, а сердцем. «Отец меня любит, несмотря на свою жестокость». В одно мгновение он освободился от ярости. Любовь победила зло.

Милосердие Божие, сначала втайне, а потом явно, приходит к нам, чтобы сотворить с нами то, что мы сами желаем сотворить всем сердцем, всей душой, но не можем.

Чтобы жить, нужно нравственно умиротвориться, ибо мы и в природе видим, что пышный расцвет является следствием тихой и ясной погоды, а не ветра и бури.

Нужно учиться твердо, спокойно и кротко принимать удары зла, не озлобляясь самому, но и не поступаясь ни йотой правды. Каждый, кто хочет идти к добру, не может миновать

крестного пути. И мы должны идти по этому пути. Всегда бороться за человека и бороться против зла в нем и вокруг него. Иногда мы поступаем иначе: настроены против человека, играем со злом, оставляем ему место в себе. Но важно развить в себе способность обличать зло и грех по-христиански и никогда не утрачивать этой способности.

Ко Христу в Гефсиманском саду приближаются люди, которые были посланы, чтобы схватить Его. Когда Он говорит: «Аз есмь», они падают ниц. Если бы Христос им не позволил, не дал возможность приблизиться, зло не могло бы прикоснуться к Нему. Только когда Он Своей волей принял крест человечества и страдания, зло, казалось бы, получило власть. Христос это делает добровольно, чтобы победить зло и смерть не силою, а смирением и преданием всего Богу.

Вершина миротворчества совершается на кресте, когда Иисус прощает Своих мучителей и, умирая, говорит: «Совершилось!» Тем самым Он показал крестный путь добра.

Чтобы победить большое зло, надо сначала победить малое. Христос говорит: тот, кто будет верен в малом, тот будет верен в большом.

Что есть малое и большое зло?

Многие христианские подвижники древности говорили: «Тебя гонят – ты не гони, тебя бьют – ты не бей». Зло, которое нападает на нас, – малое зло. Зло, которое исходит из нашего сердца, – большое зло.

Существует духовный закон: Господь никогда не дает человеку испытания больше той меры, какую он может понести. Раньше, чем человек не научится побеждать малое зло, он не может духовно противостоять большому. Если человек не будет бороться с малым злом в себе, то он окажется во власти большого зла. Не в том плане, что с ним что-то произойдет. Он сам, того не ведая, может стать творителем большого зла. Когда мы малое зло с помощью Бога побеждаем, то обретаем большую свободу, и Господь вводит нас в уже большую меру служения.

Опыт церковной истории показывает: когда мы не соблюдаем Христову заповедь и начинаем со злом бороться

при помощи зла, то это зло проникает в нас и мы сами становимся его носителями.

Мы знаем о борьбе со старообрядцами. Те люди, которые благословляли попытать их, уничтожать, думали, что ревнуют по Богу.

Когда человек заражается злом, грехом, то разрушается не только его духовный строй, но нарушается и его душевное устройство, страдает и его плоть, то есть он весь попадает под власть зла, испытывает какое-то непрестанное горение, но оно не радостное, а утомляющее и истощающее, оно как голод, как жажда, которые нельзя утолить. Зло само по себе таково, что его никогда нельзя насытить.

Образы адского состояния, которые дает Христос, известны людям, которые попали под власть такого зла и стали его служителями.

Попадая во власть зла, человек проходит три ступени падения. Первая ступень. Человек творит зло и мучается, потом кается. Вторая ступень. Человек начинает испытывать некую радость от зла, от того, что может доставлять страдания другому человеку. Он радуется как бы своей власти. Третья ступень. Зло становится внутренней потребностью человека, он совершает зло уже чуть ли не в виде религиозного акта. Небытие, смерть, зло, страдание, абсурд – все это неудержимо влечет его к себе. В служении злу он может стать своего рода аскетом, аскетом тьмы.

Человек ни при каких обстоятельствах не имеет права пропускать зло через себя. На мне оно должно остановиться. Это и есть непримиримое отношение ко злу. Парадоксальная диалектика: непримиримость рождает мир. Мир состоит в том, что я не пустил зло дальше. Я сам не смогу справиться, но Христос, Который во мне, остановит и поглотит это зло. Я не должен его пускать через себя дальше – на ближних и дальних, на родных и чужих, на любимых и нелюбимых.

В этом принципиально отличается Ветхий Завет от Нового. Ветхий Завет знает об этой страшной силе зла, знает, что зло, грех заразны. Это знает и Новый Завет. Распространение зла подобно эпидемии, и самому человеку нет возможности

остановить ее. Закон может только оградить зло, но не может уничтожить его. Ветхозаветный закон непримирим ко греху настолько, что в своей непримиримости нередко впадал в слепоту: он был готов уничтожить грех вместе с грешником.

Христос же являет совсем иную парадигму – мирного и непримиримого отношения ко злу: грех ненавидь, а грешника люби.

С грехом нельзя примиряться, грех надо ненавидеть, грешника надо любить и стараться быть с ним в мире, потому что все мы грешники и «от них же первый есмь аз». Христос нас принимает, и потому нет оснований соседа не принимать, ближнего не принимать, он ничем не хуже меня. Христос его тоже любит.

Особое коварство зла в том, что оно часто приходит к нам через самых ближних. Вот один из ближайших учеников Иисуса – Иуда, и через него войдет зло. И к Моисею идет зло через самых ближних. Удивительно поведение Моисея. Он падает на колени, молится за тех, которые говорили на него «злые слова», потому что понимает, что это бунт не против него, а против Господа.

Зло должно быть введено в какие-то границы. Есть грехи, которые недопустимы, грехи против жизни. Им надо класть предел. Победить зло в этом мире, который лежит во грехе, пока нельзя, но пределы ставить надо.

В личном плане человек не только может, а обязан остановить зло на себе, не пропускать его, он-то и должен стать живой преградой, границей, через которую зло не пройдет. Тогда он действует по образу Иисуса Христа, Который остановил все мировое зло на Себе, принял его на Себя. Сын Божий стоял насмерть, но мирно, и нам тем самым заповедал идти путем миротворчества. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены Сынами Божиими (Мф 5:9). Достоинство и блаженство быть сыном Божиим дается тому, кто остановил на себе зло – миротворцу. Сейчас, увы, слово «миротворец» политизировалось и потому выветрилось.

Если Сын Божий, Христос, примирил Собой, кровью Своей и народы земли, и небо с землею, то и те, кто идет вслед Ему, –

миротворцы – блаженны.

Мир, данный Христом, связан с единством. Апостол призывает: старайтесь сохранять единство духа в союзе мира (Еф 4:3).

Вот сила Церкви, вот сила христианства. Настоящая сила. Не внешнее единение, которому Достоевский не верил и просил нас не верить, а единство духа в союзе мира, которое становится возможным лишь постольку, поскольку мы Дух Христов имеем в своем сердце.

Истинное служение истинному миру вызывает у людей непонимание, отталкивание и вражду. Так бывает и с любовью. По слову Сергея Аверинцева, для ада Христос – сущий ад. Явление настоящей любви поляризует сердца людей, они или влекутся духом любви или, наоборот, ожесточаются и стремятся к разрушению Духа Божьего. Мы не должны бояться приступить к служению примирения, нести слово примирения, примирения с Богом, с людьми и с миром. Апостол назвал примирение одним из служений, к которому все мы призваны.

Главное орудие этого служения – молитва. Молитва помогает нам сохранять разум в чистоте, не поддаваться заблуждениям, преодолевать в себе мелочность и гнев, избегать иллюзий и не попадать во власть жажды мести. Мы просим Господа наделить нас благодатью молитвы не для того, чтобы мы смогли лучше молиться, но для того, чтобы мы научились больше любить.

Господи милосердный,

Тебя называют Любовью.

Любовью Ты создал вселенную.

Любовь эту Ты подтвердил на кресте.

Благослови нас, чтобы мы смогли научиться

Твоей любви и принести ее туда,

где она пока встречает отторжение.

Миротворец должен заботиться о своем противнике так же, как и о самом себе, должен помочь ему освободиться от того образа мыслей, вследствие которого притеснение и насилие стали для него привлекательны. Следование принципам

ненасилия в его высшем проявлении принесет обеим сторонам победу.

Евангелие и вся ранняя христианская традиция требовали от своих последователей отказаться от насилия. По словам Климента Александрийского, последователь Христа – это воин мира, член той армии, которая не проливает крови. Иустин Мученик говорил, что христианин не отнимает жизнь у другого, но во имя Христа отдает свою собственную.

Самое действенное противостояние немирности – это то, что я храню мир в себе, моя семья хранит мир, община хранит мир и Церковь хранит мир. Противодействовать злу мы можем только храня мир, то есть наша непримиримость ко злу – это и есть хранение мира, пребывание в мире с самим собой и с Богом. Это единственное, что может победить зло.

Зло пытается, прежде всего, лишить нас этого мира. Мы можем поддаться на искушение борьбы со злом и погубить в себе мирный дух. Когда кто-то ищет врагов как внутри церковной ограды, так и вне, это означает, что человек что-то не преодолел в себе. Все время мы находимся в этом искушении начать борьбу со злом его же средствами, средствами вражды. Но на всякое понижение нравственного, духовного уровня христианин отвечает только его повышением.

Надо являть другую жизнь, она состоит именно в том, что я мирен. Я начинаю с себя. По словам Семена Франка, «в ужасающей бойне, хаосе и бесчеловечности, царящих ныне в мире, победит, в конечном счете, тот, кто первым начнет прощать». Я должен примириться с Богом, с собой, с ближним.

С этого начинается все. Надо открыть важную для нас вещь: миротворчество – это не состояние, а действие, то есть человек не просто ожидает какого-то мира для себя, а он трудится. Но чтобы это действие стало возможным, человек должен стяжать внутренний мир. Церковь – это община миротворцев. Господь заповедал нам как ученикам Его быть миротворцами. Если в общине мир творится, значит, там есть Церковь, там есть Господь, там Царство.

Любовь к врагам является частью миротворчества. За врагов надо молиться, потому что об этом просит Сам

любвеобильный Господь, Которому их очень жалко. И нам как их не жалеть, если они из-за нашей худости и скверности соблазнились и допустили злобу в свою нежную, богоподобную душу. Если разобраться, то они не нам враги, а себе.

Заповедь Иисуса Христа о любви к врагам – благословение проклинающих, благотворение ненавидящим, молитва за обижающих и гонящих нас – является высшей точкой миротворчества.

Эта заповедь служит для примирения с Богом как добрых, так и злых.

Миротворчество в библейском понимании не заканчивается примирением Бога с творением, но продолжается как некая реальность нового творения. Думается, что миротворчество не прекратится и после второго пришествия, как некий образ сотворчества Бога и человека и дальше в новом творении. Миротворчество можно назвать способом жизни и в Царстве Небесном.

В Церкви и обществе мы сталкиваемся с двумя разными способами жизни. В обществе мы можем жить, как в Церкви, но в Церкви мы не должны жить, как в обществе, которое есть порождение этого падшего мира.

Если в Церкви жить и бороться со злом по законам этого мира, то происходит ее обмирщение – потеря измерения мистического, измерения Царства Небесного.

Бороться со злом, быть непримиримым ко злу в Церкви можно только одним способом – жить в Боге, то есть жить по законам Царства Небесного.

Мы знаем, что закон Царства Небесного есть закон жертвы, отдачи себя. Это не установление границ, не установление неких рубежей, за которые злу нельзя двигаться, а именно способ жизни в Боге.

Перед человеком, живущим в Боге, зло останавливается само, как перед Аароном. Или же, если зло чрезвычайно агрессивно, оно убивает этого человека, как оно убило Иисуса и многих его учеников, например апостола Иакова, а недавно – брата Роже из Тэзе.

Но оно проигрывает, даже когда убивает. Зло, смерть только внешним образом добиваются своего. Нет ничего общего у Христа с Велиаром, нет ничего общего у Бога и у смерти.

Истинная победа над злом достигается через то, что человек начинает жить, а не бороться, начинает жить с Богом, заключая завет с Ним, входя в общение. Жизнь в миротворчестве, с Богом – это способность общения с Богом, потому что общение и есть плод мира, благоденствия.

Способность и возможность общения и есть плод примиренности, плод мира и мирного противостояния злу, плод жизни в мире и, как следствие этого, общение является признаком Царства Небесного. Участие в Евхаристии мы называем приобщением. Говорим: приобщились, то есть мы соединились через причастие со Христом и друг с другом.

Так через способность сохранять общение с каждым в этом мире, с каждым из этого общества, мы преодолеваем зло, потому что зло и, как конечное проявление зла, – смерть, есть разрушение общения, разрушение отношений или их прекращение.

Уходя от общения, от диалога, мы уступаем силе зла. Только через общение Церкви с обществом, если Церковь живет по законам Церкви, мы можем противостоять злу этого мира.

Миротворение – это всегда жертва. Мир приобретен жертвой Христа. Часто у миротворца возникает мысль о том, что все его усилия бесполезны, не помогают, мир не становится лучше. Но, как ни странно, именно этим погружением в кажущуюся тщетность, умалением достигается мир. Если для человека становится что-то невозможным, значит, время действовать Господу, время творить мир.

Об этом мире всего мира молился Шарль Фуко:

«Отче, Ты хочешь, чтобы между Твоими детьми царила неистребимая любовь, чтобы они терпели друг друга с нежностью и упорством, дабы сохранить мир, чтобы они без сопротивления принимали насилие, оскорбления, даже самую смерть, чтобы они предпочитали умереть, лишь бы не нанести брату раны, не бороться против него.

Отче, в какой же любви, в каком мире, в каком нежном единении Ты хотел бы видеть Своих детей.

В Твоем свете ясно как день, что малейшее умножение любви среди детей Божьих в тысячу раз ценнее, чем все материальные блага мира.

Не будем защищаться, когда нас обижают, подставим горло как агнцы, чтобы нам не вступать в спор с братьями, но побеждать их добротой, чтобы мы подражали божественному Агнцу, Который позволял бить Себя, оплевывать, ругать, завязывать Себе глаза и бичевать Себя, надеть на Себя терновый венец и возложить на Себя Крест.

Будем же переносить все оскорбления, все несправедливости, издевательства, насилия, пощечины, удары, раны, оковы и смерть. И будем молиться за тех, кто ненавидит нас: "Отче, прости им, ибо не ведают, что творят». И возблагодарим Бога, что Он удостоивает нас, столь недостойных, такого сходства с Собой. Аминь».

Тайна умаления

Начиная жизнь в Церкви, человек ожидает, что он будет становиться лучше и лучше, сильнее и сильнее, мудрее и мудрее, христианство он воспринимает как некую программу самоусовершенствования, восхождения по лестнице добродетелей. Ведь Господь всех нас призвал к совершенству: Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный (Мф 5:48).

Но наступает пора недоумения, когда с человеком происходит противоположное тому, что он ожидал: нет никаких видимых успехов. Он раздражается и смущается. На исповеди говорит: «У меня нет любви, нет смирения, нет терпения». В чем причина?

Все потому, что, ожидая даров от Бога и получая их, он все больше и больше начинает уповать на сами эти дары. Центр тяжести духовной жизни незаметно смещается, и в итоге в душе человека воцаряется надежда на полученные от Бога качества, а не на самого Бога. Человек становится накопителем богатств, пусть и духовных.

Стремление к результатам в духовной жизни опасно, потому что вместе с идеей результата, успеха, достижения в душу вкрадывается идея обладания. В самом деле, раз я достиг чего-то, то по справедливости и по заслугам я буду этим обладать. Но в таком застывшем обладании всегда различим дух неподвижности, то есть смерти.

Истинные отношения с Богом не предполагают какого-то обладания.

Так что же, нам отказаться от усилий духовного роста? Нет, духовный труд обязателен, мы должны жить в подвиге, очищаться от греха, духовно расти, совершенствоваться и иметь посильные аскетические труды, опасность же состоит в том, что духовный рост может становиться самоценностью. И тогда, не продвигаясь вверх, мы унываем и ропщем, а получая духовные дары, поднимаясь на одну ступенечку, мы готовы на

ней поудобней расположиться, сделать себе «кущи» и сказать своей душе как безумный богач: «...пей и веселись.»

Что же все?таки делать: стремиться к духовному росту или отказаться от него? И как иначе понимать сам духовный рост, если не как накопление добродетелей и высоких духовных качеств?

Мир, в котором мы живем, предлагает нам видеть призвание человека, смысл его жизни в том, чтобы становиться все сильнее и сильнее, богаче и богаче, умнее и умнее. Большой человек, «человечище», супермен, великий человек – вот «герой нашего времени». Мир утверждает культ великой личности, человека самодостаточного и самоутвержденного. В палеонтологии есть закономерность: если какой-то биологический вид начинает рождать гигантские формы – это симптом того, что этот вид стоит на пороге своего вымирания (а далеко не наступления поры его наивысшего расцвета, как может показаться). Не является ли вообще гигантское признаком вырождения, а не расцвета жизни?

Христианство всегда сознавало опасность гигантизма. «И всякий раз, когда человеком овладевает воля к могуществу в этом мире, – писал Николай Бердяев, – он вступает на путь охлаждения и иссякания духа, на путь рабства этому миру».

Церковь иначе отвечает на вопрос о предназначении человека, о его призвании к совершенству. Церковь предлагает нам такое величественное задание, такое великое предназначение, о котором мир не может даже помыслить. Она предлагает человеку стать Богом.

«Ты – подобие нетленной красоты, – говорит святитель Григорий Нисский, – оттиск истинного Божества, восприемник блаженства. Когда ты обращаешься к Нему, то становишься то же, что и Он. Нет ничего среди сущего, что могло бы сравниться с твоим величием. Ты способен заключить Его в себе. Он живет в тебе и не испытывает стеснения, пребывая в твоём существе».

Святые отцы прославляли величие человека, его глубину как местопребывание Бога. «Когда Бог смотрит на человека, – говорит митрополит Антоний Сурожский, – Он в нем не видит ни

успехов, ни добродетелей, которых в нем нет. Он видит сияние Своего Образа, которое ничто не может разрушить в нем».

Христианский путь жизни поражает мир своей беззащитностью и пугает тем, что он будто бы дает несравненно меньше, чем реалистические схемы здравого смысла. Поэтому многие люди не принимают христианства. Им кажется, что Бог у них что-то отнимает. Христиане кажутся бедными, нелепыми и странными со своим желанием занимать последние места в жизни, в сравнении с теми, кто хочет первых мест, успехов и богатства.

И Церковь не оспаривает этого впечатления странности и неполноценности: Посмотрите, братия, кто вы, призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных. Но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых; и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, – для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом (1Кор 1:26–29).

Сам Господь Иисус Христос избрал путь слабости, умаления.

И заслуга XX века, как кто-то отметил, в том, что в христианстве начало совершаться возвращение к тайне умаления, к Младенцу в яслях, путем создания духовных братств – малых братьев Иисуса Христа (Шарль Фуко) и малых сестер Иисуса Христа (сестра Магдалена). «Надо согласиться всегда быть маленькими, – говорила сестра Магдалена своим духовным дочерям. – Вы все еще слишком большие. Все ваши недостатки чаще всего происходят от того, что вы слишком большие. Будьте маленькими, маленькими, маленькими».

Нам, как ученикам Христа, призванным следовать за Ним, не следует удивляться тому, что нам нужно изучать высокое искусство немощи, умаления, и воплощать его в своей жизни. Ведь и апостолы вначале думали, что в этом мире больше тот, кто больший, то есть имеет много власти. Их представления о Мессии, о мессианском царстве были вполне человечески. Они думали, что мессианское царство наступит человеческим образом – силой и властью. И когда Иисус начал говорить о том,

что Он должен пострадать: быть униженным, оплеванным, отвергнутым, распятым, то это никоим образом не входило в понимание учеников. Они этого просто не вмещали. А Петр даже стал прекословить Христу и удерживать Его.

И мы часто этого не вмещаем. Мы боимся стать самыми последними, а уж став на путь умаления, надеемся стать самыми последними. Но Шарль Фуко говорит нам: не бойтесь и не надейтесь. Последнее место уже занято. Кем? Иисусом Христом. Нам оставлено лишь предпоследнее место. Никто не может быть беднее, меньше и беззащитнее Христа.

Для учеников Христа постепенно открывалось, что Царство Божие требует каких-то внутренних изменений, преобразований в самом человеке.

В то время ученики приступили к Иисусу и сказали: кто больше в Царстве Небесном? Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном; и кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает (Мф 18:1–6).

Здесь, конечно, не идет речь о том, что человек может как бы приостановить свой рост и превратиться в ребенка. Христос не имеет в виду инфантильность и не требует ее. Он не говорит: «Если вы не станете детьми». Он говорит: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное».

И это «как» очень важно, оно говорит о сути ребенка.

Это нас заставляет думать о том, что же в ребенке есть такого, что делает его великим пред Богом и достойным Царства Небесного. И Иисус Христос на этот вопрос отвечает: «Кто смирит себя, умалит себя, и будет как это дитя».

Ребенок полностью зависит от других людей, он немощен. Он не имеет той власти, которая дает возможность выживать людям в этом мире. Он зависим, незащищен и раним. Он может жить лишь упованием на любовь своих родителей, лишь доверием, что они его защитят, сохранят, накормят, обласкают, научат, то есть вся его жизнь наполнена каким-то изначальным доверием.

Иисус Христос говорит Своим ученикам, что Его Отец Небесный ищет вот именно такого доверия от людей к Себе. Доверие к Богу не позволит людям воздвигать вокруг себя какие-то стены, защищающие их, и увеличивать пределы своей человеческой мощи. Важно, чтобы они все более и более делали себя зависимыми даже в самом малом от Бога, не думали о себе и не переживали себя как центр своей собственной жизни и жизни других людей.

Источник духовной жизни – не в человеке, а в Боге. Им определяется наша духовная жизнь и к Нему восходит. Чтобы понять смысл смирения, тайну умаления, нам нужно вникнуть в образ Иисуса Христа, иначе мы исказим смирение, будем в него играть.

Смириться – не значит подавлять в себе свое естество, свою природу, как-то насиловать ее. Смиряться – это все более и более впитывать в себя образ Иисуса Христа, подражать этому образу и видеть, каков Он.

Будучи Сыном Божиим, будучи носителем Славы вечной, Он становится одним из нищих. Он мог родиться в царской семье, но Он избирает участь сына плотника, Он избирает общение с мытарями, грешниками, блудницами, с больными, изувеченными людьми. Он избирает Своими учениками не каких-то блестящих, образованных, знатных людей, а галилейских рыбаков. И, в конце концов, Он умирает на кресте как раб.

Только вникая в этот путь Иисуса Христа – а вникнуть мы можем только тогда, когда реально встретим Христа в своем сердце и полюбим Его, мы начнем постепенно понимать, что такое умаление, что такое смирение.

Встреча человека с Иисусом Христом происходит в тот момент, когда Бог снимает с себя ту Божественную мощь, которая не может беседовать с человеком, но способна подавлять его. Бог умалется, чтобы встретиться с человеком, и человек должен в какомто смысле умалиться перед Богом.

Господь прост, как дитя, в отношении к человеку, и человек должен стать простым, бесхитростным, как дитя, по отношению к Богу. И вот на этом пределе обоюдного умаления появляется поле свободы, в котором возможно общение человека с Богом,

в котором может действовать Бог. Именно в этой таинственной пустоте Он переделывает нас.

«Мы знаем, – говорит митрополит Антоний Сурожский, – как трудно остаться наедине с самим собой, когда к этому не привык: делается боязно – тогда открывается перед нашим собственным взором внутренняя наша пустота, и в эту пустоту, в эту пустыню нам надлежит войти.

Там будет одиноко, там будет пусто, там будет трудно жить, но только если мы сумеем жить в этой пустыне с Богом одним, сможем мы вернуться к людям, никогда не теряя Бога и способными, победив себя, победить все».

Такое взаимное умаление Бога и человека и создает возможность их личностной встречи как «Я» и «Ты». Когда Бог говорит человеку: «Это ты», в этот момент человек принимает от Бога свое «я» как дар. Одно дело собственными усилиями ковать свое «я», утверждать свою самость, и совсем другое – с готовностью и благоговением принять свое «я» из рук Божьих.

Отблеск этих отношений видим в одной восточной легенде.

«Однажды ночью один влюбленный, полный отваги и настроенный победоносно, явился к дверям своей возлюбленной. "Кто там?" – спросила она. "Это я!" – Но она отказалась открыть ему и жестко сказала: "Уходи". Молодой человек, обезумев от ярости, удалился, клянясь, что он ее забудет, что он ее уже забыл. Он отправился в путешествие по всему свету. Но он не нашел забвения. И любовь снова с непреодолимой силой привела его к дверям его возлюбленной. Вновь состоялся тот же диалог, что и в первый раз. Но, отправляя его, она прибавила краткую таинственную фразу: "Ты не произносишь единственного слова, которое бы мне позволило открыть тебе». Возмущенный, заинтригованный, удрученный, он ушел. Гнев и страсть постепенно уступили в нем место мудрости. Его любовь, утратив неистовство, приобрела глубину, и после многих лет вновь привела нашего влюбленного к дверям его возлюбленной, робкого, смиренного и более пылкого, чем когда-либо раньше. Он скромно постучался. "Кто там?" Негромким голосом он отвечал: "Это ты». И двери тотчас отворились».

Поле свободы может стать почвой творчества, ибо в нем нет своего собственного содержания, оно в каком-то смысле есть «поле ничто».

Бог творит мир из ничего. «Поле ничто», возникшее в отношениях взаимоумаления «я» и «ты», создает благоприятную возможность Богу творить, творить уже человеческую личность.

Если мне не удалось умалиться, я предлагаю Богу себя как плотно исписанный лист бумаги, в который Ему трудно вставить хотя бы слово. И великое умаление Бога – в том, что Он стоит передо мной – листом и терпеливо ждет, пока я сам не освобожу Ему место для строки.

А когда я могу освободить место? Когда своей волей возжелаю Бога. По слову митрополита Николая Кавасилы, жившего в XIV веке, любовь есть «добродетель воли». Бог ждет от нас только любви к Нему и дает Себя нам не за дела и подвиги, не в порядке какой-то оплаты, а только в ответ на эту волю-любовь, на возжелание Его жизни. Бог-Любовь хочет только нашей любви. Нам трудно терпеть в себе недостаток любви, потому что самая большая потребность и радость наша – все больше любить друга во Христе. «Любить – вовсе не значит быть совершенным», – говорила мать Магдалена. У нас могут быть большие недостатки, но важно, чтобы мы стремились только к любви.

Мир, в котором мы живем, боится этой любви, бежит от нее, это свойственно многим людям. Почему я боюсь любить?

«Любовь, – говорит Жан Ванье, – это поиск, необыкновенно прекрасный и вместе с тем страшный, потому что любовь делает нас уязвимыми, когда мы открываемся другому.

Когда мы встречаемся с другим человеком, мы открываем то, что спрятано в нас и незаметно с первого взгляда. Что происходит, когда я называю кого-то другом? Я разделяю с ним невидимую часть себя – свои чувства, надежды, страдание, которые, может быть, на первый взгляд не так очевидны. Дружить – значит делиться тем, что сокрыто глубоко в нас. Но как только я открываюсь и предлагаю разделить то, что есть во мне, я становлюсь уязвимым, потому что любовь включает в

себя уязвимость, способность открыть другому человеку ребенка, сокрытого во мне. И все мы боимся этого, мы боимся включенности в любовь. Вот почему мы бежим от своей слабости и ищем укрытие в успехах, престиже и многих других доказательствах своей силы. И мир, который нас окружает, – это мир, в котором люди боятся любить».

Мы сейчас живем в мире, где все как бы определяется волей, стремлением человека не к Богу, а к власти, и способностью эту власть осуществлять, удерживать. Человек жаждет оказаться на виду, стать влиятельным, стяжать себе имя и славу. Сатана поощряет его в этом, говорит: «Смотри, сколько в тебе силы, возможностей. Не довольствуйся малым, у тебя будет власть над людьми».

И кому?то кажется, что это – единственный способ жизни, и можно не заметить, пройти мимо тех случаев, когда видим, что человек, живущий такой напряженной жаждой и удерживанием власти, истощает себя, калечит себя и очень многих людей вокруг.

Для лучшего понимания тайны умаления я хотел бы вдуматься в опыт общения ребенка и родителей, поскольку дети имеют особое призвание и назначение в созидании Царства Божия.

Что поражает нас в этих отношениях?

Ребенок – как икона, он побуждает нас к совершению внутреннего душевного движения. Перед иконой мы становимся иными. Ребенок, как и икона, как бы ждет от нас душевного усилия: войти в его мир, в его простоту любви и радости.

В общении с ребенком не действуют те маски, те личины, те знаки отличия, которыми пользуются взрослые в своем общении друг с другом.

Ребенок способен пробудить в нас того младенца, который спрятан глубоко, сидит как бы в тюрьме, связан, но который хочет играть, радоваться, и который хочет быть беззащитным, не вооружаться, не надевать на себя латы.

Если начальник, придя домой после работы, попробует говорить и общаться со своим ребенком, как со своим подчиненным, то эти отношения очень скоро потеряют под

собой реальность любви, то есть реальность всякой жизни, они станут искусственными, неестественными.

Очень многие люди могут свидетельствовать о том, как дитя и опыт общения с ним приводили их к опыту Божественного, потому что ребенок требует любви, требует реального отношения к себе, и он очень остро чувствует, когда мы притворяемся.

Родители начинают понимать, что если они хотят реально общаться со своим ребенком, им, взрослым, нужно умаляться, учиться жить всей глубиной детства.

Умаляться – не значит, будучи зрелым человеком, играть роль незрелого. Духовное детство есть плод зрелой веры: человек сходит с того пьедестала, на который он сам себя поставил в безличностных отношениях с обществом.

Умалиться на самом деле – это не значит считать себя меньше всех, но просто отказаться от своей мании величия, которая тебя вольно или невольно заразила, от своей самости, которая привыкла властвовать и владеть чем-то, кем-то и навязывать кому-то что-то, и обрести свое истинное величие. Умалиться – это прежде всего означает отбросить то лишнее, что мешает человеку быть собой. Когда мы освободимся от всего лишнего в себе, Любовь Божия поспешит наполнить наше сердце, все затопить Собою. Царство Божие – это Царство Отца. Если ты себя чувствуешь в этом Царстве как ребенок, вот в этом и есть умаление. Ты себя ощущаешь не только сыном человеческим, но и сыном Божьим, ведешь себя, как ребенок. Ты одновременно маленький и великий, ты возрастаешь и умалешься, страдаешь и улыбаешься. Такова одна из самых поразительных антиномий христианства.

Перед человеком стоит великий выбор: либо остаться только сыном человеческим (то есть избрать природную жизнь), либо стать сыном Божьим. Если он выбирает первое, он становится ниже человека, замыкается на себе. И только одухотворив себя, став сыном Божьим, он становится человеком вполне.

Но если в человека не входит Божественное начало и человек не соединяется с Богом, то это замыкание на себе

порождает страх перед другим человеком, невозможность по-человечески относиться к нему. Он не может в другом видеть человека, проникнуть в его глубины, для него другой – это или конкурент, или соперник, это в каком-то смысле враг.

Сын Божий – это не сила, не насилие. Сын Божий – это полнота любви к Отцу, как сына к отцу.

Ребенок, который рождается в любой семье, как ни странно это звучит, в первую очередь – сын Божий, а во вторую очередь – сын человеческий.

Ребенок этот урок преподносит тем, кто имеет глаза и уши, чтобы видеть и слышать. Иисус Христос пояснил это Своим ученикам: Кто примет одно из таких детей во имя Мое, тот принимает Меня (Мк 9:37). Значит, Сам Бог входит в семью с каждым ребенком. С каждым родившимся человеком заново возрождается Царство Божие, присутствие Бога среди рода человеческого.

Каждый ребенок, еще будучи бессловесным младенцем, пишет С. С. Аверинцев, «уже побывал в силе и славе» Божьей.

Мне рассказывал недавно отец четырех детей, как сильно переживалось им рождение нового ребенка.

«Когда рождается ребенок, – говорил он, – он смотрит на тебя, и ты видишь в его глазах одну только любовь, полноту, это вся его суть, и он не может ее скрыть, как тот человек, который уже вырастает и искажает ее. Он только что пришел в мир, еще не имеет имени, слов не различает, не прожил этой жизни, не вкусил ее опыта, его сознание еще не отделено от полноты Божества, того образа, который в нем посеян, а в нем дано уже то, что мы всю жизнь ищем. Это – откровение Божие. Если мы это мгновение переживаем, то не знаем, как за него благодарить Бога».

Умаление здесь – в том, что родитель созерцает «силу и славу» Божью, явленную в образе беспомощного младенца. Это возвращает его к собственному величию, к образу Божьему, к Самому Богу.

В этом истинном, а не мнимом величии человека мы получаем величайшее наслаждение от общения с Богом, от общения с вечностью, потому что всякое другое наслаждение,

мания величия счастья человеку не приносят, они его только терзают, потому что это иллюзия, это невроз, болезнь, которую человек в себе культивирует.

Нельзя скрывать свое истинное лицо за именем, званием, достижениями.

Семья является естественной средой, живя в которой, человек может духовно выздоравливать, умаляться. Дети его в этом плане могут быть хорошими учителями умаления.

Семья, в которой ты живешь, сама создает рамки аскезы, тебе их не нужно придумывать. Аскетическое предание себя ближнему в семье совершается естественно: ты должен постоянно в чем-то воздерживаться, отречься от своей воли, умалять себя, унижать, терпеть. В любой момент надо все бросить и бежать к плачущему ребенку. Родители реально узнают, что такое пост и бессонница, когда им всю ночь нужно качать ребенка.

В свое время я спрашивал в Иерусалиме: «Почему евреи в синагоге раскачиваются во время молитвы?» Мне ответили: «Их этому научили дети». В религиозных семьях много детей, родители молятся, укачивая ребенка. Потом это стало частью религиозной традиции – покачивание во время молитвы.

«Мы созданы для любви. Пока мы одни, жизнь бессмысленна, смысл рождается, когда есть другой. Тайну своей жизни не откроешь, размышляя в одиночестве. Смысл жизни – тайна, и открывается она в любви, через того, кого мы любим» (Томас Мертон).

Любовь заключается в самозабвении, полной отдаче себя любимому, потому что он важнее меня самого. Любящий истинно не «экономит» себя, не отвергает мелких дел или вещей ради сохранения сил для каких-то больших, значительных дел.

Это есть нищета любви. Здесь человек уподобляется Богу. Бог – самый нищий из всех. В каком смысле это можно понять?

Его нищета является в непрестанной самоотдаче. Бог есть любовь жертвенная, самоотдающая, то есть себя опустошающая.

Если богатый в мире сем есть тот, кто старается побольше приобрести и поменьше отдавать, то Господь действует совершенно иначе: Он ничего не хочет приобрести, а, наоборот, хочет все отдать. Иисус Христос говорит, что Его Отец уже не судит никого, но всю власть судить отдал Сыну. Он как бы умаляется перед Сыном.

Когда в семье один ребенок, ему очень трудно научиться самозабвению, отдаче себя, служению ближнему. Ему некому послужить. Когда несколько детей в семье, старшие дети вместе с родителями воспитывают младших, и в этом соработничестве они ощущают доверие к себе, обретают свое достоинство, учатся ответственности.

Церковь должна возрождаться через семью, через дух любви и служения, имеющийся в ней. Семья и Церковь должны взаимно питать друг друга. Только воцерковленные люди могут создать христианскую семью. Нельзя Церковь исправлять извне. Как говорил один пастырь: «Проповедовать – это не значит нести Бога другим, это обрести Его уже присутствующим в них. Это приблизиться к людям, увидеть их красоту, распознать, каким образом Бог уже живет в них».

Умаление не есть ничтожество. Умаление возможно только тогда, когда человек знает свое достоинство, находится в самом себе, является самим собой. Человек может ложно понять умаление и, тем самым, впасть в какое-то чувство малоценности. Читая аскетические книги, он может подумать, что чем хуже, невнятнее, грешнее я буду представляться самому себе, тем более я умалился пред Богом. Но в действительности он культивирует в себе вину и грех, которые сами по себе реальности не имеют.

Грех – это искажение реальности, искажение души. А умаление состоит в том, чтобы принять свое бытие как истинную реальность, как дар, данный Богом.

В спектакле Владимира и Людмилы Мезенцевых «Камера забытых вещей» поэт, почувствовавший, что все, чем он жил, – самообман, воскликнул: «Я ничтожество». Но мудрый смотритель камеры, его тайный учитель, говорит ему: Бог не

может встретиться с ничтожеством, потому что Бог не творит человека для ничтожества.

Что есть чувство ничтожества? Это на себе сконцентрированный взгляд. Оно связано с каким-то потаенным желанием быть над кем-то. Оно мучительно потому, что человек внутренне приписывает себе какую-то сверхсилу, сверхбытие, сверхзначимость и, не находя этому желанию реального воплощения, мучается.

Сказать вслед за апостолом Павлом: Я... ничто (2Кор 12:11), отнюдь не значит сказать: «Я – ничтожество».

Сознание ничто – есть истинно творческая основа. Очень трудно определить это состояние, но оно есть какая-то потенция в руках Бога, и Он может из этого ничто, из этого сознания ничто – творить.

Самое главное – в том, чтобы бытие не стало самозамкнутым и самодостаточным. Личность может жить только встречей с Богом, общением с Ним. Для этого она должна войти в состояние, которое предоставляет право действовать Творцу. В этом и есть умаление.

Чтобы состоялась эта встреча с Богом и, следовательно, состоялось умаление личности, человек должен встретиться с реальным Богом, а не с богом своего воображения, и предстать перед Ним как реальный, настоящий человек, без всяких масок, ложных представлений о самом себе, которые не могут дать личности силу возрастая. Индивидуальность любит идти путем все большего и большего самоутверждения: чем более я буду оригинальным и особенным, тем больше будет моя ценность. Следуя этому пути, человек все более отрывается не только от Бога, но и от окружающих людей, становится как бы над ними. Но при этом он отрывается и от самого себя, теряет себя.

Я никогда не видел своего духовного отца, архимандрита Серафима (Тяпочкина), в ложном положении в трудные минуты его общения с властью имущими, с гонителями Церкви. Он был в высшей степени свободным человеком, потому что всех любил.

Никакого внешнего величия, блеска, вся духовная красота таится внутри, как сокровище, священный свет.

Ты просто забывал, с кем ты говоришь. Ты забывал, что он пастырь, всеми любимый и почитаемый, ты видел его перед собой, вернее, не видел, поскольку лицо его становилось в какой-то степени невещественным и сияющим, – ты был сам весь перед ним. Он весь был для тебя, весь уходил в твои нужды и тревоги, его сердце полностью было с тобой.

Помню священника Даниэля из Хайфы, ныне уже покойного, который на братской трапезе, которую приготавливал сам, всегда ел последним. Всех накормит, убедится в том, что все сыты, и тогда ест то, что осталось. В этом не было рисовки. Он пережил войну, знал, что такое голод и как люди умирают от голода. Самозабвенное служение ближним было выражением истинного смирения, которое в нем было.

Перед Богом Отцом все мы – дети: и духовник, и отец, и мать, и дети, и только от Него мы можем получить жизнь и величие. Господь просит нас быть Его детьми.

Известно выражение одного из учителей Церкви о том, что слово «Бог» гораздо менее значимо для нас, чем слово «Отец». Слово «Бог» подчеркивает различие между Ним и нами, слово «Отец» показывает родство: мы – дети Ему, свои, родные, всегда неизменно любимые. И как радостно ответить нам на эту любовь.

Бог призывает человека к величию, но к величию, которое не обращено на себя, которое не любит себя, которое не угнетает, не подавляет ближних, а к величию какому-то сокрытому, сокровенному.

В беседе со своими детьми знакомый мне отец семейства привел слова Иисуса о том, чтобы никого не называть своим отцом и учителем, ибо один у вас Отец и Учитель – Христос, и спросил их: «А кто же я?» Мальчики ответили: «Ты – папа». Дочь сказала: «Ты – брат».

Что это значит? Это значит, что ребенок интуитивно отрицает первенство в отношениях. Иисус Христос не хотел первенства по отношению к человеку, по отношению к Своим ученикам. Это полное равенство является в словах Иисуса, обращенных к ученикам: Я уже не называю вас рабами... но Я назвал вас друзьями(Ин 15:15).

Господь посылает нас друг ко другу, чтобы нам научиться жить с Богом и с братьями в полноте любви. Это возможно только тогда, когда мы встанем на путь умаления себя, истощания, живя в семье по крови или в семье духовной, живя в Церкви Христовой. Нам нужно умаляться для того, чтобы, как говорил Антоний Сурожский, «сказать слово настолько чистое, настолько свободное от самого себя, от себялюбия, от тщеславия, от всего того, что делает каждое наше слово мелким, пустым, ничтожным, гнилым; делаем ли мы это с готовностью сойти на нет, только бы из этого человека вырос живой человек, невеста вечной жизни? А когда все это сделано, готов ли я сказать с радостью: "Да пусть совершится последнее, пусть и не вспомнят обо мне, пусть жених и невеста встретятся, а я сойду в смерть, в забвение, вернусь в ничто». Готовы ли мы на это? Если нет – как слаба наша любовь даже к тем, кого мы любим! А что сказать о тех, которые нам так часто чужды, безразличны?»

Будем же учиться быть маленькими, маленькими, маленькими. Как радостно сознавать, что ты – ничто, и что все из Него, Им и к Нему. Ему слава вовеки, аминь (Рим 11:36).

III. Слова о жизни

Бог

Бог есть любовь 1Ин 4:8

Когда человек слышит слово «Бог», он соприкасается с непостижимым, с тайной. Эта тайна начинает его волновать, когда он рассматривает окружающий мир, природу, себя.

Откуда все это? Как это произошло? Откуда я? Я пришел в этот мир на все готовое. Кто это все создал?

Можно слышать безумный ответ: «Природа сама себя создала». Но один умный ученик сказал учителю: «Если природа была, зачем ей нужно было создаваться?»

Ученые, познающие материальный мир, открывают его законы, видя в нем стройный порядок и гармонию, – открывают, но не создают, ибо человек не в силах создать закон, например закон притяжения, закон сохранения энергии.

Все, что нам дано, – не от нас, не от человека, а от Бога. Мы всё получаем из рук Божьих, мы одарены Им. Поэтому Бога мы называем Творцом видимого и невидимого мира. Он дал жизнь Вселенной, приведя ее «из небытия в бытие». Он – источник жизни, само бытие.

Пророк Моисей спрашивал Его: «Кто Ты?» Бог ответил ему: Я есть Сущий (Исх 3:14). Так Сам Бог назвал Себя – Сущий, то есть Существоющий, Тот, Кто есть. Это означает, что только Бог существует самым полным и совершенным образом. Творец отличается от Своего творения тем, что бытие принадлежит Богу, а тварь получила его от Бога. Бог есть Начало и Глава всего, Он – Отец вечности (Ис 9:6), Он есть Свет и Жизнь.

Мы называем Бога «Отцом», как это нам было издревле заповедано. Иисус Христос дал нам молитву молитв «Отче наш». Слово «Отец» вмещает в себя понятие о любви, заботе и защите.

Познание Бога – это встреча с Ним. Люди, которые еще не встретились с Богом, представляют Его грозным и деспотическим, то есть внешней силой, стоящей над человеком и над ним господствующей.

Бог не таков: Он не похож ни на силу природы, ни на власть. Бог – не власть, а Любовь, Свобода. Любовь не может быть замкнута в самой себе, ее свойство – распространяться, поэтому Бог творит мир, человека и постоянно изливает любовь на Свое творение.

Великие немецкие мистики Экхарт, Ангелус Силезиус дерзновенно говорили, что без человека нет Бога. Это, разумеется, нужно понимать духовно.

После грехопадения, когда человек пожелал жить своим умом, сам по себе, Бог не отвернулся от Своего творения и продолжает любить человека, ибо любовь Его безусловна. Эта совершенная Любовь призывает человека возвратиться к своему Отцу, ибо без Него, то есть без Любви, жить невозможно. Человек тогда подчиняется тому, что ниже, а не выше. Блаженный Августин в своей замечательной «Исповеди» кается: «Господи, прости, что я возлюбил творение больше, чем Тебя».

Бог всегда хочет, чтобы человек жил согласно своему призванию, он призван обожиться, одухотвориться. Человек должен быть духовным существом, жить Богом и в Боге.

Ошибка гуманизма, при всем его достоинстве, – в том, что он утверждал самодостаточность человека, считал его природным существом. Это – принижение человека, искажение божественного замысла о человеке. Можно сказать, что без Бога нет человека.

Только в соединении с Богом человек способен стать человеком. Желание «быть хорошим без Бога, без Христа» ложно.

«Во-первых, – пишет английский писатель Клайв Стейплз Льюис, – это вам не под силу, во-вторых, это не цель вашей жизни. Нельзя взобраться самому на высокую гору праведности, но если бы мы и взобрались, мы бы погибли во льдах и разреженном воздухе. Начиная с определенной высоты, не помогут ни ноги, ни топорик, ни веревка. Нужны крылья: дальше придется лететь».

Человек

Кто я? Откуда я? Зачем я? Такие вопросы задает каждый нормальный человек. Говорить о человеке, не связывая его с Богом, невозможно и бессмысленно. Понять человека можно лишь в его соотношении с Богом.

Человек появился не сам по себе, он вышел из рук Создателя, он – творение Божие, дитя Божие. И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою (Быт 2:7).

Наука подтверждает эти слова из книги Бытия о том, что человек – часть окружающего мира, что он создан из земли. Вся периодическая система Менделеева в нас. Кто-то определил химический состав человеческого тела, весившего шестьдесят килограммов: в нем фосфора достаточно на одну спичку, сахара – на пять чашек кофе, железа – на десяток грошовых гвоздей и т. д. Наше тело, являясь отражением материального мира, зависит от него, чувствительно к изменениям температуры, к влиянию закона притяжения и других физических законов. Мы ощущаем боль, голод и жажду. В наших мечтах, какими бы они смелыми ни были – высоко летать или долго пребывать под водой – мы все же очень ограничены.

Внутренняя же жизнь человека качественно отличается от внешней: в человеке имеется образ и подобие Божие.

И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему (Быт 1:26). Быть сотворенным по образу и подобию Божию – значит быть существом духовным и свободным, способным возвышаться над природой и господствовать над ней.

Чем человек отличается от животного? – задавал вопрос в своих записных книжках А. П. Чехов и ответил на него: человек, как и животное, ест, пьет, размножается, трудится, веселится, но он отличается от него тем, что у него есть высший запрос – религиозное чувство.

Человек изначально призван жить с Богом и в Боге, то есть – к совершенству. Он должен исполнить заповедь Иисуса

Христа Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный (Мф 5:48).

Быть совершенным – значит быть личностью. Индивидуум есть понятие природное, он порожден биологическим родовым процессом. Личность же рождается, творится Богом.

Мы говорим, что человек должен стать личностью. В жизни мы встречаемся чаще с несостоявшимися личностями, хотя и личность, и не-личность – индивидуумы. Личность есть целостность и единство, она живет вечным, Богом, она духовна, следовательно, ее нельзя определять биологией, психологией, социологией. Она выше государства, нации, человеческого рода, природы. Вот почему в Евангелии сказано, что одна душа человеческая дороже всего этого мира. Если государство имеет дело с массами и не видит конкретного, живого человека, то христианство всегда имеет дело только с личностью. Личный Бог должен встретиться с личностью, а не с личиной.

«Поразительно, – писал Н. Бердяев, – что в XIX и XX веках человек позволил себя убедить в том, что он получил свою нравственную жизнь. целиком от общества. Он готов был отречься от первородства и независимости человеческого духа и совести. Этика должна, прежде всего, вести духовную борьбу против той окончательной социализации человека, которая подавляет свободу духа и совести».

Нельзя человеку, творению Божьему, представлять себя индивидуумом, соотносящимся с социальным коллективом. Если человек отдаст себя миру, что и делают ныне многие люди, мир растерзает его, распылит, раздробит, уничтожит. Начало нравственной жизни, корень ее – совесть – не социального происхождения, а божественного. Бог ее вложил в человеческую личность.

Поэтому человек тянется к Богу, почитает Его своим Отцом и читает молитву «Отче наш». В единении с Ним он обретает полноту бытия, истинную свободу.

Вера в человека

Христианство есть вера не только в Бога, но и в человека. Что значит верить в человека?

Атеисты, то есть люди, не нуждающиеся в Боге, говорят: «Я не верю в Бога, я верю в человека». Замечательно, что они верят в человека, но когда спросишь их: «Во что Вы верите в человеке?» – вразумительного ответа не получишь.

Им внушили, что нужно верить в человека, и они это приняли, но не додумали, во что нужно верить в человеке.

Христианин верит в человека потому, что знает его тайну: в каждом человеке есть образ Божий. Человек, в отличие от всего сотворенного, создан по образу и подобию Божию, он венец творения. И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему (Быт 1:26). Здесь речь идет о духовной сущности человека.

Только при этом условии можно истинно верить в человека. В противном случае человек впадает в идолопоклонство, считая себя «самодостаточным», мерой всех вещей, по слову древних мудрецов. Его вера в человека становится ложной. Вспомним печальный афоризм: «Человек – это звучит гордо».

Уже в детстве, когда ребенок задает вопрос вопросов «Кто я? Представляю ли я собою какую-то ценность? Зачем я живу?» – он должен получить правильный ответ, ответ жизнью.

Если его любят, и он постоянно чувствует вокруг себя тепло и внимание, он истинно живет. Его любят без всяких условий – таким, какой он есть; но если этого нет, то ребенок понимает, что его не любят, а лишь используют.

Бог любит нас без всяких условий, не потому, что мы чем-то – своими делами, своим поведением, своей верой – заслужили Его любовь. Он любит нас, потому что мы – Его создания, потому что Он возложил на нас Свои надежды.

И если мы искажаем образ Божий в нас, не оправдываем Его надежд своей неверностью Ему, Он не перестает любить нас, не отрекается от нас. Наши грехи не могут отменить Его любви, она неизменна.

Когда блудный сын после грязной своей жизни возвращается домой и, каясь, просит отца принять его не как сына уже, а как наемника, отец прерывает эту речь, давая понять, что грехи сына не отменяют его отцовства и любви. Он принимает сына в свой дом только как сына, радуясь его внутреннему приобретению, веря в него, любя его.

В одной современной американской повести атеист говорит священнику:

– Видите ли, я не верю в Бога.

– А Он в вас – верит, – говорит ему священник.

Пока живет человек, Господь призывает его к Себе, терпеливо ждет, когда он откликнется на Его призыв.

Так и мы, видя людей заблудившихся, не ждущих Бога, не живущих Им, должны не осуждать их, не презирать, а верить в возможность их обращения к Богу в тот час их жизни, когда это усмотрит и определит Сам Господь.

Мы только можем в своей молитве представить эти души пред Ним с просьбой просветить их, как это делал преподобный Силуан Афонский: «Господи, пошли милость Твою на детей Земли, которых Ты любишь, и дай им познать Тебя Духом Святым».

Храни образ Божий

Без Меня не можете творить ничего. Ин 15:5

Слово «Бог» известно всем. Но не для каждого оно – жизнь. Блез Паскаль писал, что люди делятся на три рода: те, которые ищут Бога, те, которые нашли Его и живут Им, и те, которые не ищут Его и не хотят искать.

Некоторые говорят: я умный, образованный, интеллигентный, и мой ум, моя утонченность не позволяют мне верить. Получается, что вера в Бога – от невежества. Но не ум препятствует нам веровать, а наши грехи. Ум – не враг в вере, а дивный помощник.

Самый главный грех – в том, что человек повернулся спиной к Богу, к своему Творцу, пожелал своими силами познавать себя и мир, устроить свою жизнь и жизнь всего человечества без Бога.

Человек нарушил общение с Богом еще в раю. Адам и Ева по лживому внушению змея вкусили от дерева познания и сошли с ума божественного, и стали утверждаться в своем уме, человеческом, безблагодатном. Потомки Адама все больше самоутверждались и ныне дошли до крайней степени греха эгоизма. Материалистический человек надеется только на себя, на свои силы, считает высшей ценностью свой ум. Он создал религию – человекопоклонение, и объявил устами древнегреческого философа Протагора, что «человек есть мера всех вещей». Человек любит человека ради него самого, мир – ради мира.

Самоценение, самоутверждение, самость порождают гордость – мать всех пороков. Человек принимает славу от человека, становится народным артистом, художником, героем, заслуженным работником.

Человек считает, что самое главное в жизни – самовыражение, самоутверждение, и полностью зависит от людей и обстоятельств. Он надеется, что его внутренний мир сформируют эпоха, время, институт, государственный закон, коллектив, титулы, звания, массовая культура, цивилизация. Он

боится быть несовременным, немодным, спешит все видеть и все знать, напоминая малое дитя, которое во время прогулки с мамой непрерывно просит. «Мама, купи машинку, купи пистолет, купи мороженое, купи жвачку». Купи, купи, купи... Беспорядочность в общении человека с миром, открытость миру нараспашку вредят душе человека. Он становится рассеянным, невоздержанным, всеядным, живет, как импрессионист, – мигами, впечатлениями, раздражителями, то есть по горизонтали. В видимом он не созерцает невидимого. Откровение вечности во времени исчезает для него. Не получив внешних раздражителей, он скучает, мучается, страдает, ему нечем жить. Поэтому его так неудержимо тянет на площади, на улицы, где мнут толпы людей, чего-то ищущих, где массовая культура и цивилизация показывают себя во всем своем уродстве и бесстыдстве.

В естественную звукоферу, создающуюся из шума прибоя, шелеста листвы, колокольного звона ворвалась в наши дни шумосфера в виде, например, демонической рок-музыки, разрушающей нервные клетки организма. В мире появился новый вирус – вирус сумасшествия. Но Блажен чистии сердцем, яко тии Бога узрят (Мф 5:8). Как человек больной глазами не может смотреть на солнце, так и мы, если наше сердце будет наполнено страстями, не будет очищенным, Бога не увидим. Поэтому Господь наш Иисус Христос начал свою общественную проповедь с призыва: «Покайтесь!».

Обожиться, одухотвориться можно только через покаяние. Один мудрец сказал: «Велика сила покаяния: оно исправляет не только настоящее и будущее, но даже и прошлое».

Покаяние освобождает нас от греха и приводит к внутренней свободе, которую христианство ценит превыше всего. Познай Истину, и Истина сделает вас свободными (Ин 8:3). По ошибке ума и сердца современный человек на первое место ставит внешнюю свободу, поклоняется ей как идолу, воздвигает ей памятники, она становится для него религией; а внутренней свободой пренебрегает.

Внутренне свободный человек знает Бога, живет Им и веру в Бога не променяет на соблазны мира сего. Духовную жажду,

которая дана человеку изначально, нельзя утолить политикой, искусством или материальным изобилием, это противоестественно. По классическому выражению Григория Богослова, «человек – тварь, но имеет повеление стать Богом».

Поэтому, хотя бы этого люди или не хотят, сознают это или нет, но самым насущным вопросом современности является вопрос религиозный, а не политический. Не случайно народ уже задает вопрос нашим правителям, писателям, людям искусства и общественным деятелям, верят ли они в Бога. Это очень беспокоит людей, ведь не может быть учителем жизни, благодатно управлять верующим народом (в СССР, по статистике, 70 миллионов верующих) или людьми, ищущими Бога, человек неверующий. Это разлад. Это как в басне, где лебедь, рак и щука.

Этот же вопрос все чаще и чаще в разной форме задают дети, ученики своим родителям и учителям. «Душа в заветной лире мой прах переживет...» – читает строки Пушкина учитель, а у ученика уже зреет вопрос, а что такое душа. Другой спросит, что такое дух, духовная жизнь и как на нее настроиться. Как объяснить ученику, почему Пушкин сегодня стреляет в Дантеса, кипит от ненависти и злобы, а на другой день, лежа на смертном одре, исповедавшись и причастившись, говорит поэту Вяземскому: «Скажите Дантесу, что я его простил»?

Чтобы ответить на эти вопросы, нужно иметь духовные знания, а мы их не получаем ни в семье, ни в школе, ни в институте. Чем просветило нас министерство просвещения? Затемнились, помрачились наши умы. Нам не дано было выбора и свободы в образовании. Нам с пеленок внушался атеизм, объяснялось, что человек произошел от обезьяны и является высшим животным, что материя первична, что мораль не абсолютна, а относительна и носит классовый характер: бедного – жалеть, богатого – презирать, уничтожать. Духовно лечить падшего или заблудившегося любовью и вниманием мы не умеем, считаем слабостью. «Грехи – грехами, а основа в человеке – образ Божий... Грех ненавидь, а грешника люби», – говорил праведный Иоанн Кронштадтский.

Настало время каждому из нас – и учителю и ученику – самому проверить теорию творения и теорию эволюции и сделать нужный выбор.

Подумаем, что есть в точном смысле привычное для нас слово, особенно для учащихся и учащихся, – образование? Образование – это хранение в своей душе, в душе народа образа Бога, подобия Его. Русские писатели, философы называли наш народ народом-богоносцем. Каждый человек и весь народ видел смысл жизни в том, чтобы одухотвориться, обожиться, то есть стяжать Любовь. Именно Любовь есть высшая черта богоподобия. Меня нет – во мне Господь.

Обращение к Богу может быть медленным или внезапным, как у апостола Павла. Тут самое главное – начало, призыв. Это не от меня и не от мира, а свыше, от Бога. И я отвечаю на этот призыв Бога Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии и Аз упокою вы (Мф 11:28).

Поэтому, когда меня спросят о том, как я стал христианином, я отвечу, что это произошло не по плану, не с намерением и рациональным расчетом, а по любви Божьей. Бог Сам призвал меня, Сам открылся мне.

Через откровение познали Бога пророки, апостолы, святые. Апостол Павел не знал Христа, гнал, преследовал христиан. Иисус Христос явился ему на пути в Дамаск:

Внезапно осиял его свет с неба. Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл? Что ты гонишь Меня? Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал; Я Иисус, которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна. Он в трепете и ужасе сказал: Господи! Что повелишь мне делать? (Деян 9:3–6).

Без этого внутреннего озарения, без благодати Духа Святого наше познание Бога будет умовым. Полное обращение к вере – всецелая отдача себя Христу, преображающая всю жизнь человека. Умовая любовь к Богу – не жизнь, а половинка ее. Когда любовь – умовая, то хочется больше читать духовные книги, чем молиться, когда любовь сердечная – влечет к молитве, к пребыванию в тишине с Богом, и не хочется нарушать тишину близости словами, как это было у одного

французского крестьянина-старичка, который приходил в церковь и часами сидел там, как будто ничего не делая. Когда его спросили, что же он делает в храме, ответил: «Я гляжу на Него, Он глядит на меня, и нам хорошо вместе».

Где глубокая любовь, там слова не нужны. Истинно любящие друг друга юноша и девушка могут часами молчать и испытывать всю полноту и радость внутреннего общения.

Истинное обращение неопишимо, потому что сокровенно, совершается в глубине души. И плодом его являются Любовь и Радость.

В Святом Духе, в полноте Божественной Любви человек всегда миротворец, он становится светом миру, и «возле него, – по словам преподобного Серафима Саровского, – спасаются тысячи людей». Свойство святости – освящать все, что с ней соприкасается.

Некоторые говорят: «Я хотел бы верить, но не чувствую Бога, а идти креститься ради того, чтобы надеть золотой крестик и носить его как украшение или ради обещания родителей подарить велосипед, не могу, ибо сознаю святость самого главного таинства Православной Церкви». Такая осмотрительность честна и свята, ибо нынешние массовые крещения без подготовки крещаемых принижают Бога и отводят людей от веры.

Недавно ко мне приезжал молодой человек с просьбой перекрестить его. «Меня крестили очень быстро, одетым, обутым, и я ничего не почувствовал», – сказал он. Святой Григорий Богослов призывал братию: «Не будем святого совершать нечисто, высокого – низко, честного – бесчестно и, кратко сказать, духовного – по-земному». Крещению должно предшествовать духовное просвещение и покаяние. Древние мудрецы говорили: «Учение очень важно, ибо оно приводит к деянию», «невежда не умеет остерегаться греха, неуч не может быть благочестивым».

Но одно дело – просветить духовно, а другое – научиться жить по-христиански, воцерковиться, опытно познать соборность Церкви, единство во Христе, единство в вере, в любви. Приход, община, братство, о возрождении которых ныне много говорят и

пишут, если они крепки духовно, являют эту жизнь. Это духовные семьи, где люди должны воспитываться, созреть духовно для вечной жизни. Их ныне в Православной Церкви мало. В раннехристианской Церкви община брала на себя заботу о крещаемых и тщательно, как любящая мать, готовила их к таинству: наставляла в вере, выделяла своих воспитанников. В Рижском Петропавловском православном братстве, возрожденном недавно по благословению ныне покойного митрополита Леонида, эта традиция плодотворно возобновляется.

Человек, жаждущий Истины, выбрав вечное, божественное, свободно и сознательно входит в духовное общение любви с братьями, чтобы творить из себя живую икону Христа, чтобы осуществить в нашей трагической жизни живое и полное общение человека с Богом.

«Боже, благослови Латвию!»

Где Дух Господень, там свобода. 2Кор 3:17

27 февраля 1990 года – священный день для Латвии. В Риге прозвучал прежний гимн «Боже, благослови Латвию!»

Народу было сказано: «Пусть гимн "Боже, благослови Латвию!" всегда поднимает силу нашего духа и способствует укреплению духовности в нас самих».

Святой пример истинного устройства жизни народа и государства показан всему миру. Положено святое начало: Бог призван в Помощники и Покровители. Сокрушена человеческая гордыня, началось возвращение с ложного пути. И все исполнится по неложному Слову Божию: «Кто призовет Имя Мое, будет спасен», если силам сатанинским мы противопоставим глубокую веру во Христа.

Ученый Блез Паскаль писал: «Двух законов – любовь к Богу и любовь к ближнему – достаточно, чтобы управлять всей христианской республикой лучше, чем это можно сделать с помощью всех политических законов».

Ни один политический закон, ни одна политическая идея не могут соперничать с Истиной, ибо они несовершенны, не дают внутренней свободы человеку, не в силах избавить его от духовной смерти.

За все время существования человечества разрушились тысячи и тысячи государств, воплощавших ту или иную политическую идею.

«Нет государства, которое бы существовало тысячу лет», – говорил тот же Паскаль. Нет, можно добавить, и политической идеи, которая жила бы две тысячи лет. А в 2000 году, если будет существовать мир, христиане отметят великую дату – 2000-летие Рождества Христова.

Истина – вечна, и человеческая душа тянется к Ней, потому что по природе своей – бессмертна. Без познания Истины и служения Ей не устроится жизнь каждой личности, общества, народов, стран, всего человечества.

«Без Меня не можете делать ничего», «Познайте Истину, и Истина сделает вас свободными», – говорит Господь (Ин 15:5, 8:32).

Человеку и человечеству предложен выбор – служить Истине или лжи; иными словами – поклоняться Любви, смирению, кротости или силе, власти, своеволию, гордости. Ныне поклонение протесту, злобе, отрицанию усилилось, и это очень опасно; смирение некоторым кажется глупостью, комплексом неполноценности.

По своему высшему предназначению мы, люди, должны на земле жить по-христиански, созидать Вселенскую Церковь Божию, ибо Христос явился для спасения всего падшего рода человеческого. Только общество, ставшее Церковью, народом святым, органично и полно выражает единение всех людей. Поэтому уклонение от христианской жизни – трагическая ошибка и заблуждение человека, выпадение его из всемирной истории.

«Древний мир тяготел к духовному человеку, новый мир тяготеет к духовному человечеству, то есть к тому, чтобы Христос вообразился во всех (богочеловечество)» (В. Соловьев).

Цель жизни человека и человечества дана Богом, поэтому кажутся такими дерзкими и суетливыми притязания группировок и партий всех времен выдумывать новые цели жизни, брать на себя роль спасения человечества. У человечества был и есть и будет единственный Спаситель – Христос, Богочеловек. Его учение выше всех мудрований человеческих, пребывает вечно, оно – корень жизни человека и человечества. Если бы это учение было от человека, его бы давно уже забыли, оно стало бы историей.

Вопрос жизни заключается в том, как осуществить эту цель, то есть обожиться, одухотвориться каждому человеку и всему человечеству.

Ответ простой: пусть одухотворится каждый человек в отдельности, и одухотворенные люди составят одухотворенное человечество – богочеловечество. О таком феномене духовного преображения человечества, мира, говорил недавно прославленный святой, великий духовный подвижник нашего

века преподобный Силуан Афонский. Если бы все люди мира пожелали жить по совести, в любви к Богу и ближнему, мир изменился бы к лучшему за одну минуту.

Обожиться, одухотвориться можно только через покаяние.

Когда Иисус Христос вышел на общественную проповедь, первое, что Он сказал людям, было: «Покайтесь!», то есть обратитесь, вернитесь с ложного пути. То же самое сказал и Его Предтеча – Иоанн Креститель.

И нынешним людям, отпавшим от Бога и духовной жизни, немилосердным, ожесточенным, Христос по-прежнему говорит: «Покайтесь!».

С покаяния должно начаться духовное преображение каждого человека, страны, народа, человечества. «Если какой народ или государство страдает, то надо всем покаяться, и тогда все исправится от Бога», – пишет старец Силуан. Нам всем надо пасть на колени перед Богом с ясным сердечным сознанием, что мы страдаем за то, что не любим Его и не любим брата своего. В грязный сосуд не наливают драгоценную жидкость, так и в неочищенное человеческое сердце не войдет Благодать Святого Духа. Поэтому на первом месте ныне должен быть вопрос личного нравственного духовного совершенствования. Митрополит Московский Филарет сказал: «Лучшее средство к исправлению общества есть исправление самого себя каждым членом общества. Государство счастливо, когда злые не могут в нем царствовать».

«Горе нам, – скорбел в VII веке святой Максим Исповедник, – что до последней дошли мы крайности во зле.

Не все ли мы чревоугодники? Не все ли мы сластолюбцы? Не все ли веществолюбивы до неистовства? Не все ли гневливы? Не все ли злопамятны? Не все ли предатели всякой добродетели? Не все ли злословны? Не все ли пересудливы? Не все ли неуважительны? Не все ли братоненавистливы? Не все ли напыщенны? Не все ли высокомерны? Не все ли горды? Не все ли тщеславны? Не все ли лицемерны? Не все ли лукавы? Не все ли завистливы? Не все ли непослушливы? Не все ли ленивы? Не все ли обманчивы? Не все ли беспечны? Не

все ли нерадивы о заповедях Спасителя? Не все ли исполнены всякого зла?

Не стали ли мы вместо храмов Духа Святого – злых духов убежищем? Не притворно ли называем Бога Отцом?

Не сделались ли мы вместо сынов Божьих сынами геенны?

И никто не приходит в негодование, слыша такую истину».

В прежние времена, как видим, была скорбь о грехах своих, раскаяние в них, но современный человек не понимает, что такое грех, не сознает себя грешником и не кается. А многие люди, народившиеся за 70 лет, не носят великое имя Христово, то есть живут некрещеными. Предстоит «великое дело нового Крещения раскрещенной Руси» (А. В. Карташов). Покаяние освободит нас от греха и приведет к внутренней свободе. Христианство ценит превыше всего внутреннюю свободу, то есть свободу от греха, зла и смерти.

По ошибке ума и сердца современный человек ставит на первое место внешнюю свободу, а о внутренней забывает и даже не говорит о ней, поклоняется внешней свободе как идолу, она становится для него религией. Внешняя свобода нужна, но без внутренней свободы желанная внешняя свобода, независимость, справедливость, равноправие вырождаются в тиранию, возникают взрывы злобы, зависти, ненависти, мщения, кровожадности.

Опыт освободительных движений и революций показывает, что мир надо обновлять не кровью, а совестью. Свобода человека – в жизни по совести, в духе и истине (Ин 4:23). Человек, который не борется со страстями, любит их, – на ложном пути, внутренне несвободен, раб греха. Он не может сотворить ничего духовно ценного. Если он человек искусства, то он предлагает людям в разнообразных способах выражения – в музыке, в живописи, в слове – свои страсти, свои нечистые душевные переживания. Это знамение нашего времени: людям, взвинченным своими страстями, предлагаются еще новые страсти.

Душевный человек делает не то, что хочет; как будто кто-то другой действует в нем.

Стойте в свободе, которую даровал нам Христос, – говорит апостол Павел, – и не подвергайтесь опять игу рабства (Гал 5:1).

Первые христиане жили по заповеди любви, имели все общее, и многие из них, будучи рабами, – духовно были свободными. Их освободило христианство. А их господа, жившие по плоти, удовлетворявшие все свои страсти и желания, были рабами своих страстей, внутренне несвободными. Отними у них богатство и удовольствия, права внешней жизни, и им жить было бы нечем.

Живое христианское чувство свободы победило казавшийся несокрушимым мир греко-римской несвободы, оно побеждало и в последующие времена все политические режимы. Свята жизнь тех, кто в минувшие трагические годы не поклонялся тирану, идолам, запечатлев своею кровью, мученичеством и исповедничеством истинную веру. Что могло разлучить с Христом этих людей – гонения, пытки, казни, голод, лишение имущества, детей, жен, любимой работы, смерть? Ничто их не устрасило. Их жизнь не зависела от человека, они не боялись мучителей; в их сердце был Христос.

Нынешние люди усердно и много занимаются политикой, восстанавливая погрязшие основы правового государства, очищают законы от неправды. Кто-то сказал, что ныне – время политики. Но, уделяя внимание закону, важно не упустить благодать. На уровне права не устроишь дел сердечных, не спасешься.

Человек совершил убийство. Государство его наказывает, изолирует от общества. А кто будет врачевать его душевные раны, испорченное сердце? Можно ли найти в нашей стране маленький городок, где бы не было поликлиники или больницы? Такого городка нет – больные возроптали бы, но эти же больные не скорбят о том, что в их городах нет ни одной духовной лечебницы – церкви, ни одного духовного врача – священника.

Все это показывает, что мы еще не поставили в нашей жизни духовное начало на первое место. Это самая главная наша ошибка. Бедствие нашего народа и нынешнего человечества – в духовной слепоте его.

«Самое главное сейчас – накормить народ», – говорят многие. Но Христос сказал: Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих (Мф 4:4).

Господь, как видим, не отрицает удовлетворения телесных нужд человека, но ставит их на второе место после духовных потребностей. Достоевский писал: «Человек наелся, а дальше что?» Преображение души должно предварять улучшение материальной жизни, иначе попадем в сети сытого довольства. Если мы будем продолжать жить по страстям, не работать над своим сердцем, то духовно, нравственно погибнем и никогда не обречем вожделенного мира, покоя души своей, то есть естественного ее состояния. Как корабль любит тихую воду, так и душа человеческая жаждет мира и покоя. Ничто земное не удовлетворит ее жажду, потому что по природе своей она – небесная. Бессмертие и правду душа наша обретает в Боге.

Мы все должны это понять, принять, возжаждать духовной жизни, стяжать Духа Святого, и тогда духовно выздоровеет каждый человек, народы и все человечество. Люди научатся благодатной жизни, а не жизни по закону справедливости – «око за око». Люди в Духе Святом – миротворцы: Святая Латвия и Святая Русь поймут друг друга.

Люди земли! Вы слышите среди шума и крика кроткий и любящий голос: Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою Вы.

О клонировании человека

Клонирование – попытка искусственного создания живого организма, человека или животного, – любимая идея современности, чистой науки.

Порочность ее в том, что ученые пытаются занять место Творца и сделать то, что возможно только Богу, а не человеку. Искусственное создание человека возможно, однако нельзя забывать, что человек, которого сотворил Господь, соединяет в себе природное и духовное начала.

Истинным моментом возникновения человека, как мы видим в Библии, является тот, когда Всемогущий Творец вдунул в человека душу. До этого, по слову преподобного Серафима Саровского, человек был подобен животному.

Никто не спорит, что способом клонирования может возникнуть животная часть человека. Но весь вопрос в том, будет ли этот сотворенный человек таким, каким его сотворил Бог? Нет.

Клоны, которых создадут простые смертные, будут лишь человекообразными существами, мутантами, так как никакой ученый не способен создать душу.

Имитировать Дух Святой, которым творится мир и человек, невозможно.

Поэтому наука, как бы развита она ни была, никогда не сможет создать полноценного человека.

Бог создал человека не для того, чтобы тот создавал монстров для разрушения жизни, а для того, чтобы познать этот прекрасный мир и совершенствовать его, совершенствоваться самому, познавая Бога как Источник нашей жизни и любви.

Безусловно, Церковь не может принять идею клонирования, ибо идея эта богоборческая, кощунственная, разрушающая все святое в человеке. Но в то же время она не может запретить ее, ибо каждый имеет свободу выбора.

Церковь может высказать свое христианское отношение к этой проблеме науки, предупредить об опасности ученых, отказавшихся от христианской этики, и скорбно улыбнуться над

очередной попыткой человечества вновь построить Вавилонскую башню.

В каждом из нас живет неистребимое желание жить всегда. Оно свято. Оно – от Бога. И Бог со дня создания человека хранит нас и сотворенный Им мир, помогает нам духовно совершенствоваться.

Только с Богом у нас никогда не будет потерь.

О сквернословии

Слово – великий Божий дар человеку. Словом творится жизнь.

Христос говорит: Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь (Ин 6:63).

Если слово отнять у людей, то вся жизнь превратится в пустыню.

Но человек может неправильно пользоваться ценным даром: он часто направляет слово на разрушение, а не на созидание жизни, то есть смерть и жизнь – во власти языка.

Мы видим, как некоторые люди постоянно сквернословят и находят в этом низменное удовольствие.

Сквернословие (в просторечии – мат) ныне распространилось среди людей всех возрастов, как заразная болезнь. Сквернословят дома, на улице, иногда по радио и телевидению. В беседах с детьми можно услышать: «Вчера ругал учительницу матными словами».

Сквернословящий человек всегда неприятен. Возникает вопрос: откуда в человеке эта тяга к нечистому?

Сквернословие – показатель духовной порчи человека. Язык всегда обнажает сердце человека. Есть гниль в дереве, в теле, в душе.

Апостол Иаков говорит, что не может из одного источника изливаться одновременно сладкая и горькая вода.

Если сердце человека чистое, исполнено любви и Духа Святого, духа жизни, то оно никогда не будет источать смрад, каким является мат: добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе (Лк 6: 45).

Духовный человек творит жизнь в себе и вокруг себя. Все, что он говорит, глубоко проникает в душу, умиротворяет и живит ее.

Но когда в человека вселяется дух злобы, дух смерти, то его сердце – уже не источник, из которого течет чистая вода. Дух злобы рождает злое слово, мат, человек находится во власти черной магии, цель которой – разрушать жизнь.

Когда сквернословие касается области отношения полов, то это означает стремление разрушить нормальное, естественное состояние пола и привести его в противоестественное.

Слово «мат» связано со словом «мать», и из этого видим, что сквернословы покушаются на самое святое. У всех народов, особенно восточных, мать – величайшая святыня. Почитание родителей – святой закон. И там не позволяют унижать имя матери, за плохое слово о ней можно лишиться жизни.

Как бороться с закоренелой привычкой сквернословия?

Разливание пошлости, зла нельзя искоренить внешним образом – запретами, штрафами. Запрет недействителен. Разве он изменит сердце сквернословящего школьника или высокопоставленного чиновника?

Нужно, чтобы человек изменил свою жизнь, стал внутренне чистым, то есть не прилеплялся ко злу, которое, маскируясь под добро, приходит в такой оболочке, что человек обманывается и принимает его за добро.

Человеку необходимо подняться на ступень духовную. Не встретившись с Богом, не впустив Его в свою жизнь, человек отдает себя во власть темных сил, которые делают с ним все, что хотят. Многие люди имеют при себе все, однако при этом печальны и беспокойны: им не хватает Христа.

На первое место в своей жизни человек должен поставить Бога, а не себя, Бога, а не деньги, власть, пищу, напитки, работу. Все, что не Бог, – вторично, и не есть смысл и цель жизни.

Поэтому по зрелому размышлению человек выбирает Бога как высшую ценность, как свою жизнь, и тогда он становится способным жить духовно, в меру своего достоинства. «Быть человеком важнее, потому что нужнее» (М. Цветаева).

Человек, живущий с Богом и в Боге, всегда следит за движением своей души, сердца, внимателен к словам, которые он произносит, поэтому он органично не может сквернословить, пользоваться словом недостойно, превращая его во зло.

Он не может благословлять Бога и проклинать людей, сотворенных по подобию Божию.

Мудрые взвешивают свои слова, потому что язык праведного – отборное серебро (Притч 10:20).

Мудрый всегда говорит слово жизни, слово, которое творит жизнь – то есть добрые отношения, улыбку, взаимопонимание.

Доброе слово преображает и говорящего, и слушающего, созидает жизнь, а не разрушает ее. По слову преподобного Макария Египетского, «худое слово и добрых делает худыми, а слово доброе и худых делает добрыми».

Но у того, кто отвергает Бога, отнимается и слово Божие, и слово человеческое.

Будем помнить: словом своим я вхожу в другую личность и что-то оставляю в ней. Что оставляю? Семя добра или зла. Нечистые разговоры, скверные анекдоты, порождающие нехороший смех, загрязняют душу человека, бесчестят слушающего.

Современный человек, к сожалению, утопает в негативных, циничных разговорах, всех критикует, всех высмеивает, и при этом жалуется на плохую жизнь. Но важно понять простую истину: хорошая жизнь начинается с исправления самого себя, с нашей доброй совести.

Жизнь каждого человека зависит только от Бога. Наступает в жизни человека момент, когда он чувствует присутствие Бога, ощущает сердцем Его любовь. Тогда он начнет разговаривать с Ним, то есть молиться. Из глубины сердца он сможет сказать: «Господи, давай жить вместе!» И тогда Господь дает ему дар чистого слова.

Пост – это мост

В дни Великого поста после Литургии я спросил девочку: «Что такое пост?» Все молящиеся, возможно, подумали – что может ответить ребенок, который еще рассуждать не умеет, на такой сложный вопрос? Они были удивлены, услышав ответ: «Пост – это мост».

Ответ был точный, и не потому, что ребенок думал об этом; ему было дано свыше. Пост – это действительно мост, духовный мост, соединяющий человека с Богом. И это соединение возникает тогда, когда человек очищает свое сердце покаянием и молитвой. Грех – всегда преграда между человеком и Богом, но когда он исчезает, возникает этот духовный мост.

Пост – время, которое нужно максимально посвятить углублению в себя. Из Священного Писания мы знаем, что нет человека, который был бы безгрешен.

Но тот, кто в духовной жизни попытается в точности следовать заповедям Господним, встретит свою несостоятельность и неспособность. Здесь большая разница между христианином и неверующим человеком.

И христианин тоже имеет свои немощи и совершает грехи и проступки, может быть, так же, как и человек неверующий, но преимущество христианина в том, что он всегда ходит перед Богом и всегда бывает судим Словом Божиим.

А для человека неверующего грех – это только поступок. Если это грехи какие-то неявные, невидимые для других людей, для него это обычное дело, даже иногда бывает нормой. Христианин всегда может, должен сознавать свои проступки, свои грехи, приносить о них покаяние, стремиться к лучшему, а человек неверующий этой возможности лишен.

Время поста дано для того, чтобы мы могли заглянуть в глубину своего сердца, по-новому взглянуть на Слово Божие, увидеть себя как в зеркале, насколько мы не соответствуем тому, чего Господь от нас хочет, к чему мы призваны, и устремиться к лучшему.

Всегда приходится напоминать тем, которые об этом спрашивают, что покаяние – это не копание в грехах, это всегда устремление к лучшему.

Если человек постоянно будет сосредотачиваться на своих грехах, это не сделает его лучшим, а может только отравить его жизнь и ввергнуть его в уныние и в бездействие. Это самое худшее, что может быть.

Духовная жизнь – это творчество. В искусстве нет предела, достигнув которого, человек может сказать: «Все! Мне стремиться больше ни к чему не надо». Если он так скажет, то это его конец. Это относится и к христианину.

Мы всю жизнь должны идти ко Христу, Который дал нам образ для подражания.

Пост дан нам для того, чтобы мы, увидев свое несовершенство, свое духовное безобразие, при этом увидели, насколько прекрасен Господь, и насколько мы должны, устремляясь к Нему, тоже просвещаться, освящаться и делаться более совершенными.

В 41-м псалме есть прекрасный стих, где пророк уподобляет человеческую душу оленю¹⁴. Древние толкователи считали, что олени, когда пасутся, вместе с травой поглощают множество мелких змей, яд которых начинает вызывать у них сильную жажду и они бегут к воде, чтобы утолить ее. Это прекрасный духовный образ, который можно приложить к духовной жизни.

Ядовитые змеи – это те пороки, грехи, несовершенства наши, которые потом начинают терзать наш дух, и нам непременно нужно утолить жажду из источника живой воды. Поэтому мы должны к нему стремиться, как к живительной струе, которая только одна может избавить нас от этой греховной отравы.

И старость – радость

Недавно я услышал от старых супругов такие слова:

- Нас надо убить.
- Почему? – спрашиваю их.
- Старые мы, никому не нужны.

Часто старые люди говорят о том, что устали жить и хотят умереть. Возникает вопрос: неужели старость – невыносимое, самое тяжкое время в жизни человека? Старость – последний возрастной период, за которым только смерть. Но чем плоха старость? Почему многих пугает смерть? Все зависит от того, как понимает человек себя, смысл жизни. Мудрые люди всегда ценили просветление старости как состояние ясности, умудренности. С этим был согласен русский поэт Константин Бальмонт:

День только к вечеру хорош,
Жизнь тем ясней, чем ближе к смерти.
Закону мудрому поверьте –
День только к вечеру хорош.

Понимать эти строки нельзя буквально. Каждое время суток прекрасно по-своему: и раннее утро, когда мир еще ничем не осквернен, и полдень с его зноем. Так и человеческий возраст, каждый – удивителен и значим.

В любом возрасте пребывать и трудно, и радостно. Периоды нашей жизни – младенчество, детство, отрочество, юность, молодость, зрелость, старость – органично перетекают один в другой, творя путь в нашей жизни.

Этот путь – не только горизонталь, природная жизнь, которая дана всем живым существам. Животное ест, пьет, трудится, веселится, размножается. То же делает и человек.

Но когда писателя А. П. Чехова спросили, чем же человек отличается от животного, он ответил: тем, что у него есть высший запрос – религиозное чувство.

То есть он сказал и о вертикали, которая должна быть непременно в жизни человека, без нее жизнь каждого из нас становится только природной, биологической.

Замыкать человека в природном ограниченном мире, не связывать его с Богом, бессмысленно. Человек создан Богом, поэтому является существом, находящимся в постоянной сыновней зависимости от Него. И эта зависимость – не рабская, не гнетущая, а радостная, потому что Бог общается с нами на расстоянии двух свобод – Его и нашей. Он не принуждает нас любить Его. Он только призывает нас к Себе. А откликнемся мы на Его зов или нет – дело нашей внутренней свободы. Если откликнемся, начинается наша жизнь вдвоем с Богом, лучшая жизнь.

В Боге, в Его Сыне Иисусе Христе мы становимся другими, одухотворенными.

«Святые, – писал преподобный Силуан Афонский, – похожи на Господа, но и все люди, которые хранят заповеди Христовы, похожи на Него, а те, которые живут по своим страстям и не каются, похожи на врага. Думаю, что если бы эта тайна открылась людям, то перестали бы они служить врагу, но каждый всю силу стремился бы знать Господа и быть похожим на Него».

Вера – это абсолютное доверие Богу. И если это имеется в нашем сердце, если для нас Бог истинно Отец, то мы, будучи Его детьми, наследуем все, что есть в этом мире. Все потенциально принадлежит каждому из нас, и Господь, если что-то нам действительно необходимо, дает нам.

Так в полном уповании на Господа прожила Мария Ивановна Васильева, прихожанка нашего храма.

До пенсии она работала на железной дороге, жила в комнатке станционного смотрителя в селе Бозово. Постоянно приходила к нам в храм, исповедовалась, причащалась. Ее утешением были Бог и ближние, которым она служила всем, чем могла. Встречала и провожала паломников из Питера, приезжавших в наш храм. Всегда старалась что-нибудь принести к братской трапезе. Была приветлива, дружелюбна. Она мне напоминала тех старушек в трогательных старинных соломенных шляпках, которых можно было еще недавно видеть на скамьях московских бульваров. Их воспитанность, скромность, благожелательность, опрятность вызывали

искреннее к ним уважение. Они немало пострадали во времена, когда многое было запрещено, но не считали себя несчастными и обделенными и умели радоваться жизни. Это было связано с их внутренней свободой, а внутренне свободные люди в любую эпоху свободны.

Марию Ивановну парализовало, и соседи сообщили нам об этом. Ее срочно причастили и перевезли в Карсаву к одной из прихожанок, которая ухаживала за ней до самой ее кончины. Так как у нее не было родственников, на отпевании были только друзья – братья и сестры прихода. Они и пели, и несли гроб, и устроили поминальную трапезу. И по сей день на могилке Марии Ивановны всегда цветы, а в поминальные дни – зажженные свечи. Мария Ивановна не отрывалась от людей, всегда была открыта для каждого, поэтому и старость ее была светлой и радостной, вопреки телесным недугам ее возраста.

В храме постоянно слышим напоминания о том, чтобы братья и сестры не отрывались друг от друга, жили как духовная семья. Ведь Церковь Христова – это не «я», а «мы», Тело Христово. Если же каждый захочет жить сам по себе, то это разрушит духовную жизнь. Жизнь для себя – духовный тупик. Некоторые говорят: «Я не хочу общаться ни с кем: люди любят осуждать, любопытны, будут знать, что я ем, на чем сплю, и что у меня есть в доме». Но истинно верующие люди не любопытны и стараются никого не осуждать. Они могут только сострадать и служить ближнему.

У истинно верующих людей мало что есть и в то же время есть все, потому что каждый делится с ближним тем, что имеет. У одного есть огород и сад, у другого – машина, у кого-то – свободное время и умелые руки, другой – врач. И каждый служит ближнему тем даром, который ему дан. Порознь – бедные, вместе – не бедствуют. Нужно только не отрываться от Господа и ближнего. Нельзя отдыхать от Бога; Он нужен нам всегда как воздух, на каждый миг жизни, а не только на Рождество и Пасху или когда у нас случится беда.

Желание жить для ближнего – святое и спасительное, оно всегда соединяет нас с людьми. Оно живет в сердце учителя-пенсионера из Карсавы, который с трудом передвигается при

помощи двух палок, но, вопреки физической немощи, всегда трудится не только в своей ограде, но и убирает снег на тротуаре и части проезжей дороги. Он говорит, что ему приятно видеть, когда люди в гололедицу идут по прочищенному месту, зная, что никто не поскользнется и не упадет. Он же опекал больную соседку до ее кончины.

«Старость не радость» – гласит народная пословица. Но это унылые слова, не вмещающие всю правду жизни. Они говорят о естественной для возраста физической немощи, но тот, кто живет во Христе, внутренне не стареет, потому что Христос вчера и сегодня и во веки Тот же (Евр 13:8).

Молитва людей среднего возраста

Господи, Ты знаешь лучше меня, что скоро я буду старым.

Удержи меня от привычки думать, что я должен что-нибудь сказать по любому поводу и в любом случае.

Упаси меня от стремления направлять дела каждого. Сделай меня мыслящим, но не нудным.

Обширный запас моей мудрости жаль не использовать весь, но Ты знаешь, Господи, что я хочу сохранить хоть несколько друзей к концу жизни!

Сохрани мой ум свободным от излишних бесконечных подробностей. Дай мне крылья достичь цели!

Опечатай уста мои для речей о болезнях и недомоганиях, они возрастают, и повторение их с годами становится слаще.

Я не могу просить о хорошей памяти, но лишь о меньшей самоуверенности при встрече моей памяти с чужой.

Преподай мне урок, что и мне случается ошибаться.

Дай мне видеть хорошее в неожиданном месте и неожиданные таланты в людях и дай мне, Господи, сказать им это!

IV. Беседы в сторожке

Что такое гордость?

А. Тихомирова. Поколение, воспитанное в годы социализма, считало гордость положительным качеством. От неверующего человека и сейчас можно услышать осуждающее: «У вас гордости нет!» Но времена изменились. Теперь, когда стали доступны духовные книги, выяснилось, что гордость – тяжкий грех. Но что такое гордость?

Отец Виктор. Гордость – это возношение. Возникает вопрос: перед кем человек возносится? Он возносится перед другими людьми, имея дары, таланты и не понимая, откуда дары и зачем они ему даны.

Дар – от Бога. Бог – Источник жизни и наших талантов. Когда человек считает источником своего таланта себя и использует дар для себя, он впадает в грех гордыни. Он как бы крадет у Бога принадлежащее Ему.

За дар нужно Бога благодарить и служить этим даром людям. Дар дается человеку не для того, чтобы им хвалиться и иметь повод превозноситься перед другими людьми, а чтобы с помощью этого дара служить людям.

А. Тихомирова. А гордость и гордыня – это одно и то же?

О. Виктор. Да, корень у этих слов один. Я всегда говорю, что лучше заменять слово «горжусь» словом «радуюсь»: я радуюсь успехам своего ребенка, я радуюсь успехам своей страны...

А. Тихомирова. «Гордость» и «чувство собственного достоинства» – это синонимы?

О. Виктор. Говоря о собственном достоинстве, человек имеет в виду свою значимость. Он считает, что имеет то, за что его должны уважать и ценить. В какой-то мере он хочет быть первым. Но тот, кто имеет какой-либо дар и не приписывает его себе, никогда не ищет почитания, считая себя недостойным этого дара. Он получил этот дар не за какие-то заслуги, а по милости Божией. Верующий человек никогда не говорит о своем достоинстве. Это не уничижение паче гордости и не ложное смирение, а поистине здоровое состояние духа и души. Это

показывает правильное отношение человека к Богу, правильное понимание духовной организации жизни. Нам все дает Господь – не по нашим заслугам, а по Своей милости. Мы не заслуживаем тех даров, которые Он нам дает. Что у нас есть свое? Ничего. Свое у нас – только грехи. Через человека миру являются любовь, красота, доброта, но источник их – Господь. И человек должен не приписывать себе эти дары, а показывать, что они – от Бога.

А. Тихомирова. Значит, гордости противостоит смирение?

О. Виктор. Да. Бог гордым противится, а смиренным дает благодать (1Пет 5:5).

Гордость возникает в человеке тогда, когда он начинает сравнивать себя с другими людьми. Если же он сравнит себя со святыми, с Иисусом Христом, он сразу увидит себя глубже, по-настоящему, и не будет превозноситься. Одного святого спросили: «Кем ты чувствуешь себя в родном городе?». Он ответил: «Персоной грата. Я самый значительный человек». – «А если ты пойдешь в другой, крупный город, кем ты будешь чувствовать себя там?» Он говорит: «Конечно, средним человеком» – «А если ты предстанешь перед императором?» Он ответил: «Я буду чувствовать себя как раб».

А. Тихомирова. Значит, слова «Человек – это звучит гордо» рождены не возвышенным духом, а бездуховностью?

О. Виктор. Разумеется. Общество, которое отреклось от Бога, подобно человеку, захотевшему построить Вавилонскую башню до небес. Такая идея могла родиться лишь в сознании человека, который повернулся к Богу спиной. Ведь Адам и Ева согрешили тогда, когда пожелали быть самодостаточными. Им показалось, что они могут прожить без Бога. И повернулись к Богу спиной. Но можно ли, уходя от Источника жизни, остаться живым?.. На пьедестале Бога должен стоять Бог, а не человек.

А. Тихомирова. Часто приходится слышать, что сегодня человеку нужно надеяться только на себя. Это тоже проявление гордыни?

О. Виктор. Когда человек говорит: «Надейся только на себя», – он впадает в состояние самодостаточности, поскольку считает: если я все могу, то Бог мне не нужен. Как?то одна

женщина мне сказала: «Я отношусь к породе людей, которые, мне кажется, все могут. Я уверена в себе, поскольку профессионально зрелый человек, интеллектуальный, культурный. Надо воспитывать свою волю, и все задуманное получится». Я задал ей простой вопрос: «Что вы будете делать завтра, например, в 11 часов 30 минут? Скажите это с абсолютной точностью». Она смешалась, а потом ответила: «Этого я вам сказать не могу». И задумалась. Мы не определяем сроки своей жизни, не знаем, что с нами будет даже вечером, потому что наша жизнь не в наших руках. Господь нас хранит.

Люди, которые впали в гордость, тоже не жили без Бога. Бог всегда присутствует в жизни: Он их хранит, питает, устраивает их жизнь. Но они не понимают, что это делает Бог, они думают, что это делает природа. Они живут с Богом анонимно. Но даже если человек не верит в Бога, Бог верит в человека. Верит с надеждой, что может наступить такой момент, когда человек пробудится. Это может наступить когда угодно, даже в конце жизни. И дело не в количестве прожитых лет, ценность человеческой жизни не этим измеряется. Можно сто лет прожить и накопить много; можно прожить мало лет, но ярко и значительно, духовно, обрадовать мир своим существованием. Бог любит каждого человека и никого не отвергает. Как и нормальные родители, которые любят своих детей, какими бы те ни были. Вспомним библейскую притчу о блудном сыне. Старший сын потребовал у живого отца часть своего наследства. Этим он как бы хоронит отца, говоря: тебя нет. Но отец на него не обижается. И когда сын, уйдя от него в страну далекую, в пучину греха – будем понимать это духовно, – потом пришел в себя и возвращается, отец сам бежит ему навстречу и принимает как самое драгоценное существо. Гордый человек никогда не пошел бы первым навстречу тому, кто его оскорбил. Но Любовь Божия смиренна.

Помогая ребенку, начните с себя

А. Тихомирова. Отец Виктор, скажите, как вырастить своего ребенка хорошим?

Отец Виктор. Что такое хороший человек? Когда мы говорим о человеке, то должны соотносить его с Богом. Если не соотносим, ему остается лишь природная жизнь, биологическая. Когда Чехова спросили, чем отличается человек от животного, он ответил: тем, что у него есть высший духовный запрос. Если такого запроса нет, то человек уподобляется животному: ест, пьет, веселится, трудится, размножается. Планка его жизни очень опускается. Человек должен быть похож на Бога любовью. Главное в жизни – любовь. Мир обновляется только любовью. Когда после венчания молодые пришли к одному старцу за благословением, он сказал: «Я не желаю вам ни счастья, ни богатства, а только мира душевного. Остальное все приложится». Мир и покой – естественное состояние души человека. Если их нет, человек страдает и стремится их обрести. Но найдет только в Боге, ибо Он – Совершенство, Источник жизни. Если человек отрывается от своего Источника, остается лишь видимость жизни, или природная жизнь.

А. Тихомирова. А что значит «жить с Богом»?

О. Виктор. Жить по совести, забыть о себе, не быть эгоистом, так как любить только себя – это самоубийство. Когда человек занят собою, он ранит себя, свою жизнь. Господь всегда ставит нас перед выбором: жизнь или смерть.

А. Тихомирова. То есть человек сам выбирает: или он будет жить для людей, действительно жить, или – для себя, выбирая тем самым смерть?

О. Виктор. Да. Хотя человеку по ошибке ума кажется, что невозможно отказаться от себя, от своих желаний, привязанностей: он не сможет жить. Но это не так. Когда человек живет Богом, отдает свою жизнь Богу, он не перестает быть личностью. Наоборот, тогда он становится вполне личностью.

А. Тихомирова. Мы, как правило, прислушиваемся к мнению о себе окружающих. Если кто-то живет не для себя, отдавая все другим, его считают «со сдвигом», дурачком.

О. Виктор. Мудрость мира сего заключается в том, чтобы брать, а мудрость духовной жизни, Божественной, заключается в отдаче. «Вы отдали – и этим вы богаты. Но вы – рабы всего, что жаль отдать».

А. Тихомирова. Но чтобы так жить, надо это понять душой, принять. А как?

О. Виктор. Как это понять? Если человек реально, а не умозрительно считает себя сыном Божиим, то он сознает: все то духовное и материальное богатство, которое творит Бог, принадлежит ему. Как и в обыкновенной жизни, дети – наследники владений своих родителей. Читая молитву «Отче наш», мы называем Бога своим Отцом. Значит, это реальные отношения. Следовательно, мы реально чувствуем Бога как источник жизни, у которого все есть. Одной женщине я говорил: «Ты миллиардерша, у тебя все есть – дача, яхта, квартира в Лондоне...» Она отвечает: «Батюшка, вы шутите». Я сказал: «Нет, это серьезно. Ты сознаешь, что у Бога все это есть? Что это все – Его?» – «Да, – отвечает, – это все Ему принадлежит». – «А раз ты – Его чадо, тебе принадлежит все, что сотворил Господь». Она говорит: «Почему тогда Господь все это мне не дает?» – «Значит, тебе все это не нужно».

А. Тихомирова. А ведь хочется.

О. Виктор. Да, хочется ребенку взять в руки и нож, и спички, и бензин, и устроить дома на ковре костер. А мама не дает. У Бога ошибок нет. Он не ошибается. Это человек ошибается. Когда мы говорим: Бог ошибся, забыл обо мне, – мы приписываем Ему то, чего у Него нет. Навязываем Ему свои психологические свойства. Бог – Совершенство.

А. Тихомирова. Значит, помочь ребенку стать счастливым – это не воспитать у него бойцовские качества и крепкие локти, а помочь научиться жить с Богом?

О. Виктор. Да. Самое главное – передать ребенку жизнь. Ведь воспитывать – не значит читать мораль. Воспитывать – это питать. Жить так, чтобы твоя жизнь учила его. Как целительный

воздух оживляет человека, так и живя чистой, хорошей жизнью, человек приобретает навык чистоты, добра. Конечно, дитя не живет ни своим умом, ни своими чувствами. Он живет умом и чувствами родителей. Это не значит; что у ребенка нет своего ума, своих чувств – они еще не развиты. И родители должны сделать все возможное, чтобы потенциал добра развить, а не заглушить. Дать не какие-то жизненные схемы, а научить жить органично.

А. Тихомирова. Если родители живут обманом, в каком-то грехе, это ведь не скроешь от детей, правда? Атмосфера в доме заражается.

О. Виктор. Дети очень чувствительны, многое понимают не разумом, а другим способом. Эту атмосферу зла, нечистоты они ощущают как отравленный воздух, которым трудно дышать. Поэтому становятся беспокойными, раздражительными. Зло, нечистота не могут рождать в ребенке мир, радость, тишину. Они разрушительны.

А. Тихомирова. То есть, создавая счастье своего ребенка, надо начать с себя?

О. Виктор. Да. Если мы хотим помочь человеку, любому человеку, мы должны начать с себя, то есть дать пример. Жить, ничего не навязывая. Это очень важно.

А. Тихомирова. А если ребенок ленится, не хочет учиться, как удержаться от нравоучительных «надо», «должен»?

О. Виктор. Всегда нужно говорить конкретно. Постараться увидеть всю жизнь этого ребенка и разобраться в причинах лени. Только наказанием тут ничего не изменишь. Можно наказать лишением чего-то, но ставить это на первое место, страшить наказанием нельзя. Нужно увлечь его, зажечь, передать горение жизни. Воспитывать – это передать горение жизни. Если родители сами не живы, не горят, тогда им и нечего передавать. Остаются только палка и мораль.

А. Тихомирова. Как уберечь ребенка от зла людского, ведь кругом столько скверного?

О. Виктор. Когда человек идет по лесу и встречает зверя, который может напасть, что можно сделать? Быстро влезть на дерево.

Спасает высота. На зло злом нельзя отвечать, так как это – понижение нравственного уровня. На зло нужно ответить добром. Это будет повышением нравственного уровня. Огонь всегда тушат водой. И человек должен быть водой, чтобы тушить пожары злобы, клеветы, гнева. Что посеешь, то и пожнешь. Ответишь злом – посеешь зло. И в этом огне сгорают две души. Не ответишь злом – в мире прибавится добра. Это принесет пользу тому, кто оскорбляет, клеветает – делает зло. Человек исправляется только любовью. Если мы не имеем любви, то должны к ней стремиться. Зная, что любить лучше, чем ненавидеть, нужно стараться устоять в любви. Во что бы то ни стало. И не сделать шага в сторону зла. В 33-м псалме сказано: Уклонись от зла и сотвори благо. Поступая так, мы не убегаем от жизни, наоборот: творим ее, находимся в центре жизни. А делая зло, разрушаем жизнь, испепеляем. Когда люди ссорятся насмерть, они сжигают себя, превращаются оба в ничто. Поэтому не случайно говорят: испепеляющая ненависть. Она все сжигает в человеке. Дотла. Главное – устоять в добре, в любви, и все поручить Богу. Поручить и судьбу того человека, кто нападает, сказав: «Господи, Ты видишь, как ему трудно, помоги...» Когда мы видим человека во зле, не будем думать, что он сильный и страшный. Мы видим несчастного, очень больного человека. Что может вызвать в нас вид страдальца, мучимого приступом раковой болезни? Только сострадание, сочувствие. Так и человек, охваченный злом, люто ненавидящий кого-то, духовно глубоко болен, нуждается в сочувствии. Его надо немедленно духовно лечить.

А. Тихомирова. Как?

О. Виктор. Прежде всего, не отвечать на зло. Хочется на него раздражиться – остановись.

А. Тихомирова. Это сложно...

О. Виктор. Да, очень сложно. Не хочется сдерживаться, хочется тоже яд выпустить. Но нельзя. Удержаться непросто, но этому, как любви, надо учиться. Воздержание – первый шаг в сторону любви. Хочется разозлиться – не злись. А потом уже можно поразмышлять: почему не злись? Нужно понять состояние человека, одержимого злом. Это глубоко несчастный

человек, у него высокая температура зла. Зло провоцируют темные силы. Им очень важно людей поссорить, чтобы между ними был не мир, а зло. Живет, например, пара дружно. Темным силам очень неприятно, если между людьми все хорошо. И они стараются создать ссору из ничего, нарушить мир. Важно понимать природу зла.

А. Тихомирова. Отец Виктор, верующие родители стараются молиться за своих детей. А всякая ли родительская молитва за ребенка имеет силу? Если родитель большой грешник, то, может, и голос его в молитве не слышен...

О. Виктор. Настоящая молитва всегда доверительна. Мы должны относиться к Богу с полным, абсолютным доверием, сознавая, что Он все может. Но должны не навязывать что-то Богу, а поручать Ему того, о ком молимся. И всегда реально чувствовать те слова, которые произносим: «Да будет воля Твоя». Если мы станем что-то Ему навязывать, это будет насилием. Тогда мы начнем воспринимать Бога не как цель жизни, а как средство для достижения желаемого, как отмычку, которой удобно пользоваться. И молитва наша будет магической. Молиться за ребенка надо, но правильно: вручать его судьбу в руки Бога и быть спокойным при этом. Не суетиться перед Богом. Суетясь, родители создают видимость, что они заботятся о своем ребенке больше, чем Бог. Но это не так. Родители не выше Бога. У ребенка тоже должен быть на первом месте Бог, потом родители. Только живя в Боге, он может правильно относиться к родителям.

А. Тихомирова. Трудно не суетиться, если ребенку плохо...

О. Виктор. Конечно, это больно. Но нужно понимать: Бог плохого никому не хочет. Плохое случается не по вине Бога, а по вине человека. Мы сами копим зло своими недобрыми поступками, и потом это зло взрывается и ранит, порой смертельно, и безвинных.

А. Тихомирова. То есть беды, которые обрушиваются на детей, не случайны?

О. Виктор. Да, дети – жертвы человеческого зла. В этом повинны все, потому что мы связаны друг с другом. Я совершил зло, и оно идет, как круги по воде. Я уже забыл о том, что

сделал, а зло живет в других людях. Они его повторяют, тиражируют. И чем больше тираж зла, тем хуже для жизни.

Христианин не может быть одиночкой

И. Гриц. О. Виктор, как совмещается монашеское призвание с общинной жизнью в миру?

О. Виктор. В монашестве возможны разные пути: кто-то призван к отшельническому образу жизни, а кто-то – к киновийной (общежительной) жизни.

Я был послушником большого и знаменитого общежительного монастыря – Почаевской Лавры, где, казалось, я мог бы познать истинную жизнь во Христе в единении с братией. Но, к сожалению, евхаристическая жизнь, без которой не может быть настоящего единения, настоящей духовной семьи, здесь, как и в других монастырях страны, была нарушена: в день Господень все братья были на молитве в храме, но не все причащались. Чаша была для паломников, но не для монахов. Монахи причащались по большим праздникам, в день ангела. А для христианина Евхаристия – это центр жизни, она создает общину, питает ее. В монастыре я не обрел настоящей общины. Радость общинной жизни я познал в миру. В 1980 году я приехал в Латвию, где началось мое служение. Меня рукоположил во пресвитера митрополит Рижский и Латвийский Леонид (Поляков), и я получил приход недалеко от Риги, в г. Тукумсе. Вскоре владыка постриг меня в монашество. Я стал монахом в миру. Исполняя свои монашеские обеты, я не мог затвориться только в своей келье, но должен был, как пастырь, служить на приходе, имея попечение о душах прихожан. Здесь, в Тукумсе, я столкнулся с трудностями церковной жизни, уже известными мне ранее. Одна из них – отсутствие общины. Меня смущало, что христиане живут, как одиночки: христианин не может быть один, это противоречит природе христианства.

К сожалению, в те времена из-за внешних гонений, а также из-за малодушия и маловерия самих христиан, на приходе не было общинной жизни. Люди боялись открыться друг другу, приходили в храм не регулярно, не в каждый воскресный день. Многие не участвовали в евхаристическом собрании. Но,

вопреки препятствиям, на приходе постепенно зарождалась община. Появилось ее ядро, несколько верных активных помощников. Когда меня перевели на новый приход в г. Карсаву, те, кто начал жить общинной жизнью в Тукумсе, стали приезжать сюда и своим служением, своим примером вдохновляли местных прихожан на активную евхаристическую жизнь.

С. Каринский. Вокруг любого священника собираются люди, которые ближе к нему. Всегда ли это община или нет? Что для Вас есть община? Приход?

О. Виктор. Община – это духовная семья, члены которой хорошо знают друг друга, имеют чувство ответственности друг за друга. Это живой организм. Приход же – понятие географическое. Начатки общинной жизни я видел на приходе о. Дмитрия Дудко еще в 70-е годы в Москве, а настоящую общину – на приходе у архимандрита Серафима (Тяпочкина) в селе Ракитном, где катехизация совершалась через богослужение, через весь церковный ритм.

И. Гриц. О. Виктор, а когда Вы обратились к мысли о необходимости научения в Церкви?

О. Виктор. Внутренне я пришел к этому с самого начала моего монастырского служения. Еще в те трудные годы я пытался в Карсаве тайно провести перепись населения, чтобы узнать, кто из людей крещен, кто нет. Частично мне это удалось. В ближайшее время мне нужно закончить перепись, чтобы лучше совершать воцерковление.

И. Гриц. Православных здесь, скорее всего, немного?

О. Виктор. Да. В городе больше католиков, нежели православных. Здесь распространены смешанные браки, в одной семье могут быть и православные, и католики. Все, кто входит в нашу общину, являются свидетелями веры в своих семьях, уровень их свидетельства зависит от того, насколько они воцерковлены. Наши прихожане по-братски относятся к католикам. Католики приходят к нам с желанием непосредственно познакомиться с

православием, нашей общинной жизнью, значит, они находят для себя что-то нужное в нашем опыте.

С. Каринский. Батюшка, Вы ныне настроены на евхаристическое общение, то есть ставите Евхаристию центром общинной жизни?

О. Виктор. Да.

И. Гриц. Как возникло у Вас это стремление?

О. Виктор. Я поступил в Почаевскую Лавру в конце 70-х годов, до этого у меня уже был евхаристический опыт. Я посещал общину отца Дмитрия Дудко, ездил к архимандриту Тавриону (Батозскому) в Рижскую пустыньку. В Пустыньке, в 1975 году, я познал тайну евхаристического общения. Я с радостью и легко вошел в евхаристический ритм общины. По возвращении в Москву было желание сохранить его, но один священник сделал мне замечание: «Вы часто причащаетесь». Я старался причащаться каждое воскресенье. Идя на Евхаристию, я всегда желал участвовать в ней. Тогда мое желание, разумеется, было менее осознанным, нежели сейчас, но заряд такого сознания, такого духовного самочувствия был. Я очень благодарен о. Тавриону, что ему удалось воспитать мои духовные чувства. Считаю, что встреча с о. Таврионом имела в моей жизни большое значение, в ней была предугадана тайна церковной жизни наших дней.

С. Каринский. С чего, по Вашему мнению, нужно начинать общинную жизнь? Как тем, кто причащается в одном храме, составить общину?

О. Виктор. Я всегда говорю: не ищите хороших батюшек – ищите Бога. Многие стремятся найти пастыря и успокоиться, быть под его крылышком и считать себя «спасенным». Чтобы создать общину, нужен активный священник. Если у него нет горения, нет правильного понимания природы Церкви, тогда все может превратиться только в служение ради служения. Слышал, как про одного молодого священника говорили: «Такой аскет, так много молится: закроется в церкви, служит один и никого не пускает». Важно, чтобы люди действовали не от себя, чтобы понимали, что своим общением во Христе они должны являть Церковь. В Церкви ставок на яркую личность не должно быть, необходимо, чтобы каждую общину вел священник, имеющий правильное церковное сознание, который не

уклоняется от истины и своей личной жизнью свидетельствует о Христе.

И. Гриц. В Тукумсе у Вас в приходе было ядро общины, но община, как таковая, тогда еще не сложилась. А сегодня – какое существует соотношение в Карсаве между приходом и общиной?

О. Виктор. Я не могу пока сказать, что наш приход – полностью общинный. У нас по-прежнему одна небольшая община. Некоторые прихожане не могут приходить в храм каждое воскресенье. Иные появляются в нем два-три раза в месяц или в полгода – раз. Разумеется, эти люди сами себя выводят за пределы Церкви и не являются по-настоящему церковными людьми. Появлению общин на нашем приходе поможет общая, а не индивидуальная катехизация, которая всегда у нас была и есть соответственно нашим условиям. Община рождается, когда катехизацию проходит группа людей.

И. Гриц. Какие еще формы общинной жизни у вас существуют?

О. Виктор. У нас бывают трапезы любви после Евхаристии. Мы принимаем у себя другие общины, которые духовно родились на основе нашего скромного опыта: из Резекне, Риги, Санкт-Петербурга, Лиепаи, Огре. Когда они вместе с нами, наш приход имеет другое лицо, то есть он общинный, возникает иной ритм, создается иной колорит приходской жизни. Специфика нашего служения в том, чтобы помочь безобщинным приходам стать общинными, приготовить для них закваску духовной жизни.

С. Каринский. Безобщинные приходы – это действительно реальная проблема. Очень многие люди, которые ходят в храм, испытывают одиночество и, в силу этого, не чувствуют себя полными членами Церкви. Они часто задают вопрос: «Как найти духовного отца?» В действительности же не духовный отец им нужен, а община. Как этим христианам-одиночкам найти общину или создать ее?

О. Виктор. У нас имеется опыт резекненской общины. В масштабах Москвы мы живем с ними как бы в одном городе: нас разделяет расстояние в сорок километров. Из Резекне люди

приезжали в наш храм на богослужения; исповедовались и причащались, участвовали в трапезах любви. Постоянно ездить они не имели возможности, но у них была жажда продолжать духовное общение и в Резекне.

Они, не имея пастыря, разделяющего их взгляды на церковную жизнь, начали с себя, то есть решили заняться катехизацией. С

помощью московских братьев и сестер они прошли первичную катехизацию, воцерковились; те, кто не были крещены – крестились, и сейчас они осознают себя как духовная семья. Пережив опыт общения, они поняли, что родилось в них самое главное – забота друг о друге и желание служить друг другу. Когда я собирал материалы о жизни схиархимандрита Космы, в Тверской области я познакомился с общиной, которая в течение более двадцати лет жила без пастыря и без храма. Ее члены иногда приезжали в Ригу к о. Иоанну Журавскому, духоносному старцу, а потом к о. Косме в Рижскую пустыньку – духовно укрепиться, причаститься Святых Христовых Тайн. Дома они совершали богослужения мирянским чином в воскресные и праздничные дни, имея необходимые богослужебные книги. Это были христиане монашеского склада. Их опыт можно принять и при желании создать общину. Христиане не должны ждать, что духовная семья возникнет сама по себе, ее нужно созидать. Возникает желание встречаться, вместе читать Священное Писание, вместе ходить в храм, молиться и причащаться. Они, знающие и любящие друг друга, в храме пред Богом предстанут как малое стадо. А затем Господь может дать им полноту жизни, если они обретут пастыря. Если же община разрастется, то и сама родит того, кого Господь определит быть священником.

И. Гриц. Батюшка, ваш опыт показывает, что существуют разные типы общин и разные формы их служения. Например, ваша, карсавская, является своего рода «центром приема». Помню, как год тому назад за одним столом после евхаристического собрания здесь сидели люди из Австралии, Бельгии, Франции, Иерусалима, Санкт-Петербурга, Москвы.

Можно сказать, что ваша община несет служение приема паломников.

О. Виктор. Мы всегда рады всякому приходящему к нам человеку. Приезд паломников не всегда планируется. В дни их пребывания наша община расширяется. До закрытия границ¹⁵ приезжали люди из разных городов и районов России: Норильска, Южно-Сахалинска; из Сибири, Дальнего Востока. В последнее время к нам стали приезжать братья из Западной Европы и Америки. Мы встретились лицом к лицу с носителями иного опыта духовной жизни, о котором знали только по книгам. Нам дорог и близок своеобразный путь братства «Тивериада» из Бельгии, которое живет по обету: «Всегда радоваться». Тем самым оно духовно соединяется с любимым святым – Серафимом Саровским. У тивериадцев – маленькая община, но за год они принимают у себя несколько тысяч человек. Они дают им работу, молятся вместе с ними, внимательно их выслушивают и тем самым помогают многим обрести Бога.

И. Гриц. Возникают ли у вас проблемы общения с братьями, которые прибывают из других стран? Например – языковые проблемы, проблемы взаимопонимания?

О. Виктор. У нас есть в общине сестра, которая говорит по-французски и помогает общаться с паломниками, говорящими на этом языке. Дух богослужения они чувствуют очень хорошо. Но самое главное – происходит обмен духовным опытом во время индивидуальных и общих бесед.

И. Гриц. Как в Латвии решается проблема языка, на котором ведется богослужение?

О. Виктор. Приходы, в которых есть и русские и латыши, должны служить на двух языках, а там, где латыши преобладают, богослужение должно идти на латышском языке. Например, в городе Виляка в православном приходе служба совершается на двух языках, а в городе Лиепая – только на латышском языке. А в Рижском Христорождественском соборе, где во все дни служба совершается на церковнославянском, по субботам в литургии, совершающейся на латышском языке, есть частичные введения некоторых текстов на

церковнославянском (параллельное чтение на двух языках Евангелия, пение «Символа веры» и «Отче наш»).

Когда в наш, русскоязычный, приход приезжают латышские братья и сестры, во время богослужения некоторые песнопения и чтения, к примеру, «Трисвятое» на часах, – звучат на латышском языке.

Во время треб, например при отпевании и других, нам приходится, учитывая смешанный состав молящихся, служить на двух языках.

С. Каринский. Существуют ли православные богослужебные тексты на латышском или латгальском языке?

О. Виктор. Богослужебные православные книги на латышском языке существуют с середины XIX века, есть ли такие книги на латгальском языке, я не знаю. Мессы на латгальском языке совершаются не только в Латгалии, но и в Риге и в других местах. Например, в рижском костеле св. Марии Магдалины все службы совершаются только на латгальском языке, а во многих других католических приходах Риги среди служб, совершаемых на латышском, русском, польском, литовском, – служат также и на латгальском. Но, по свидетельству православных латышей, существующие богослужебные тексты на латышском языке несовершенны. Недавно возобновилась работа по переводу и усовершенствованию богослужебных текстов. Занимаются этим важнейшим делом прихожане рижского храма Вознесения Господня. Со дня основания Вознесенского храма в 1903 году богослужения всегда велись на латышском языке. Храм никогда не закрывался, но активной приходской жизни после Второй мировой войны в нем не было. В последние годы началось возрождение литургической жизни в приходе. Среди пришедших туда воцерковленных молодых христиан есть одна сестра, получившая навыки общинной и литургической жизни в нашем карсавском приходе, где она прожила год. За это время она изучила церковный устав, приобрела опыт псаломщика, что помогло ей, по возвращении в Ригу, активно участвовать в возрождении жизни прихода и в работе по усовершенствованию богослужебных текстов на латышском языке вместе с другими

членами прихода. Думаю, что жизнь вознесенского прихода, с его внутренней и внешней миссией, окажет животворящее влияние на церковную жизнь православных латышей и всей Латвии.

С. Каринский. В Латвии православие исповедуют не только русские?

О. Виктор. Православие в Латвии существует издревле, его исповедовали жившие здесь и латыши, и русские, о чем свидетельствуют древние летописи, упоминающие православных латышских князей, например, князя Всеволода (Visvaldis), о судьбе которого повествует хроника Генриха-Латыша, написанная в XIII веке. Наиболее мощный приток латышей в православие был в середине XIX века, во многом благодаря самоотверженному служению епископа Филарета (Гумилевского). Хотя, конечно, были и другие причины.

И. Гриц. Сегодня в Православной Церкви стоит проблема богослужебного языка. Люди, приходя в храм, где служат на церковнославянском языке, очень часто ничего не понимают; если еще и молитвы читаются невнятно, то они просто уходят, говоря: «Все очень красиво, но я ничего не понимаю и больше тут быть не могу». А Вы, батюшка, на какой язык ориентированы?

О. Виктор. Служба у нас совершается на церковнославянском языке. Но Евангелие я всегда стремился читать и на русском языке. В Риге, в Кафедральном соборе покойный владыка Леонид на великопостных службах благословлял читать паремии только на русском языке, чтобы слушающим был понятен их смысл. На литургии Преждеосвященных даров положенная кафизма, а также кафизмы на часах, читались на русском языке.

И. Гриц. В какие годы это происходило?

О. Виктор. В 1960–80-е годы; во все годы служения владыки Леонида в Рижской епархии.

И. Гриц. Сегодня для многих чтение паремий по-русски – это почти революция в церкви. А тогда сам митрополит Леонид это делал? И это не вызывало никаких протестов?

О. Виктор. Есть свидетельства о том, что владыка Леонид по приезду на Рижскую кафедру в 1966 году пытался ввести чтение Апостола на русском языке, но не все захотели принять это, были жалобы патриарху. Патриарх не благословил чтение Апостола на русском языке.

С. Каринский. Как Вы относитесь к русификации богослужения?

О. Виктор. Моя практика складывалась из внутренней потребности. У меня был акцент только на чтение Священного Писания на русском языке, поскольку этот момент богослужения очень важный. Когда же я познакомился с опытом митрополита Леонида, то обрадовался такому совпадению с моими поисками. Я вижу, что люди более приближаются к Господу, когда они вмещают смысл, который дается богослужением и Священным Писанием, и, наоборот, отдаляются от Него, когда этот смысл закрывается.

И. Гриц. Иногда приходится слышать от некоторых священнослужителей о том, что вникать в смысл богослужения совсем не обязательно. Главное – четко исполнять требования устава, а понимаешь ты его или нет – неважно. Что Вы об этом скажете?

О. Виктор. Смысл – это жизнь. Если нет смысла, остается только форма. Мы застреваем в обряде, и для нас обряд становится выше Истины. Я думаю, что если бы сейчас был жив митрополит Леонид, он был бы одним из самых ревностных поборников русификации богослужения.

И. Гриц. Это был один из самых просвещенных наших владык, едва ли не единственный доктор богословия.

О. Виктор. У него есть труды, посвященные Паисию Величковскому и Амвросию Оптинскому. Некоторые из его проповедей опубликованы в журнале «Православная община», в альманахе «Христианос».

С. Каринский. Чтение Священного Писания в храме и проповедь – это очень важные части богослужения. А как Вы относитесь к тому, что христиане вместе читают, допустим, у кого-нибудь дома, Священное Писание и пытаются его осмыслить?

О. Виктор. В нашей общине недавно закончилась годовичная катехизация и те, для кого чтение Священного Писания не было каждодневной потребностью, сейчас имеют такую жажду, потому что они уже приобрели навык. Вскоре мы начнем совместные еженедельные чтения Евангелия, как это уже практикуется в резекненской общине. Ее члены каждую неделю собираются и вместе читают Священное Писание, размышляют над ним.

С. Каринский. А не могут ли христиане уклониться от Истины, пытаясь сами разбирать текст Евангелия?

О. Виктор. Если человек лично встретился со Христом, с Богом, тогда ему открыт Дух и смысл Евангелия. Если эта встреча еще не произошла, нужно молиться Святому Духу, чтобы Он открыл ум и сердце к уразумению Слова Божия.

Чтобы не уклоняться от Истины в толковании Евангелия, нужно изучать церковную традицию чтения Священного Писания.

И. Гриц. У Вас в храме есть практика постоянной проповеди – это довольно редкое явление.

О. Виктор. Когда Евангелие становится нашей жизнью, то сама жизнь является проповедью. Для меня образцом такой проповеди был мой духовный отец – старец Серафим из села Ракитного Белгородской области.

И. Гриц. Какова роль проповеди в созидании общины?

О. Виктор. Когда пастырь говорит, он открывает себя, свое сердце, свой духовный мир. В этом общении он виден насквозь. По его интонациям, по поведению, по его реакции на Слово Божие видно, чем он живет. Через проповедь видно, что открыто, что закрыто. Я думаю, что проповедь – это общение в любви, и она должна быть сказана так, чтобы каждый почувствовал, что это слово прозвучало для него лично.

Несколько лет доминантой моих проповедей было возрождение евхаристического сознания, объяснение того, что есть Трапеза Господня. Те, кто восприняли суть проповеди – их духовное состояние свидетельствует об этом – ожили и радуются. Вторая важнейшая тема проповеди – «что есть Церковь и община».

И. Гриц. Замечаете ли Вы разницу между людьми, которые входят в общину, и христианами-одиночками?

О. Виктор. Разница очень заметна. Люди в общине становятся более открытыми, у них имеется постоянная готовность служить другим. У тех, кто не живет общинной жизнью, отношение к церкви потребительское; они закрыты. Плод общинной жизни – открытость и желание служить близким всем, чем можешь: временем, своими силами, словом и т. д. Только приобщившись к такому опыту, люди понимают, что есть Церковь и каким должен быть христианин.

И. Гриц. Рождение общин подчас встречает непонимание многих христиан в Церкви. Они подозревают в этом какую-то ересь. Говорят: «Зачем вам это надо? Все уже в Церкви есть. Ходите на службу, и этого достаточно». Как Вам кажется, есть ли какая-то возможность развития общинной жизни в будущем?

О. Виктор. Это зависит лично от каждого из нас, от того, насколько мы осознаем сущность таинства единения в Церкви. Что касается отрицательной реакции некоторых людей на возрождение общинной жизни, то она происходит от их духовной слабости, от страха перед сектантством. Когда говорят об общине, то у некоторых возникают ассоциации с сектантством. Люди, к сожалению, забыли о том, что Церковь начиналась как маленькая апостольская община. Думаю, что преодолеть эту реакцию можно только жизненно, то есть только тогда, когда возникнут такие общины повсеместно, являя истинный дух христианской жизни. Каждый христианин-одиночка должен серьезно задуматься о том, как он живет, есть ли у него желание выйти из своего одиночества.

В церковной среде нужно больше говорить об общине, чтобы изменилось представление о ней, но лучше всего – начать жить общиной.

Многие думают, что общину нужно создавать, собирая людей, составляя списки, но мы уже в начале разговора заметили, что община рождается, прежде всего, в сердце одного человека. Так пусть этот человек Духом Святым найдет второго.

О литургическом возрождении

О. Виктор. Отец Зинов, возрождение Православной Церкви многие понимают внешне, а хотелось бы поговорить о ее истинном, внутреннем возрождении, об углублении нашего церковного сознания. Если говорить о жизни Церкви и жизни в Церкви, то начнем с самого главного – таинства Крещения.

О. Зинов. За последнее время литургическая наука сделала много новых открытий. Были найдены древнейшие списки богослужебных чинов и другие памятники литургического творчества. Они проливают свет на жизнь древней Церкви, на те ее аспекты, которые впоследствии претерпели изменения по причинам историческим, случайным или по причинам чисто человеческого произвола. И если говорить о литургическом возрождении, то говорить приходится в первую очередь о тех искажениях, которые мы внесли в нашу церковную жизнь и которые только мы сами можем и должны устранить.

Вы упомянули о Крещении. Проблем с приемом в Церковь новых членов очень много. Разрешение их требует большого труда, терпения и времени. Но есть проблемы простые, которые разрешить нетрудно, однако то ли по небрежению, то ли по другим причинам они продолжают иметь место, и возникает неутешительная мысль, что если в легковыполнимом невозможно исправление, то в большом это еще более невозможно. Я имею в виду форму совершения Крещения. У нас почти повсеместно обливают вместо погружения. А ведь сколько из-за этого было споров с римо-католиками. В славянском языке само слово «крещение» означает погружение, омовение. Наши предки говорили: «крестился корабль», то есть утонул, погрузился. В Евангелии Христос обличает фарисеев в том, что они наблюдают «крещение чаном и котлом» (т. е. омовение), не заботясь об очищении сердца.

«Елицы во Христа крестихомся, в смерть Его крестихомся». Крещение – это образ погребения, и, разумеется, погружение с головой более соответствует сущности этого величайшего таинства.

О. Виктор. Недавно ко мне приезжал молодой человек с просьбой заново крестить его. «Меня окрестили очень быстро, одетым, и я ничего не почувствовал», – сказал он. Крещению должно предшествовать духовное просвещение и покаяние. В раннехристианской Церкви община брала на себя заботу об оглашенных и тщательно, как любящая мать, готовила их к Таинству: наставляла в вере, выделяла своих восприемников. В Рижском Петропавловском братстве, возрожденном недавно по благословению митрополита Леонида, эта традиция благотворно возобновляется. Но таких примеров в нынешней церковной жизни мало.

О. Зинов. Я полагаю, что, если каждый настоятель прихода или еще кто-нибудь будут это делать самолично, тогда это будет делом частным, обреченным на неуспех.

Вот, к примеру, приходит ко мне человек, желающий принять Святое Крещение. Я ему говорю: «Тебя крестить сразу нельзя, тебя прежде нужно научить вере. Ты ходи в храм, узнай начала веры, познакомься с богослужением, испытай себя, твердость своего намерения; можешь ли ты переменить жизнь, стать совершенно другим человеком, чем был прежде». Он вроде бы и соглашается, но потом с этим же вопросом, сознательно или случайно, обращается к другому священнику, а тот ему отвечает: «Что ты, что ты, тебе нужно немедленно креститься, не слушай его, это он что-то выдумывает». Если же он пойдет и к другому, и к третьему, а те ему скажут то же самое, значит, ему идти больше некуда, придется покориться, принять все условия. А приступи он к таинству гораздо серьезнее, оно станет для него важнейшим событием в жизни.

Только в случаях смертной нужды крестили сразу, но эти случаи – исключительные.

Общий же порядок был такой: над желающим вступить в Церковь читали молитву и причисляли его к чину оглашенных. Его

имя вносилось в список. Срок оглашения продолжался от года до трех лет (в зависимости от местной практики), и только потом удостоивали Святого Крещения. Это было праздником всей местной Церкви.

Все вышесказанное совершенно необходимо восстановить в наше время, когда люди очень непостоянны, легкомысленны, и испытывать искренность их намерений лучше временем. А что касается младенцев, то об этом очень обстоятельно говорит о. Александр Шмеман в своей книге «Водою и Духом». Практика крещения детей прочно укоренилась только в послеконстантиновскую эпоху, когда браки стали вполне церковными и была уверенность в том, что просвещенные Святым Крещением младенцы будут воспитаны в вере и благочестии. Ибо во времена ранней Церкви часто бывало так, что муж язычник, а жена христианка, и не было известно, кем вырастет младенец: христианином или язычником. Детей неверующих родителей, да еще тайком от них, вообще крестить нельзя. Теперь часто бывает, что сами восприемники не крещены, а родители вовсе неверующие. Позволю себе привести цитату из «Слова на Святое Крещение» святителя Григория Богослова:

«...Что скажешь о тех, которые еще младенцы, не чувствуют ни вреда, ни благодати? Крестить ли нам их? Непременно, если настоит опасность. О прочих же малолетних даю такое мнение: дождавшись трехлетия, или несколько ранее, или несколько позже, когда дети могут слышать что? нибудь таинственное и отвечать, хотя не понимая совершенно, однако же напечатлевая в уме, должно освящать их души и тела великим таинством Крещения».

Сейчас распространено мнение, что младенцы, скончавшиеся некрещеными, обречены на мучения. В синаксии субботы мясопустной, когда Церковь совершает поминовение всех от века усопших, есть место, где говорится о младенцах, скончавшихся без Святого Крещения; они и блаженства не испытывают, но и в муку не идут, а соблюдаются Богом в особых местах. И тот же святитель Григорий говорит о тех, которые «не столько по злонравию, сколько по неведению не получили Святого Крещения. Последние не будут у праведного Судии ни прославлены, ни наказаны».

В наше время крещаемому объясняют, что таинство Крещения очищает от первородного греха, что он получает

благодать, без которой спасение невозможно. Но во всем своем величии таинство им воспринято быть не может, так как оно уже давно выделено из Литургии (в состав которой оно должно входить так же, как и таинства Священства и Бракосочетания) и превратилось в частную потребу. Новопросвещенный, в лучшем случае, смутно осознает, что он причисляется к народу Божию, становится членом Тела Христова и новым творением. Так как Крещение оторвано от Литургии, то в нем не участвует вся община, вся местная Церковь, поэтому нет и никакого ввода в Церковь как в собрание братьев. И человек после Святого Крещения большей частью живет сам по себе, как придется и как получится. Вся беда наша в том, что всякий приходящий в храм не чувствует, что он приходит в какое-то общество, в единую семью, где о нем помнят, о нем заботятся, на него обращают внимание. Если он сам ни с кем не сведет знакомства, его никто ни о чем не спросит, его могут обидеть или просто не заметить. Пришел он – хорошо, не пришел – тоже хорошо. Никто не станет его искать, предлагать свою помощь. Все это свидетельствует о том, что общины в полном смысле этого слова у нас нет, и наша церковная жизнь индивидуализировалась, стала делом личным. Каждый живет и подвизается сам по себе, а поэтому часто не может воспринять другого духовного опыта, который в чем-то незначительном отличен от его собственного. Печальные плоды этого – взаимное отчуждение, замкнутость, ожесточение. Мне часто приходилось слышать от людей, ревнующих о спасении, странные слова: «Как было хорошо сегодня молиться; храм был почти пустой, никто не мешал, можно было спрятаться и сосредоточиться». Так молятся келейно. Христос потому и говорит: «Когда молишься, затвори дверь твою и помолись Отцу Твоему втайне». Но к церковной молитве предъявляются совершенно иные требования. Здесь все «единем усты и едином сердцем» славословят Единого Отца Небесного.

О. Виктор. В апостольское время в древней Церкви христиане жили по заповеди «всегда все и всегда вместе». Современные христиане забыли эту заповедь и, по словам протопресвитера Николая Афанасьева, как будто желают

«отделить себя ото всех и стать отдельно перед Богом, чтобы получить нечто личное». Если мы ныне поймем, что основа церковной жизни – в соборности, то есть в том, чтобы все всегда были вместе, то мы откроем для себя подлинную природу Евхаристии – центра жизни во Христе. Но пока мы единство Церкви нарушаем, выводим себя за ее пределы, наши индивидуальные частные причащения вовсе не говорят о литургическом возрождении.

О. Зинон. Главное условие для совершения Евхаристии – это собрание общины во главе со своим предстоятелем. Всех членов Церкви собирает вместе любовь ко Христу и друг к другу. О Церкви и о соборности много и с большим чувством говорили еще славянофилы, особенно А. Хомяков. Он определяет Церковь не как общество (это слово употребляют все наши катехизисы), а как единую благодать Святого Духа, живущую во многих личностях. Это очень верно. Принцип соборности является отличительной чертой Церкви, и заботиться о его восстановлении обязаны все, хотя это требует много сил, времени, а самое главное – большого самоотвержения.

Частое причащение, если оно будет индивидуальным, то есть каждый будет назначать себе время для причащения, ни к чему не приведет. Литургия – это общее дело. Молитвы Литургии не предусматривают двух категорий находящихся в храме: причащающихся и присутствующих. Евхаристия – это Трапеза, Вечеря, поэтому в ней можно только участвовать. Наблюдать, как обедают другие, по крайней мере, странно. Почему Церковь не оставляет оглашенных наблюдать, как причащаются верные, но многими возгласами повелевает им покинуть храм? Да потому, что служат, приносят благодарение все члены собрания, а это предполагает непременно вкушение Евхаристии. Оглашенные же, не будучи просвещены Св. Крещением, не могут ни участвовать в совершении, ни вкушать Евхаристию. Так что говорить о присутствии за Литургией нельзя, можно говорить только об участии в ней. Многие, услышав эти слова, будут очень удивлены и возмущены. Но это говорит только о том, насколько мы далеки от подлинного

восприятия Евхаристии. Канонист XII века Федор Вальсамон замечает, что в его время далеко не все христиане причащались за каждой Литургией, но они покидали храм вместе с оглашенными и кающимися. Даже патриарх, говорит он, когда не служил и не причащался, после чтения Евангелия уходил из храма.

Ни о каком духовном причащении не может быть и речи. Церковь знает только реальное причащение.

Очень важно, чтобы причащение стало делом всей общины, которая именно для этого и собирается. В Литургии участвовали в древности все. Хлебы и вино приносили верные (слово «просфора» означает «приношение», а в молитве проскомидии есть слова: «помяни принесших и их же ради принесоша»), диаконы отбирали лучшее для совершения таинства, остальное же оставлялось для агапы. Даже дети-сироты, находившиеся на иждивении Церкви и ничего своего не имевшие, приносили воду – это было их приношением.

Собственно днем Евхаристии был день Господень, то есть воскресенье и большие праздники. Христиане уносили Святые Дары с собой и причащались ежедневно. Каждодневное служение Литургии – монастырская практика, которая позже распространилась по приходам, и вызвана желанием каждодневного причащения. Поэтому Литургии без причащающихся или заказные Литургии совершенно немыслимы. Представьте себе: частное лицо заказывает общественное служение (что, собственно, и означает слово «Литургия»), за которым никто даже не присутствует! Святитель Василий Великий советует христианам собираться 4 раза в неделю для совершения Евхаристии: в среду, пятницу, субботу и воскресенье. Но, как на идеал, указывает на каждодневное причащение.

Существует правило одного из Вселенских соборов, которого, кстати, никто не отменял: если христианин без уважительной причины не участвовал в двух или трех Евхаристических собраниях (то есть не причащался), он отлучается от Церкви, вернее, он сам себя отлучает от Христа.

Я прекрасно понимаю, что такой меры все достичь вдруг не могут. Но говорить об этом необходимо, стремиться к этому обязаны все.

О. Виктор. Когда преподобного Серафима Саровского спрашивали: «Как часто можно причащаться?» – он отвечал: «Чем чаще, тем лучше».

О. Зинон. В Большом Катехизисе говорится, что ревнующим о спасении следует причащаться четырежды в год или хотя бы однажды в год. Сейчас это звучит странно. Никто этого предписания не выполняет, сама жизнь его отменила. Уже о. Иоанн Кронштадтский учил совсем по-другому.

О. Виктор. Сейчас во многих приходах существует обычай причащаться только один раз в год, на Пасху, и я говорю прихожанам: «Если вас однажды в год покормить, доживете ли вы до следующей Пасхи?»

О. Зинон. Как для жизни тела необходима пища вещественная, так для души необходима пища небесная. Когда мы молимся: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь», мы просим Хлеба, сшедшего с небес, потому что обычный хлеб получают и те, которые его не просят, то есть и неверующие, и даже враги Божии. В греческом слово насущный – «эпиусион». Приставка «эпи» означает «над-», «сверх-», то есть в буквальном переводе надсущный, сверхсущный, не обычный хлеб, а Тело Христово. Почему мы и произносим молитву Господню в Литургии перед причащением.

О. Виктор. Хотя бы пришли два-три человека – это уже собрание, и может возникнуть чувство полноты Церкви и ее сущности.

О. Зинон. Схиархимандрит Софроний (Сахаров) вспоминает: когда он жил в пустыне, к нему приходил монах для того, чтобы за Литургией петь на клиросе. Их было двое, но он замечает, что никогда не ощущал никакой ущербности. Та же полнота, что и при наполненном храме.

О. Виктор. Наш дорогой батюшка, отец Серафим из Ракитного, помните, рассказывал нам, как он в молодости однажды пришел в храм, где служил старенький священник и

старенький дьячок, и какую он испытал радость от молитвы, от общения с ними.

О. Зинон. Отец Александр Шмеман в своей книге «Евхаристия» говорит, что русские эмигранты, находясь в очень стесненных обстоятельствах, когда храмами для них служили подвалы и гаражи, убедились в невозможности совершать Литургию в ее византийском варианте, со всей внешней торжественностью, со множеством входов и выходов. Зато какое реальное присутствие Христа ощущали они в этих убогих храмах! И этот опыт был для них очень полезен и поучителен.

Сейчас людям, особенно молодым, которые впервые приходят в храм, еще не влились в русло церковной жизни, не научились мыслить ее категориями, многое совершенно чуждо. Надо помнить, что богослужебный чин мы приняли от Византии вместе с верой. Наш чин Литургии содержит много элементов, которые вошли в него из византийского придворного обихода, так как патриарх и император были неременными участниками богослужения. Современному же человеку почти непонятна сама идея монархии, и, разумеется, все обряды, связанные с этой идеей, выглядят как анахронизм, за которым ничего не стоит.

О. Виктор. И от некоторых из этих элементов можно было бы освободиться без ущерба для Литургии.

О. Зинон. Мне рассказывали, что архиепископ Виленский Хризостом почти всегда служит иерейским чином. По-моему, это хорошо, так как упраздняются многочисленные поклоны, «исполла...» и проч., что отвлекает от главного.

О. Виктор. Но такому восприятию Литургии должно предшествовать просвещение.

О. Зинон. Несомненно. Если сейчас все пение в храме заменить чтением (от этого богослужение несколько не пострадает), многие поймут, что они приходят в храм не за тем, за чем нужно. Величие Евхаристии заключается в том, что она есть неслыханный дар Божий человеку, она есть то благо, которого «око не виде, ухо не слыша и на сердце человеку не взыде».

О. Виктор. Какое место должна занимать в литургическом возрождении икона?

О. Зинон. Икона не занимает сейчас в богослужении подобающего ей места, и отношение к ней не такое, каким должно быть. На икону давно перестали смотреть как на «богослужение в красках», даже не подозревают, что она может исказить вероучение Церкви так же, как и слово, и вместо того, чтобы свидетельствовать Истину, может лжесвидетельствовать. Икона стала просто иллюстрацией празднуемого события, поэтому и неважно, какова ее форма. У нас всякое изображение, даже фотографическое, почитается как икона. Икона не изображает, она являет. Она есть явление Царства Христова, явление преображенной, обновленной, обоженной твари. Икона рождается из живого опыта Неба, из Литургии, поэтому иконописание всегда рассматривалось как церковное служение, как Литургия. К иконописцам предъявлялись очень высокие нравственные требования, так же как к клирикам. Иконописцы очень высоко ценились, а иконописание в Древней Руси было делом государственной важности. Влияние западного богословия, нарушения в Евхаристической жизни привели к тому, что икона часто превращалась в картину на религиозный сюжет, а почитание ее перестало быть в полном смысле православным.

Здесь уместно сказать несколько слов о тех изображениях, которые запрещает Церковь, но которые можно встретить в любом храме.

Иконописание – творчество соборное, то есть творчество Церкви. Подлинными творцами икон являются святые отцы. Иконографический канон складывался в течение столетий и сформировался в таком виде, в котором дошел до нас, где-то к XII веку. Церковь всегда уделяла много внимания своему искусству, следила за тем, чтобы оно выражало ее учение. Все отклонения устранялись соборно. Так, на Стоглавом соборе вопрос иконописания занимал очень важное место. В частности, речь шла об иконе Святой Троицы, так как к тому времени распространились иконы «Отечество» и «Новозаветная Троица». Ветхозаветный запрет изображать Бога не снят в

новозаветное время. Мы получили возможность изображать Бога только после того, как Слово стало плотью, стало видимым и осязаемым. По Божеству Христос неизобразим и неопишем, но так как в Иисусе Христе Божеское и человеческое естества соединились нераздельно в одну Личность, мы изображаем Богочеловека Христа, нашего ради спасения пришедшего в мир и пребывающего в нем до скончания века.

Теперь возьмем икону Новозаветной Троицы: Церковь учит нас о предвечном рождении Сына от Отца, а на иконе мы видим Сына, воплотившегося во времени, сидящего рядом с Отцом, Который не воплощался и Который «Неведом, Невидим, Непостижим» (молитва анафоры в Литургии св. Иоанна Златоуста). Дух Святой явился в виде голубя только на Иордане (потому что на Пятидесятницу Он явился в виде огненных языков, на Фаворе – в виде облака), стало быть, голубь не есть личный образ

Святого Духа, в таком виде Его можно изображать только на иконе Крещения Господня. Я думаю, сказанного уже достаточно для того, чтобы убедиться в невозможности существования такой иконы. Так что образ Новозаветной Троицы – это совершенно произвольное соединение разных частей, вырванных из контекста домостроительства нашего спасения. И, несмотря на то, что и Стоглавый, и Большой Московский Соборы запретили подобные изображения, их легко можно встретить в каждом храме, в любой иконной лавке. Даже в Даниловом монастыре, когда писался иконостас для храма Отцов Семи Вселенских Соборов, был написан образ «Отечество». А ведь там почти все с высшим богословским образованием! Стоит удивляться, как личное и человеческое преобладает над мнением Церкви, которая одна есть хранительница и выразительница Истины.

Существуют четыре иконы Святой Троицы. Они указаны в чине благословения этих икон в нашем требнике. Это – ветхозаветное явление Аврааму (в образе трех Ангелов), Сошествие Святого Духа на апостолов, Богоявление и Преображение. Все остальные изображения должны быть отвергнуты, как искажающие учение Церкви.

В прошлом году в Париже вышла замечательная книга Л. А. Успенского «Богословие иконы Православной Церкви». В ней есть глава «На путях к единству», в которой рассматривается икона Пятидесятницы как икона Церкви. Почему на этой иконе не может быть изображена Пресвятая Богородица? И почему икона Пятидесятницы перестает быть иконой Церкви, если там изображена Божия Мать, почему она превращается просто в икону Богородицы в окружении апостолов?

На упомянутой иконе мы видим сидящих в сионской горнице апостолов, представляющих первую церковную общину, начало Церкви христианской. (Здесь уместно заметить, что икона не есть изображение конкретного исторического события, а богословское истолкование этого события. На иконе Пятидесятницы всегда изображаются ап. Павел, которого там быть не могло, ап. Лука, который не принадлежал к числу 12-ти апостолов). Главой Церкви является Христос. Никакого заместителя или наместника на земле Он Себе не оставил. Поэтому центр иконы остается пустым. Это место принадлежит Христу как Главе Церкви. Ясно, что никто другой на этом месте представлен быть не может.

И еще несколько слов об освящении икон. Очень часто, видя вновь написанную икону и желая приложиться, спрашивают: а она освящена? По такому чину, который содержится в нынешних требниках, в старину иконы не освящались. (В требнике этот чин называется чином благословения, а не освящения и должен рассматриваться как одобрение Церковью данного образа, но не как некий сакраментальный акт. Ведь никому не придет в голову, купив новое Евангелие, перед началом чтения освящать его по какому-нибудь чину.) Этот чин впервые встречается только в Большом Требнике Петра Могилы (ни в одном требнике Московской дониконовской печати такого чина нет). На иконе ставили надпись, после чего она считалась освященной. В ней почитается не вещество, а изображение. Надпись необходима, как раньше выражались, для того, чтобы утвердился дух молящегося, то есть, чтобы молящийся точно знал, к кому он обращается, потому что иконография многих святых сходна.

Например, если не будет надписана икона преп. Кирилла Белозерского, его можно принять и за преп. Сергия или еще за коголибо из древних преподобных.

Икона должна быть написана только на прочном материале, но не на бумаге, не на стекле или каком-нибудь хрупком веществе. Обычно – на доске.

В «Журнале Московской Патриархии» № 10 за 1989 год помещена статья Л. А. Успенского о красках в иконе. Там очень просто и убедительно объясняется, почему цветная фотография не может иметь применения в церковном обиходе: она только имитирует цвет, так как собственного цвета не имеет. Потому употреблять цветные фотографии с икон в качестве икон не следует. Икона должна свидетельствовать об Истине, а мы вводим элемент лжи туда, где ее не может быть.

О. Виктор. Это все равно, что бумажные цветы в храме. Патриарх Алексий I просил не приносить их в храм, потому что в них нет правды.

О. Зинон. Еще гораздо раньше митрополит Московский Филарет (Дроздов) говорил, что поддельные камни и поддельные металлы нельзя употреблять не потому, что они малоценны, а потому, что заключают в себе ложь. Золото во все времена было металлом дорогостоящим, и, за неимением его, использовали простые, но натуральные материалы. Например, традиционным фоном на иконе всегда было листовое золото (или серебро). В бедных же храмах, особенно на севере России, все фоны на иконах написаны светлыми красками. Я несколько неточно выражаюсь: фон – слово нерусское, иконописцы называют его светом.

О. Виктор. Потому что Бог – Свет.

О. Зинон. И живет в свете неприступном.

О. Виктор. Можно сказать, что в наше время упадка религиозного сознания догмат иконопочитания на деле забыт, подменен искусствовочитанием. Это не просто забвение, а разрыв с живым преданием Церкви, пренебрежительное отношение к святым отцам и к постановлениям Вселенских и Поместных Соборов. Нужно восстановить иконопочитание в его подлинном смысле.

О. Зинон. Этот вопрос необходимо решать на уровне синода. Это должно быть делом всей Церкви. Сейчас нам возвращают храмы, монастыри. Все они требуют рук иконописцев, а у нас до сих пор нет настоящей иконописной школы. Я знаю очень многих молодых людей, талантливых и желающих учиться, но условий для этого нет. Одни связаны семьей и не могут уехать далеко, другие ничем не связаны, но им негде учиться. Ведь проявляет же заботу наше священноначалие об увеличении числа священнослужителей: открываются духовные училища в епархиях, курсы псаломщиков, семинарии. Но я не слышал, чтобы в какой-нибудь епархии открылась хотя бы маленькая иконописная школа, а между тем почти каждую неделю ко мне кто-нибудь обращается с просьбой написать иконостас или расписать храм. Это еще раз свидетельствует о том, что икона выпала из богослужения. Должного внимания ей не уделяют. То, что сейчас продают в иконных лавках, та продукция, которую выпускают мастерские Патриархии, далеко не соответствует требованиям, предъявляемым к церковному искусству. В синодальный период появилось множество изображений, которые смело можно назвать глумлением и кощунством над иконой. В прошлый раз я давал Вам для прочтения письма святителя Игнатия (Брянчанинова). В одном из них он пишет, что видел не иконы, а карикатуры икон. В лучшем случае, это можно было назвать картинами хорошей кисти, но никак нельзя было назвать иконами. Это написано в прошлом веке, когда все храмы были заполнены подобной живописью, а на Православную икону было поставлено клеймо старообрядчества и варварской живописи. (Известный историк Карамзин, увидев древнюю роспись Новгородской Софии, назвал ее варварской живописью.)

О. Виктор. Л. А. Успенский в своей книге «Богословие иконы Православной Церкви» верно заметил, что в иконоборческий период Церковь боролась за икону, а в смутное время – икона борется за Церковь.

О. Зинон. Обилие всевозможной информации в современном мире буквально захлестнуло человека. Оно

вызвало безразличное, легкомысленное отношение к слову. Слову, как устному, так и печатному, теперь мало доверяют. Поэтому самым мощным, самым убедительным становится голос иконы. Сейчас многие образованные люди, не нашедшие Истины и Красоты на перепутьях этого мира, приходят в Церковь и ищут в ней ту Красоту, которую им не смог дать мир. Они очень тонко чувствуют всякую фальшь, всякое безобразие, уродство. Особенно художники и музыканты. Если они, придя в храм, видят в нем безобразные росписи, слышат вместо простого уставного уродливое концертное на дилетантском уровне пение – никто не убедит их в том, что христиане – это свидетели Небесной Красоты. Многих может оттолкнуть недолжное поведение священника во время богослужения, его неопрятная одежда, неприличная его сану манера держаться, даже его нечищенная обувь. У нас во всем принято ориентироваться на бабушек: примут они или нет. Я уверен, что красота ни одну бабушку от храма не оттолкнет, а души колеблющиеся и хрупкие могут из-за нашего нерадения уйти из храма навсегда. Человек церковный, который уже смирился, ко всему привык, может, не обращая внимания ни на что, молиться. Но всякий должен молиться благодаря иконе, благодаря пению, а не вопреки им. Многие иконы и даже целые иконостасы написаны так, что мешают молитве, вместо того, чтобы ей содействовать.

В наше время, говоря о церковном возрождении, необходимо в первую очередь заботиться о том, чтобы Церковь постоянно являла миру ту Красоту, которой она обладает в полноте. В этом – миссия Церкви в мире сем. Повторяю: слову теперь мало кто доверяет, теперь безгласная проповедь может принести больше плодов. Образ жизни священнослужителя, каждого христианина, образ церковный, церковное пение, архитектура храма должны нести на себе печать Небесной Красоты.

О. Виктор. Нынешнее обмирщенное церковное сознание стремится расцерковить икону. Высказываются мысли, что народ икону древнего письма не понимает, потому нужно заменить ее иконой живописной. Но разве может живописный

образ соответствовать учению Церкви, назидать? Скорее он вводит в заблуждение, как Вы об этом уже говорили на примере Новозаветной Троицы. Церковь всегда боролась, прежде всего, за подлинность своего искусства, за правду, и ныне она должна продолжать эту борьбу.

О. Зинон. Икона вне Церкви в подлинном смысле существовать не может. Она – составная часть богослужения, одна из форм проповеди Евангелия, свидетельство Церкви о Боговоплощении, так же как церковное пение, архитектура, обряд. Можно вполне понять людей, которые добросовестно признаются, что канонического письма икона им непонятна, но никак нельзя понять тех, которые отвергают икону по причине ее непонятности. Многие священнослужители убеждены, что каноническая икона простому народу трудна для восприятия и лучше ее заменить живописной иконой. Но я уверен, что для большинства не менее непонятны стихиры, ирмосы и сам богослужебный язык, уже не говоря о структуре богослужения, однако едва ли кому-то придет в голову мысль, применительно к духовной малообразованности современного народа, упростить все для того, чтобы сделать удобопонятным. Задача Церкви – возводить людей к высоте Боговедения, а не самой снисходить до невежества человеческого. Поэтому человек, отвергающий икону, тем самым ставит под сомнение правильность своего восприятия богослужения и, в частности, Евхаристии, из которой икона рождается.

О. Виктор. Вызывает тревогу распространяющееся стремление отвергать церковнославянский язык в богослужении и переходить на русский. Сторонники такой реформы считают, что миряне остаются духовно окраденными, не понимая богослужения на церковнославянском языке. Церковнославянский язык органичен для истинной духовной жизни, для православного богослужения, ибо в нем воплощен дух полноты божественной жизни, он не позволяет человеку смешиваться с жизнью мира сего. Когда началось обмирщение церковной жизни в России, возникло разрушение этой полноты, и человек хочет истины веры узнавать, по словам И. Киреевского, не молитвой, а «памятью». Но чтобы

просвещались одновременно разум и сердце человека, нужно изучение церковнославянского языка. Переход на русский язык в богослужении приведет к еще большему обмирщению Церкви, но не углубит нашу Православную веру и наше церковное сознание.

О. Зинов. Мне кажется, что с переводом богослужения на русский язык оно несколько понятнее не станет, а наоборот, очень много утратит, потому что станут понятными отдельные слова, но сам дух понятнее от этого не сделается. В этом легко убедиться, если взять русский перевод псалмов Давида: отдельные слова ясны, но пророческий смысл их более ясным не стал. Гораздо легче обучить церковный народ своему родному языку, чем переводить богослужебные книги на современный язык, тем более что это сопряжено с огромной работой, не говоря уже об ущербе, который будет причинен этим богослужению. В студенческие годы я часто замечал, что, когда с шумной улицыходишь в храм, и еще не уловил, что читают или поют, сам ритм, интонации, сама мелодия церковнославянского языка уже настраивает на молитву. Современный разговорный язык очень засорен, он более пригоден для общения на бытовом уровне, но никак не для молитвы. В некоторых приходах Евангелие, Апостольские послания и даже псалмы читают по-русски.

О. Виктор. Да, я лично слышал за Литургией, как один архиерей заменил в благословении «любь Бога и Отца» на «любовь», а диакон в ектениях постоянно слово «живот» заменял словом «жизнь».

О. Зинов. Хотя это мелочи, но они как-то неприятно режут слух. Любой человек, пришедший к вере, очень быстро узнает смысл подобных слов и выражений, так что едва ли необходимо заменять их русскими. Когда предпринимался перевод Священного

Писания на русский язык, переводчики имели в виду только домашнее его употребление, что должно было помочь более осмысленному восприятию его во время богослужения. Когда я сознательно пришел в Церковь, это было в начале Великого Поста, церковнославянского языка я не знал совершенно. В

настольном календаре тогда был напечатан Великий канон преподобного Андрея Критского с объяснением непонятных слов и выражений. Перед службой я тщательно просматривал каждую часть канона и в храме уже понимал, о чем идет речь. Православный христианин, хоть в малой мере ощутивший возвышеннейшую поэзию богослужения, будет бережно относиться к каждому его слову и даже букве. Запад пошел по пути модернизма, но это привело к печальным результатам. У любого народа, кроме обычного разговорного языка, есть язык богослужебный, на котором общаются только с Богом. Богослужебный язык всегда более возвышенный, чем разговорный. К примеру, почему древнегреческий и латынь стали мертвыми языками? На этих языках можно писать только стихи или философствовать. Общаться на бытовом уровне на них невозможно.

О. Виктор. И последнее. Говоря о возрождении церковной жизни, о литургическом возрождении, необходимо сказать о возрождении прихода. Одно дело – просветить духовно, а другое – научиться жить по-христиански, воцерковиться, опытно познать природу Церкви, единство во Христе, единство в вере, любви. Приход, община, братства, о возрождении которых ныне много говорят, пишут, если они крепки духовно – это духовные семьи, где люди должны воспитываться вместе и созреть духовно для вечной жизни. Но их сейчас в Православной Церкви мало.

О. Зинон. Община и приход – понятия нетождественные. Об этом очень полно можно узнать из книги о. Николая Афанасьева «Церковь Духа Святого». Собственно, Церковь – это и есть община, то есть местная Церковь, в которой обитает вся полнота Вселенской Церкви. Все беды начались тогда, когда община превратилась в приход. Только через возрождение общины можно по-настоящему решить и проблему нравственности, и многие социальные проблемы. В настоящее время появилась возможность восстановить в Церкви святоотеческую традицию в богословии таинств, вернуться к подлинным основам церковной жизни, но на примере вновь открытых монастырей и храмов убеждаешься в обратном:

восстанавливаются те же синодальные формы церковной жизни, которые исторически себя не оправдали и привели к катастрофе 1917 года. Церковь опять пытаются вовлечь в социальную деятельность, христиане требуют свободы и прав, забывая, что они посланы Христом, как «овцы посреде волков», что они – самый бесправный, самый беззащитный народ в этом мире. Путь христианина – путь скорби, и только сеюции слезами радостию пожнут (Пс 125).

«Святость не имеет границ...»

В монастыре¹⁶ я был недолго, около двух лет, и покинул его не по своей воле. Перед московской Олимпиадой в стране усилились гонения. Москву «чистили», волна докатилась и до Почаева, потому что там ожидался большой поток туристов. Мы все были там фиктивно прописаны, и в документах у нас были указаны такие профессии, как дворник или сторож, чтобы скрыться от КГБ, потому что с высшим образованием не принимали в монастыри. Нас обличали: «зачем вас учило государство, дармоеды?» и т. д.

Я помню, меня попросили написать небольшую историю Почаевской лавры, дали отпуск и сказали: «Поезжай в Троице-Сергиеву лавру и напиши». За время моего отсутствия решилась моя судьба. Я приезжаю, работу эту выполнил, а мне говорят: «Тебя ищут». И была встреча с милицией – выписали. Причем, у меня была прописка подмосковная, а выписали «в никуда», по месту рождения. А я родился в Забайкалье. Я говорю: «Может быть, этой деревни уже не существует!» Помню, еще пошутил: «Вот один мой знакомый – он родился в Германии. Что ж, ему нужно было бы в Германию ехать?» Они говорят: «Вы с нами не шутите».

Я поехал тогда к своему старцу отцу Серафиму в Ракитное, и там решалась дальнейшая моя судьба. Он мне предложил тайно остаться там, говорит: «Поживите у нас». Я очень тревожился, потому что не было ни прописки, ни работы, ситуация для тех времен очень страшная: малейшая провокация – и все, тюрьма за тунеядство.

И вот, прожив дней пять у отца Серафима в таком счастье, радости, я вновь забеспокоился, потому что к нему приезжали из милиции и всех, кто молился в храме, брали на учет: смотрели паспорта и, если видели, что человек у них не отмечен, не прописан, его как нарушителя паспортного режима увозили «на поля»¹⁷.

Когда я пришел к батюшке на беседу, он опять повторил: «Может быть, поживете у нас?» Однако первое благословение

было поехать в Латвию. Он говорит: «Ну, пусть будет так». Благословил меня поехать в Ригу к владыке Леониду.

Владыка Леонид общался с отцом Серафимом, он безбоязненно принял старца после каторги, очень ему помог. Когда отца Серафима выпустили, он долго скитался по разным епархиям, но все боялись его принять. Многие почитали его святость, однако действовал «комплекс Понтия».

Отец Серафим был в то время «старец всея Руси». Его очень почитал отец Таврион (старец приезжал в Рижскую пустыньку). Владыка Леонид даже приглашал его в Рижскую пустыньку служить. Отец Серафим отказался, сказал: «У меня нет таких способностей административных, чтобы управлять». Он был сугубо духовник, узник-исповедник. Конечно, его опыт уникальный, повторить его невозможно. То, что он делал в те времена, было и бесстрашно, и очень плодотворно.

В селе, где он служил, был, можно сказать, монастырь. Там собралось очень много преданных ему людей. Приезжие размещались в странноприимных домах. Я однажды ночевал в таком доме. Когда вечером мы отправились на покой, в доме было человек восемь, а утром уже было человек тридцать, невозможно было выйти: на веранде и на полу – всюду были люди. В храме на буднях могло быть 100–150 человек, как в Рижской пустыньке.

Отец Серафим был очень любящий человек, кроткий в общении со всеми, никакого чинопочитания не любил.

Старец сам причащался за каждой Евхаристией, даже если не служил. Он давал пример в понимании Евхаристии и других побуждал этим примером к участию. Все приезжие старались участвовать, иначе и немыслимо было, ведь тогда лишались самого главного.

Отец Серафим рассказывал, что он не доучился в академии, потому что начался 1918 год. Однажды из академии он поехал домой в Днепропетровск, где жил, и назад уже возвратиться не смог. Старец вспоминал, как он первый раз в жизни говорил проповедь: «Я очень хорошо подготовился, все сказал, а потом сказал себе: "больше такого не будет!"»

После этого случая он всегда говорил проповедь по вдохновению, в Духе. Это больше напоминало исповедь, потому что, хотя он говорил не исповедальные вещи, не обличал и не перечислял какие-нибудь грехи, но это так изменяло сердца слушающих, что все плакали. Это были не сентиментальные какие-то слезы. Когда Дух Святой касается сердца, оно открывается. Исповедь эта могла быть первым откровенным общением друг с другом. Все в это время становились единой семьей.

В Ракитном регулярно бесстрашно проводились агапы. Власти запрещали. У отца Серафима крохотный священнический домик был (меньше, наверное, нашей сторожки), и он вмещал туда всех. Агапы длились порой чуть ли не целый день – приезжали все новые люди.

Отец Серафим по возрасту уже не имел возможности общаться с каждым; и все видели, что он сожалеет об этом, это читали в его глазах. Но все равно все получали удовлетворение, потому что он так устраивал жизнь в общине, что люди чувствовали себя как дома, отношение было очень открытое. Те, кто приезжал, причащались каждый день, и каждый день были агапы.

Отец Таврион был более активный, он призывал к евхаристическому возрождению не только жизнью, но и словом. Во время службы – он ее всю постоянно «прослаивал» поучительными беседами, которые не монологом шли, а дробились на отдельные пояснительные замечания.

Отец Серафим делал это по-другому. Приходили они к одному и тому же результату, но разными путями. На желание с ним побеседовать отец Серафим часто не спешил ответить, он отодвигал эту встречу, говорил: «Поживи, поживи». И человек жил там у него один день, второй, третий. Помню одного человека, которого старец не принимал 15 дней. Он приехал откуда-то из Средней Азии и немножко смущался, чувствуя в этом какое-то невнимание. А потом он понял, что ему нужно было дозреть до этой беседы. Он много открыл для себя, живя и просто наблюдая все. И многие вопросы исчезли. Так было со многими людьми, просто они общались друг с другом. Те, кто

уже разговаривал с отцом Серафимом, рассказывали, как это было, и из своего опыта учили друг друга. Это было очень хорошо.

На вопросы он многим отвечал через свой дар прозорливости. Когда старец выходил из алтаря и шел через живой коридор вопрошающих, он, подходя к человеку, сразу же отвечал: «Бог благословит...» и говорил – на что. Человек ехал только за этим. А все остальное получал от службы, на агапах.

В «Беседах иконописца» есть небольшой материал об отце Серафиме, где архимандрит Зинон вспоминает его исповедничество, как бесстрашно старец вел себя в те годы. Когда его уже отпустили из тюрьмы на волю и должны были дать документы, состоялась беседа с начальством. Его спросили: «Что ты будешь делать? Ты свободен, кончилась тюрьма, что ты будешь теперь делать?» Он говорит: «Как что буду делать? Я буду служить». – «Ну, посиди еще». И дали новый срок. Он бы мог тумана какого-то напустить, сказать что-то во спасение. Это потрясающий факт.

Потом скитался после выхода. Владыка Леонид его принял, и так они подружились. Владыка Леонид часто к нему ездил поисповедаться, отвести душу – ведь наши архиереи мало между собой общаются.

Отец Серафим закончил свою жизнь в 1982 году в светлый Понедельник, т. е. Пасху он встретил, тогда 18 апреля была Пасха. Я уже служил здесь, в Латвии. Великим постом я его посетил, перед этим он благословил меня на монашество. Я хотел, чтобы он меня постригал, но он не дерзнул взять это на себя, а сказал: «Как владыка». А наш владыка Леонид обычно сам постригал. Когда я сказал, что владыка не благословляет, старец ответил: «Не смущайтесь, вас будет постригать та же рука» – его тоже владыка Леонид постригал. Отец Серафим принял монашество из белого духовенства – у него было три дочери.

Мне рассказывал отец Иоанн, что однажды Великим постом отец Серафим умер в храме, это было на Страстной седмице в 1975 году. Все были в ужасе, пытались оказать ему помощь, какую могли, но видели, что он уже отошел. Все в храме рыдали

и молились. Тут раздался чей-то вопль. Вдруг батюшка ожил. Отцу Иоанну он рассказывал, что же случилось там. Была, конечно, встреча с Господом. Он говорит: «Ты видишь этих людей? Ты слышишь эти вопли? Возвратись!» И он семь лет еще прожил.

Меня иногда спрашивают: как определить, кто такой старец?

Старец – это тот, кто предельно участвует в твоей судьбе, кто может взять твою душу и вести ее так, как свою, с полной отдачей: «твоя жизнь – это моя жизнь». У человека должно быть абсолютное доверие к нему.

Я в отце Серафиме не обнаружил ни одного грубого движения, ничего-ничего, что бы могло смутить. Это такая чистота, такая полнота любви, как будто ты видишь уже предел возможностей человека, такое вмещение Господа, что, действительно, уже не он живет, а Господь. И вот возникает чувство, что ты не к человеку приходишь – там и плоти даже нет, он весь как перышко, как дух. Когда я смотрю на хорошую икону Божией Матери, там тела нет, такая легкость! С птицей сравнивать неудачно, но птичье тело в нас рождает ощущение какой-то невесомости.

Отец Серафим не книжный был человек, но духовные знания у него были, конечно, глубокие. Он мог объяснить догмат или сложное духовное понятие в очень свернутом виде. Когда мы читаем книгу Афонского старца Силуана, то видим у него такие же сгустки духовной мысли, и он их не раскрывает. Если бы его спросили, он бы пояснил, а так он пишет просто из опыта того, что ему уже открылось. Отец Таврион тоже говорил такими сгустками, отрывисто. Казалось даже, будто мозаика какая-то получается.

...Владыка Леонид принял меня очень хорошо. Отец Серафим написал ему какое-то письмо; не знаю, что там было написано, но, во всяком случае, он меня принял, и я какое-то время пробыл в Риге. Потом владыка отправил меня в Рижскую пустыньку. И для меня эта Пустынька действительно стала пустыней перед рукоположением.

Было лето 1980 года, август со всеми праздниками, и их престольный – Преображение. Прошло уже два года после кончины отца Тавриона. Мне как раз дали келью, которая выходила на его могилку. Конечно, надежд на то, что меня рукоположат, было мало. Я не беспокоился, думал: «Как Господь устроит». К Успению вопрос решился положительно. Но что стоило это владыке, – тайна, я не знаю, я его не расспрашивал. Он приезжал в Пустыньку несколько раз, говорил: «Еще ничего не известно». На Преображение мне сказал: «Ждем положительного ответа». Как это понимать? А потом накануне Успения подхожу причащаться, а мне передают, чтобы явился к владыке. Я понял, что прибыл положительный ответ, потому что владыка отрицательным известием не стал бы праздник портить. Я приехал, он действительно говорит: «Вас будут рукополагать». На Успение это не получилось, потому что у меня не было прописки, а уполномоченный сказал: «Без прописки не рукополагают». Но, раз было благословение, оно совершилось через неделю, в воскресный день.

На рукоположении во время службы читали Апостол, владыка сугубо выделил фразу: «Благословляйте гонителей ваших». И он мне говорит: «Вы гонимы, но не оставлены». Так благословил и – началось.

В Риге меня не оставили. Сначала хотели направить в Собор Александра Невского, но я начал перед крещением людей проводить краткую катехизацию (другой возможности не имел), и это не понравилось властям. Тогда владыка направил меня служить в Тукумс, это предместье Риги. Там я уже имел относительную свободу. Но и тут начались неприятности с властями, хотя я их никогда не видел, с ними не общался. Доносы поступали на всех, кто приезжал, – дескать, проходимцы, заговор антисоветский... И только полтора года дали мне там послужить.

Вскоре после пострига, Великим постом 1982 года, меня перевели сюда, в Карсаву. С этого года и по сей день тут служу. Год назад мне предлагали в Рижской пустыньке служить постоянно, но я отказался. Я не смогу сделать в Пустыньке то, что хотел бы сделать. Там царит консерватизм, и чтобы

изменить ситуацию, нужно иметь поддержку, единомыслие, единодушие.

Я уже говорил, служба там совершается как будто по уставу, но утреню, например, служат вечером. Утром постоят на Евхаристии – и идут свои дела делать. Причащаются на праздники, только когда их благословят. С уходом отца Тавриона дух его исчез, он не оставил там преемника.

Когда я сюда приехал, власти сказали: «Приехал враг номер один». На этом приходе умер священник, а тот, который его заменил, по болезни служить не мог. Ситуация возникла очень рискованная, храм был на грани закрытия, хотели в нем устроить чесальню для шерсти.

Как только я начал служить, сразу же на горизонте появилась учительница Вера Ивановна. Ее называли «красный поп»^{/sup¹⁸}. Она была «предтечей» всех служб в общественных местах. Здесь, в Латвии, у нас было такое преимущество: нам разрешали в общественных местах служить, например, на кладбище – на Троицкую родительскую субботу. Закончив богослужение в храме, мы должны были сидеть и ждать, когда нам можно идти. А на кладбище в это время – музыка, Вера Ивановна с атеистическими речами с помоста выступает. И только потом нам разрешает появиться. Так продолжалось где-то до 1985 года.

В то время в районе действовали четыре прихода. Мне дали храм в Карсаве, в восьми километрах от нее – еще храм Покрова, в восемнадцати километрах – Троицкий храм, в сорока километрах – храм великомученика Димитрия Солунского, построенный в 1934 году, в год гибели архиепископа Рижского Иоанна Поммера. Это был выдающийся иерарх, которого можно причислить к лику мучеников^{/sup¹⁹}. И вот мне надо было служить во всех четырех храмах. Я подумал, что в воскресный день лучше служить в Карсаве, потому что все же основная община должна была создаваться здесь. Если рассеиваться, то ее нигде не возникло бы. А по субботам я служил поочередно во всех остальных храмах.

Тогда с транспортом было сложно, и наш староста Анатолий Николаевич – он шофер был – помогал нам добираться до храмов. На него постоянно писали письма, что он использует транспорт в личных целях. Это тогда расценивалось как антигосударственная деятельность.

Так я и обслуживал четыре прихода. Пасха обычно была такая: мы ехали в храм Покрова. В восемь часов вечера у нас начиналась пасхальная служба. Мы уже пели: «Христос воскрес...» Потом приезжали в Карсаву примерно к половине одиннадцатого. Здесь нужно было всех поисповедовать и только потом начинать службу. А храм полный, исповедников очень много, всем приходилось долго ждать. Служба заканчивалась рано утром. И сразу же, никуда не отлучаясь, мы из храма ехали в третий приход. А в четвертый уже не получалось. Примерно в 12 часов дня мы заканчивали. И так было до 1990 года. Четыре прихода – маленькая епархия.

...Сейчас из-за государственного изоляционизма общение с братьями из России у нас очень ограничено. Если Церковь не будет активно окормлять тех, которые остались здесь, то православие в Латвии выродится. Если же Церковь найдет внутренние силы, то она не распадется, хотя это и не будет, может быть, ее расцветом.

Возрождение может начаться только изнутри, снизу, а не сверху, и если говорить еще конкретнее, с души каждого человека. Если я начну возрождаться, мой ближний, потом – еще и еще, то мы уже органически составляем общину. Поэтому возрождение общинной жизни, которое здесь началось, может дать плоды, если те, кто начал его, будут очень усердно трудиться, то есть не потеряют миссионерский дух.

Существует ложное понятие: противопоставление спасения и творчества, о чем писал в свое время Бердяев. Там, где должно быть «спасение и творчество», у нас – «спасение или творчество». Христианам отказывают в творческом духе, потому что действует некий охранительный дух, он боится активности, деятельности. Те, кто живет этим духом, считают, что Церковь должна стать какимто мумифицированным учреждением.

Многие люди, неверно духовно воспитанные, понимают слова Добротолубия, что надо возненавидеть мир, буквально. Они отождествляют грехи мира со всем миром, не видя уже в мире ничего хорошего. Христианин должен мир не ненавидеть, а преображать. Творческий момент должен быть обязательно.

Успокоиться сейчас на том, что есть, означает умереть, стать мертвецами. Это будет выходом из Церкви; то есть внешне можно в ней находиться, а внутренне – выйти. Многие хотят, чтобы Церковь стала каким-то заповедником, который можно показывать людям внешним – ну, заповедник и заповедник, они, в общем-то, особо не вредны, пусть живут. Самое главное, что сами христиане с этим согласились. Это опасно.

Отец Александр Мень в последнем своем интервью назвал такую ситуацию «благополучным церковным гетто». Конечно, у нас политические дела неважные, экономические дела неважные, в культуре все неважно, но принять такую политику нельзя. Нельзя принять ни такое искусство, ни такое образование, ничего нельзя принять.

. В Бельгии был король Бодуэн, он умер два года назад. Он жил политической жизнью, но это была не вся его жизнь, а только внешняя ее сторона. Его деятельность как политика питала духовность, он был глубоко верующим человеком. Он был единственный, кто выступил в стране против абортов. Сейчас вышел его дневник на французском языке. Его надо обязательно перевести и издать и в России, и в других странах. Такие примеры нужно являть миру, потому что они разрушают предубеждения. Когда увидят этого короля, каков он есть, то люди поймут, что святость не имеет ни национальных, ни социальных, ни иных признаков, она универсальна.

V. Лица

Тихий свет

В XX веке и в начале XXI века в России жил и творил уникальный человек, ученый с мировым именем – Сергей Сергеевич Аверинцев. Он был очень непохожим на своих собратьев. Уже с детских лет видна была его инаковость.

Все, что он говорил и писал, являло редкую образованность, но не только ее; сквозь нее просвечивало что? то иное, что?то большее, чем научное знание. Иночество питало его как ученого.

Сергей Сергеевич был глубоко просвещенным человеком, но не во французском смысле, а в истинном. Когда читаешь его произведения, видишь сияние света Разума. Его книги неожиданно становились для читателей Благовестием. В них открывался Свет Истины. Дух Святой, пронизывающий все его произведения, таинственно действовал на читателя, преображая его ум и чувства. Обладая редкостной эрудицией, Аверинцев открывал, что мудрость заключается не в объеме и широте знаний, а в том, чтобы знать главное – Истину.

Берясь за его книги и статьи с целью пополнения своих научных познаний, многие далекие от веры люди неожиданно для себя обретали веру. Мне лично пришлось выслушать немало таких свидетельств.

Сергей Сергеевич понимал, что самое главное – привести человека к Богу. Не к науке, не к профессии, а к Богу. Только в Боге человек становится свободной личностью. При этом он опытно знал, что лишь в Церкви человек может вырасти в полную меру внутренней свободы.

Он испытал, что Царство Божие переживается только вместе. Поэтому, будучи по своему складу кабинетным ученым, он не был одиночкой, хранящим и скрывающим свою веру, ни с кем не общаясь. Даже в советское время он открыто ходил в храмы. Однажды я увидел его вместе с супругой на всенощном бдении в храме Воскресения Словущего на улице Неждановой. Сергея Сергеевича я уже знал в лицо, потому что прослушал его блестящую лекцию «Восток и Запад в их противостоянии и

сближении», которую он прочел в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Меня удивило и порадовало мужество исповедника своей веры и церковности. Хотелось после службы подойти и поблагодарить его за это.

Открыл свою веру С. С. Аверинцев и в своей знаменитой статье «Христианство», которая была напечатана в 5-м томе Философской энциклопедии в 1970 году. Он, по слову протопресвитера Виталия Борового, написал ее, как древний апологет.

Он сумел увидеть этот мир и людей так, как они были сотворены, то есть хорошими. Это Божий взгляд. С. С. Аверинцев глубоко приобщился к вечной жизни, постиг высшее. Именно в этом – секрет его универсального видения всех эпох, всех культур, всех цивилизаций.

Он имел и дар постижения целостного духа культуры, и талант проникновения в мельчайшие ее детали. В любой эпохе Сергей Сергеевич чувствовал себя как дома, но все же истинный его дом был не в них. И потому он был прекрасным переводчиком духа эпох, образ которых был бы недоступен без этого перевода. Он мог повести нас за собой в самую далекую эпоху и явить ее так, что она становилась близкой и понятной. Он был и переводчиком, и проводником.

Сергей Сергеевич как исповедник, пророк и учитель был очень необходим для дела Божьего в мире. Господь его избрал, чтобы «в годы лжи, падений и разрух», исчезновения жизни, явить Жизнь.

Имея пророческий дар, он не был похож на ветхозаветного пророка-обличителя.

Его свидетельство о вечной жизни было тихим. Он – тихий свет. Жизнь показала необычайную плодоносность такой тихой миссии.

Его жизнь и творчество воспринимаются как дар свыше, напоминающий, что в любой эпохе свет светит и тьма не объяла его.

Человечество всегда нуждается в источнике Жизни, и Господь посылает нам учителей, пророков и праведников, ибо без них духовное движение мира может замереть.

Горит, горит ее звезда

1972-й год. Моя знакомая Анна Николаевна Качалина, музыкальный редактор фирмы «Мелодия», сообщает мне неожиданную новость: в Москву после длительного перерыва приезжает на гастроли знаменитая польская певица Анна Герман, уже известная русским слушателям по ее первому выступлению в России в 1964 году.

Это была большая радость для всех. После автомобильной катастрофы в Италии и нелегкой борьбы с болезнью, любимая всеми певица возвращалась к жизни и на сцену.

Зал Театра эстрады на набережной Москвы-реки переполнен. Слушатели с нетерпением ждут появления Анны. Всех волнует одно: сможет ли она после длительной болезни петь как раньше?

В зале гаснет свет. Луч прожектора высвечивает лицо Анны. И из тишины поплыли звуки «Аве Марии».

Последний протяжный, как бесконечность, звук. В зале благоговейная тишина. Аплодисментов нет. Только потом они слышались как легкий шелест.

После минутной темноты вспыхивает свет, и Анна в алом, как огонь, платье – уже на сцене. Взрыв аплодисментов выразил радость и любовь зрителей. Она запела свою знаменитую песню «Танцующие Эвридики», которая принесла ей всемирную славу.

Каждая песня, исполненная Анной, глубоко трогала сердце, потому что она умела петь не залу, а лично для каждого человека.

По окончании концерта Анна Николаевна Качалина познакомила меня с Анной Герман, стройной, очень высокой, с красивыми длинными светлыми волосами. Запомнилось, что на голове у нее была кепочка в клетку.

Ее светлая улыбка и теплые слова приветствия означали: я принимаю тебя и радуюсь нашей встрече.

– Пани Анна, – сказал я, – проникательный слушатель понял Ваше «Аве Мария» как благодарность Богу за спасение,

потому что после катастрофы в Италии надежды, что Вы останетесь жить, было очень мало.

В последующие годы Анна много раз приезжала на гастроли в Россию. Была возможность ее видеть и слышать, присутствовать на записи ее песен в бывшей «кирхе» в Вознесенском переулке, близ Консерватории. Там располагалась студия грамзаписи «Мелодия».

Особенно запомнилась запись песни «Эхо любви» к фильму «Судьба».

«Оркестр заиграл первые аккорды, – вспоминает Анна Николаевна, – чуть позже вступила Анна. Когда зазвучал ее голос, в аппаратной все заплакали. Это был первый репетиционный дубль. Повторной записи не потребовалось. В таком виде эта песня и вошла в фильм. Это было чудо! Музыканты, дирижер и певица словно слились в одно целое. Повторить такое было уже невозможно. Так что "Эхо любви" – это единственная песня в репертуаре Анны Герман, записанная с первого дубля одновременно с оркестром. В нее была вложена вся душа».

Когда Анна по окончании записи, очень радостная, вошла в аппаратную, все бросились поздравлять ее с таким успехом, целовали и благодарили ее. Особенно тепло приветствовал ее режиссер фильма Евгений Матвеев. Он изначально был уверен, что эту песню должна петь только Анна Герман.

С предвкушением радости услышать необычайное пошла однажды со мной на концерт Анны Герман Анастасия Ивановна Цветаева. По моим рассказам она уже познакомилась с Анной, но не слышала еще ее голос.

И вот произошла ее первая встреча с той, которую она приняла всем сердцем, всей душой.

В очерке об Анне Герман Анастасия Ивановна писала о своих впечатлениях: «Я за мою жизнь слышала не один, казалось, неповторимый голос певицы, – но только голосу Анны Герман принадлежат по праву слова – неповторимый и несравненный».

Сама душа лирики звучала и томила в невыразимой словами прелести ее голоса.

Сама Любовь тянула к нам руки в каждой ее песне.

Само Прощание прощалось с нами в ее интонациях, в каждом углублении певческой фразы.

Сама Природа оплакивала свой расцвет и свое увядание.

Поэтому так неповторимо очарование ее тембра».

Выступления Анны Герман в России продолжались. В ее репертуаре стало появляться больше русских песен и романсов. Многие композиторы, оценившие ее уникальные вокальные возможности, писали песни для нее. Исполнялось благое желание Анастасии Ивановны, которая хотела, чтобы Анна не ограничивала себя эстрадой, а становилась бы камерной певицей.

Однажды после концерта в Лужниках в короткой беседе с Анной Герман Анастасия Ивановна поведала ей свою мечту, попросила ее петь романсы. Анна шутливо ответила: «Когда постарею».

Анна пела романс «Гори, гори, моя звезда», лермонтовское «Выхожу один я на дорогу», спела из шляпинского репертуара песню «Из-за острова на стрежень».

Звезда для Анны – это не она сама, хотя ее и называли звездой мировой эстрады, и в 2003 году перед концертным залом «Россия» на Площади Звезд была заложена звезда в ее честь. На это торжество была приглашена вся семья Анны Герман: муж, сын и мать. При жизни Анны астрономы одну из вновь открытых звезд называли «Анна Герман». Она знала об этом.

Но Анна всю жизнь тянулась к другой звезде, Той, ради которой волхвы отправились в свое далекое путешествие в Вифлеем.

В голосе Анны было некое томление. Это – томление по Богу, и оно разрешилось встречей с Ним в конце ее земной жизни.

На свой последний концерт в Москву в 1980 году она приехала уже больная. Опухла нога.

Мы с сестрой Раисой встретили ее у гостиницы «Россия» перед поездкой на концерт. Как легко, словно белая птица,

выпорхнула и села в машину болгарская певица Лили Иванова, и с каким трудом, прихрамывая, шла к этой же машине Анна.

На концерте в Лужниках перед ее выходом на сцену гасили свет. В полутьме она проходила между стульями музыкантов на свое место. Загорался свет. Анна начинала петь. В ее пении была такая сила жизни, что зритель и не подозревал, какие страдания ей приходится переносить.

По окончании пения свет гас, и Анна незаметно уходила за кулисы.

Анна была неизлечимо больна. Я стал получать из Варшавы от ее матери Ирмы грустные письма. «Как тяжело видеть страдание своего ребенка, – писала она, – если бы можно было все взять на себя».

Но так уж определено. Каждый человек несет свой крест и испивает свою чашу страданий. Страдание, если человек его принимает, не ропщет, проходит через него, завершается Радостью, Радостью неземной.

Каждому человеку очень важно когда-нибудь оказаться, как Мать Божия, у Креста. Там некуда уйти. Божия Мать не мечется, не суетится. Так и человек, испивая чашу страданий до дна, наполняется неземным светом.

Дочь одной умершей женщины поведала мне, что незадолго до смерти мать призналась ей: «Ты меня поймешь: откровенно говоря, я не хотела бы выздороветь, я боюсь потерять то, что Господь открыл мне во время болезни».

Небо открылось Анне. Она лично встретилась с Богом в глубине своего страдания на одре болезни. Рак съедал ее тело, оно уже отказывалось жить, а дух ликовал. Все ее мысли были заняты Богом. Все житейское отступило перед вечностью.

Анна принимает Святое Крещение 23 мая 1982 года. На следующий день она пишет Анне Качалиной: «Дорогая моя Аничка, я уже несколько раз должна была ехать (плыть) на тот берег, но этот скряга Харон без денег не хочет везти в своей лодке, в подземное царство Хадес. А откуда я ему возьму эту денюшку... когда я не работаю?! И еще долго пролентяйничаю... Хочу тебе сказать самое важное. Вчера я приняла Крещение – это вера моей бабушки, и я очень

счастлива. Как мне хотелось бы посидеть рядом с тобой и все рассказать!! Вите скажи – я никому больше не могу писать – сил нет. Ты уж скажи кому надо сама. За окном чудесная весна, у нас сирень есть, но я уже очень давно лежу в больницах и теперь дома уже месяц – не встаю пока совсем. Но все это теперь неважно стало. Все будет. Твоя Аня».

Последняя песнь Анны – молитва. Когда ей было физически очень тяжело, она садилась за рояль и пела псалмы и молитвы, мелодии к которым рождались в ее душе. Она пела «Отче наш», псалом 23-й «Господь – Пастырь мой» и «Гимн о любви» из Первого послания к коринфянам апостола Павла: Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит (1Кор 13:4–7).

Недавно я получил от мужа Анны из Варшавы уникальную запись этих песнопений. «В них слышно больше, чем во всем ее творчестве», – пишет Збигнев.

Слушая последнее пение Анны, ощущаешь, как сказала Анастасия Ивановна Цветаева в одном из своих стихотворений, жажду ее души напиться бессмертия живой воды, а потом «из мрака тела – в дух, где тихо и светло».

Друг, посетивший Анну за два дня до ее смерти, свидетельствовал: «Я увидел человека очень больного, терпящего, но полного спокойствия и надежды. С такой Анной мы и простились».

Настал час души Анны. Это было 25 августа 1982 года в одном из госпиталей Варшавы.

Анну похоронили на старинном варшавском Повонском кладбище костела евангелистов-реформаторов, находящемся на улице Житня, где лежит и ее любимая бабушка, Анна Фризен.

Мне не удалось быть на ее погребении. Но спустя много лет на пути домой из Парижа была длительная остановка в аэропорту Варшавы, и я смог посетить ее могилу. На кладбище мне встретился его смотритель – Янек. Он живет в доме при

кладбище с семьей. Сказал, что сам рыл могилу для Анны. Проводил меня к ней. На плите из серого полированного камня надпись: «Анна Герман-Тухольска 1936–1982», и внизу нотная строка – последняя песнь Анны: 23-й псалом Давида, его первая строка – «Господь – Пастырь мой».

Я положил на плиту маленький образ Владимирской иконы Божией Матери и попросил Янека поставить негасимую свечу.

Одну из своих концертных программ в конце 70-х годов она назвала «Песни о любви».

Когда эстонский журналист Антс Паю спросил, почему она выбрала такое название, Анна ответила: «Разве есть на свете что-нибудь выше, чем это чувство? Мы с ним рождаемся, приходим в этот мир, это то, что движет нас к жизни. Самое нужное в нашей жизни – это любовь. Любовь к Богу, к человеку, к ребенку, к сердцу, которому мы посвящаем лучшее, к родине.

Сейчас, когда наш мир такой суетный, когда нам некогда сказать любимому человеку, что мы его любим, когда мы не говорим близким самого главного, я решила: буду петь про любовь».

Анна любила людей, и они ей платили взаимностью. Страдания, которые она перенесла, еще более углубили ее как личность: ведь чем глубже копаешь колодец, тем чище вода.

После каждого своего концерта она отыскивала работников сцены, пожарников, осветителей и дарила им все, что ей подарили: цветы, конфеты, сувениры. Такая у нее была душевная потребность.

Помню, как перед ее концертом в саду «Эрмитаж» буфетчица, оставив ждать длинную очередь, понесла Анне в артистическую комнату стакан хорошо заваренного чая с лимоном и бутерброд с черной икрой.

Во время гастролей весной 1977 года, узнав о болезни Анастасии Ивановны Цветаевой, Анна нашла время навестить больную. Из-за отсутствия мест в палате Анастасия Ивановна лежала в коридоре. Радостно было смотреть, как тепло общались они друг с другом, словно любящие мать и дочь. Анна подарила ей цветок в горшочке, сказав: «Я желаю Вам так скоро поправиться, как скоро расцвели эти цветы».

Еще в 1974 году Анна получила подарок от Анастасии Ивановны – ее «Воспоминания». Она прочитала книгу и все время к ней возвращалась, особенно в сказочный мир детства, где она и себя нашла, несмотря на то, что детство ее было очень трудное.

«Просто чудо, – писала мне Анна в январе 1975 года, – теперь уже почти никто так не пишет». «Когда ты опять встретишься с Анастасией Ивановной, – писала Анна в ноябре 1975 года, – передай ей самый горячий привет от меня. Я, конечно, сама напишу – чуть позже. Я счастлива, что Анастасии Ивановне приятно иногда послушать "моего" Скарлатти. И я также счастлива, что она нашла время и захотела тогда прийти на наш концерт. Таких людей мало».

В 2003 году у меня и у всех прихожан нашего храма была большая радость: позвонил из Варшавы сын Анны Герман, тоже, как и ее муж, Збигнев, по-домашнему Збышек, и попросил моего благословения на приезд в Латвию, в Карсаву. Я ему сказал о моем знакомстве с ним, когда он был еще во чреве матери. В очередной приезд на гастроли в Москву в лифте гостиницы «Россия» Анна поделилась своей новостью – ждет ребенка. Я сказал, что это большая радость не только для нее, но и для всех. Дети – это дар Божий. Знала ли Анна, что ее имя в переводе с еврейского означает «благодать»? Эта благодать снизошла на нее. Збышек появился на свет 27 ноября 1975 года.

И вот мы встретились с ним через 28 лет. Он приехал к нам вместе с Анной Николаевной Качалиной, которая для него, по его словам, как родная.

«Он хороший мальчик, – писала мне мать Анны, – не курит, не пьет, не шляется, многое умеет в технике».

Я узнал, что он любит историю, паровозы. Недавно поступил в Варшавский католический институт кардинала Стефана Вышинского, на теологический факультет. Увидев у меня переизданную Острожскую Библию, очень заинтересовался ею, попросил почитать. Он получил ее в подарок.

Мы устроили в очень красивом месте вблизи храма вечер памяти Анны Герман, на который собралось много людей, местных и приезжих – из Москвы, из Санкт-Петербурга. Слушая пение Анны, все ощущали реальное ее присутствие среди нас, был молитвенный дух, ибо невозможно, слушая в ее исполнении «Аве Мария», не быть в этот момент с Богом.

Возвратившись домой, Збышек прислал теплое благодарственное мудрое письмо. Он, по слову моей сестры, благородно воспитан.

В конце письма была приписка отца: «Дорогой отец Виктор, дорогой Витя (извините, но так мы с Аней тебя звали). Я очень, очень рад, что Збышек в конце концов смог познакомиться с тобой.

Для него это было большое переживание. Мы живем тут как нам удастся. С нами живет мама Ани (93 года), которая крестилась теперь в церкви адвентистов. Я напишу более длинное письмо обо всем.

Теперь сердечное поздравление и благословение Господа.

Твой Збышек Тухольский.

Варшава 24.09.03».

Самым радостным в письме Збышков для меня было сообщение о крещении матери Анны – Ирмы Мартенс-Бернер. После смерти Анны она часто писала мне; в письмах было много грусти и даже отчаяния: «Нет веры, нет счастья, нет жизни, нет сил». И в то же время вопреки этому в ней теплилась надежда: «Но надо надеяться на лучшее, на мир».

И вот, наконец, лучшее совершилось – Ирма встретила с Богом, к Которому шла почти век своей жизни.

Ее скорбь – о внуке Збышке. В одном из писем пани Ирма писала: «Он стоит на похоронах Ани на кладбище тихо возле отца. Много людей. Он не понимает, что его судьба решается: не будет такого материнского тепла и заботы. Я сегодня болею, когда смотрю на Збыся – без материнской любви остался».

Но в мире есть Любовь, которая превосходит и материнскую, и отцовскую, – Любовь Бога-Отца. Мы все творим молитву «Отче наш» независимо от возраста, то есть перед лицом Божиим мы все дети Его, и Он нас всегда любит. Збышек

уже познал эту Любовь, поэтому он мирен. Эту Любовь познала его мать – Анна Герман. Она шла к ней всю свою жизнь.

Анны Герман давно с нами нет. Но мы часто слышим ее голос в эфире. В этом большая потребность у людей. В современном мире, страдающем от разливания зла и пошлости, ее голос творит чудо. Когда он звучит, все преображается, происходит что-то необычное и таинственное. Душа человеческая, по природе своей бессмертная и имеющая неистребимое желание жить всегда, улавливает совершенно другие звуки, звуки вечной жизни и Любви и становится чище и светлее.

«Быть человеком важнее.»

Анастасия Ивановна Цветаева не дожила одного года и трех недель до своего столетия. 5 сентября 1993 года, в воскресенье, утром, душа ее разлучилась с телом. Совпадение ее имени с названием дня ее кончины – Воскресение (греч. апаотаоц – Анастасия) – не случайно. Оно подтвердило тайну о славном, пасхальном смысле всей ее жизни.

Самое ее имя, ее слова, ее дела всегда несли людям Радость. Живая встреча с живым Богом одухотворила всю ее жизнь, дала силу «в годы лжи, падений и разрух» терпеливо, незлобиво страдать в лагере, в ссылке, благословляя, по слову апостола, гонителей своих, но не проклиная. Она понимала, что все происходящее с нею и ее современниками – не случайность, а Промысл Божий. Бог – Любовь, а Он не хочет ни ей, ни другим зла. Поэтому на всякое нравственное понижение она отвечала только его повышением. Следовател с Лубянки, по рассказу Анастасии Ивановны, удивлялся, почему она не гневается на него во время длительных допросов. «Дело не в Вас, Господь через Вас вразумляет меня, грешницу.» – спокойно отвечала она.

Вся жизнь Анастасии Ивановны – странствия, то добровольные, то насильственные: заграничные поездки – в детстве в связи с болезнью матери, в молодости – к М. Горькому и к сестре Марине в Париж; десять лет лагерной жизни на Дальнем Востоке с двадцатью пятью перебросками, иногда пешком; после лагеря – переезд в Сибирь на «вечное» поселение. Страдания и трудности только укрепляли ее связь с Богом, подвигли к жизни страннической, иноческой. У Анастасии Ивановны не было привязанности к одежде, к пище, к личному быту. По возвращении из ссылки в Москву она жила в маленькой узенькой комнатке коммунальной квартиры, перенаселенной, с общими ванной, кухней и телефоном. В годы ссыльных странствий произошла чудесная встреча Анастасии Ивановны с блаженной Евфросинией, княжной Вяземской, фрейлиной Екатерины Великой, – через книгу, изданную в 1903

году в Сергиевом Посаде, которую она взяла у соседа в селе Пихтовка. Узнав Христа, княжна Вяземская оставила все: двор и всю светскую жизнь. Вначале она приняла монашеский постриг, потом, по благословению митрополита Филарета Московского, взяла на себя подвиг юродства. Блаженная Евфросиния прожила 120 лет и прославилась своей святостью и чудотворениями. Книга, которая попала в руки Анастасии Ивановны, представляла собой материалы к канонизации святой, не совершившейся до сего дня. Она была не просто прочитана, а пережита. Анастасия Ивановна переписала ее для себя и перерисовала карандашом портрет блаженной, который сохранился до сих пор. Жизнь блаженной Евфросинии, близкая по духу жизни Анастасии Ивановны, отныне постоянно вдохновляла ее. Особое почитание блаженной запечатлевалось Анастасией Ивановной молитвой ко святой, упованием на ее заступничество. Блаженная Евфросиния становится постоянной спутницей жизни Анастасии Ивановны. Не раз блаженная помогала ей, о чем она поведала в своих рассказах «О чудесах и чудесном».

Поэтому, по возвращении из ссылки, Анастасия Ивановна прежде всех дел отправилась в Тульскую область искать могилку блаженной, часовню и источник, выкопанный святой. Паломничество в Колюпаново к блаженной Евфросинии стало для нее постоянной духовной потребностью.

Была у Анастасии Ивановны попытка прекратить свои странствия, о чем она поведала за двадцать лет до кончины своему духовнику отцу Александру. Было высказано пожелание навсегда поселиться вблизи источника блаженной. Не потому, как сказал в своей эпиграмме поэт-символист Вячеслав Иванов, «дабы подальше от людей она была еще святей», а во исполнение тайного обета, данного ею в двадцать восемь лет. Анастасия Ивановна, не принимавшая монашеского пострига, дала обет целомудрия, нестяжания, неядения мяса и жила согласно этому обету. «Писательницаинокиня», – так назвала ее одна журналистка в своем интервью с

Анастасией Ивановной. Знавшие Анастасию Ивановну, не удивились такому определению, а согласились с ним.

Имея дар слова, Анастасия Ивановна поставила в своей жизни на первое место не литературное творчество, а Бога и ближнего, ибо, как сказала ее родная сестра Марина Ивановна Цветаева, «быть человеком важнее, потому что нужнее». Ради ближнего она прерывала труд на полуслове и спешила на помощь. Всегда была с людьми, всегда помогала. Достать лекарства, дать рецепт, послать деньги, вещи, книги, молиться о болящих и новопреставленных самой и призывать к молитве друзей, своего духовного отца – таковы были ее ежедневные попечения о ближних. Не было, пожалуй, ни одного письма ко мне, в котором не имелось бы просьбы о молитве за кого?нибудь. Часто она сугубо напоминала об этом, вынося просьбу на конверт письма, туда, где адрес. К ней тянулись многие люди, уставшие от безверия и лжи, жаждущие правды, с доверием и надеждой, ибо видели в ней присутствие любви и добра. Одно дело – писать о добре, а другое – быть в добре. Некоторые приходили к ней в ее маленькую московскую квартирку на Большой Спасской с литературными интересами, а уходили от нее с искрой христианской веры, пробужденные духовно. Как-то ей позвонила известная артистка, уже немолодая: «Как я счастлива, что Вы меня научили молиться. Мне теперь так легко жить». И таких признаний было много. В Николин день, 19 декабря 1989 года Анастасия Ивановна написала мне: «Хочу сообщить Вам, что начала воплощать Ваше задание, если верно его поняла – записывать все необычные, к чуду касающиеся случаи, с которыми меня свела жизнь: сперва все связанные с блаженной старицей Евфросинией, в миру княжной Евдокией Григорьевной Вяземской (1735–1855), а затем и другие случаи, которые нельзя объяснить рассудочно».

10 февраля 1990 года она сообщила: «Кончаю Ваш заказ – все чудеса, мною испытанные».

Рассказы были написаны, присланы и напечатаны в первом выпуске альманаха «Христианос» (1991), рождение которого в Риге она радостно приветствовала коротким посланием. Тот, нездешний мир был реален для Анастасии Ивановны. Она жила им, как и всякий истинно верующий христианин. В отрочестве, в

молодости у нее были сомнения, было даже богоборчество, о чем она рассказывала в одной из своих бесед, опубликованной в «Московском церковном вестнике», но в нелегкой внутренней борьбе в ней родилась вера Христова. Каждое воскресенье она стремилась в храм, на Евхаристию, чтобы участвовать в Трапезе Господней и укрепиться духовно и телесно; именно участвовать, а не присутствовать, как это принято по старинной традиции у многих христиан. Господь открыл ей Тайну Евхаристии, поэтому она жила ею. Находясь на смертном одре, она постоянно исповедовалась и причащалась. К Богу ее душа отошла тихо в тот час, когда в храме совершалась Трапеза Господня.

«Я хочу людям давать радость», – всегда говорила Анастасия Ивановна.

И Господь даровал ей благодатную силу с любовью исполнить эту святую заповедь ее жизни.

Языком сердца

Слушаю...» – первое слово, которое Анастасия Ивановна всегда произносила в телефонном разговоре, а не бессмысленное «алло». И это означало: я вхожу в твой мир, погружаюсь в твою жизнь, начинаю участвовать в ней. Слух ее не закрывался ни перед кем, она не боялась вслушиваться в человеческую боль, встречаться с человеческим горем. Услышать, как говорил один святой, – это значит отозваться. Отозваться на горе, на страдание человека. Но часто мы слушаем поверхностно, невнимательно, только то, что хочется, что желанно, приятно. Тогда – это жизнь мимо себя, мимо людей. Тогда уходит возможность вырасти в полную меру личности. Анастасия Ивановна отзывалась на человека не на миг, не мимолетной мыслью, а сердечным трепетом и – навсегда.

Вот почему у нее было много друзей, верных, настоящих, друзей навсегда. Их верность росла в общении с нею, потому что она умела встретить человека по-настоящему – глубоко, честно и серьезно.

Дар слова призывал ее писать, но Анастасия Ивановна не была человеком, которого не оторвешь от письменного стола, листа бумаги. На первом месте в ее жизни была не книга, не литературное творчество, а человек. По ее словам, он мил, он драгоценен, драгоценнее всего. Она могла все оставить, прерывала труд на полуслове и спешила помочь всем, кто нуждался в ней. Те, кто был в горе, получали утешение, те, кто был в духовной растерянности, слышали ее теплое, мудрое слово.

Однажды поздним осенним вечером Анастасия Ивановна позвонила мне. Я был простужен и, разговаривая с ней, вдруг чихнул.

– Вы больны?

– Нет.

И вновь чихнул.

– Где Вы находитесь? Я Вам немедленно дам лекарство.

Я просил не беспокоиться из-за легкой простуды. Но Анастасия Ивановна настояла и привела неотразимый аргумент: «Вы не можете отказать старому человеку». Дал адрес. Я подумал, что она пошлет кого-нибудь из своих многочисленных молодых друзей. Но вот звонок... И на пороге стоит Анастасия Ивановна, опираясь на палочку. В руке – лекарства и два горячих пирожка, купленные у метро. День был сырой, темный, на улице – слякоть, в метро – давка, но она преодолела все трудности и приехала. Можно много говорить о добре и любви, но ценнее всего быть в добре. Ее приезд был явлением и сиянием любви к ближнему.

Как-то Анастасия Ивановна сказала мне: «Я не ищу удовольствий и блажей, только хочу быть полезной, делать то, что могу».

Вскоре после моего крещения я получил от нее драгоценнейший подарок – маленький зеленый рукописный молитвослов с надписью «Вите – на память. 5. III.71». Я не намекал о молитвослове, но она знала, что в те годы приобрести печатный молитвослов было почти невозможно, поэтому позаботилась, как крестная мать, написать от руки самые необходимые молитвы, начиная с Символа веры и заканчивая молитвой святому мученику Трифону, любимому ею святому. Почерк у Анастасии Ивановны был трудный, но молитвы она постаралась написать почётче – не соединяя буквы – вспомнив, наверное, свои библиотечные труды в Музее изящных искусств, созданном ее отцом. Этот молитвослов – ценнейшая книга в моей духовной библиотеке.

Не было, пожалуй, ни одного письма ко мне, в котором не имелось бы просьбы о молитве за кого-нибудь. Часто она сугубо напоминала об этом, вынося просьбу на конверт письма, туда, где адрес.

В январе 1975 года тяжело заболела ее двадцатисемилетняя внучка Маргарита, и Анастасия Ивановна недели проводила рядом с ней. «Изнемогаю и не могу бросить, – говорила она мне. – Молитесь, чтобы я вынесла период ухода за ней, устаю от хозяйственных и медицинских забот, а еще больше – от ее трудного характера».

Нелегко было ей и с ближайшей подругой, которую она опекала все последние годы своей жизни в Москве. Она помогла ей, еврейке, встретиться со Христом, начать христианскую жизнь. Но та не понимала, что христианская жизнь – это путь вперед и выше. Нужно не стоять на месте, а преодолевать внутренние и внешние препятствия, чтобы быть со Христом. Но она, крестившись, не хотела жить жизнью христианки. Ни одной молитвы, которые ей переписала сама Анастасия Ивановна, не выучила. Ленилась. И Анастасия Ивановна пыталась вразумить ее, объясняя, что немощь и лень – не одно и то же, что нельзя надеяться только на милость Божию, а самой ничего не делать. «Христос все простит», – говорила подруга и ничего не делала для улучшения своего поведения.

– Тогда все, что сделал Христос, – nonsense? – возмущалась Анастасия Ивановна.

Сердце ее рвалось духовно помочь сестре Лере, которая, дожив до 86 лет, была неверующей:

– Неужели с тобой за всю долгую жизнь не было таинственного, неужели тебе все ясно?

– Я об этом не хочу думать, – отвечала та. – Я хочу жить как кошка, как трава.

Но, встречая постоянное сопротивление, Анастасия Ивановна продолжала молиться за Леру, надеясь на Владыку Невозможного – Господа, на Его помощь. И вот, к великому утешению молящейся, за семь дней до смерти, по словам женщины, бывшей с Лерой, в ней произошел какой-то духовный перелом. Вечность коснулась ее.

Проведя вне Москвы – в лагерях и ссылках – 25 лет, Анастасия Ивановна возвратилась в родной город. Два года и девять месяцев по приезде «выхаживала» квартиру, с кошелкой скиталась по знакомым. Но однажды к тем, у кого жила полгода, приехали знакомые.

– Я стояла в метро, – рассказывала Анастасия Ивановна, – не зная, где буду ночевать. Оставалась одна возможность, о которой вспомнила, и пошла. Приютили.

14 мая 1962 года, в день чествования иконы Божией Матери «Нечаянная радость», ее прописали в Москве.

Анастасия Ивановна поселилась в комнате коммунальной квартиры в доме на ул. Горького, вблизи гостиницы «Минск». Всего проживало в квартире восемь семей. Ее это устраивало, потому что казалось, что власти не так пристально сосредоточиваются на ней. Она – как все, на равных. Быт квартиры трудный: общая кухня, общая ванна, общий висящий на стене телефон. Телефон звонит непрерывно. «Немыслимое орудие пытки», – говорит о нем Анастасия Ивановна. Комната, где она жила, была узкой и тесной, приходилось лавировать между вещами. Анастасия Ивановна шутила: «Я змеюсь в ней». Но она часто становилась странноприимной: засидевшийся и заговорившийся гость имел возможность переночевать под роялем: другого места в тесной комнатке не было.

В этой комнате, не за письменным столом, а сидя на ветхом диванчике сомье, положив папку с бумагой на колени, она писала свои «Воспоминания» и другие книги, которые определили ей достойное место в нашей литературе, на время как бы ушедшее от нее.

– Пишу, как могу, как хочется. Пишу так, как было в жизни. Нужно просто перевоплощаться в те дни. Писать от души. Мемуары должны быть кристальны. Воспоминание – не зеркальное отражение, а воссоздание. Воссоздаю годы, а не день, как в дневнике, вот и вся разница.

«Нужно иметь сердце, чтобы хорошо писать», – говорила Анастасия Ивановна.

Читатели ее «Воспоминаний» за грацией и поэзией повествования увидели понимание людей и любовь к ним писательницы. По слову Бориса Пастернака, они написаны «языком сердца».

Этот язык не понравился официальному редактору, из «Воспоминаний» изъяли 25 мест религиозного содержания. Замечания на страницах рукописи, которые делала редактор М. Ланда, были одно нелепее другого:

– Вы часто употребляете слово «любовь», нельзя ли его заменить словом «дружба»?

Но, к счастью, у Анастасии Ивановны был еще друг-редактор, человек тонкого вкуса – Маэль Исаевна, жена пушкиниста Файнберга. Она помогала лечить раны, нанесенные «Воспоминаниям».

Некоторые читатели, зная лагерное прошлое Анастасии Ивановны, хотели подвигнуть ее на написание книги о нем. Но она отменяла подобные предложения.

– Я хочу давать людям радость. Пишу о том, от чего искрится душа. Я бы не могла пережить опять то, что было. Зачем? Я просто удивляюсь, как Солженицын все запомнил. Но Иван Денисович – не трагическая фигура, трагизм снят. А я видела египтологов, астрономов – людей, оторванных от своей любимой работы, что для них было самым страшным... «Раковый корпус» начала читать и бросила на восьмой странице: все было понятно, о чем будет говорить. Лучший рассказ у него – «Случай на станции Кречетовка».

Вышедшие в свет «Воспоминания» она щедро дарила друзьям. Вначале было подписано 300 книг, а потом – еще и еще. Анастасия Ивановна писала каждому индивидуально: хотелось выразить естественное отношение к каждому. «Воспоминания» с автографами были посланы М. Бахтину, Д. Благому, С. Наровчатovu, Т. Спендиаровой, Анне Герман.

Надписав на втором издании «Воспоминаний» «Дорогому Вите Мамонтову с любовью, уважением и благодарностью!», Анастасия Ивановна остановилась: «А лирику напишу потом». Потом оставленное место было заполнено:

«В день Вашей щедрой помощи мне, а себе в ущерб – 19. XI.

Вспомните – когда меня уже не будет – часы нашего первого знакомства, наши беседы, смену Москвы и Коктебеля – с прослойками, Вам – Южно-Сахалинска – годы дружбы и роста, всегдашнюю радость встреч – и помяните меня добром! (Новые главы – «Осень 1911», и 8-я глава от "Дом Марины"и до Горького).

Анастасия Цветаева.

20. XI. 74

Вечер после отлета восхитительной Анны Герман с пожеланием Вам той степени счастья, которого Вы, Витя, достойны. И да хранит Вас Бог!

А. Цветаева»

После выхода «Воспоминаний» Анастасия Ивановна начала работу над «Сказом о московском звонаре». Ей помогали многие ее друзья, потому что нужно было найти и архивные материалы, и свидетелей его удивительной игры. В музее музыкальной культуры им. М. Глинки мне удалось обнаружить записи тональности московских колоколов, сделанные рукой К. Сараджева, найти редкие фотографии и записать несколько рассказов людей, знавших звонаря. Анастасия Ивановна постепенно вводила эти материалы в свое повествование.

Нужно было восстанавливать и «Руины романа» – таково было первоначальное название романа «Амор». От романа осталась только часть, а остальную, написанную на четвертинках папиросной бумаги, по ошибке скурили собраты по лагерю.

Редакторша ознакомилась с частью романа, написанного тонко и психологично, и сказала: «У нас эта вещь не пойдет». «А за границей ее бы оторвали с руками», – заметила Анастасия Ивановна.

В отличие от прозы, поэтическое творчество Анастасии Ивановны мало известно.

– Никто не знал, что я пишу стихи. Начнут искать параллели с моей прозой. А я этого не хочу. Все семь лет в лагере я думала только стихами.

В последние годы жизни Анастасия Ивановна написала несколько стихотворений. Эти стихи, вместе с написанными до лагеря и в лагере, вошли в ее единственный поэтический сборник. «Несравненное счастье, – говорила она, – улететь через ритм из комнаты, как птица из клетки дня».

Много начинающих поэтов обращалось к ней за советом и помощью, и, несмотря на занятость и физическую немощь, Анастасия Ивановна выслушивала или прочитывала их стихи и давала трезвую, нелюбезную оценку. Поэтессе из Санкт-Петербурга она говорила, что ее стихи ничего не говорят о ней

самой, они выражают век, а не ее. И причем – не лучшее в веке.

Поэту, прочитавшему ей в Коктебеле свои стихи, она сказала: «Стараетесь писать манерно, вычурно. Будьте просты, почувствуйте точно. – Не дослушав его до конца, она попросила читать не поактерски, а просто. – В стиле все заложено, и не нужно стараться помогать себе другими средствами. Ведь когда стихотворение напечатают, этого всего не будет. Кто будет знать о ваших жестах, модуляциях голоса? Читайте просто. Высший пилотаж – простота».

Талантливая чтица Людмила Джигуль из Киева подготовила программу «Стихи Марины Цветаевой» и выступала в Прибалтике, в Москве. Она показывала ее, и мне пришлось быть свидетелем того, как чутка к фальши Анастасия Ивановна. Читая «Тоску по Родине», Джигуль драматизировала. Анастасия Ивановна остановила ее и сказала, что нужно читать так, как ведет строка, на грани тишины: «Поймите: эта вещь написана не из восторга, а из отчаяния, из "не могу"». Не могу, а нужно. Парадоксально, что это?то"не могу"и заставило написать». Она как художник поняла замечание и, перед отъездом из Москвы, прочла стихи так, как нужно.

Очень огорчило Анастасию Ивановну чтение стихов Марины на вечере у Никитиной.

– Дама в платье светло-бордовом, с кружевами, с яркими бусами, встала и, прежде всего, подала себя. Она в упоении закидывала голову, приоткрывала рот – ее снимали. Глупый вид. Это ужасно. Я ушла. Для меня всегда болезненно услышать – «будет вечер Марины».

Она не принимала чтения стихов Качаловым.

– Он чтением портил стих. Никто никогда не читал стихов хуже него. Он ставил точки, запятые. Это проза.

– Как читал стихи Макс Волошин! Он радовался слову, как чашу подымал. Иногда только жестом правой руки помогал. Радостно читал.

Как?то в разговоре о переводе и переводчиках Анастасия Ивановна сказала:

– Перевод должен быть адекватный. Переводчик – аскет. Он должен забыть себя и быть точным, соблюсти рифму и все остальное. Переводчик не должен блистать, плохой переводчик себя не забывает и блистает. Пастернак был плохой переводчик – себя давал.

У Анастасии Ивановны был дар емкой, лаконичной оценки личности и творчества писателя.

Высоко ценимым Анастасией Ивановной писателем был Достоевский.

– Он – для самых больших людей. Следующее слово после Достоевского – это уже не литература, а духовное писание.

– Лев Толстой – прекрасный психолог, стилист, но все очень навязчиво, все время что-то объясняет – в том состояло., что. Упрощает. Колосс для средних людей.

Пушкина и Гёте Анастасия Ивановна называла олимпийцами, но совсем по-разному:

– Пушкин в творчестве – олимпиец. А в жизни делал что попало.

– Не люблю Гёте. Как поэт – хороший, но холодный человек, возомнивший о себе олимпиец.

– Вячеслав Иванов – вне морали, темный человек. Ловил в свои сети души. Я никогда не тянулась к нему.

– Розанов – покаянный тип. Умный, чувствует слово. Написал мне одно такое письмо, которым возмутилась. И смердяковщина была в нем. Какая-то мыслительная машина. Переписку с ним отвезла к Горькому на хранение.

– Катаева не люблю. Не писатель, а описыватель. Обнажается. И тем противнее, чем больше обнажается.

– Чехов – как подсолнух: не оторвешься, но всегда можно прекратить. Об этом писала еще в 18 лет.

Анастасия Ивановна критически и с большим юмором относилась и к самой себе. Она не любила фотографироваться в профиль: «Профиль у меня – как у одной собаки». Возвратившись из Коктебеля, сказала: «Прибавилось во мне 3,5 кг старушечьего мяса. Будет из чего худеть». В ее тесной комнатке в коммуналке на ул. Горького не было зеркала. На чье-то удивление сказала: «Причесываюсь наизусть».

Анастасия Ивановна имела дар радоваться чужой радости, таланту ближнего – больше, чем своему.

Когда она впервые услышала голос Анны Герман, была покорена его грацией. Она писала Анне о неповторимости тембра ее голоса; в нем душа певицы, ее индивидуальность со всем таинственным, единожды пришедшим на землю.

«Ваш тембр струит на нас неповторимость Вашей душевной грации. Каждый изгиб интонаций Ваших радует сердце и восхищает ум – так пленительно и увлекательно Ваше пение. Я знаю, что Вы испытали, через что прошли. Тем драгоценнее Ваше возвращение в нашу жизнь, вторичное сияние Вашего голоса в наших залах, где, казалось, он мог смолкнуть навеки. Ваш голос – отмеченный особой судьбой, особым благоволением к Вам Провидения, я это ощущаю в каждой песне Вашей, в каждой улыбке Вашего грациозного репертуара. Я благодарю за Вас судьбу.

Да хранит Бог здоровье Ваше, героически выстраданное, и да будут долги и светлы годы жизни. Мне 80 лет. Пойте до моих лет, по крайней мере, может быть, до 90».

Когда-то Анастасия Ивановна ходила на каждый концерт замечательной камерной певицы Зои Лодий, теперь она старалась не пропускать концерты Анны Герман, которая часто приезжала на гастроли в нашу страну.

Жизнь Анастасии Ивановны была настолько просторной, что в нее вместились очень много людей, это была жизнь глубокая, Божия. Люди часто приходили к ней с литературными интересами, а уходили верующими людьми. Она сумела уже в двадцать восемь лет отдать себя Богу, поставить Его на первое место в своей жизни. Отсюда, наверное, в ней была решимость всегда стоять за самое высокое в самой себе и в других людях. Она сияла и сияет в нашей жизни своей Любовью, своей радостью и милосердием, своим неповторимым талантом. И этому сиянию не будет конца.

Пастырь любви

В сентябре 1998 года я был приглашен посетить Лондонский приход, где служил митрополит Антоний Сурожский.

В соборе Успения Божией Матери и Всех Святых должна была совершаться служба Воздвижения Креста Господня. Собор находится в квартале Эннисмор Гарденс, в ста метрах от Гайд-парка. Я вошел в алтарь, где готовились к службе иподиаконы и диаконы. И вот совсем неожиданно появился владыка Антоний в сером подряснике. Он тихо вошел левой боковой дверью, подошел к месту, где лежали священнические одежды и начал сам облачаться. Это было необычно, потому что архиереям в этом всегда помогают иподиаконы.

Потом он подошел ко мне и благословил. Началась служба.

Меня удивило то, как молится владыка. Было впечатление, что он обращается к Тому, Кто находится перед ним и молится всеми силами жизни, которые в нем были. Молитва в нем жила, горела. Я почувствовал, что он близок Богу, что он умеет творить молитву предстательства о всех тех, кого Бог ему дал. Он был поистине человеком молитвы.

Такое живое общение с Богом я видел однажды в алтаре сельского храма в Ярославской области на службе архимандрита Павла (Груздева), старца, который много пострадал во время гонений на Церковь. Святые Дары были уже освящены, и отец Павел, наклонив голову и протянув ладони к ним, молился о ком-то: «Ты видишь его. Ты знаешь его нужду, помоги ему.. Ты ведь всех любишь». Впечатление было такое, что он реально видит Того, к Кому обращается. Такая молитва была предношением этого батюшки перед лицом Божиим. Он в этот момент все забыл и живым светильником стоял перед Богом.

«То, как служил владыка, – говорила сестра прихода Марина Безменова, – потрясало всех. Это было истинное предстояние перед Богом, полное погружение в совершаемое таинство. Голос его сохранял силу, и слова молитвы чеканились

и западали в душу, заставляя тут же собраться, сосредоточиться, "житейское отложить попечение"".

Во время Евхаристии владыка опирался на посох – физически он начал слабеть. Но дух его был бодр.

По окончании службы мы остались вдвоем в алтаре – побеседовать. Владыка не сел, а стоя говорил со мной, расспрашивая о жизни моего прихода в Латвии. Он в 70-е годы побывал в Риге, встречался с митрополитом Леонидом.

– Может быть, Вам непривычно, что у нас здесь в храме бедно и просто.

Я сказал, что вид алтаря его храма очень напоминает мне алтарь Троицкого кафедрального собора в Риге, где служил владыка Леонид и где я был рукоположен: «Как и Вы, владыка, я не люблю пышности, мне очень нравится скромный вид Вашего алтаря». Владыка подарил мне свою фотографию с надписью: «С радостью о встрече и братской любовью. м. Сурожский Антоний».

Боясь утрудить владыку, я все же дерзнул попросить его сказать несколько слов моим прихожанам: «Они Вас любят, и хотя не видели Вас, но встретились духовно, потому что читали Ваши книги. Это для всех нас – духовная пища, мы черпаем в них силу жить по-христиански. Это книги, рожденные из сердца, книги светлого духовного опыта». Владыка с радостью согласился, включил диктофон и начал говорить:

«Во-первых, я хочу сказать, что для меня была большая-большая радость встретить вашего настоятеля, который мне столько рассказал о внутренней жизни вашего прихода, вашей общины и о том, что эта община, словно семя, которое Христос бросает на ветер с тем, чтобы оно упало там, где только может произрасти и принесло бы плод. И мне кажется, что это очень важно – создавать такие общины, которые представляют собой единство, и члены которых могут расходиться затем по всему миру, не теряя сознания, что они едины друг с другом. Это – первое, что меня поразило в рассказе отца Виктора.

Кроме того, я хочу вас поблагодарить за то, что вы читаете мои книги и умеете их воспринимать. Всякому ясно, что я – не богослов. Я никогда в богословской школе не учился. Но за

долгую жизнь у меня набралось очень много переживаний, мыслей, размышлений. Я помню, мой отец мне говорил: «Ты всегда думай больше, чем будешь читать. Потому что память твоя всегда будет работать лучше твоего ума». А затем, когда я немного взрослее стал и стал верующим, он мне сказал: «Читай каждый день маленький отрывок из Евангелия и в течение всей недели только о нем и размышляй. Когда исчерпаются все твои чувства, все твои мысли, тогда встань перед Богом и молчи». И вот мне кажется, что это очень важно – чтобы мы не умом воспринимали Евангелие, слово Божие, а всем нутром, всем сердцем, и тогда оно принесет плод в свое время. Многое мы можем не принимать, а воспримем, когда созреем к этому.

Что вам пожелать? Пожелаю вам радости о Боге, о том, чтобы вы научились молиться, как святые молились. Но святой – это не какой-нибудь незаурядный человек. Это человек, который в простоте своего сердца может встать перед Богом. Мне вспоминается один образ молитвы, который у меня давным-давно в сердце. Это рассказ о том, как один священник приходил к себе в храм и заставлял всегда старика, который сидел и смотрел прямо перед собой. Он к нему однажды обратился и спросил: «Дедушка, что же ты тут сидишь? Губами ты не шевелишь, значит, устно не молишься. Пальцы твои не бегут по четкам, видно, у тебя их нет. Что же ты делаешь часами?» И тот ответил: «Я на Него смотрю, Он смотрит на меня, и нам так счастливо вместе!» И вот этого я вам всем желаю.

Во время богослужений, чтобы вы всем нутром своим молчаливо стояли перед Богом и воспринимали все то, что Церковь скажет: и напевы, и слова, и периоды молчания, и научились бы перед Богом безмолвствовать. Не то, чтобы оставаться без слов, а так углубляться, чтобы не до слов было. Так бывает, например, когда мы общаемся с человеком, который нам очень дорог. Вначале поговоришь, а затем уже приходит момент, когда уже не до разговора, не до слов. А так хорошо просто вместе посидеть! Дай вам Бог так научиться с Богом пребывать.

И это возможно не только в храме, и не только наедине у себя дома, но даже в толпе, потому что если вы посмотрите вокруг себя и скажете себе: «Это все люди, которых Бог сотворил, которых Он так возлюбил, что Свою жизнь отдал за них. Какое счастье быть среди этих людей! Господи, благослови этих людей, будь с ними – веруют ли они в Тебя или не веруют, это все равно. Бог в них верует». И молитесь – не только за них, а вместе с ними, чтобы ваша молитва была бы выражением их устремленности вглубь, ввысь – на те глубины и высоты, о которых они сами не знают.

Ну вот, дай вам Господь радость о Боге, радость о вашем настоятеле. Поддерживайте его, чем только вы можете. Знаете, раньше говорили: «Каков поп, таков и приход». Это остается реальным и теперь. Но еще надо вспомнить, что если приход не поддерживает всей своей молитвой, всей своей внутренней жизнью своего священника, то этот священник делается как лодочка, которую не несет уже море, а которая села на песок. Вы – море, на котором плавает челнок. Этот челнок – ваш священник, но вместе с этим он и руководит вами, потому что его просвещает Божья благодать. Да благословит вас Господь, да будет над вами Покров Пресвятой Девы Божией Матери и защита ваших святых».

Я подарил владыке Святогорскую икону Божией Матери, привезенную из Святогорского монастыря, который я посетил незадолго до поездки в Лондон, отслужив литию на могиле А. С. Пушкина. Владыка с благоговением принял ее и положил на престол, а мне подарил литой образ великомученика Георгия Победоносца, который находится ныне в моей келье. Он для меня – живая память о владыке.

Потом был чай, общение с братьями и сестрами Лондонского прихода. Радостно было видеть, что владыке за годы священнического служения – он был наречен во епископа 29 ноября 1957 года – удалось создать духовную семью, в которой все друг друга знают, любят и умеют служить друг другу. Здесь всякий человек, который приезжал с Родины, находил себе друзей, людей с открытым сердцем, открытым умом, людей, которые пережили одно и то же.

Личное общение дает возможность друг от друга познать опыт, которого у нас самих нет. И это очень драгоценно – разделить опыт других людей, которые пережили или одно и то же, или совершенно иное. «Верующие, – говорил митрополит Антоний, – должны так открыться по отношению к другим, чтобы они поняли, что в Церкви есть еще одно измерение такой глубины, такой жертвенной любви друг ко другу, которое мы не можем найти в простом обществе».

Владыка много лет трудился вместе со всеми над тем, чтобы создать общину, где каждый человек сознает себя ее членом и ответственным за нее в целом и за каждого человека в ней. Родился такой дух, что здесь все свои: чужих нет, все готовы потерпеть друг друга, когда все трудные. И поддержать друг друга, когда это нужно. А владыка у них – любимый пастырь. «Пастырство – это любовь», – говорил он сам. Он сумел воплотить эти слова, они стали его жизнью. Для него быть священником – это сделаться слугой, а не начальником или главой. Тот, кто обезумевает от своего «величия», связанного с саном, становится разрушителем человеческой души, светским властелином. Священство – не честь и не преимущество, а служение. Христос говорит: Я посреди вас как служащий (Лк 22:27).

Владыка умел совершенно забывать о себе ради того, чтобы помнить о других. За год на часовой разговор к нему приходило только в Лондоне больше трех с половиной тысяч человек. «Каждый день, – говорил он, – я по 14 часов вижу людей, которые приходят говорить о своей душе, о молитве, о сомнениях, о том или другом». Каждый второй четверг он проводил духовные беседы. Ежегодно устраивался летний лагерь для подростков, действовала воскресная школа для детей и молодежная группа. Не забыты были старики и члены общины, живущие далеко. Он общался с приходящими людьми углубленно, умел всецело отдаться каждому человеку в данный момент. Владыка всегда говорил, что надо научиться, когда находишься с человеком, быть только с ним, слушать для того, чтобы слышать. Он умел любить неизменной любовью всех. Когда люди были «хорошие», его любовь была ликованием,

когда же они поступали плохо, его любовь была страданием, но никогда она не уменьшалась.

Владыка не давал никаких приказов, делился своей жизнью, своей душой, своей молитвой. Когда люди просили его быть их духовным отцом, наставником, он отказывался, потому что в полном смысле слова быть им не мог, но готов был стать их спутником и сострадателем: «Я не берусь никого вести от земли на небо, не могу быть ничьим старцем или руководителем. Я могу быть в какой-то мере спутником, идти рядом постольку, поскольку мы идем по одной дороге».

Он говорил, что такой человек, как преподобный Серафим Саровский, отказывался быть духовным отцом, готов был молиться, давать короткие наставления, но спасение предоставлял Единственному, Кто может спасти каждого.

В Лондонском приходе тысяча человек, и владыка Антоний каждого знал по имени. По его словам, он старался никогда не встречать никого в порядке административном, а только как священник, пытался всеми силами сохранить тесную связь со всеми людьми: и которых давно знал, и с новыми людьми. «Меня всегда поражало то, – говорила сестра прихода Марина Безменова, редактор Соборного листка, – как он встречал каждого человека. В ту минуту казалось, что для него нет никого дороже его собеседника – такой радостью светились его глаза, улыбка озаряла его лицо, а взор проникал в самую душу». Он имел драгоценный дар удивления, который есть дар Духа Святого, поэтому умел удивляться каждому человеку, которого встречал, и не уставал, имея многих посетителей.

Владыка Антоний был истинным учителем молитвы. Своим духовным чадам он объяснял, что есть разница между молитвословием и молитвой. «Сядьте, молчите, не думайте ни о чем полезном. Побудьте в сердцевине своего бытия, в том, что аскетическая литература называет сердцем, не в каких-то эмоциях, а именно в исихии, в безмолвии. Если вы научитесь это делать, то увидите, что можете читать, петь, разговаривать – и ни на одну минуту не терять молитвенного состояния. Вы сможете и учиться, и молиться самым творческим образом, и никогда не терять ничего».

О себе он говорил скромно: «Я не могу сказать, что умею это делать, но я просто умер бы от тоски и утомления, если бы хоть столечко не мог этого делать».

Владыка любил безмолвную молитву и в дни Рождественского и Великого поста совершал ее в храме вместе с прихожанами. Он хотел, чтобы человек услышал тишину и вдруг понял, что эта тишина – живое Божие присутствие. Он тишину близости с Богом боялся нарушить словами. Ведь человек, когда встречает Бога лицом к лицу, может только молчать.

Владыка говорил проповедь о Кресте. Его слово рождалось в глубинах его зажегшегося сердца, поэтому и входило в сердца слушателей и зажигало их. Он говорил не от ума, не от Священного Писания, которое хорошо знал, не от мудрости, говорил просто, без эффектов, к которым стремятся некоторые современные проповедники, желающие обратить на себя внимание. Владыка не поучал, а свидетельствовал, говорил из своего опыта, открывал слушателям личные переживания истин веры и благочестия. Он был предельно искренен и правдив, чувствовалось, как огонь веры горел в нем, как он исполнен Христовой Любви к человеку.

Однажды, как он рассказывал сам, владыка не смог сказать проповедь после прочтения Евангелия: не почувствовал сердцем того, что ему лично хотел сказать Господь, а говорить что-то от ума не хотел. И в этом честно признался слушателям, они восприняли это как хорошую проповедь и научение о том, как нужно учиться жить Евангелием.

Проповеди владыки слышали в те годы не только в Англии, но и в России. «Его приезды для христианской Москвы, – вспоминал Сергей Аверинцев, – были тайной радостью из десятилетия в десятилетие, беззвучным праздником. Друзья оповещали друг друга об очередном приезде конспиративно: "Дядюшка приехал!" Помню встречу с ним в трехкомнатной квартире, из которой вынесли всю мебель, оставив два стула: один – для него, другой – для старика; каждый сантиметр пола во всех трех комнатах был занят сидящими».

Моя первая встреча с владыкой Антонием в ноябре 1975 года происходила примерно в такой же обстановке. Знакомая верующая тайно оповещала своих друзей о приезде владыки, сообщила и мне радостную весть: на квартире ее друзей поздним вечером будет беседа с владыкой. Мы приходили на встречу по двое, по одному, чтобы не привлекать внимание соглядатаев. В маленькой прихожей стоял владыка в сером подряснике, простой, доступный, ласковый, и всех с радостью благословлял. От него исходили покой и тепло. Когда все разместились в трехкомнатной квартире, обстановка в ней стала такая же, как на вышеупомянутой встрече.

Такое общение по тем временам было большой смелостью и риском. Могли явиться работники органов и разогнать недозволенное религиозное собрание, да еще и задержать собравшихся, мог пострадать и владыка: лишиться возможности приехать в Россию. Но Господь по молитвам владыки и собравшихся всех нас сохранил.

Через несколько месяцев после моего посещения владыки я получил письмо из Лондона от Надежды Овини, которая встречала меня в аэропорту Хитроу и приняла в свой дом: «Пишу Вам от имени митрополита Антония Сурожского. Он попросил меня узнать, не согласитесь ли Вы приехать к нам в Лондонский собор послужить в качестве священника хотя бы на год. Я с радостью выполняю его просьбу и буду с нетерпением ждать Вашего ответа. Если Вы положительно отнесетесь к этому предложению, то тогда владыка Антоний напишет Вам лично».

Я внутренне благодарил владыку за его внимание и любовь, но, к сожалению, не мог оставить два своих прихода. Хотелось еще раз посетить владыку и побеседовать и послужить вместе с ним, но и это не получилось.

Вскоре я стал получать письма от братьев и сестер Лондонского прихода, из которых я узнавал о владыке. В октябре 1998 года Надежда Овини сообщала: «Владыка Антоний отболел простуду после Вашего отъезда, но по воскресеньям служит». «Этим летом он опять болел. Мы его не всегда видим», – писала она через год. «Владыка наш здоров, – сообщала 15 декабря 2000 года Ирина Муромцева-Монган, –

хотя иногда чувствует себя уставшим, годы дают о себе знать. Собирает нас два раза в месяц на беседы».

Прошло несколько лет, и 2 февраля 2003 года после литургии все собравшиеся в Лондонском соборе услышали заявление митрополита Антония об уходе на покой. Он предлагал его не как вопрос, а как решение. «Мне сейчас много лет, – сказал он, – и силы, которые у меня были, и которые я положил на создание нашего прихода, нашего храма, нашей епархии, убывают очень быстро. Я не в состоянии буду продолжать управлять епархией, и поэтому собираюсь – с согласия епархиального собрания – подавать прошение Патриарху об освобождении меня от этой должности. Это не значит, что меня больше не будет, однако тяжесть управления, тяжесть строительства будет уже не на мне». Собрание приняло его просьбу, его моление о том, чтобы его отпустили с миром, благословением и молитвой. «Хотелось, – говорил владыка, – чтобы я не ушел как беглец, а ушел бы с вашей любовью».

Он предложил своим наследником епископа Василия Осборна, который много лет служил ему верным помощником. Он верил в его добротность и преданность служению Церкви и Богу. Решение оставалось за Патриархией. И будучи уже тяжело больным, владыка ждал известия из Москвы. Священник, который причащал владыку, должен был сказать ему об этом, как они договорились, пожатием руки, потому что больному было трудно говорить. Знак был подан. С таким утешением о судьбе своей епархии владыка 4 августа 2003 года отошел ко Господу.

В этот день, день святой равноапостольной Марии Магдалины, в соборе совершался вечерний молебен. Все молились о здравии болящего митрополита Антония. Как только начался молебен, пришла весть о кончине владыки. Вместо молебна была отслужена первая из панихид, служившихся и утром, и вечером до погребения тела 13 августа.

Сестра лондонского прихода Фредерика де Грааф, с которой я общался в дни моего пребывания в Лондоне и много раз в Москве, куда она часто приезжала, рассказывала об удивительной атмосфере в соборе в дни прощания с владыкой:

«Во время первой панихиды, да и во все время до похорон владыки многие испытывали чувство просветленности и полноты жизни. Тишина и торжественность.

Тело владыки перенесли в собор за три дня до похорон.

Мне казалось, что это он сам вернулся домой: ведь он здесь служил пятьдесят четыре года, предстоя Христу в молчании и горении духа; здесь он проповедовал и проводил беседы. Сюда приходили к нему тысячи людей. Каждый нажимал кнопку звонка на синей боковой двери, и владыка выходил к нему.

Собор был для него местом, полным глубокого мира и радости, несмотря на то, что долгие годы люди изливали здесь ему свои горести, душевную боль и сомнения. Сюда же и вернулся наш владыка.

Когда внесли гроб в собор, на всех нас сошло молчание. Мы все подошли ко гробу, как бы приветствуя своего пастыря в его родном доме. Многие из нас до этого момента долго его не видели. Владыка лежал тихий и безмолвный. Вокруг царило чувство глубокого покоя.

Еще до перенесения гроба в собор, во время многих панихид, чувство жизни и просветленности постепенно усиливалось, подготавливая нас к встрече с ним.

И теперь мне казалось, что перед нами лежит не он, а икона того незримого мира, который он так ясно видит теперь. И у меня тоже была возможность "увидеть», убедиться, что ныне владыка со Христом, со святыми, что он достиг своей Субботы, и это смягчало мою боль. В душе звучали слова, совсем недавно услышанные мною из его уст: "Я знаю одно: что после моей смерти я не разлучусь ни с вами, ни с епархией».

Он произнес это, как бы говоря с самим собой, будто повторяя всем известный факт, а не свою личную веру выражая. И, глядя на него теперь, я недоумевала: разве можно, чтобы он или любой из нас умер? Ибо владыка был так полон жизни, жизни Христовой, что умереть не мог. И мы тоже не умрем. Это казалось таким очевидным.

После того, как все приложились к телу владыки, случилось нечто замечательное и неожиданное. Люди безмолвным

кольцом окружили гроб и долго стояли возле него. Не было произнесено ни слова. Все вокруг было полно благоговейным любовным молчанием: будто мир и покой владыки изливались на нас, а от нас вновь возвращались к нему. Нечто похожее случилось накануне похорон, уже после наступления темноты, около десяти вечера. Никто не хотел уходить домой. Даже дети сбежались, чтобы побыть с владыкой. Всем хотелось остаться с ним немного подольше – в бдении и душевном покое. Ощущение того, что все мы причастны неизреченной, незримой красоте, было сильнее печали».

Незадолго до своей кончины владыка в соборе после службы говорил о своей надежде: «В союзе дружбы и сотрудничества между тем, что останется от меня, владыкой Василием и владыкой Анатолием, я надеюсь, мы будем строить единую Церковь; что те разногласия, те расхождения, которые разрывали нашу жизнь в этом приходе в течение последнего года, будут побеждены. И что снова у нас будет, как в самые трудные, но и самые творческие времена, единство творческих сил православных людей для строительства Церкви».

Мои рижские друзья, посещающие Лондонский собор во время своего пребывания в Англии, писали мне, что после ухода владыки атмосфера прежней церковной жизни сохранилась, здесь всегда «живет его доступный дух».

«Мы должны быть сиянием Божественной любви, мы должны быть любовью», – всегда говорил владыка. Он был поистине апостолом любви. Печать апостольского духа была в нем. Не случайно день его кончины – день равноапостольной Марии Магдалины. Этот апостольский дух владыки почувствовали в дни пребывания у него в мае 2000 года мои московские друзья психологи Федор и Ольга. «В лице владыки, – писали они мне, – мы встретились с личностью апостольского ранга».

«Митрополит Антоний, – писал Сергей Аверинцев, – принадлежит к тем христианам, вера которых – не уютное тепло для души, а огонь духа, как во времена пророков, мучеников, пустынножителей, когда люди были готовы на любую жертву,

шли до конца и делали невозможное. Огонь – это и есть огонь, его не примешь ни за что другое».

Нет никакого сомнения в том, что Церковь причислит митрополита Антония Сурожского к лику святых. Он – живой святой, – сказал о нем Сергей Аверинцев еще при жизни владыки.

Весной 2003 года я получил подарок от владыки – его книгу «Пути христианской жизни» с надписью: «О. архимандриту Виктору, надеюсь – на радость. м. Антоний».

Все мы ждем радости, и она приходит к нам от Господа.

Душа «Дома поэта»

В Восточном Крыму, в Коктебеле, который находится в восемнадцати километрах от Феодосии, в середине излучины красивой бухты стоит дом, в котором до 1932 года жил и работал талантливый поэт и художник Максимилиан Александрович Волошин.

После ухода поэта в доме постоянно жила его супруга Мария Степановна Волошина. Она прожила 89 лет.

Мария Степановна родилась 12 октября 1887 года в Санкт-Петербурге на Боровой улице в семье слесаря С. Я. Заболоцкого и его жены П. А. Заболоцкой; все ее детство прошло в районе Обводного канала.

Родители матери жили в Режице (Резекне). Бабушка со стороны матери – Анастасия Григорьевна Антонюк, староверка, раскольница, всегда молилась.

В 1893 году Мария вместе с братом и матерью впервые приезжают в Режицу. Они жили у бабушки в доме на горе, вблизи развалин дивного замка. Весь день с ребяташками они проводили на реке Речица.

8 июня 1895 года в Режице умер от чахотки отец, С. Я. Заболоцкий, ему было 34 года, он был поляк. Перед смертью он причастился. Отпевал его ксендз Конвалевский. Его похоронили на Режицком кладбище 10-го июня.

В конце июля 1895 года Мария ездила с дедом и матерью в имение под Дикабургом (Даугавпилсом), где мать арендовала фруктовый сад.

Как-то в ноябре, когда с обозом яблок ездили в Режицу и по дороге спасались от волков, Мария чуть не замерзла, вывалившись из возка на снег.

Весной и летом 1896 года снова жили в Режице.

Жили Заболоцкие очень бедно. Мать Параскева работала прачкой, ходила к людям стирать. От непосильного труда (приходилось стирать в холодных квартирах, дышать мыльными испарениями) мать заболела чахоткой. Она стала физически угасать.

Маленькая Маруся, видя страдание матери, жалела ее и сильно переживала. Зимой 1898 года она попыталась отравиться, чтобы облегчить жизнь больной матери, изнурявшей себя работой. Об этом случае было написано в столичной газете, и все были потрясены необыкновенной человечностью ребенка. Многие пожелали помочь Марии. Особое усердие в этом проявила знаменитая актриса В. Ф. Комиссаржевская.

Мария Степановна впервые увидела своего будущего мужа Максимилиана Александровича, когда ей было пятнадцать лет. Это было в Крыму, в Биюк-Ламбате.

Она получила медицинское образование. В Санкт-Петербурге прослушала специальные курсы по оспопрививанию, получив звание оспопрививательницы, а потом получила удостоверение акушерки первого разряда.

Мария Степановна работала заведующей амбулаторией в Дальних Камышах в Крыму (1920-й год), имея звание фельдшерицы-акушерки.

В Коктебель приходила по субботам. Почти всю гражданскую войну она жила между Дальними Камышами и Коктебелем. Длилось это года два. Время было тяжелое. Ходила пешком через горы, это было очень опасно. Был голод, ловили молодых и детей и ели. Трупятину отвергали.

Об этом ей тяжело было вспоминать, тошнота подступала к горлу.

В 1921 году Мария Степановна продолжала медицинское образование в Симферополе.

Дом, в котором жили Волошины, построил Максимилиан Александрович.

В комнаты со всех сторон проникало много света, воздуха и моря. Из каждой комнаты видно море, а обращенную на восток мастерскую, которая была построена из природного камня цвета охры, через четыре больших итальянских окна затоплял ливень света. Свет и расплавленное море – основное настроение мастерской.

В кабинете, в тишине и уединенности, Макс писал стихи. Здесь он, как кузнец и химик, плавил вещество звука в слове и

создавал новые соединения, новые слова, звуки. Здесь совершалась глубокая тайна причастия мастера труду.

В Доме поэта была вышка. Часто зимой Макс говорил Марии Степановне: «Пойдем, Маруся, погуляем по небу». Они поднимались на «вышку», смотрели на небо, такое парадное и четкое в зимние месяцы. «Макс научил меня, – вспоминала Мария Степановна, – читать созвездия; он хорошо знал небо. Как оживало небо в беседе Макса.»

Утром Макс любил гулять. Первую половину пути он любил совершать молча. Весной или осенью, когда Мария Степановна могла с ним прогуливаться, он радовался, но всегда просил: «Можно, Марусенька, первую часть не разговаривать? Мне нужно помолчать».

Жена понимала и знала, что он в это время молча про себя молился, сосредоточенно думал о чем-нибудь, посылал мыслительные волны общения, помощи, любви.

На обратном пути очень любил разговаривать. И в это время он мысленно рисовал. Это значит – запечатлевал то или иное место, освещение, облако, композицию, формы, краски.

На одну из своих очередных выставок он написал: «Ни один пейзаж не написан с натуры, а представляет собою музыкальнокрасочную композицию на темы киммерийского пейзажа. Среди выставленных акварелей нет ни одного вида, который бы совпадал с действительностью, но все они имеют темой Киммерию. Я уже давно рисую с натуры только мысленно. А пишу акварели регулярно, каждое утро по две-три, так что они являются как бы моим художественным дневником, в котором повторяются и переплетаются все темы моих уединенных прогулок».

Мария Степановна говорила, что кормить мужа было для нее огромным удовольствием – так он радовался и так за все благодарил. Не было такой житейской мелочи, которую бы он делал механически, не наполнял смыслом, вниманием. Еду считал священнодействием. Еда – это трапеза, причастие. За столом совершается таинство причащения. Поэтому к еде – завтраку, обеду, ужину – было в семье глубокое внутреннее отношение, как к важному акту дневного бытия, а не как к

физическому процессу насыщения. Такое отношение к еде переживалось существом поэта и познавалось разумом. Для Макса земля со всеми ее жизненными силами, существами, растительностью, была живым телом Бога. Поэтому так значителен был для него акт еды: это акт принятия в свое физическое тело Божества. Поэтому даже ежедневные трапезы в доме были отмечены какой-то особой праздничностью и подъемом.

Макс любил подшучивать над женой. Иногда, сидя за чаем, рассказывает гостям:

– Знаете, Маруся, когда ей дарят конфеты, всегда держит их сначала для червяков, а потом дает мне.

– Маруся пьет чай с удовольствием, а я люблю с чем? nibудь вкусным.

Мария Степановна спрашивала его:

– Макс, неужели ты никогда никого дураком не назвал?

– Нет, Марусенька, не назвал. Некого было. В моем представлении дурак – это гений. А я не встречал ни разу гения.

Макс всегда старался в людях открыть только хорошие стороны. В письме к М. В. Сабашниковой от 24 февраля 1923 года он писал о жене:

«Хронологически ей 34 года, духовно – 14. Лицом похожа на деревенского мальчишку этого же возраста (но иногда и на пожилую акушерку или салопницу). Не пишет стихов и не имеет талантов. Добра и вспыльчива. Очень хорошая хозяйка, если не считать того, что может все запасы и припасы подарить первому встречному. Способна на улице ввязаться в драку с мальчишками и выступить против разъяренных казаков и солдат единолично. Ей перерубали кости, судили в Народных трибуналах, она тонула, умирала от всех тифов. Она медичка, но не кончила, так как ушла сперва на германскую, потом на гражданскую войну.

Глубоко по-православному религиозна. Арифметике и грамматике ее учил Н. К. Михайловский (критик). Ее любовь для меня величайшее счастье и радость».

В письме Вере Эфрон 24 мая 1923 года добавлял:

«Юродивая. Исступленная. Самозабвенная. Всегда пламенно протестующая... Берется за все непосильное и не отступает, несмотря на слабость и нервность. Совершенно не умеет угадывать шутки и иронию. Раздает и деньги, и вещи, и себя на все стороны.

В гимназии была первой ученицей, а теперь совершенно безграмотна. Была в дружбе с самыми неожиданными и неподходящими людьми – начиная с Веры Ф. Комиссаржевской, кончая Иваном Владимировичем Цветаевым. С Пра (матерью Волошина) глубоко и страстно подружилась».

Марию Степановну я впервые увидел осенью 1965 года. Еще задолго до приезда я много слышал рассказов о Доме поэта, о хранительнице его от московских друзей. У меня возникло желание побывать в том месте. Оно осуществилось. Приехав в Коктебель, я пошел к волошинскому дому. Поднялся по лестнице и вошел в столовую. Я увидел старушку в очках, одетую очень просто. Мы сели за стол и начали разговор. Мария Степановна рассказала мне историю дома, рассказала о своей долголетней жизни с Максом. Потом я вновь приехал в этот дом. У меня возник большой интерес к творчеству поэта и художника Максимилиана Волошина. Мне были даны для прочтения сборник его стихов, поэм. Я открыл для себя талантливого поэта, и мне захотелось написать о нем. Мария Степановна дала мне архивные материалы поэта – его большую переписку, автобиографические заметки. Я написал несколько статей о Волошине: «Пейзажная лирика М. Волошина», «Антивоенная лирика М. Волошина» и другие, которые были напечатаны.

24 января 1968 года Мария Степановна напишет А. И. Цветаевой:

«Прости, что направляю к тебе милого молодого человека Витю Мамонтова. Он работает по Максусу и над Максом. Предан Дому поэта, живет и работает на Сахалине. А Вите мне очень хочется помочь. Он всячески заслуживает того. Серьезный, целеустремленный, работяга».

Большой поддержкой для вдовы поэта были встречи с интересными, талантливыми людьми, которые приезжали в Дом

поэта. Это были писатели, художники, музыканты, ученые, певцы. В 1956 году 25 октября приехал поэт Яков Аким. Он написал стихотворение «Вальс при свечах», которое посвятил Марии Степановне. Его часто потом можно было слышать в столовой в исполнении певицы Марии Изергиной, друга Волошиной.

Прибой то ревет, то молчит, опадая,
И целую ночь напролет
Нам голосом юным хозяйка седая
Старинные песни поет.
И словно припомнив далекие годы,
Оглянет хозяйка жилье.
И вступят осеннего ветра фаготы
В негромкую песню ее.
Здесь жили поэты.
Их призраки бродят
В глубокой полночной тени.
Пускай же сегодня они верховодят,
Зови их за стол, не спугни.
Не стерпят они рифмача-пустозвона,
Беззвучно глупца освистят.
Ни лести убогой, ни фальши казенной
Они никому не простят.
Здесь двери открыты наивным и смелым,
Кто честен и сердцем богат.
И кружатся, кружатся ветки омелы.
Доверчивый маленький сад.
О гордые призраки, стойте на страже
Священного пламени свеч.
А мы своим детям и внукам расскажем
Заветные стены беречь.
Поведаем тем, кто придет нам на смену,
Как мы, непогоде назло,
Несли в этот дом и сухое полено
И песни живое тепло.
Прибой то ревет, то молчит, опадая,
И целую ночь напролет

Нам голосом юным хозяйка седая
Старинные песни поет.

Мария Степановна всегда радовалась приезду ее давней подруги певицы Надежды Андреевны Обуховой. Она, сев за рояль, пела ей романсы. Просила никого не приглашать: «Я пою тебе». Но Мария Степановна, желая поделиться с другими прекрасным, открывала незаметно окно и собравшиеся на улице поклонники певицы ей рукоплескали. Обухова немного обижалась.

Однажды, приехав на летний отдых в Феодосию, Надежда Андреевна заболела и умерла. Узнав о ее смерти, Мария Степановна поехала в город. Ей сказали, что покойная находится в морге. Когда она вошла туда, то увидела непокрытое тело Надежды Андреевны, а вокруг нее – мертвых бродяг. Мария Степановна была расстроена таким отношением к человеку работников морга и поспешила в Коктебель, чтобы привезти чистую простыню. Потом она говорила мне: «Надежда Андреевна поистине была народной, я ее увидела вместе с этими несчастными людьми».

Мария Степановна рассказывала о том, как однажды Надежда Андреевна получила письмо от заключенного. Находясь в общей камере, он любил слушать радио, часто слышал голос Обуховой, он очень нравился ему. Как-то во время пения соседи по нарам подняли шум. Тогда заключенный взял свой сапог и бросил в них: «Ша! Надька поет». Она приняла это как бесценный подарок.

В последние годы жизни Мария Степановна болела. Прилетев к ней из Южно-Сахалинска, я увидел это. Медсестра один раз в день приходила к ней на помощь, а вокруг никого – осенью Коктебель был пустынным, все паломники уезжали домой. Я послал телеграмму в институт, чтобы мне предоставили отпуск, потому что нужно ухаживать за больным старым человеком. Дали. И я все дни моего пребывания в Доме помогал Марии Степановне. У нее пересыхало во рту, и нужно было давать ей питье. Она насыпала в термос сухой шиповник и заливала его кипятком. Этот настой она называла шипшиной. Он был целебный, помогал восстанавливать физические силы.

Мария Степановна окрепла. Перед моим отъездом она дала мне письмо: «Это я написала благодарность твоей маме». Письмо было очень теплое и светлое. К сожалению, оно утрачено.

Потом она подошла к письменному столу, выдвинула ящик и достала пятьдесят рублей.

– Это тебе.

– Мария Степановна, у меня деньги есть, и билет на самолет куплен. Не надо.

– Возьми, а то у меня своруют.

Может быть, ее это огорчило, но деньги я не взял, потому что знал о ее нелегком материальном положении.

Как-то в гости в Дом поэта приехала писательница Мариэтта Шагинян. Мы с ней были очень хорошо знакомы, она мне дарила свои книги с автографами. Любила писать о Ленине. Мария Степановна беседовала с ней, а потом, когда уже настало время уезжать, Шагинян подошла проститься с Марией Степановной.

– Хотя ты и партийная дура, – сказала ей Мария Степановна, – но я благословлю тебя.

Перекрестила ее, они расцеловались и разошлись.

Частым гостем Марии Степановны была Анастасия Ивановна Цветаева. Еще в десятиные годы прошлого века она вместе с сестрой Мариной и Сергеем Эфроном приезжали в Коктебель, они дружили с Максимилианом Александровичем. Марина написала о нем замечательный очерк «Живое о живом», узнав в Париже о его смерти в 1932 году.

Мария Степановна послала Анастасии Ивановне акварель Волошина:

«С любовью и нежностью милой Асе из Максиного гнезда и мест, где ты росла, познавала. От всех тех, кто тебе был дорог: от Макса, Пра и меня прими самое лучшее, что мы могли дать. 7 ноября 1974 Коктебель. М. Волошина, Маруся».

Мне Мария Степановна тоже подарила акварели – три. Сделала надписи, чтобы не подумали, что они украдены. В ее доме посетители воровали книги из библиотеки.

На акварели «Дорога к морю» написанной 27 сентября 1927 года, сделала надпись:

«Милому Вите. И неси в мир Макса, а остальное все знаешь сам. М. Волошина. Коктебель. Дом поэта. Сочельник 1973 г.».

На акварели 1928 года написала:

«Вите Мамонтову с самыми добрыми чувствами. Улыбку Макса. – Неси в свои странствия странствий лучшее из наваждений земли. М. Волошина, Дом поэта. Коктебель, 1971 г.»

На акварели, написанной в сентябре 1931 года, под названием

«Дремлют под розовой, полной луной

Нагроможденья холмов и заливов»,

написала: «Милому Виктору. С сердечной нежностью. М. Волошина. Коктебель. Осень 1966 г.».

В ноябре 1971 года Мария Степановна приехала на выставку акварелей Волошина в Москве. Простудилась. Узнав об этом, я приехал навестить ее. Она мне подарила альбом акварелей «Пейзажи Максимилиана Волошина» – двенадцать цветных репродукций в папке. Написала: «Милому Вите с радостью и нежностью. М. Волошина. Москва 1971 г. 30. XI».

Весной 1976 года, узнав, что Мария Степановна больна, Анастасия Ивановна приехала в Коктебель помочь ей. 16 мая она написала мне в Москву: «Сегодня Марии Степановне стало плохо (часто падает) – вызвали скорую, потом врач, уколы, давление 220 на 90, рвота и тошнота, гипертонический криз. Лежит. К концу ли идет Маруся? Неясно. Падения участились. Ослабла. Я сидела возле нее, говорила тихо молитвы. Она мне: "Не шепчи!». Молитесь за нее, Витенька, Ваша молитва дойдет. Когда в себе, не смиряется: "Я не чувствую, что грешна». И чтобы если конец близок – то светлый бы. Артос и Вашу святую воду до криза принимала».

Летом Анастасия Ивановна снова пишет мне: «Мария Степановна очень слаба после четырех падений головой об пол, в кровь. В больнице. Уже совсем не может ходить одна. Но

горда и раздражена и теперь молится: "Господи, за что Ты меня так мучаешь?"»

На мое ей, что это слово Мефистофеля, что надо каяться: "Я не чувствую, что виновата». Артос и святую воду при мне с утра приняла. Молитесь о ней, Витенька».

25 октября 1976 года в присутствии А. И. Цветаевой Мария Степановна отметила 89-летие.

В последующие дни здоровье ее стало сильно ухудшаться. 15 декабря в 17 потеряла сознание. Доктор Н. С. Левченко констатировал отек мозга. 17 декабря в 10 часов утра, не приходя в сознание, скончалась.

Тело Марии Степановны лежало в комнате первого этажа. Я всю ночь сидел возле гроба, читал Псалтирь. Было ощущение покоя, неземной тишины. Невещественный свет.

20 декабря были похороны. Среди выносивших был и я. Гроб до могилы несли на полотенцах. Он словно плыл по воздуху. Когда все восходили на холм, встретили большое стадо овец.

Похоронили Марию Степановну на горе Кучук-Енишар рядом с Максимилианом Волошиным. Провожавших было 27 человек из самых разных мест страны.

14 января 1977 года в газете «Литературная Россия» появился некролог, подписанный В. Катаевым, М. Шагинян и другими писателями:

«Мария Степановна была не только хранительницей наследия Волошина, но и чудесным экскурсоводом-просветителем в Коктебеле, поддерживавшим давние литературные традиции этого места. Человек большой судьбы, самобытная личность, стойкий редкостный характер, горячий патриот – такова была Мария Степановна».

Дом поэта осиротел без Марии Степановны и Максимилиана Александровича.

Но здесь еще живет их доступный дух. Посетители это реально чувствуют. Поэтому, как говорил М. А. Волошин о своей мастерской в стихотворении «Дом поэта»,

И снова человеческий поток

Сквозь дверь ее течет, не иссякая.

Таков нам подобает архиерей..

Во время гонений на Церковь я вынужден был в 1980 году в июле месяце, на день апостолов Петра и Павла, покинуть Почаевскую Свято-Успенскую Лавру, куда я был принят послушником и желал остаться там навсегда. Но у Господа были другие планы обо мне.

Я приехал в село Ракитное к старцу Серафиму (Тяпочкину), который служил в Свято-Никольском храме, куда часто приезжал владыка Леонид. Отец Серафим был духовником владыки. Владыка Леонид и сам был духовником старца – отец Серафим желал всегда открыть душу любимому архипастырю.

Я рассказал отцу Серафиму, в каком положении нахожусь: изгнан, ни работы, ни прописки, власти в любой момент могут обвинить в тунеядстве, что грозило известными последствиями. Отец Серафим после беседы со мной сказал: «Поезжайте в Ригу к владыке Леониду, он будет вам как отец». Дал письмо, в котором написал обо мне, благословил, поцеловал, и вот я уже в Риге, в Троице-Сергиевом монастыре, в покоях архиерейского дома владыки.

Владыка решает меня рукополагать. Я понимал, какие препятствия могут возникнуть. У меня высшее образование, степень кандидата филологических наук. Но владыка взял на себя смелость – продвигать мою кандидатуру через все препоны. Он отправляет меня в Спасо-Преображенскую пустыньку, подальше от глаз властей, а сам начинает готовить мое рукоположение.

В Пустыньке я не только молился, но и трудился. Нужно было вокруг Спасо-Преображенского каменного храма положить бетонные плитки. Я быстро научился работать на бетономешалке, заливал раствором ячейки будущих плит, утрамбовывал их; работа удалась. И когда я сейчас приезжаю иногда в Пустыньку и хожу по этим плитам, вспоминаю то время и владыку.

На престольный праздник Пустыньки – Преображение Господне – приехал владыка Леонид. После причащения, когда

я подошел целовать крест, сказал мне: «Ждем положительного результата». В ожидании пребываю до Успения. Накануне праздника после причащения алтарница, старенькая монахиня Нектария, говорит мне: «Владыка просит вас приехать к нему».

В Риге владыка сообщает мне, что 31 августа, в воскресенье, в Свято-Троицком кафедральном соборе он будет рукополагать меня во диакона.

Неделю я служил диаконом, а 7 сентября владыка рукополагает меня во иерея. Тепло поздравил меня перед всем народом, а затем сказал: «А наставление – в проповеди». В тот день на службе читался отрывок из послания к Коринфянам. Владыка, повернувшись ко мне, сказал: «Вы гонимы, но не оставлены», то есть он предвидел все тернии моего пастырского служения в тяжелых условиях гонения на Церковь. «Не оставлены...», – то есть Бог защитит тебя, и я буду всегда молиться о тебе. И я реально чувствовал эту молитву владыки, и сколько раз она помогала мне.

Через год, 12 февраля 1982 года владыка постриг меня в монахи в своем домовом храме преподобного Серафима Саровского с именем Виктор. Отец Серафим (Тяпочкин) просил владыку дать мне имя Мелетий, святителя, мощи которого находятся в Харьковском кафедральном соборе, но владыка оставил мое имя.

Владыка Леонид был назначен архиепископом Рижским и Латвийским в 1966 году. Он нес свой архипастырский подвиг в очень трудное для Церкви время, время господства атеизма и воинствующего материализма. Многие храмы были разорены или закрыты, а кафедральный собор, в котором служил до войны архиепископмученик Иоанн Поммер, по повелению Фурцевой был закрыт и превращен в планетарий. Власти намеревались закрыть Рижский Свято-Троицкий женский монастырь. Воля чиновников атеистического государства вторгалась в каноническую жизнь Церкви чуть ли не законодательным путем.

В эти годы владыка Леонид сумел сохранить для нас живое предание Церкви в тайнике своего сердца.

Когда владыка приехал в Латвию, ему было 53 года.

Лев Львович Поляков родился 19 февраля 1913 года в Санкт-Петербурге в семье врача. Он осиротел, когда ему было четыре дня. Его мать, Ольга, сказала своей сестре Елизавете: «Лиза, я чувствую, что умру, ты его не оставь» (как Рахиль, которая, рождая Вениамина, когда душа ее оставляла тело, успела дать ему имя Бен Они, что значит – сын моей силы).

Несмотря на страдания, которые привели ее к смерти, мать владыки дала ему жизнь и любовь. Все люди, общавшиеся с владыкой, принимая его любовь, как бы принимали любовь его матери. Это напоминает последние минуты жизни Иисуса Христа, Который, умирая на Кресте, передал Иоанну Богослову Свою Мать, сказав, чтобы он заботился о Ней.

Во владыке было что-то материнское в отношении к людям. Он переживал за людей так, будто он их родил. Он очень беспокоился за одного священника, который пил. Встречаясь с ним, он плакал и молчал, а потом говорил: «Ты себя убиваешь». Так только мать может болеть за свое чадо.

Владыка всегда был доступен людям, внимателен к ним, они имели возможность открыть ему свою душу и получить нужный совет. Во вторник и пятницу с 10:00 до 14 каждый мог прийти к нему в епархиальный кабинет. Однажды он спрашивал о здоровье своего посетителя, и тот почувствовал, что это был вопрос не светской вежливости, а заботливого врача. «Он участливо кивнул головой, когда я сказал о своих немощах, и я понял и ощутил, что он взял меня в свою молитву», – так вспоминал свое общение с владыкой его духовный сын.

Владыка унаследовал профессию отца. По окончании школы учился в Ленинградском медицинском педиатрическом институте. По окончании института с 1939 года работал врачом-терапевтом. Когда началась Советско-финляндская война 1939–1940 годов, а затем Великая Отечественная, молодой врач ушел на фронт и работал хирургом. Он спас жизнь многим людям. За самоотверженный труд получил четыре правительственные награды – ордена и медали.

Потом он почувствовал в себе призыв на новое служение – пастырское. 13 ноября 1949 года в ленинградском Свято-Владимирском соборе митрополитом Ленинградским и

Новгородским Григорием (Чуковым) он был рукоположен во диакона, а 20 ноября – во иерея. Отец Леонид начал служить в ленинградских храмах. Затем совершалось его восхождение на новые ступени архиерейского служения: хиротония во епископа (1959 г.), возведение в сан архиепископа (1962 г.) и митрополита (1979 г.).

Владыка ежегодно объезжал всю епархию – около 120 приходов. Везде подробно интересовался отоплением храмов, ибо во многих храмах отопления не было, просил состоятельные храмы помочь бедным приходам.

Так как наш Карсавский приход был немногочислен и беден, владыка всегда старался чем-нибудь помочь. Зная как врач о пользе козьего молока, он благословил привезти из Пустыньки несколько молодых коз. Во двор въехала монастырская машина, в окнах которой вместо людей показались козы мордочки. Все встречавшие смеялись и умилялись.

Владыка проявил особое внимание и любовь к своей тете Елизавете, которая воспитывала его, сироту, заменив ему умершую мать. Он взял ее из Ленинграда к себе в Ригу, и она жила в его покоях. Она была очень добрая, образованная, училась вместе с сестрой Ольгой в Смольном. Владыка и она всегда были вместе, как мать с сыном. Если иногда его долго не было, спрашивала: «Где владыка?» Она тяжело болела – сердце. Каждый день вызывали «скорую помощь». Владыка постриг ее в схиму с именем Паисия. (Он глубоко почитал старца Паисия Величковского, защитил магистерскую диссертацию «Схиархимандрит Паисий Величковский и его литературное наследие», за которую ему было присвоено звание профессора.) В 1974 году 1 июня схимонахиня Паисия отошла ко Господу. Отпевал ее владыка в Троицком кафедральном соборе. Похоронена в Спасо-Преображенской пустыньке. Владыка Леонид ежегодно в день ее кончины приезжал в Пустыньку служить литию на ее могиле.

Из Москвы к владыке каждое лето, а иногда и на Рождество Христово, приезжала Надежда Александровна Павлович, поэт, ученица А. Блока. Небольшого роста, полная... Она была интереснейшим человеком, знала многих выдающихся людей и

умела о них хорошо рассказывать. Будучи членом Союза писателей, она доставала путевку в Дом творчества писателей в Дубултах и приезжала в Латвию. Она же в годы служения на Рижской кафедре митрополита Вениамина (Федченкова) приезжала и к нему.

Когда Надежда Александровна впервые увидела владыку Леонида, то была потрясена. На нее он произвел сильное духовное впечатление. Она очень хотела попасть к нему на прием – такая у нее была личная потребность. Попала. Очень волновалась перед встречей. Владыка, как врач, это заметил. Сказал: «Надежда Александровна, дайте Вашу руку. У Вас пульс ускоренный». Эта встреча была началом их знакомства и долголетнего общения. Она стала духовной дочерью владыки и воспринимала его на уровне оптинского старца. Исповедовалась у него и причащалась. Переписывалась с ним. «У меня, – как потом она рассказывала, – появилось к этому человеку абсолютное доверие». Удивительно, что это говорит человек большого критического ума.

Надежда Александровна была духовной дочерью последнего оптинского старца Нектария и спасла ценнейшую Оптинскую библиотеку духовной литературы. Она была стойким человеком. С годами у нее ухудшилось здоровье, ходила с палочкой, потом появилась сильная близорукость. Говорила: «Я совсем слепая». Очень любила посещать службы в нижнем храме собора. Владыка там не служил, но присутствовал. Она шла туда, зная, что будет иметь возможность встретиться с ним, что для нее было радостью и духовным утешением.

Владыка любил непременно быть в храме ежедневно, даже если не служил Евхаристию. Тогда он нес клиросное послушание, читал канон и пел вместе с народом, иногда сам выносил свечу. У него был очень звонкий голос, красивый тембр, но не музыкальный слух. Любил после службы петь с народом «Царица моя Всеблагая...» и «Слава в вышних Богу». Начинал сам, а народ подхватывал.

Молиться рядом с ним в храме было радостно. Это была не бурлящая радость, а тихая и очень прочная.

В кафедральном соборе он сам в полной тишине читал шестопсалмие – в подряснике, с обнаженной головой; на нем не было ни панагии, ни креста. Читал удивительно внятно.

«Я был потрясен тем, как он читает, – вспоминал эту службу его духовный сын, москвич. – Я тогда не понимал церковнославянского языка, но то, что читал владыка Леонид, я понял. Он читал не механически, но и не играл голосом, как нередко делают чтецы. Его спокойный ровный тихий голос буквально пронзал насквозь.

С такой же силой внутреннего проживания я воспринимал чтение владыки Антония Сурожского. Когда он читал Трисвятое на службе в московском храме, меня каждое слово как будто охватывало огнем.

Однажды я присутствовал на монашеском постриге, который совершал владыка Леонид. Это было удивительно. Что меня поразило? Обычно на постриге стараются все делать красиво в расчете на присутствующих, а владыка все совершал так, как будто в храме никого, кроме Господа, сестры и его самого больше не было. Владыка был полностью погружен в происходящее и абсолютно неліцеприятен. Он как бы свидетельствовал сестре: «Ты сейчас предстоишь пред Господом, научись жить в предстоянии Ему, не обращая внимания на обстоятельства».

Потом я понял, что это была проповедь сестре и научение, но не словами, а действием. Он ей как бы показал, как монашествующий должен жить.

Как-то читая египетский патерик, я нашел слова одного великого старца, который сказал: «Что такое монах? Душа и Бог. Вот и весь монах». Когда я это прочел, предо мною встала эта картина пострига. Я понял, что владыка учил сестру именно этому».

Владыка был очень хорошим проповедником. Имел большой опыт. Будучи инспектором Московских духовных академии и семинарии, он ввел традицию – в воскресенье проповедь в храме произносили студенты.

Проповеди владыки были короткими, но очень глубокими. Часто он говорил слово после литургии, молебна. «В храме сто

человек, а причастились только семнадцать. Подумайте, что вы делаете? Дни лукавы суть, и никто не знает, сможем ли мы еще раз подойти к Чаше. Одни не причастились, потому что считали себя недостаточно подготовленными, а другие – по небрежению к очищению своей души».

О рукоположенном на Литургии во иерея двадцатилетнем Михаиле К. сказал: «Он еще только форма священника, которого хиротонисали сейчас; чтобы стать священником, он должен очистить свое сердце от греха, чтобы оно стало вместилищем Христа. Без этого нет ни пастыря, ни христианина».

После чтения на литургии отрывок из Евангелия от Матфея, где говорилось о покаянии Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное (Мф 4:17), он сказал: «Исповедание своих грехов – это только начало. Покаяние – это изменение жизни».

На молебне владыка читал отрывок из Евангелия от Матфея: Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих, – ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного. Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее. Как вам кажется? Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся? (Мф 18:10–12). Когда он начал читать этот отрывок, неожиданно заплакал. Думалось, что когда в тишине своего уединения он читал это место, умиление и слезы уже приходили к нему. Ведь это, можно сказать, раскрытие тайны его святительского омофора, его особого пастырского послушания.

Потом, после окончания молебна, была проповедь на тему дня: «До тех пор, пока мы будем вести себя как язычники, Торжества Православия не будет. Торжество Православия будет тогда, когда мы станем христианами».

Затем владыка послал иподиакона в алтарь. Тот принес папку и коробочку. Когда он увидел их, вдруг сильно расплакался, как ребенок, и не мог остановить слёз. Начали читать указ о награждении протодиакона Бориса Голубина орденом. Владыка все время плакал, отвернувшись от народа. Протодиакон тоже.

Владыка всегда плакал во время рукоположения новых пастырей для Церкви (в это время нисходит на них обильная благодать нашего Утешителя – Духа Святого), казалось, владыка хотел омыть все предыдущие и последующие грехи малоподготовленных ставленников, чтобы ожило их сердце, согретое сострадательной любовью Господа, греющего и питающего Свою Церковь, чтобы еще один делатель вышел на обильную жатву, собирая потерянные души.

У одного ставленника он спросил перед рукоположением: «Чем отличается священник от актера?» И сам ответил: «Священник живет, а актер играет». Владыка говорил народу: «Священнослужитель должен непрестанно работать над собой, возделывать почву своего сердца, чтобы семя благодатных даров, полученных из церковной сокровищницы, дало добрые плоды, от которых он мог бы питаться сам, живя полноценной духовной жизнью, и питал бы своих пасомых. Если у священника нет этого труда, нет трезвения и молитвы, то он духовно засыхает и не имеет жизни в себе».

... "Верующие бегают из храма в храм в поисках истинного пастыря, а священникам нечего им дать: они потеряли благоговение перед престолом – перед жертвенником Любви Божией. Терния подавили пшеницу в их сердце, и они сами топчут робкие всходы веры в душах своих прихожан».

Во вторую неделю Великого Поста, в день памяти святителя Григория Паламы, после чтения евангельского отрывка об исцелении расслабленного, когда его друзья разобрали крышу, чтобы опустить его к ногам Иисуса Христа, владыка говорил о свойствах греха: «Грех заразителен, он расслабляет нашу волю. Мы сознаем, что делаем недолжное, порочное, но наша воля расслаблена, и мы грешим. Что же нам делать? Сейчас Пост, то есть воздержание. Сегодня день памяти Григория Паламы, учителя умной молитвы. Это простая молитва, которую можно повторять всегда и везде, призывая Господа. Это простая молитва, но она – опасная молитва. Злая сила нападает на нас через наше окружение, то есть через людей. Не они на нас нападают, но злая сила, вселившаяся в них. Но значит ли это, что мы должны оставить молитву? Если

мы оставим молитву, то грех будет прогрессировать, и мы будем заражать окружающих, уже не замечая этого».

Когда в Троице-Задвинском храме рукополагали Николая во диаконы, владыка сказал: «Священство – это не профессия, а крестоношение. Но, к сожалению, к нам приходят люди, желающие принять сан, с иными мыслями». Сказал, что в нашем инославном крае нам особенно надо думать об исповедании православной веры, то есть воздержании, непрестанной молитве, соблюдении церковного устава, ежедневном чтении Священного Писания. Когда Слово Божие станет нашим образом мыслей, тогда наше вероисповедание будет православным.

В четвертую неделю Поста после чтения евангельского отрывка: Сей род не может выйти иначе, как от молитвы и поста (Мк 9:29) владыка говорил: «Мы озлоблены, то есть дух злобы живет в нас. Это проявляется дома, в семье, на работе и здесь, в храме. Что нам делать? Род сей исходит молитвой и постом. Пост – внутреннее воздержание от зла, молитва – непрестанное освящение себя через призывание имени Господа Иисуса». Спросил: «Почему мало причастников? Может быть, за дверьми храма нас ждет смерть».

В шестую неделю Поста – Вход Господень в Иерусалим – владыка говорил: «Евреи приветствовали Христа как царя. Они ждали, что Он избавит их от внешнего гнета, от римского владычества. Но Он пришел не для этого. Он пришел, чтобы избавить их от власти греха. И вот мы празднуем праздник радостный и вместе скорбный. И мы ветвями, как древние евреи, встречаем Христа и восклицаем: "Осанна!"»

Когда мы приходим в храм, исповедуемся, причащаемся, то это наша "Осанна!" Христу. Но когда мы потом возвращаемся к нашей прежней порочной жизни, то этой жизнью мы говорим: "Распни Его, распни!"».

Потом владыка говорил о предстоящем юбилейном поместном Соборе (1000-летие крещения Руси), о прославлении новых святых. Он заплакал, когда перечислял их имена, и добавил: «Не все будут прославлены, но и они святые».

На второй день Пасхи вечером, на общегородском богослужении владыка в своем слове делал упор на внимании к своему сердцу. Нужно препятствовать злым мыслям переходить в злодеяния, стараться быть всегда в общении со Христом. Тогда сохранится пасхальная радость, и сердце наше, как у преподобного Серафима Саровского, всегда – и зимой и летом – будет петь: «Христос Воскресе!»

В Неделю о Фоме, говоря о затворенных дверях, которыми вошел Иисус Христос к Своим ученикам, владыка объяснял народу: «Затвори двери сердца своего от плоти, мира и дьявола. Да явится в сердце Христос Воскресший. Что значит затворить двери сердца? Это поведение – внутреннее и внешнее».

Говоря о Страшном Суде, владыка заметил: «Страшный Суд страшен для того, кто не может взглянуть в глаза Любви Божьей».

В Неделю пятую по Пятидесятнице, когда читается евангельский отрывок о гергесинских бесноватых, владыка начал проповедь так: «Мы все, возлюбленные, бесноватые. Это видно из того, что мы грешим. У нас слишком мало сил на добро, и слишком много сил на зло. Мы стремимся к греху и услаждаемся этим стремлением. Потом мы горько каемся, и хорошо еще, если горько».

В восьмую Неделю по Пятидесятнице после чтения отрывка из Евангелия от Матфея: Ученики, увидев Его, идущего по морю, встревожились и говорили: это призрак (Мф 14:26), владыка говорил в проповеди: «Есть люди, для которых нет Христа, и они не хотят Его знать. Есть люди, для которых Христос – это призрак. Надо очистить свое сердце, и тогда вы узнаете силу Христа. Дух действует в чистом сердце. Никто не может произнести плохое на Иисуса, если в нем говорит Дух Святой. И никто не может исповедать Иисуса Господом, как только в Духе Святом».

В Слове на Рождество Христово владыка отметил: «Мы любим добро, но мы любим и грех. Всякое стремление наше к добру есть стремление к Богу. Надо искать прикосновения к Богу. Но Господь заповедал нам всецелое обращение к Нему –

всем сердцем, всей душой и всей силой прилепляться к Нему. Без Бога в сердце нет покоя, сердце болит».

Незадолго до ухода владыки при встрече со мною он сказал, что, видимо, скоро уже его не будет.

Когда у него случился первый микроинсульт, он не владел правой рукой, была нарушена речь, но все равно он просил иподиакона Ивана Александровича приезжать утром в монастырь, в его покои, чтобы идти с ним в храм. Потом было ухудшение здоровья, владыка с большим трудом передвигался, причащался в нижнем храме, потому что там легче было идти по ступенькам вниз. В августе ему стало очень плохо. Болел. На праздник Преображения он всегда был в Пустыньке, но на этот раз не смог. Переживал. 8 сентября, в 9 часов вечера, у владыки опять был инсульт. В этот день его душа разлучилась с телом.

Иподиакон Иван Александрович Бородин рассказывал мне: «Перед смертью владыка меня долго не отпускал, крепко держал мою правую руку, лежа в постели, и так тихо говорил, что я усиленно прислушивался. Давал мне напутствие: "Живи с Богом и будь предан Ему». Дал устное завещание: "Я хотел бы, чтобы дом, где я жил в Асари, был тебе"". В этом доме был устроен домашний храм на втором этаже, где владыка любил молиться. Я тоже там бывал и в этот храм привез в дар владыке икону мученика Леонида, младенца, брошенного в огонь (икону написал архимандрит Зинов по моей просьбе). В этом храме часто сослужили владыке ныне покойный протодиакон Борис Голубкин, протоиерей Леонид Морозов, диакон Василий Санников, иподиакон Иван Александрович Бородин.

Отпевание владыки было совершено 11 сентября в соборе Рижского Свято-Троице-Сергиева монастыря при большом стечении верующих. Многие стояли на улице и через раскрытые двери слышали пение. Хор пел очень хорошо. Пришли на отпевание двенадцать семинаристов-католиков. Они встали полукругом в изголовьи владыки в черных сутанах и чистыми отрешенными голосами спели на латинском языке свои псалмы. Пели молитвенно, от сердца, в благоговейной тишине. Все

слушающие прослезились. Это был их дар владыке, которого они очень уважали и даже просили его преподавать в их семинарии. Владыка часто бывал на приемах в семинарии, приглашался на трапезу.

Чин отпевания был совершен архиепископом Курским и Белгородским Ювеналием в сослужении епископа Подольского Виктора и епископа Даугавпилсского Александра. Погребен владыка в Спасо-Преображенской пустыни под Елгавой, у алтаря Преображенского храма.

У владыки Леонида были удивительные отношения с духовником Пустыни архимандритом Таврионом. Всем было видно, какая у них взаимная искренняя любовь. Однажды на празднике Преображения Господня отец Таврион стоял в храме, как полагается перед архиереем, но владыка Леонид всячески старался уступить ему честь первенства на службе. Был такой момент. После чтения Евангелия владыка протянул руку в сторону отца Тавриона, что было знаком: «Скажите слово». Старец поклонился ему и протянул две руки, тем самым попросив, чтобы проповедь сказал владыка. Владыка улыбнулся только уголками губ и сказал слово. Всем стало ясно, что между ними были взаимная приязнь, почтение и любовь. И не случайно, что в Пустыньке они покоятся рядом.

Незадолго до кончины владыки моя сестра Раиса видела сон. Владыка стоял с ней рядом и вдруг стал очень высокого роста, у него был величественный вид. Сестра во сне думает: «Может быть, владыка патриархом станет?» Узнав о кончине владыки, она вспомнила и рассказала мне этот сон как знак, что он уже собирался перейти из этой жизни. А духовная дочь протоиерея Александра Меня, рижанка, побывавшая у него накануне его гибели, во время беседы услышала от него: «Когда владыка Леонид уйдет из жизни, вам всем будет очень трудно». Рассказывая об этом, она вспомнила, что удивилась этим словам. Оказалось, что он предсказал скорую кончину владыки.

Помню, как мне с горечью говорили некоторые клирики: «Как же мы не понимали, что у нас было такое сокровище. Мы считали, что так и должно быть. И только тогда, когда не стало владыки, мы поняли, кого мы потеряли».

Владыка Леонид был духовно одаренным архипастырем; одна из прихожанок сказала, что владыка даже стареет красиво: так светел и священнически благодатен был его лик.

После службы владыка обычно приглашал сослужащих ему к столу. Его стол был простым и скромным. Келейница монахиня Марфа подавала рыбу с картофелем, цветную капусту, которую любил владыка, щи, гречневую кашу. Келейнице владыки помогала монахиня Илария, которая в свое время готовила для владыкимученика Иоанна Поммера на его даче в Озолкальне.

Владыка Леонид утром никогда ничего не ел, даже если не служил. Возьмет кусочек антидора, выпьет святой воды. Любил выпить стакан черного кофе, в непостные дни со сливками. Кофе предпочитал молотый. В течение дня ел сухие фрукты – изюм, чернослив, курагу. В посту все это всегда стояло на столе. Вечером пил чай со свежими рогаликами. Он был настолько скромен в еде, что смущался, когда устраивали для него на приходах роскошные трапезы. Он говорил: «Я монах, и для меня картошки и винегрета достаточно. Зачем вы приготовили столько дорогих блюд?» Он еще говорил, что владыка не должен «объедать епархию».

В общении владыка всегда был очень скромен и доброжелателен. Как-то после исповеди в монастыре иподиакон, как обычно, позвал меня к нему на чай. Владыка вдруг встал из-за стола и кудато пошел; вскоре я услышал звон посуды и, обернувшись, увидел его, стоящего на коленях у буфета и выбирающего тарелку. Я быстро подошел, чтобы помочь. Но он мягко отклонил мою просьбу, сказав: «Нет, нет, я тоже должен послужить». Такое отношение к людям я видел и у владыки Антония Сурожского.

В один из дней рождения владыки я приехал в монастырь исповедовать сестер, так как я по его благословению был назначен духовником Рижского женского монастыря. Только после окончания исповеди я смог пойти к владыке. Его уже все поздравили, и вот я, наконец, присоединяюсь к поздравителям. Владыка был очень утомлен и на мое извинение о его утруждении очень тепло сказал: «Двери моего сердца всегда открыты вам».

По моим наблюдениям, владыка не жаловал наушничества. Если кого-то пытались очернить, то он спокойно говорил: «Весьма достойный человек, весьма». И, естественно, пристыженный наушник немедленно исчезал.

Владыка любил юмор. Шутил всегда с серьезным лицом. В один из осенних епархиальных объездов он обедал в нашем доме. Входя, он сказал моей сестре, встречавшей его с хлебом и солью: «Мамонтов не хочет меня кормить». На что сестра ответила: «Не беспокойтесь, владыка, Вас Моисеевы покормят».

Анастасия Ивановна Цветаева, зная владыку по моим рассказам, имела к нему глубокое уважение. Она передала ему через меня свои «Воспоминания» с теплой дарственной надписью.

Книгу он принял с искренней благодарностью, и она хранилась в его большой библиотеке. А меня благословил на духовное творчество. С того времени я стараюсь исполнять его завет. В вышедшей в Москве моей книге «Сердце пустыни» (2001) о трех старцах – схииеримандрите Косме (Смирнове), архимандрите Таврионе (Батозском), архимандрите Серафиме (Тяпочкине) отмечено это: «По благословению Высокопреосвященнейшего Леонида, митрополита Рижского и Латвийского».

Я знал, что Аркадий Райкин был одноклассником владыки, и они сохранили дружбу на всю жизнь. Иногда он приезжал на отдых к владыке. Однажды я спросил владыку: «Об Аркадии можно молиться?» Он ответил: «Можно».

Владыка Леонид был открыт людям всех конфессий. Он встречался не с конфессией, а с человеком, образом Божьим, который имеется в каждом из нас. Любил общаться с покойным кардиналом Вайводсом, лютеранским епископом Турсом. На официальных приемах у владыки были представители разных конфессий: католики, лютеране, баптисты, старообрядцы. Однажды на прием пришел раввин из хоральной еврейской синагоги. В то время приехал из Нью-Йорка старший раввин. Приглашая владыку, он сказал: «Меня и Вас ждут в синагоге».

Уполномоченный по делам религии, находившийся на приеме, заметил владыке: «Знаете, нет согласованности в том, чтобы Вы посетили синагогу». Но потом вдруг сказал переводчице: «Можете с Бородиным туда его привезти». Владыка приехал. В синагоге было много молящихся. Раввин говорил на английском языке, его слово переводили на русский. Владыка внимательно выслушал проповедь.

В 1989 году владыка Леонид принимал в Риге архиепископа парижского, кардинала Жана-Мари Люстиже. В 1978 году владыку посетил Святейший патриарх всея Грузии Блаженнейший Илия II. «Я прибыл к Вам как ученик к учителю», – сказал католикоспатриарх после торжественного молебна в Рижском кафедральном соборе.

Владыка поддерживал открытие в Латвии школ национальных меньшинств, в 1989 году послал поздравительную телеграмму директору Рижской еврейской школы в связи с ее открытием.

Апостол Павел в своем послании дал образ истинного архипастыря Церкви Христовой: Таков и должен быть у нас Первосвященник: святой, непричастный злу, непорочный, отделенный от грешников и превознесённый выше небес (Евр 7:26)

Владыка Леонид всей жизнью воплотил этот образ, с мужеством и любовью ради нас и нашего ради спасения пронес свой крест вечной жизни.

Творец жизни вечной

Однажды отец Серафим Шенрок попросил меня поисповедовать его. Я тогда был еще молодым священником и немного смутился тем, что он обратился ко мне, а не к старому, опытному священнику. Но он этим как бы говорил: «Я прихожу ко Христу, а ты – свидетель моего покаяния». Я был удивлен его смирением и мудростью. И потом, в последующие годы, общение его со мною продолжалось в том же духе смирения и кротости, глубокого доверия Духу Святому.

Этот дух смирения и любви ценили его духовные чада, он привлекал их к нему. Они видели, что отец Серафим никогда не возвышался над кем-то, а всегда был с человеком, с его душой.

«Пастырство, – говорил митрополит Антоний Сурожский, – не руководство, а ласковое, жертвенное служение».

Грех исповедника батюшка переживал как свой грех и таким образом исцелял душу кающегося человека. Он плакал с плачущим.

Батюшка был любим паствой и священниками. Все видели в нем пастыря, который всегда поможет, найдет время и силы, чтобы выслушать. А физических сил у о. Серафима было мало, он тяжело болел, с трудом передвигался, но, вопреки телесной немощи, он старался служить ближнему.

Общение со старцем Космой, духовником Рижской Спасо-Преображенской пустыни, его пример духовной жизни помогли о. Серафиму в пасторском служении. Однажды я попросил его рассказать мне о его общении с о. Космой.

По благословению митрополита Леонида, который хорошо знал и ценил о. Косму, я собирал материалы для жизнеописания старца. Как-то мы пришли вместе с о. Серафимом к владыке с просьбой записать на магнитофон его воспоминания о старце. Владыка сказал небольшое, но емкое слово о духовной обители, о его служении. А отец Серафим записал свои воспоминания и передал их мне. Это было 14 ноября 1988 года.

Отец Серафим, как и его духовник схиархимандрит Косма, был близок к Богу, был человеком молитвы. Он молился всем сердцем, всеми силами жизни, которые в нем были. Молитва в нем горела, жила. И проповеди он говорил не от мудрости человеческой, а из глубины горящего сердца. Поэтому они и зажигали сердца слушающих.

По христианскому радио в Риге отец Серафим провел несколько катехизических бесед о Символе веры. Редактор передач Борис Храмов попросил меня написать вступительный текст. К каждой передаче, а их было двенадцать, я посылал ему рукопись.

Когда я слушал эти передачи в Карсаве, меня радовало, что о. Серафим сумел так войти в дух написанного, что мои слова стали его словами. Он не читал текст как диктор, а говорил живо и одухотворенно.

Владыка Леонид любил отца Серафима и всю его семью. Сын Николай помогал владыке как иподиакон, а Иоанн был рукоположен во пресвитера и ныне служит в Церкви, продолжая дело своего отца. Сергей Николаевич, брат о. Серафима, всегда готовый на любую помощь, был шофером владыки. Отец Серафим и Сергей Николаевич и сейчас при владыке, ибо погребены, как и он, на кладбище Спасо-Преображенской пустыньки.

Недавно я посетил могилу отца Серафима. Это было поздним вечером, в храме преподобного Иоанна Лествичника совершалась вечерняя служба – как всегда, благоговейно и тихо.

Затеpliant свечи в храме, я принес их и поставил на могилы о. Серафима, владыки Леонида, игумении Магдалины и всех, кого знал. Когда я подходил к могилам и молча молился, возникло реальное присутствие тех, с кем я общался. Они телесно разлучились с нами, но здесь всегда живет их доступный дух. У Бога мертвых нет – все живые.

Вскоре после этого я навестил в Каугури больную матушку отца Серафима – Евгению Гавриловну, которую не видел много лет. Она исповедовалась и причастилась; а помогал мне Серафим – внук покойного батюшки. Встреча с юношей была

для меня большой радостью, ибо я в нем увидел достойного преемника батюшки. С детских лет он в Церкви, впитал ее дух, хорошо поет, читает, знает Священное Писание. Как мне поведал отец Серафим, еще будучи маленьким, внук говорил: «Хочу быть патриархом». Поэтому, встретившись с ним в прихожей, я пошутил: «Рад видеть Ваше Святейшество».

Серафим очень хорошо мне помог – и пел, и читал. А по завершении таинства ласково и тепло обратился ко мне: «Батюшка, я хотел бы подарить Вам что-нибудь от отца Серафима на память». Я не мог отвергнуть его святого пожелания и сказал, чтобы он выбрал сам. Серафим подарил мне маленькое требное Евангелие в окладе и скуфью батюшки. Это Евангелие ныне находится в алтаре храма преподобной Евфросинии Полоцкой, где я служу, и выносится на исповедальный аналой, всегда напоминая мне об о. Серафиме.

Батюшка был мужем скорбей. Много пришлось пережить ему: арест отца-священника, который сидел в лагерях до 1955 года «за сотрудничество с фашистами», материальную нужду, тяжелые болезни – свою и матушки.

В 1961 году в Ригу приехала министр культуры Советского Союза. Входя в зал заседаний, она услышала звон колоколов кафедрального собора, который находился недалеко от правительственного здания.

– Что это? В наши дни, в центре Риги?

Последовал приказ закрыть собор. То было время хрущевских гонений на Церковь. Собор велено было превратить в планетарий. Нужно было спасти ценный иконостас, иконы, все содержимое храма. Отец Серафим участвовал в этом. Он рассказывал со слезами, как разбирал престол. Батюшка стоял перед ним, как перед распятым Иисусом Христом, Которого нужно было снимать с Креста и уносить. Он встал на колени, плакал и молился, и с болью начал разбирать престол. Единственным утешением было то, что не рука кощунника – рука священника делала это.

Господь дал потом отцу Серафиму возможность потрудиться над возрождением храмов. Он отреставрировал Петропавловский храм в поселке Кемери, пять лет

восстанавливал полуразрушенный храм свв. Симеона и Анны в городе Елгава – творение великого архитектора Растрелли.

Но самым главным для него было творить жизнь – помогать людям придти к Богу, утвердиться в вере. В общении с ним люди преображались, потому что отец Серафим излучал свет и тепло. Возле холодной печки не греются, а к о. Серафиму тянулось много людей, и все они получали от него то, что жаждала их душа.

Он был поистине творцом жизни, жизни вечной. И это самое главное, что он совершил на земле.

К этим нескольким страницам мне хотелось бы приложить написанные отцом Серафимом воспоминания об схииархимандрите Косме. Они прекрасно передают характер обоих пастырей и их любовь.

«Я мало общался с архимандритом Космой, но знал его, когда он еще был иеромонахом Кириллом. О его скромности, смирении и доброте я много слышал еще во время служения его приходским священником.

По благословению архиерея я был послан в Пустыньку помочь о. архимандриту на праздник Крещения Господня. Я сослужил ему – ходил на колодец освящать воду великим освящением. Я почувствовал тогда – старец близок к Богу. Как тихо на душе, когда с ним молимся.

Я стал приезжать в Пустыньку к о. архимандриту. С какой любовью он принимал меня – всегда угощал, а прощаясь – совал"на дорожку». Мне казалось, что его любовь, доброта только на мне и сосредоточивались, так он был искренен.

Я с семьей одно время жил в очень большой нужде. И как? то в состоянии отчаяния решил:"Поеду к о. архимандриту на исповедь», но внутренне думал о другом:"Он даст мне? на дорожку?, что меня в настоящее время серьезно может поддержать». Приезжаю; меня все знали, пропустили к келье о. архимандрита. Стучу."Кто там?"Я говорю:"Отец Серафим к Вам, о. архимандрит». – «Я не принимаю». Я был удивлен. Он всегда так был со мною мил, так любезен, как будто я один у него избранник. Он знает, откуда я приехал, не сосед же я его. Не принял.

Я поехал назад с чувством невероятного душевного волнения, даже подумал: "Вот тебе и старец!" Только уже дома, придя в себя, порадовался происшедшему: старец прозорлив, он не допустил меня совершить грех – кощунство над исповедью.

Как?то в беседе о. архимандрит говорил мне, что он роптал, когда ему нужно много поминать имен. В монастыре очень большой помин. И он, было, к этому относился нерадиво – пропускал имена."И вот однажды, – рассказывал о. Косма, – я стал перед жертвенником, читаю поминания и вижу: рядом со мною стоит Ангел и все имена, которые я пропускал, произносит. С тех пор прочитываю каждое имя со страхом"".

14. XI-88 г. Протоиерей Серафим Шенрок

Родник любви

10 августа 1989 года я с моими друзьями приехал к отцу Павлу Груздеву в село

Верхне-Никульское Ярославской области.

Свернули не на ту дорогу и поэтому к храму шли через лесок, канавы с мостиком, через дворы.

Храм виден издалека. Еще совсем рано. Солнце поднимается, согревая утреннюю прохладу. Сердце радуется беспредельной дали, полям, лугам, вот этой проселочной дороге, которая – вверх, вниз – ведет к храму. Как свободно и легко дышать.

Рядом с большим белокаменным храмом Святой Троицы церковный домик, тоже

белокаменный. Одинокий каменщик занят своим делом. Глухой, не слышит, что спрашиваем.

Подходим к домику. Стучу и говорю: «Молитвами святых отец наших Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас».

Через некоторое время за дверью слышен мужской голос:

– Кто там?

Повторяю молитву.

– А! Сразу видно – монах.

Дверь открывается. Вижу приветливое, доброе лицо старца. Он невысокого роста, обут в валенки. На нем брюки, короткая мантия, скуфья. В очках. Чем-то похож на отца Иоанна Крестьянкина. Второй отец Иоанн.

Сразу же приглашает в келью.

– Заходи, заходи. Вот посмотри, как живу.

Вхожу в полумрак кельи. Батюшка сам белоснежный, весь светится. Вспоминаю притчу о блудном сыне. Вот так отец встречает сына, и в радости великой все сокровища отдает. Батюшка заводит в отгороженный уголок. Здесь он отдыхает, молится.

Отводит занавеску, за ней икона «Взыскание погибших», она чудотворная.

– Еще не время открывать, – говорит батюшка и опускает занавеску.

Без моих вопросов он сам начинает о себе рассказывать.

Одиннадцать лет был в ссылке. Видишь, от этого потерял зрение. И очки с толстыми линзами не помогают. Несколько операций сделано, но уже не исправить.

Видно – у него от этого большая печаль.

Рассматриваю келью, фотографии на стенке. Много знакомых лиц: Иоанн Кронштадтский, патриарх Тихон, ленинградский митрополит Никодим, а вот саровская юродивая Паша. Батюшка показывает на фотографию другой юродивой: «Моя Енька с куклами. Годов шесть как умерла. А жила вот здесь».

Он ведет меня в маленькую комнатку. В углу кровати и сейчас сидят две куклы.

– Это Евгении куклы. Теперь здесь спит Манька, моя помощница.

– Это святой человек был, – добавляет отец Павел. – Ее Паша Саровская куклой благословила.

Спрашиваю: – А в чем заключалось ее юродство?

– Евгения с куклами разговаривала как с людьми. Мы с ней по всем монастырям ездили. Были в Почаеве.

Идем в сторожку, где выпекают просфоры. Отец Павел месит тесто, ставит печати быстрым и ловким движением рук. Дело подходит к концу.

Он вынимает из печи большой чугунный котел с печеными овощами.

– Какое я тебе сейчас кушанье приготовлю, – говорит батюшка. – Шаквоен называется, ты такого никогда не ел.

Он ловкими быстрыми движениями прикручивает мясорубку к столу и начинает перемалывать содержимое чугушка. Пока готовится чудное кушанье, крутится мясорубка, батюшка поет:

На речке Обноре в прекрасной долине

Святая обитель смиренно стоит.

Она вспоминает минувшее время,

Она вспоминает прожитую даль.

Потом он поет «Дивный остров Валаам», перемешивая овощи в миске.

– Я пятьдесят лет священник, а монашествую всю жизнь, – прерывает отец Павел пение рассказом.

В детстве пришел я к своим теткам в монастырь, они все три были монашками. Евстолия – коровница, Ольга – иконописка, Елена – просфорница. Отцовой сестры.

В Афанасьевском Мологском женском монастыре жил с трех лет. Он стал для Павла вторым домом. В 1918 году туда приехал патриарх Тихон. Его тепло приняли.

Игуменья предложила гостю помыться в бане, туда пригласили и восьмилетнего, как его называли, Павёлку. Отец Павел вспоминал, как они друг другу терли спину.

Патриарх благословил послушника Павёлку носить подрясник, своими руками надел на него ремень и скуфейку, тем самым как бы дав ему свое святительское благословение на монашество.

Но монашеский постриг отец Павел принял только в 1962 году. Однако всю жизнь считал себя монахом. Своим ангелом он называл преподобного Павла Обнорского. Когда принял постриг, ангелом его стал святитель Павел, патриарх Константинопольский.

Много лет отец Павел провел в заключении, пострадал за веру. Были пытки, побои, голод и холод, издевательство урок. Урки его не любили за то, что работал хорошо. Один из них как? то нарисовал его портрет на стене как попа и написал: «Груздев – поп». Отец Павел не стал стирать, хотя хотелось. Подписал внизу: «Умный пишет на бумаге, а дурак на стенках».

В 1947 году он вышел из зоны, пробыв в ней 11 лет. Вернулся домой, на мологскую землю, устроился работать в «Заготсенпункт». О. Павел всегда говорил, что тюрьма научила его жить, развила в нем простые человеческие качества.

«Спасибо тюрьме!», – говорил он.

Потом начал служить в сельской глубинке в селе Верхне-Никульское. Прихожане сразу полюбили о. Павла за его любовь к людям, милосердие. В воскресные дни и в будни было многочисленное паломничество. Монахи и миряне шли к нему

за утешением и благословением, за советом, – как к великому старцу.

И днем и ночью служил он требы, никому не отказывал. Когда ночью будили его, вставал и шел в храм. Был щедр, всем помогал, даже птицам. По два ведра картошки варил для голодных грачей.

Когда причащал детей, всегда из алтаря выносил им яблоки, конфеты, печенье.

Идет по улице, ребятишек подзадоривает: «Ну?ка, наперегонки! Раз, два и бегом до храма!» Дети бегут с батюшкой, только пятки сверкают.

Стоит в храме на амвоне, говорит проповедь. Голос сердечный проникает до глубины души. И все чувствуют, что это отец, который их любит. На всех изливалась любовь его необыкновенная, каждый ощущал на себе его внимание.

От него, говорили люди, всегда едешь – как на крыльях. Твой внутренний мир совершенно изменился – праздник в душе, хочется жить.

Рядом с ним – как в космосе, вспоминал один священник.

...Однажды к батюшке приехал военный с мыслями о самоубийстве, так ему было тяжело. А батюшка видит, что человеку плохо, но ни о чем не расспрашивает, поит чаем, что? то расскажет, пошутит, по плечу похлопает. И вот этот человек посидел с батюшкой – и тот среди шуток, каких-то рассказов, баек ответил на все те жизненные вопросы, с какими он к нему приехал. И обратно возвращался совсем другой человек – все понятно, как жить, и блеск в глазах, и прилив мира душевного.

Батюшка молился всей душой. Его молитва была из самого сердца.

Я помню, как в алтаре стоял с ним у престола. После освящения Святых Даров о. Павел, получив записку помолиться о здравии, наклонился и, смотря на Святые Дары, просил попростому, как своего отца: «Господи, помоги Сереже, у него что? то с семьей... И этому помоги, и этому. Господи! Молитвами праведников помилуй грешников». Обращаясь к Господу, он говорил с Ним так, как будто перед ним стоял человек.

Когда его спрашивали люди, как надо молиться, он говорил им: «Как умеешь, так и молись».

Отец Павел был очень жизнерадостный, несмотря на то, что время было очень трудное. Он сохранил ту радость, которую может дать только вера в Бога. Вера дала ему силы преодолеть и гонения, и лишения, и болезни, которые его посещали.

В течение всей жизни он бережно собирал духовную поэзию, сказания и предания, пословицы, поговорки, загадки, прибаутки – собирал по крупицам народную мудрость, которую и положил в основание своей веры. «Где родился, там и пригодился, а умру, от вас не уйду». «День трудись, а ночь молись».

Художественная одаренность чувствовалась в каждом слове батюшки – он был художником в душе. С виду простая речь, но каждое слово – образ, да не в бровь, а в глаз. «Не ищи красоты, а ищи доброты».

Под старость, когда стал немного полнеть, шутил: «Был я конек, а теперь горбунок».

У о. Павла была тяга к поэзии. Он писал стихи для детей, короткие и длинные.

Прокричал быку цыпленок: –

Ты не бойся, я не трону.

Я дружить с тобой хочу, Кукарекать научу!

Вместе с владыкой Никодимом (Ротовым), когда тот был ярославским архиереем, сочинил «Акафист самовару»:

Радуйся, самоварче-варче, монашеский угодниче!

Радуйся, крепким чаем,

в тебе вскипяченным,

монашеские сердца увеселяющий!

Батюшка прикидывался «стариком-дураком». Возьмет, да пропоет «хулиганскую» частушку во время чинной застольной беседы. Бывало, тут и архиереи, и священники сидят, а он такое выдает.

Особенность подвижничества о. Павла в том, что он юродствовал. Юродство было его глубокой оппозицией по отношению к действующей власти и одновременно его защитой: «Если я юродствовать не буду, меня опять посадят». Об это

юродство Христа ради разбивались и доносы, и наветы, и проверки властей, и даже указы архиереев.

Как-то ярославский владыка, наслышанный об о. Павле, решил перевести его из отдаленного сельского района к себе поближе – в Федоровский кафедральный собор. Расчет был материальный. К батюшке приезжало много народа, он был поистине старец всея Руси. Но отца Павла не перехитришь.

К приезду архиерея в Верхне-Никульское старец облачился в такую рвань, что смотреть стыдно, и пошел чистить отхожее место.

Приезжает владыка, а от отца Павла запах – не фимиама, и вид соответственный.

– Да зачем мне эта деревенщина! – решил архиерей. И уехал восвояси.

А батюшка говорит: «Сиди лягушка в луже – не было бы хуже! Подальше от царей – голова целей!» И добавил шутливо: «Поближе к кухне, где сытней».

Сама эпоха располагала к иносказательной речи. Когда нельзя говорить правду, приходится говорить притчами.

Юродствуя, он прикрывал свою святость. Он порою выражался грубовато, но жил и верил возвышенно.

Возвышенное состояние его души очень чувствовалось и передавалось людям даже тогда, когда батюшка не утешал, а, наоборот, обличал и бранил. Отругает тебя последними словами и в то же время возвысит. «Не знаем, как это у него получалось, – говорили люди. – И не обидно и на душе светло».

Он в любом человеке ценил прежде всего доброе сердце, а в женщине – особенно.

Батюшка мечтал в Верхне-Никульском «монастырек» создать, как в Мологе – женский.

– Наберем девок-дурочек человек двадцать, – говорил он.

– Батюшка, а почему дурочек?

– Да умные все разбегутся!

Отец Павел имел дар прозорливости, т. е. он умел слышать, что ему сказал Господь.

Молодой человек собирался в армию. Однажды придя в сельскую баню, о. Павел увидел его. Узнав, что он не крещен,

батюшка решает крестить его здесь, не откладывая на завтра. А на другой день этот парень внезапно умирает.

Постепенно о. Павел начал угасать физически. Свою кончину предсказал.

Отказали почки. Лежал в реанимационном отделении. Настоятель собора со вторым священником его причастили. Успокоился. Позже пособоровали.

Второй раз причастили в час ночи 13 января 1996 года. Он был без сознания, но принял все. В палате было благоухание.

А в 10 часов 10 минут батюшка умер. Его отпевали 38 священников и 7 диаконов во главе с владыкой Михаилом.

Лежал в простом свежеструганном гробу. От гроба такая свежесть исходила как в сосновом лесу.

Похороны были в день празднования преподобного Серафима Саровского, которого он очень почитал, – 15 января 1996 года.

Похоронили отца Павла на Леонтьевском кладбище. Лег в тесной оградке рядом с отцом и матерью.

13 января 2005 года, спустя 9 лет со дня кончины, после вечерни прихожане Леонтьевского храма в Тутаеве пошли вместе со священником на могилу о. Павла.

Идут на кладбище – тьма, приходят, а у батюшки светлым-светло. А черный мраморный крест на могиле благоухал. Это благоухание отличалось от запаха ладана при каждении на литии.

Все присутствующие ощутили необычность происходящего.

Отец Павел имел божественный дар веры и любви. Это была светящаяся в движениях, взгляде, тихом слове, делах – любовь.

Он был родником любви, который никогда не иссякнет, к которому шли и будут всегда идти все, кто был с ним.

– Умру, а от вас не уйду. Никогда. – Так сказал он всем людям.

Вместо послесловия

Есть в Латвии маленький городок – Карсава, а в ней – Свято-Евфросиньевский православный храм, куда стремятся люди со всех концов земли. Там уже 25 лет служит архимандрит Виктор (Мамонтов) – священник с добрыми, по-детски чистыми, глазами и мягкой улыбкой, которую трудно забыть.

Когда батюшка с кем-то говорит, то всецело принадлежит этому человеку, служа ему своим участием, любовью. Часто он повторяет в своих проповедях: «Не важно, какое место ты занимаешь в жизни, но важно, какая у тебя душа. Светишь ли ты миру, свидетельствуешь своей жизнью о свете Христовом или только коптишь небо?»

Сам храм, непривычной для Латгалии архитектуры, похож на древние северные деревянные храмы XIV-XV веков, с куполом, крытым осиновым лемехом. Наружные стены храма – цвета старого меда. Интерьер храма тоже необычен, в нем все деревянное: стены из тесаных бревен, резные колонны, резной свечной столик, такие же аналои, дубовые скамьи вдоль стен, пол из некрашенных досок. Удивительная дверь с коваными навесами и такими же дверными ручками. Очень красива кованая дверная решетка у внутренней двери, кованые узорчатые оконные решетки и подсвечники работы псковских мастеров. Среди них известный Всеволод Петрович Смирнов, выковавший крест на могилу Анны Ахматовой на Комаровском кладбище под Санкт-Петербургом. В алтаре Карсавского храма находятся необычные кружевные фарфоровые лампы работы дочери В. П. Смирнова, Лидии. Во всем убранстве храма чувствуется вкус рачительного хозяина, заботящегося о красоте и удобстве Дома Божьего.

Когда о. Виктора прислали служить в Карсаву, храм был очень бедным, запущенным, нуждался в срочной реставрации и капитальном ремонте. Не было колоколов. Колокол заменял стальной рельс. В иконостасе – сплошь бумажные иконы, стены, потолок, пол выкрашены масляной краской, душно.

В 1985 году батюшка Виктор начал обновление храма. Заново устроили алтарь: прежний был ветхий, с дырами и щелями. На помощь приехали резчики по дереву из Пскова и местный умелец Владимир Ткаченко. Был построен купол, покрытый серебристым лемехом из осины, колокольня. Церковь очистили от краски, сняли со стен фанеру. Храм задышал.

В Карсавском храме необычный иконостас (ведь храм – это бывший дом священника, приспособленный под церковь). Иконостас ставили москвичи во главе с мастером на все руки Ильей Кручининым – иконописцем, резчиком по дереву. Он вырезал тябло, его ученики писали иконы. Все время работы жили тайно на хуторе у старосты Пудинавского храма, спали на сеновале. Иконы устанавливали по ночам, избегая излишнего любопытства. Иконы среднего ряда писал известный иконописец, лауреат Государственной премии архимандрит Зинон (Теодор). Так появился Спас Нерукотворный, а в верхнем ряду – иконы Спасителя и Иоанна Крестителя. В 2004 году архимандрит Зинон подарил храму икону Воскресения Христова с пеленами. За неполных три года икону так зацеловали, что в одном месте позолота сошла, и теперь, как шутит отец Виктор, в приходе появилось много златоустов.

Батюшка собственным примером воспитывает своих чад в духовной свободе, говоря, что их жизнь не зависит ни от правителей, ни от священника, а только от Бога. Он любит повторять, что все надо делать с рассуждением. В храме сложилась традиция народного пения; нет ни платного псаломщика, ни платного хора. Все поют всю службу от начала до конца.

Батюшка служит вместе с народом, приехавшим к нему, постепенно и словом, и делом вовлекая всех в службу. Многие, приезжающие впервые, говорят: «Как домой приехали». И сразу вливаются в церковную жизнь, с радостью несут послушания. Батюшка не командует, но со вниманием руководит своими духовными чадами, без попраiania их духовной свободы, оберегая их души от соблазнов жестокого мира.

Карсавский приход связан со многими приходами Латвии, России, Канады, Америки и других стран. Венгры-католики,

посетившие Карсавский храм, сказали: «Царствие Небесное начинается здесь!» Однажды польские православные паломники, проезжавшие мимо Карсавы, остановились у храма, усталые и голодные. Их приняли, накормили, напоили, и вместе с ними – русскую монахиню, которую они подвозили. Пораженные приемом, беседой с батюшкой, они счастливые уходили к автобусу, а монахиня сказала: «Вот как батюшка людей на крылья ставит».

Архимандрит Виктор отдает все свои силы, чтобы помочь людям стать людьми истинной крепкой веры. Карсавский храм привлекает тем, что здесь царит дух любви и служения друг другу. Батюшка говорит, что Церковь – это живой организм, вселенская духовная семья, пребывающая в разных местах, но имеющая единый дух.

Одна паломница из Москвы, побывав в Карсаве, написала: «Батюшка, даже будучи далеко от нас, сближает нас, делает ближе и роднее друг другу».

Евгения Скуратова, прихожанка Карсавского храма преподобной Евфросинии Полоцкой

Примечания

Первый раздел настоящего издания составляют жизнеописания архимандрита Тавриона (Батозского), схиархимандрита Космы (Смирнова) и архимандрита Серафима (Тяпочкина). Отдельным изданием тексты опубликованы в книге: Архим. Виктор (Мамонтов). Сердце Пустыни. М.: Изд-во Свято-Филаретовского Православно-Христианского Института, 2001.

Во второй раздел вошли доклады и сообщения архимандрита Виктора (Мамонтова) богословского характера, сделанные им в основном на различных научных и научно-богословских конференциях.

Иисус Христос – исполнитель закона и пророков – Расшифровка предварительно записанного выступления архимандрита Виктора (Мамонтова) на III Библейских Чтениях памяти о. Александра Меня «Христос – исполнение Закона и Пророков». Москва, 10–11 мая 2007 г. Публикуется впервые.

Таинство свободы – Расшифровка предварительно записанного выступления архимандрита Виктора (Мамонтова) на Международной научно-богословской конференции «Свобода – дар Духа и призвание в Церкви и обществе». Москва, 16–17 августа 2006 г. Публикуется впервые.

Личность как диалог – Опубликовано в книге: Вера – диалог – общение: проблемы диалога церкви и общества: Памяти С. С. Аверинцева: Материалы Международной научно-богословской конференции (Москва, 29 сентября – 1 октября 2004 г.). М., 2005.

Молитва как диалог – Опубликовано в книге: Вера – диалог – общение: проблемы диалога в церкви: Материалы Международной научно-богословской конференции (Москва, 24–26 сентября 2003 г.). М., 2004.

Об истинном и ложном в предании Церкви – Опубликовано в книге: Живое предание: Сб. докладов. М.: Изд-во Св. – Филаретовской МВПХШ, 1999.

Приход в Церкви- Опубликовано в книге: Приход в Православной церкви: Материалы Международной

богословской конференции (Москва, октябрь 1994 г.). М., 2000.

Таинство общения – Опубликовано в книге: Духовные движения в народе Божьем. История и современность. М.: Изд-во Св. – Филаретовской МВПХШ, 2003.

Язык аскезы – Опубликовано в книге: Язык Церкви. М.: Изд-во Св. – Филаретовской МВПХШ, 2002.

Ересь жизни- Опубликовано в книге: Память и беспамятство в церкви и обществе: итоги XX века. М.: Свято-Филаретовский Православно-Христианский институт, 2004.

Миссия православного прихода-общины – Опубликовано в журнале: Православная община. 1996. № 6 (36).

О евхаристическом возрождении – Опубликовано в альманахе: Христианос. № 3. Рига, 1994.

Подвиг ученичества – Опубликовано в книге: Предание Церкви и предание Школы. М.: Изд-во Св. – Филаретовской МВПХШ, 2002.

Таинство миротворения- Опубликовано в книге: О мирном и непримиримом противостоянии злу в церкви и обществе. М.: СФИ, 2006.

Тайна умаления – Опубликовано в книге: Личность в церкви и обществе: Материалы конференции. М.: Изд-во Св. – Филаретовской МВПХШ, 2003.

В третий раздел книги вошли некоторые из многочисленных газетных и журнальных публикаций автора в основном проповеднического и апологетического характера.

Бог – Опубликовано в газете: Лудзас земе. 2006. 28 марта.

Человек – Опубликовано в газете: Лудзас земе. 2006. 15 мая.

Вера в человека – Опубликовано в газете: Неделя в Резекне. 1996. 22 ноября.

Храни образ Божий- Опубликовано в рижской газете: Советская молодежь. 1990. 22 марта.

«Боже, благослови Латвию!» – Опубликовано в альманахе: Христианос. № 1. Рига, 1991.

О клонировании человека – Опубликовано в газете: Лудзас земе. 2005. 20 апреля.

О сквернословии – Опубликовано в газете: Лудзас земе. 2004. 18 мая.

Пост – это мост – Опубликовано в газете: Лудзас земе. 2007. 6 марта.

И старость – радость – Опубликовано в газете: Лудзас земе. 2002. 1 марта.

В четвертый раздел книги вошли записи некоторых бесед архимандрита Виктора как с отдельными лицами, так и с большими группами людей.

Что такое гордость? – Опубликовано в газете: Неделя в Резекне. 2000. 8 сентября.

Помогая ребенку, начните с себя – Опубликовано в газете: Неделя в Резекне. 2004. 21 января.

Христианин не может быть одиночкой – Опубликовано в альманахе: Христианос. № 6. Рига, 1997.

О литургическом возрождении – Опубликовано в альманахе: Христианос. № 1. Рига, 1991.

«Святость не имеет границ...» – Публикуется впервые.

Пятый раздел книги составляют воспоминания автора о встречах с различными выдающимися людьми.

Тихий свет – Публикуется впервые.

Горит, горит ее звезда – Опубликовано в журнале: Культурно-просветительская работа. Встреча. 2004. № 9.

«Быть человеком важнее...» – Опубликовано в альманахе: Христианос. № 3. Рига, 1994.

Языком сердца – Опубликовано в журнале: Вестник Русского Христианского Движения. Париж-Нью-Йорк-Москва. 2004. № 188.

Пастырь любви – Опубликовано в журнале: Культурнопросветительская работа. Встреча. 2005. № 9.

Душа «Дома поэта» – Публикуется впервые.

Таков нам подобает Архиерей... – Опубликовано в журнале: Культурно-просветительская работа. Встреча. 2006. № 7.

Творец Жизни Вечной- Публикуется впервые.

Родник любви – Опубликовано в журнале: Культурнопросветительская работа. Встреча. 2007. № 10.

Вместо послесловия – полностью опубликовано под названием «Пастырь добрый» в газете Лудзас Земе. 2007. 5 апреля.

Вместо послесловия – полностью опубликовано под названием «Пастырь добрый» в газете Лудзас Земе. 2007. 5 апреля.

Примечания

¹ - В советское время за каждым священником был строжайший надзор: любое научение прихожан основам веры, проповедь на церковные темы были запрещены. – Прим. изд.

² - Ныне – г. Елгава. – Прим. изд.

³ - Монахини Варвара и Вероника были убиты в 1983 году.

⁴ - Это слово требует уточнения, потому что сейчас у нас обновленцами называют чуть ли не половину православных священнослужителей, забывая, что грех обновленчества не в том, что они пошли на сотрудничество с безбожной властью, считая, что советская власть воплощает идеалы Евангелия в жизнь лучше, чем патриаршая церковь, а в том, что они устроили раскол. – Прим. архим. Виктора.

⁵ - Инициированный советской властью Архиерейский собор в 1961 году вынужден был принять новое положение об управлении приходом, которое давало возможность властям контролировать приходскую жизнь. – Прим. изд.

⁶ - Об известном «Зоином стоянии» см. напр.: Белгородский старец архимандрит Серафим (Тяпочкин). Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1998. С. 21–32. – Прим. изд.

⁷ - Так называли последователей не принимавшего советскую власть патриарха Тихона. – Прим. изд.

⁸ - Как?то я подарил своей крестной матери Анастасии Ивановне Цветаевой одну из лучших фотографий о. Серафима, сделанную Владимиром Пархоменко, тогда еще малоизвестную. Взглянув на нее, она сразу же приняла в сердце старца, он стал ей духовно родным своим страданием и любовью, которые она увидела в его лице. Эта фотография всегда находилась в ее рукописном молитвослове, а в Доме творчества писателей в Переделкино, куда Анастасия Ивановна иногда уединялась для работы, я увидел это фото на ее письменном столе. В жизни они не встретились, Анастасии Ивановне оказалось достаточно смотреть на образ старца. – Прим. архим. Виктора.

⁹ - Это был не первый его уход, он неоднократно умирал и возвращался к жизни. В 1933 году, по рассказу старшей дочери батюшки, Нины, во время отпевания супруги о. Димитрий лишился чувств, дыхание его прекратилось. Его отнесли в дом и в суете забыли. Уехали на кладбище. Вскоре он тоже появился там. – Прим. архим. Виктора.

¹⁰ - Позже я прочел у архимандрита Серафима (Батюгова): «Вне устава – когти дьявола». – Прим. архим. Виктора.

¹¹ - Т. е. – станем прямо, будем внимательны! – Прим. изд.

¹² - Преп. Силуан Афонский. Псалмы и молитвы. М.: Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа, 2000. С. 96.

¹³ - Ныне канонизированный Русской Православной Церковью.

¹⁴ - В Синодальном переводе этот стих звучит так: Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже! (Пс 41:2). – Прим. изд.

¹⁵ - Между республиками бывшего СССР. – Прим. изд.

¹⁶ - Речь идет о Свято-Успенском Почаевском монастыре. – Прим. изд.

¹⁷ - То есть отправляли на принудительные сельскохозяйственные работы. – Прим. изд.

¹⁸ - Вера Ивановна Томашицкая, многолетний ярый гонитель церкви в г. Кар- сава, в конце 1990-х годов прошла катехизацию, была крещена о. Виктором и стала «апостолом» города. Ее живое свидетельство помогло многим преодолеть страх и инерцию и войти в Церковь. Мирно скончалась в 2003 году. – Прим. изд.

¹⁹ - Ныне архиепископ Иоанн Поммер прославлен Церковью как священно- мученик. – Прим. Изд.